

FEDOR VEPI

ШАХМАТНАЯ ДОСКА РОБОТОВ

Работа судей невозможно подкупить, для него не играют роли ни жадность, ни сострадание. Он знает лишь закон. И действует в соответствии с ним.

2017

Робота-судью невозможно подкупить, для него не играет роли человеческий фактор, жалость, сопереживание. Он знает лишь закон и действует в соответствии с ним. Он не приспособлен ни для чего кроме юриспруденции. Но там ему нет равных. Как и роботу-адвокату. Система исключает возможность ошибки. Залы судебных заседаний становятся полем боя искусственных интеллектов. Корпорация Justice-Tech, прикрываясь успешными результатами внедрения роботов в правосудие, стремится роботизировать полицию, политиков, армию.

Профессия юриста близится к исчезновению. Последние люди-адвокаты бесповоротно проигрывают конкуренцию со стороны машин. Наиболее успешный из юристов, Лэндон Донован, понимает, что его жизни угрожает опасность. Он начинает опасную игру в надежде узнать истину: кто стоит за роботами...

12 апреля 2017 года.

02:34.

На обочине стоял старый чёрный фургон. Изредка по дороге проезжали одинокие автомобили, освещая фургон светом фар. В такие моменты единственное, что можно было мельком увидеть сквозь тонированные стёкла окон — это две руки в кожаных перчатках, сжимающие руль. Сам водитель отклонился на спинку кресла, сильно отодвинутого назад. Он был одет в тёмный плащ, под которым проглядывалась серая рубашка, голову прикрывала старомодная шляпа.

— Скверно выглядишь, Тим, — не поворачиваясь, проговорил он.

Второй мужчина сидел сзади. На вид он был похож на жителя захолустья, какими их изображают в кино. Коричневая клетчатая рубашка, закатанная по локти, джинсы, синяя кепка, из-под которой выбивались грязные спутанные волосы. На лице — густая растительность.

— Неделя была тяжелая.

— Сегодня расслабишься.

— Да. Проведу вечер в удовольствие. Мне, как, наверное, пора?

— Да, можно начинать.

— Я пойду.

— Хорошо. Где оставить машину?

— Сможешь припарковать её на заднем дворе у бара?

— Без проблем.

Боковая дверь отодвинулась в сторону, Тим поправил кепку и собрался выходить, но водитель окликнул его.

— Да? Что ещё? — спросил Тим, одной ногой ступив на дорогу.

— Это будет первый раз после долгого перерыва, ты не растерял навыки?

— Ты что, я готов заниматься этим хоть каждый день, да по несколько раз. Это приносит смысл в мою жизнь, а если я ещё тем самым и помогаю кому-то, так вообще чудесно. Бог нас понимает.

— Правила те же. Поймают — сдавайся. Не раскрывай имена, и мы вытащим тебя оттуда. Следуй нашему плану.

Тим вышел, направившись в сторону бара «Дикая Бабочка». У входа стояла компания из нескольких человек, они курили и громко разговаривали, их смех разносился по всей округе. Тим мельком бросил на них взгляд и зашёл внутрь.

Фургон включил фары и завёлся. Мотор издавал негромкий стук. Песок захрустел под колесами, машина выехала на дорогу и медленно поехала вперёд. Спустя некоторое время фургон вернулся к бару, но подъехал с задней стороны здания. Здесь была парковка для нескольких автомобилей, но сегодня она пустовала. Водитель остановился, выключил фары, заглушил мотор. В ближайшей округе никого не было.

Он вышел на улицу, оставив ключи в замке зажигания, и захлопнул за собой дверь. Из внутреннего кармана плаща он извлёк нечто. Мгновение спустя огонь металлической зажигалки Zippo вырвал из темноты смутные очертания его лица, слегка прикрытого

шляпой. Огонь погас, в стороны расплылся густой дым из подкуренной сигары. Он глубоко затаился. Его взгляд на секунду остановился на старой камере наблюдения, которая выглядывала из-под козырька над дверью чёрного хода. Он выпустил клубы дыма, сжал сигару зубами, засунул руки в карманы плаща и неспешно пошёл прочь, вскоре растворившись в темноте.

30 декабря 2022 года

Вечер. Хлопья снега опускались на землю. Яркий свет фонарей освещал улицу. Был поздний час. Дорога свободна, машины проезжали по ней лишь изредка. Грязный снег, вперемешку с песком и растаявшей водой образовывал жидкое месиво под ногами. Человек сорок стояло на единственной автобусной остановке в этом маленьком городе, мужчины и женщины. Все одного возраста за исключением одной старой женщины с маленькой девочкой лет десяти. Неподвижно, молча, они все ждали последнего на сегодня рейса, который должен был увезти их в каком-то направлении. Никто из них не переговаривался. Они даже не двигались, лишь стояли и ждали, а их взгляды были пустыми и отстранёнными. Снег падал на их головы, от тепла тел таял и каплями стекал по лицам, но никто не обращал на это внимание. Тишина сковывала улицу.

На противоположной стороне дороги дрожал от холода мужчина, минуту назад быстрым шагом вышедший из переулка между домами, но, увидев впереди людей, остановился. Он оглядывался назад в переулок, но там никого не было. Пронзительный ветер безжалостно трепал полы его осеннего плаща и норовил сорвать с головы шляпу.

Мужчина достал телефон. Пальцы дубели от холода. С трудом он набрал нужный номер. Пошли гудки.

— Здравствуйте, оператор слушает вас, — приятный женский голос раздался на том конце линии.

— Это Киран Свифт, мне нужен Майкл Стибер.

— Мистер Свифт, мистера Стибера нет на месте.

— Переведите на личный номер, он указал, чтобы я передал, что это Свифт, и вы немедленно с ним соедините.

— Вероятно, вы неправильно истолковали его слова. Это невозможно. Что ему передать?

Мужчина не сказал ничего в ответ, вновь оглянувшись в переулок, а затем переведя свой взгляд на толпу людей на остановке. Те словно не замечали его, или делали вид, что не замечают.

— Мистер Стибер недоступен, — повторила женщина-оператор, — система не может определить место вашего звонка. Откуда вы звоните, мистер Свифт?

Девочка на остановке медленно повернула голову в его сторону. Взгляд был пронзительным и ядовитым. Тишину нарушил какой-то писк вдалеке, подобный тому, что издают старые банкоматы.

— Где вы сейчас находитесь, мистер Свифт? — настойчиво повторила оператор, — ваше сообщение как-то связано со Стефаном Серафимом?

Он бросил трубку. Огляделся по сторонам.

— Чёрт, они и до него добрались, — он сплюнул на снег и заметил, что слюна была с

кровью.

Пальцы разжали телефон и тот упал в грязь под ногами. Свифт сделал несколько неуверенных шагов, споткнулся и остановился, покачиваясь из стороны в сторону, пытаясь удержать равновесие. Постоял несколько секунд, и, пошатнувшись, упал. Люди на остановке одновременно, как солдаты на марше, повернули головы в его сторону. Судороги прошлись по телу Свифта. Он принялся хватать ртом воздух, словно задыхаясь. Тихое и сиплое: «Помогите» было слышно в абсолютной тишине, властвующей на этой улице. Люди внимательно смотрели на лежащего, но никто не сдвинулся с места. Лица были безразличны, не выражали никаких эмоций.

Мужчина забился в припадке. Его руки и ноги дергались, словно не были подконтрольны.

— Помогите, — сказанное было сложно разобрать, язык его не слушался.

Люди отвернули головы, принявшись смотреть перед собой, как ранее. Девочка продолжала наблюдать за мужчиной, но, когда он перестал двигаться, отвернулась и она.

Вдали показался свет от фар. На улицу повернул автобус. Ехал медленно, словно никуда не торопился. Приблизившись, он объехал лежащее на дороге тело и остановился возле остановки. Люди зашли внутрь, медленно, друг за другом, не торопясь и не толкаясь. Никто из них более не посмотрел на Кирана Свифта.

Автобус тронулся и вскоре скрылся за поворотом. Улица осталась безлюдна.

На бездыханное тело падал снег.

Часть первая. Юриспруденция для роботов

22 мая 2023 года

— Заседание окончено, — самый, что есть обычный человеческий голос раздался из динамиков на шее робота-судьи, — объявляю перерыв до четверга.

Все присутствующие в зале встали. Робот-судья поднялся со своего места. В руках он держал массивную стопку документов. Передвигался он практически естественно, но, если быть внимательным, можно услышать тихое жужжание механизмов. Пройдя мимо всех присутствующих, он вышел из зала. За ним последовали двое полицейских.

Мой клиент, Борис Джокович, бизнесмен с сербскими корнями, седовласый мужчина невысокого роста в дорогом костюме, с дорогими часами, и с высокими требованиями, перевёл свой взгляд на меня. На его висках проступили капли пота, которые он вытер платком. Он нервничал. В моих глазах он искал подтверждение, что всё идёт по плану.

— Они не найдут доказательства за это время. Бумаги подписаны, они знали на что соглашаются, — сказал я, выйдя из-за стола, пропуская клиента вперёд.

— Из ваших уст звучит убедительно, мистер Донован, но у меня плохое предчувствие, словно эта дьявольская машина сумеет найти лазейку.

— Можете не волноваться, роботы мыслить нестандартно не способны. Из них получается отличная база данных, но этого мало, чтобы быть хорошим юристом. И более того, я не оставлю им никакой лазейки.

— Поэтому я и пользуюсь вашими услугами, мистер Донован, а не робота-адвоката.

Мы вышли из здания суда на улицу. Стоял солнечный весенний день, дул лёгкий ветер, в одном пиджаке становилось немного прохладно.

— До встречи, мистер Джокович, я позвоню вам на днях, как только разработаю план нашей стратегии на следующее заседание.

— Я на вас полагаюсь, — поджав губы, проговорил он и сразу пошёл к своему лимузину, припаркованному у дороги. Водитель открыл перед ним пассажирскую дверь. Мой клиент ещё раз взглянул на меня перед тем, как машина тронулась, и кивнул.

Я начал спускаться по ступеням и увидел, что внизу меня ждёт мой оппонент в судебном деле — представитель противоположной стороны.

— Позвольте, я пожму вашу руку, мистер Донован, — голос робота-адвоката был наполнен интонациями и паузами. Складывалось впечатление, что разговариваешь с настоящим живым человеком, — вы сегодня были на высоте, но это не значит, что я отдам вам победу. Мой подзащитный прав по всем статьям закона.

— Сегодня ты этого не доказал, — я не испытывал ни капли уважения к куску железа вперемешку с пластиком. Пускай он и обладал чем-то, отдалённо напоминающим разум.

— Но и наш процесс сегодня не закончился, мистер Донован. За эту неделю мы найдем доказательства и свидетеля. Этого будет достаточно, и, если преподнести в правильном свете... Судьи Верховного Суда в прошлом году довольно четко дали толкование интересующей нас статьи, как следует её понимать. И в следующий раз я докажу наличие в деле всех установленных ими в комментарии к закону критериев.

Я засмеялся.

— Зачем тебе их толкование, если ты всё равно не понимаешь, что же они имеют в

виду. Тебе просто вбили в память эту информацию, запрограммировали, чтобы ты её повторял, и наименовали юристом.

— Мы с Вами более похожи, чем Вы желаете принять. Вы тоже запрограммировали себе понимание законов в мозг. Разница только — в моем больше информации вмещается. А Ваши эмоции и несдержанность не помешают вам в зале суда, я надеюсь.

— Сомневаюсь в твоей способности надеяться, — я два раза хлопнул его по жёсткому металлическому плечу и пошёл к своему автомобилю.

— До свидания, мистер Донован, — донеслось мне вслед.

— До свидания, мистер робот, — ответил я, не оборачиваясь.

Я был одним из лучших людей-адвокатов. Профессия юриста была семейным ремеслом, начиная от моего деда. Сейчас мне сорок пять лет, и я уже давно сделал себе успешную карьеру. Мне нравились судебные процессы, в которых моими оппонентами были люди. Со многими я поддерживал приятельские отношения вне зала суда, а на заседаниях мы схлестывались, ярые фанатики своего дела. Это была битва умов, битва мэтров, в которой стороны соревновались на равных.

Но в последние четыре года количество юристов сократилось в десятки раз. Мы не выдерживали конкуренции со стороны машин. Настоящий ужас для юриста и выгода для любого рядового гражданина. Услуги роботов-адвокатов стоили сущие гроши, и лет через десять, я думаю, станут и вовсе бесплатными. Машины лоббировало государство, но корни проблемы были намного глубже. Власть корпорации Justice-Tech. Миллиарды долларов с государственных заказов на роботов для системы правосудия.

Если люди-судьи остались лишь в Верховном суде, то во всех остальных, как на государственном, так и федеральном уровне правосудие вершили роботы.

Это был долгий путь, в конечном успехе которого сомневались все. Мы считали, что невозможно создать искусственный разум, который бы вёл себя с людьми в суде наподобие человеческого. Первые рабочие модели не выдерживали никакой критики. Я был в числе тех, кто тестировал роботов, создавая и моделируя такие юридические ситуации, с разрешением которых робот не справлялся, и система давала сбой. Программисты работали годами, пытаясь совершенствовать искусственный интеллект, но каждый раз нам, лучшим из лучших, удавалось делать перегрузки механическим мозгам, и роботы справедливо признавались негодными для целей, ради которых создавались. Мы чувствовали себя в безопасности, были уверены, что так будет продолжаться вечно, пока корпорация не признает невозможность реализации своей идеи, ведь чтобы доверить роботам вершить судьбы, нужно было создать их идеальными. Мы так считали, пока однажды новая модель робота-судьи раз за разом сдерживала интеллектуальный натиск, находя выход и решая все юридические конструкции, в которые мы её помещали, а затем поставила нас в тупик своим вопросом, обвела вокруг пальца, связала своим мышлением нас по рукам и ногам, упаковала людей-юристов в красивую коробку, завернула бантиком и поднесла как памятный сувенир для всей системы правосудия, для всего человечества, показывая свое превосходство. Робот создавал в недрах своего искусственного интеллекта ситуации, из которых мы, лучшие умы юриспруденции, не знали выхода. Машина же моделировала их моментально и моментально находила единственно верный юридический выход из лабиринтов потенциальных ситуаций. Тогда мы осознали, что время людей в судебной системе близится к концу. Эта была первая модель робота судьи, которая прошла тестирование. Затем на протяжении нескольких лет

она проходила множество других проверок и претерпела сотню модификаций, прежде чем корпорация Justice-Tech создала робота, который сел в кресло судьи, облачённого в мантию и готового вершить судьбы людей. Идеальное знание законов. Осмысленная речь и совершенная верная логика, основанная на высшем уровне интеллекта, сделанного по подобию человеческого, а в некоторых аспектах и намного лучшего, чем наш.

Затем был создан робот-адвокат. Он предан своему клиенту, и запрограммирован любыми доступными законными путями выводить своего подзащитного из-под молота правосудия.

Система становилась совершенной. Если человек действительно был виновен, он нес ответственность. Если доказательств вины было недостаточно — робот-адвокат вытаскивал человека со скамьи обвиняемых.

Робота-судью было невозможно подкупить, для него не играли роли человеческий фактор, жалость, сопереживание. Он знал лишь закон и действовал в соответствии с ним. Система исключала возможность ошибки.

Мы — люди, брали за свои услуги дорого по сравнению с машинами. Я не брался за дело, когда знал, что проиграю его. Ранее я мог правильно подать свою речь для судьи, обставить оппонента и повлиять на суд присяжных, играя на их чувствах. Теперь этого не было. С компьютерным разумом следовало вести себя иначе. Значение имело только умение выжать максимум из законов, найти в них лазейки, когда, казалось бы, их не было и преподнести всё в таком свете, чтобы робот принял это за единственно верное решение.

Сейчас моими услугами пользовались лишь мои постоянные клиенты и консерваторы — те, кто не мог принять технический прогресс в таком виде настолько быстро. Ещё были те, кто не доверял машинам. За последние годы я очень устал. Чтобы соревноваться с роботами на равных, нужно было действовать на грани своих сил и на пределе возможностей. И я действовал.

После суда у меня была встреча с клиенткой — Миссис Чемберс. Мы встретились в хорошем ресторане, где я заказал себе ланч.

— Мистер Донован, я жду от вас только хороших новостей, — начала разговор миссис Чемберс.

Я открыл портфель и достал оттуда бумаги. Протянул ей.

— Заключительный этап переговоров со второй стороной прошёл успешно. Они согласны на все наши условия. Это финальная версия договора.

— Мистер Донован, вы же знаете, я не сильна в юриспруденции, потому полностью полагаюсь на вас. Ваше слово для меня имеет конечное значение. Если скажете, что подписывать можно, тогда я сделаю это сейчас же. Если считаете, что не стоит — тогда мы просто примем ланч и поговорим на другие темы.

Я вёл эту сделку долго. Миссис Чемберс чётко поставила передо мной задачу — всесторонне обезопасить её с юридической стороны в договоре, и провести переговоры таким образом, чтобы её защищённость не была ущемлена после требований второй стороны. Я выполнил то, о чём она просила меня. Я защитил её. Юридически сделка для неё была абсолютно безопасной. Но существовал другой фактор. Чисто человеческий. Были моменты, когда закон не покрывал некие сферы и там оставалось место только человеческим взаимоотношениям. Юридически договор был безопасным, но вот исполнение его второй стороной... Если они откажутся выполнять свои обязательства после того, как

миссис Чемберс вложит свои деньги, миссис Чемберс их потеряет и далее будет судиться с ними на протяжении долгого времени, чтобы вернуть свои капиталовложения. А чьими услугами она воспользуется? Конечно же, моими.

— Подписывайте, миссис Чемберс, составить договор лучшим образом — невозможно.

Я ей не врал. Это была чистая правда. В общении со второй стороной в договоре я понял, что скорее всего они попытаются обвести миссис Чемберс вокруг пальца. Но ко мне у неё претензий быть не должно — махинации не будут зависеть от написанного. Я же преподнесу это в таком свете, что заранее предусмотрел все варианты развития в договоре и теперь миссис Чемберс будет иметь право на солидные отступные от второй стороны, так вероломно поступившей с ней. Не факт, что она вернёт свои деньги, не говоря уже об отступных, ведь к тому времени, как вероятные судебные тяжбы завершатся, те люди могут истратить все финансы, но это не важно. Я буду иметь прибыль от суда, я суд выиграю, а вот будет решение исполнено и будут ли деньги возвращены — меня не заботило.

Миссис Чемберс взяла письменную ручку и поставила свою подпись на документах.

— Спасибо, Вам, мистер Донован, не зря я пользуюсь именно вашими услугами.

Был ли я мерзавцем? Нет. Я просто выполнял то, о чём меня просили. Не более. Люди не думали о том, что юристы все просьбы выполняли буквально. А из того, что не было оговорено выжимали максимальную выгоду для себя. И никогда не лгали. Мы умело преподносили правдивую сторону вопроса, оставляя всё лишнее за кулисами.

Двери моей конторы открылись. Я не ожидал кого-либо, да и время было не то. Уже час как должна была висеть табличка «Закрыто», но я часто не вешал её, так как люди не имели обычай заходить ко мне столь поздно. Процент девяносто моих встреч приходилось до обеда, да и я имел привычку наиболее важные дела решать в первой половине дня, а в оставшейся его части — готовиться к завтра.

На пороге стоял высокий мужчина лет тридцати пяти. На голове у него была шляпа. Струйки воды стекали на пол со светло-коричневого плаща. За работой я и не заметил, что на улице шёл дождь. Незнакомец вытер ноги о коврик, лежащий перед дверью и сделал несколько шагов вперёд. Немного сутулился, у него был уставший вид.

— Мистер Донован? — спросил он.

Я кивнул и привстал, показывая рукой гостю проходить. Я не упускал любой возможности заполучить нового клиента и был готов принимать их даже ночью у себя дома, если было нужно. Но поздние звонки, ночные встречи в опустевших кофейнях, работающих двадцать четыре на семь и полные отчаяния голоса клиентов, не знающих, что им делать и будивших меня в полночь практически прекратились с необратимыми движениями технического прогресса.

— Добрый вечер, обычно я уже не работаю в такой час. Но заходите, присаживайтесь.

— Я знаю, простите, я не мог раньше к вам попасть. Шёл, боялся, что вы уже ушли.

Мы обменялись рукопожатиями. У него была крепкая и сильная рука.

— Меня зовут Крис Терри, — он снял с себя плащ и повесил его на вешалку, стоящую возле стены. Я присел в кресло и жестом предложил сделать ему то же самое.

— Я себе хотел заварить кофе, вы будете?

— Нет, спасибо, на ночь не пью.

На тумбочке стояла кофеварка. После нажатия кнопки открылась крышка, из специальной ниши выехала стеклянная чашка. Раздался звук перемалывания кофейных

зерен, и комнату наполнил ароматный запах. Автомат начал заполнять чашку темным кофе, и когда напиток был приготовлен, раздался щелчок, и машина выключилась.

— У меня к вам важное дело, мистер Донован, — без лишних вступлений начал он.

Обычно так говорили многие, каждый считал своё дело важным, и требовал того же от адвоката, не принимая в расчет, что у того на столе всегда лежал с десяток папок таких же важных дел. В работе адвоката главным было дать почувствовать своему каждому клиенту, что его дело имеет для тебя первоочередное значение, но на практике не возводить в такой ранг не одно из дел, чтобы быть равномерно успешным в решении каждого. Потому я слышал от любого переступившего порог моей конторы, что его дело важное. Вот только тон этого человека чем-то отличался от других.

— Но я боюсь, что нас может услышать кто-либо ещё, — добавил он.

— Мы здесь одни, мистер Терри, можете не беспокоиться, мои сотрудники давно ушли.

— А я в этом совсем не уверен, что мы одни. Вас могут прослушивать.

— Нет никаких оснований так думать, последний раз меня прослушивали на приёме в школьный хор в детстве, и с тех пор подобных вещей не повторялось. Вы можете спокойно говорить, всё это останется лишь между нами.

— Мистер Донован, им не выгодно, что вы составляете конкуренцию роботам. И не потому, что вы оттягиваете на себе клиентов. По сути это и не конкуренция, а просто последние вздохи перед агонией. Но пока существуют неподконтрольные люди-адвокаты, они не могут контролировать систему целиком. Но не роботов стоит бояться, а людей, которые за ними стоят.

Я нахмурился. Я не видел причин, ради которых стоило бы сейчас беспокоиться, или тем более бояться. Хотя нет, я вдруг начал и беспокоиться, и бояться того, что зашедший ко мне мужчина прибывал не в себе. Психов всегда хватало, с античных времен — тогда они ходили по деревням и кричали, что прошедшая молния — это знак гнева Богов, и её стоит бояться, а теперь — по кабинетам юристов с подобными предостережениями. Людям трудно справиться с тем, чего они не понимают. И если некоторые стараются хотя бы разобраться, то другим легче придумывать маловероятные, но привлекательные своей необъяснимостью и одновременно простотой для мозга варианты.

— Я вижу, что вы не понимаете, о чём я, — словно читая мои мысли, сказал он, — прочтите это, и подумайте, — он достал из кармана запечатанный конверт и протянул его мне, — там указан мой номер. Только не читайте вслух.

Он поднялся со стула, взял свой плащ, надел его. На полу под вешалкой растеклась лужа дождевой воды.

— Мистер Терри, я не уверен, что смогу помочь вам, если это что-то незаконное.

— Прошу вас, позвоните мне, когда решите, что моё дело заслуживает вашего внимания, — он протянул мне руку, и я пожал ее. Перед самой дверью он обернулся и сказал, — не подумайте, что у меня проблемы с головой.

Дверь закрылась. Я выпил свой кофе и поставил чашку на стол.

— Если меня кто-то в этот момент прослушивает, то катитесь ко всем чертям, — засмеялся я.

Я принялся доделывать свои дела, рутинную работу — с документами. Когда закончил, время на часах намекало, что пора бы ехать домой. Но, после развода, я был предоставлен самому себе, а потому спешить было некуда. Я взял конверт и распечатал его. Внутри был исписанный от руки печатным почерком лист бумаги. Я перевернул его — текст устилал обе

стороны до самого низа.

«Крис Терри — выдуманное имя, но я не мог сказать Вам своё настоящее, так как это может поставить нас обоих под удар, если Вас действительно подслушивают. Меня — за то, что я пошёл к Вам, а Вас — за то, что Вы могли от меня узнать.

Я сотрудник Justice-Tech, и я отдал пятнадцать лет своей жизни этой корпорации. Я принимал участие в разработке роботов для правосудия, начиная с первых моделей, до сегодняшнего времени. Я программист и инженер.

Год назад в корпорации был создан новый отдел, все разработки и планы которого строго засекречены. Чем они занимаются неизвестно, это коммерческая, корпоративная и, быть может, даже государственная тайна. Но то, что это имеет связь с роботами, я Вам гарантирую.

Мой товарищ, Стив Макмаран, более талантливый и одарённый специалист, нежели я, три месяца назад получил назначение в этот отдел. Он никогда не говорил, над чем ведётся работа, так как подписал бумаги о неразглашении, а сам всегда слыл человеком правильным и честным. Но две недели назад, поздно ночью он постучал в дверь моего дома. Здесь стоит отметить, что на протяжении пяти дней до этого он вёл себя очень странно, будто боялся чего-то, опасался и везде видел угрозу. Я замечал в нём начальные признаки параноидального психоза. (Смею делать такие выводы, так как мои родители медики и я немного осведомлен в подобных вещах). Когда он вошёл ко мне домой, он был крайне возбужден, взволнован и встревожен. Даже более — он не был похож сам на себя. Он сказал, что увидел то, что не должен был видеть, и не смог бы умолчать, даже если бы подписал договор о неразглашении не с корпорацией, а с самим Дьяволом. Извините за такие сравнения, но я стараюсь дословно передать слова моего товарища, чтобы вы попытались представить какое состояние было у человека, который всегда был уравновешенным и спокойным, всегда избегая будь то алкоголя или наркотических веществ. Он говорил, что обязан рассказать мне всё и у него мало времени.

Justice-Tech создал робота идентичного с человеком. Но не в том понимании, к которому привыкли мы. Не только лишь в плане интеллекта, а буквально — человека-робота. Био-робота. Внешне его никак не отличить от нас, почти, как и внутренне. Он сделан из синтетической плоти, в ней течёт синтетическая эктоплазма, то бишь кровь. Он ест, пьёт, спит и справляет нужду. За основу его разума взят интеллект робота-юриста, но более совершенный, более новый, проработанный и улучшенный. Если робот позиционирует и осознаёт себя как робот, то новый образец — как человек.

Стив сказал, что корпорация желает внедрить их в общество для занятия высших постов. Они будут политиками, государственными служащими и управленцами. Генералами и сенаторами. Министрами и шефами полиции. Законодателями. Таким образом Justice-Tech будет программировать свои творения написание любых законов, которые выгодны корпорации, а исполнение этих законов будет совершенно легально сделано их же творениями. А любое неподчинение, любой протест будет моментально пресекаться с виду людьми, а на деле — роботами. Они и сами не будут знать истинных мотивов своих действий, желаний и поступков. Они просто будут приходить им в голову. А посылаться — из Justice-Tech. Только представьте! Тогда Justice-Tech сможет провести любое, абсолютно любое решение, и без каких-либо проблем воплотить его в жизнь. Как сказал Стив, для полного контроля над обществом им нужно контролировать систему правосудия, силовых органов, СМИ и политики.

Я не знаю, каким образом будет это делаться — законным путем постепенно и открыто, или же заменой живых людей точными копиями роботов. Но я знаю одно — тестирование работоспособности данной системы они планируют начать с вас. Я не имею в виду именно Вас, но говорю о всех людях-адвокатов. В их ближайших планах — добиться замещения последних людей в судах. Чтобы система правосудия целиком работала на них.

Первых био-роботов они желают ввести в Ассоциацию людей-адвокатов. Но поскольку законодательно количество мест в ней ограничено, им необходимо вывести из игры старых игроков. Я могу предположить, со слов Стива, что на многих членов Ассоциации в ближайшие время готовятся сфабрикованные уголовные дела, идеальные подставы, чтобы освободить места в Ассоциации и провести туда новых людей-адвокатов. Но только с виду людей.

Потому за Вами возможна слежка. Возможно, Вас прослушивают.

Что следует отметить — Стива я больше не видел. Он просто исчез, а его личное дело в базе данных корпорации теперь засекречено. Я надеялся, что он объявится. Прошла пара недель. Я беспокоюсь за его судьбу и склонен предполагать самые худшие варианты.

Мой номер телефона указан на втором листке. Это специально купленный номер, которого нет ни у кого. Позвоните мне, и мы встретимся. Но, ради безопасности, возьмите новый номер, вставьте его в новый телефон, с которого не звоните никому кроме меня.

P.S. Проверьте, нет ли в Вашем кабинете жучков. Иногда они оказываются в самых неожиданных местах».

Я отложил письмо в сторону. Смахивало на бред. Когда только роботы планировались для введения в систему, происходили массовые протесты людей, которые были уверены, что это часть большого заговора. Но со временем, даже самые ярые противники начали убеждаться, что система призвана минимизировать число жертв судебных ошибок, искоренить явление коррупции среди судей и адвокатов, максимально защитить все слои населения и обеспечить их юридической помощью. Мне не нравились роботы, они забирали мой хлеб, мою работу. Но это была новая ступень эволюции правосудия, пользу от которой нужно было понять и признать, как гражданину, и сложно принять, как адвокату.

Вышеописанное было похоже на государственный переворот во всех сферах жизни общества. Но я не видел причин, чтобы верить этому. Я вздохнул. Уже неделю я спал всего по несколько часов в сутки, так как дело моего клиента Бориса Джоковича требовало максимальной отдачи.

На секунду в голове мелькнула мысль «А если правда?», но я тут же отогнал её в сторону, поморщившись. Я был юристом долгие годы, за которые слышал сотни самых разных историй. Кто как ни я знал, к каким умозаключениям способен прийти человеческий разум в попытках создания правдоподобной лжи. Я не понимал лишь одного, почему именно этот мужчина, почему именно такая история. Возможно, он и вправду не способен к адекватному восприятию окружающего. И почему именно я? Это могла быть и провокация, чтобы очернить меня, одного из наиболее авторитетных адвокатов Ассоциации. Вот только можно было придумать множество других историй, более правдоподобных.

Эта встреча немного вывела меня из равновесия, и в совокупности с накопившейся усталостью дала понять, что теперь уж наверняка мне нужно ехать домой и отдыхать. Положив документы по делу мистера Джоковича в свой портфель, я вышел, закрыл свою контору, сел в автомобиль и поехал домой.

Мой будильник зазвонил, когда солнце только начало вставать над городом. Я был один дома, и я не был женат, и абсолютно доволен этим. Я человек, который полностью предан своей профессии, и уже два года как у меня не было серьёзных отношений. За жизнь у меня было много женщин, с одной даже всё было очень серьезно, я дал довести дело до свадьбы, её имя — Диана, но в итоге она поняла, что я не тот человек, с которым можно ужиться. Ей нужен был примерный семьянин, который возвращался бы домой в шесть часов каждый вечер к семейному ужину, расхваливая стряпню жены, которая после брака переставала бы следить за собой и прибавляла в весе, по утрам отвозил бы орущих и отвлекающих от езды детей в школу, а потом забирал бы их обратно, по дороге расспрашивая, как у них дела на какой-то чёртовой футбольной секции, или как там поживают их лучшие друзья, имена которых я бы даже не стал запоминать. Может для кого-то подобная жизнь и была пределом мечтаний, но точно не для меня. У меня не было на это времени. Я считал это всё полным дерьмом. Как и всё в этом мире. И если выбирать дерьмо себе по душе, тогда только лишь то, от которого можно без проблем избавиться, вытерев ноги об свой парадный коврик. Таковой была моя профессия адвоката и все дела в ней.

Каждое утро я совершал пробежки вокруг нескольких кварталов, после чего на спортивной площадке одной из местных школ делал зарядку. Это дарило мне заряд бодрости на весь день. Одни и те же люди каждый день здесь выгуливали своих собак, а те гадили по всему школьному газону. Рядом пробегали старики, предпочитая доживать свой век в здоровом теле, молодые девушки, державшие себя в форме (наверное, не замужем ещё). В отдалении каждое утро один и тот же парень в боксерских шортах выделял кульбиты и размахивал руками и ногами, имитируя драку с толпами бесчисленных противников в стиле «Малыша-Каратиста». На траве в спальнях мешках почивали бомжи, до поры до времени, пока охранник школы утренней смены не прогонял их восвояси. Вечерний охранник был добрее. Или, скорее всего, ему было всё равно, и он просто спал всю ночь напролет, не считая свою зарплату достаточно высокой, чтобы напрягаться. Всё это окружение меня не волновало. Я делал зарядку, затем возвращался домой. Пил кофе, завтракал тостами, собирался и выезжал в центр, где располагалась моя контора. Я купил здание, когда дела шли более, чем отлично, и всегда с иронией думал, что, когда ситуация ухудшится дальше некуда, я всегда смогу продать помещение и жить на вырученные деньги какое-то время. Тем более у меня ещё были определенные сбережения, которые могли обычному человеку показаться целым состоянием. Но те, кто когда-то были лучшими юристами, жили той жизнью, уже не могли жить жизнью обычных людей, сводя концы с концами. Моих денег, остановись я, хватило бы только на какое-то время.

Современный мир в прогрессивных государствах практически поборол коррупцию, но в мелочах она всё равно оставалась. За несколько сот долларов можно было достать интересующие тебя документы у структур, которые делиться ими не должны. А за несколько тысяч — достать сведения, которых и вовсе не должно существовать в природе. Мой давний друг Трейс Уикман, тоже адвокат, мог достать любую нужную бумагу в пределах разумного. И эти пределы были эластичными — могли расширяться пропорционально с толщиной пачки денег, уплачиваемых за них. Я отправился к нему в контору, по дороге заехав купить свежую прессу. Я не читал газет в электронном виде, любил чувствовать в руках пережитки старого мира.

— Донован, привет! Только собирался тебе звонить!

Сейчас мы редко виделись с Трейсом, так как оба были в делах, но это никак не влияло

на наши с ним дружеские отношения. Честно говоря, за последний год я не мог вспомнить, чтобы мы с ним просто посидели выпили пива, и говорили о вещах, не связанных с работой. Мы не могли найти свободное время для стриптиз-бара, или для футбола. Мы были фанатами своей работы, которой и отдавались целиком.

— Вот документы по мистеру Джоковичу, — он протянул мне папку с несколькими листами бумаги внутри.

Я её открыл и быстро пролистал. Превосходно. Клиент будет рад, что его адвокат додумался до новых аргументов. В этом мы были лучше роботов.

— Спасибо, я в очередной раз твой должник, — я положил на стол несколько купюр.

— Ты мой друг, а не должник, — рассмеялся он, — э не, — Трейс взял половину, — только за расходы на информаторов, свыше я брать не буду.

Мы сели выпить по чашке кофе и обсудить дела, которые вели. Перед тем, как я собрался уходить, в голове промелькнула мысль, которой я всё утро не придавал большого значения, но, тем не менее, я желал прогнать её раз и навсегда, чтобы более не отвлекаться.

— Трейс, где можно достать сканнер прослушки?

— Я думал, у бизнесмена ранга мистера Джоковича должна быть собственная служба безопасности, которая заботится о таких вещах, разве нет?

— Это не для него. Для меня.

— В чём дело?

— Ничего серьёзного, хочу убедиться, что я сам в своём кабинете, что никто не слышит стоны, когда клиентки расплачиваются со мной натурой, — я усмехнулся.

Трейс подумал с десятков секунд и ответил:

— Есть один торговец электроникой на пересечении восьмой и пятой улиц, я ему помогал как-то, наберу его, он тебе даст его в аренду. Или ты насовсем купить хочешь?

— На один раз, свой кабинет просканирую и квартиру.

На девять утра у меня было судебное слушание. Дело мистера Майкла Стибера. Пребывая в солидном возрасте, Майкл работал менеджером в пресс-отделе корпорации. Но допустил утечку конфиденциальной информации компании кем-то из своих подчинённых. Хоть информация и не представляла собой особой ценности, будучи для внутреннего использования, Justice-Tech в тот же день уволил Майкла, и обязал его выплатить крупный штраф. Мистер Стибер отказался, и более того, подал иск на компанию, заявив, что не виновен в утечке и никоим образом не мог её предотвратить, и он не должен нести ответственности за действия других лиц, хоть они и работали под его началом. Майкл Стибер обратился ко мне. Когда он пришёл в мою контору пару месяцев назад он спросил:

— Мистер Донован, насколько высоки наши шансы?

— Мистер Стибер, я не берусь за проигрышные дела. Я дорожу своей репутацией, а её трудно сохранить во времена роботов.

— Ваша репутация возрастет многократно, если вы выиграете суд против моего бывшего работодателя — Justice-Tech.

Тут он преувеличивал. В наши дни постоянно кто-то с кем-то судился. Помещения судов практически полностью заменили комнаты для переговоров, которые сегодня пустовали, потому что люди потеряли способность идти друг другу на встречу и на уступки. По малейшему поводу — в суд. Это было время судов и ликования системы правосудия, и нравы людей всему этому соответствовали. Суды ломались от дел. Justice-Tech не

исключение — десятки судебных процессов, которые подавала компания, или кто-то против неё. Трудовое законодательство, экологическое право, споры по помещениям, и просто бессмысленные иски по причине «оскорбление человеческого достоинства созданием роботов». Да, психов хватало. Я брался за это дело не потому, что оппонентом была Justice-Tech, а потому что видел реальную перспективу выигрыша.

— Суд принял решение, — объявил судья. Все присутствующие встали, — претензии Майкла Стибер отклонить в полном объеме и обязать его выплатить штраф корпорации Justice-Tech в сумме семидесяти тысяч долларов, а также уплатить все судебные издержки. Истцу даётся пятнадцать дней на обжалование решения. По истечению срока будет начато исполнение. Суд окончен.

Удар молотка. Мне показалось, что ударили прямо по мне.

— Как такое возможно? Это же абсолютно несправедливо! — Макйл повернулся ко мне и ожидал объяснений.

— Мистер Стибер, не волнуйтесь. Я всё исправлю. Это первая инстанция, мы подадим апелляцию.

— Ваши услуги стоят немалых денег. Вы говорили мне, что все аргументы на нашей стороне и мне не о чем беспокоиться, а тут меня обязывают выплатить ещё и штраф?

— Мистер Стибер, мы будем апеллировать в высшую инстанцию, доверьтесь мне, я знаю свою работу, — мой тон был спокойным и уверенным, хотя решение стало неожиданностью для меня.

— Я тоже знал свою работу, мистер Донован, но вот во что всё это вылилось в итоге.

Мы попрощались, я подождал оригинал судебного решения, сделал с него копию и заверил в канцелярии. Добавилось забот на мою голову. Я тоже считал такое решение несправедливым.

После суда я съездил ещё в несколько мест по мелким делам, заехал в магазин электроники, где взял сканнер у знакомого Трисса и направился в свою контору.

По дороге зазвонил мой мобильный телефон.

— Мистер Донован, здравствуйте, меня зовут Сол Кэмбелл, я журналист из «Bridgit Times».

— Здравствуйте, мистер Кэмбелл, чем могу помочь? — ответил я.

— Если бы вы нашли для меня время, я хочу поговорить о вашем деле «Стибер против Justice-Tech».

— Я не замечал, чтобы оно имело какой-либо резонанс, — удивился я. Дело как дело, ничего особенного.

— Мне кажется, что решение несправедливое, мистер Донован, потому что...

Я увидел впереди стоящего у обочины полицейского и быстро опустил руку с телефоном под сидение. Как раз вовремя, в следующую секунду, когда мой автомобиль поравнялся с ним, полицейский повернул голову в мою сторону и проводил машину взглядом. А так можно и штраф получить за разговоры по телефону за рулем. Конечно, практически все использовали внешнюю связь в автомобиле, но мне доставляло удовольствие держать телефон рукой. Такое удовольствие могло влететь в круглую сумму.

— Повторите, пожалуйста, мистер Кэмбелл, — сказал я, вновь подняв телефон.

— С какого момента? — сказал тот, замешкавшись.

— Решение несправедливо.

— Да, вам не кажется, что странным такое решение кажется только до тех пор, пока не

задумываешься, что решение принимает продукт корпорации, против которой судишься?

— Я не думал об этом. А вы, я вижу ищите сенсации?

— Скорее докапываюсь до правды.

— Ладно, называйте, как хотите. Да, можно встретиться, я не против, всяко будет лучше, если запишите с моих слов мои мысли, чем додумаете за меня и поместите это в газету, — я засмеялся.

— Отлично, когда вам удобно?

— Давайте вы мне перезвоните позже, хорошо? Сейчас у меня есть кое-какие дела, а потом договоримся.

— Хорошо, спасибо, мистер Донован, до звонка.

— На связи.

Я подъехал в свой офис, нажал кнопку на пульте управления и шлагбаум открыл мне въезд на моё парковочное место. Закрыв машину, я поднялся по ступенькам к двери конторы и зашёл внутрь. Прежде чем приняться к сканированию, я разложил новые документы по мистеру Джоковичу и решение по мистеру Стиберу в папки дел, которые вёл. Затем я сделал себе чашку кофе и с большим наслаждением выпил его. Я пил очень много кофе, пристрастившись к нему в последние пару лет. Без чашки ароматного напитка каждые несколько часов я был не в состоянии работать.

Стрелка часов показывала на одиннадцать, но я ещё не собирался открываться, защелкнул замок изнутри, чтобы мне никто не помешал. Предварительно я сказал своим сотрудникам, что у них сегодня выходной. Не хотел, чтобы они видели, как их начальник страдает паранойей.

Прибор представлял собой тонкий квадратный гаджет, весь корпус которого был экраном. Четыре кнопки располагались с обратной стороны, а сверху было пластиковое утолщение — именно оно и должно было воспринимать радиочастотные сигналы, которые излучал жучок. Включив аппарат, я настроил его согласно инструкциям, которые довёл до моего сведения продавец электроники. Загрузка длилась около полуминуты, после чего на дисплее высветился двухмерный план моей комнаты, на котором пунктирными линиями отображалась вся обстановка внутри: стол, шкафы, стулья, тумбочки. «Сканирование» гласила надпись по центру. Я медленным шагом двинулся обходить контору вдоль стенки, медленно поворачивая прибор из стороны в сторону.

Сенсор молчал. Я почувствовал себя немного глупо, повёлся на советы душевнобольного, который даже имя своё настоящее не сказал. А если бы он сказал, что у него есть сведения, что в моих венах течёт машинное масло вместо крови, я бы стал испаривать себе вены, чтобы проверить? Он не предоставил никаких доказательств своих слов. Удостоверение сотрудника «Justice-Tech», к примеру, придало бы хоть какую-то каплю рациональности его персоне. Но я был юристом. Я привык доверять фактам. И факт отсутствия каких-либо средств прослушки я должен был подтвердить для собственного спокойствия. Когда данная мысль в моей голове дошла до логического завершения, аппарат пикнул. От неожиданности я остановился. Я действительно не думал, что найду что-либо, но на дисплее зажглась и замигала красная точка. Находилась она чуть далее моего стола, на боковой его стороне. Я подошёл поближе, и сигнал раздался вновь. Исходил он от тумбочки. Точное месторасположение он показать не мог, что было для меня странным в эпоху развития высоких технологий. Я открыл дверцу, достал изнутри все книги, что стояли там, и переложил на противоположную часть стола. Вновь взял в руки прибор, но он показал, что

цель всё ещё находилась на прежнем месте. Я осмотрел тумбочку, отодвинул её на другое место, но сигнал переместился вместе с ней. Наверху стояла кофейная машина, приподняв её, я ничего не обнаружил. Я внимательно изучил её корпус, после чего переставил кофейный автомат на стол. Аппарат пикнул вновь, и точка медленно переползла вслед за кофеваркой, указывая на стол. Интересно, мог он среагировать на электронику вроде машины для варки кофе? Я включил её, нажал на несколько кнопок. Изнутри выехали три чашки, которые я достал, осмотрев ниши для них. Затем моё внимание переместилось на блок для перемолки, я отсоединил его. Но сигнал настойчиво продолжал показывать на прежнее место. Я зажал пальцами специальные рычажки, и задняя панель кофеварки отъехала в сторону. Я заглянул внутрь. Ничего. Разбирать мне её очень и очень не хотелось, но другого выбора не было. У меня в кабинете был набор инструментов. Воспользовавшись отвёрткой, я снял верхнюю крышку. Внутри ничего не вызвало подозрений. Но теперь сканнер засигналил на самую крышку, которую я держал в руках. Я заметил то, что не бросалось в глаза с первого взгляда — крышка оказалась двухслойная. Поддев отвёрткой нижнюю часть, я разломал (со скрипом в сердце) её напополам. То, что я увидел, не вселяло оптимизма. Маленькое круглое, размерами с клеща, устройство было приклеено между двумя слоями. Рассмотрев его, я понял, что это микрофон — его поверхность была пористой, а когда я поднес его к аппарату, он засигналил с новой силой. Мне приходилось видеть множество жучков за свою жизнь, связано это было с издержками профессии. Данный вариант не сказать, что был самым технически совершенным. Я положил его на стол и рукоятку отвёртки разнес вдребезги. Сигнал на дисплее исчез. Далее я тщательно просканировал каждый сантиметр своей конторы, но, похоже, что это был единственный.

Как давно он здесь, и кто его установил? Кофейную машину я обновил менее года назад, и если он был в ней всё это время, то весьма печально. Клиенты говорили со мной откровенно в моем кабинете. Многие слова могли быть крайне жёстко использованы против них. Остаток дня я посвятил просмотру в ускоренном режиме видео с камер наблюдения. Но поиски мои не увенчались успехом.

Нужно проверить свою машину. И квартиру. И вообще себя, одежду, свой унитаз, чёрт возьми. Я глубоко вздохнул. Мог ли этот незнакомец сам подбросить мне жучок, чтобы я ему поверил? В этом мире могло происходить грёбанное что угодно. А если этот Крис Терри (без него у меня забот будто не хватало) был прав, и содержимое записки тоже правда? Тогда наш мир стоял на краю пропасти, готовый покатиться в неё, а саму пропасть можно было охарактеризовать пятью словами: «ко всем, мать её, чертям».

Я сидел на краю скамейки в сквере, когда ко мне подсел мужчина. Шляпа была низко опущена, так что разглядеть лицо было трудно.

— Мистер Донован, вы не замечали чего-то странного? Будто одни и те же лица мелькают рядом целый день?

— Это вопрос философского характера, или вы таким образом интересуетесь не замечал ли я слезки?

— Второе, разумеется.

— Нет, я уверен, за мной никто не следит. Я такие вещи умею различать.

— Надеюсь, что за мной тоже.

— Я нашёл микрофон. Вы в этом каким-либо образом замешаны?

— Я знал, — он поджал губы, — не потому что я его поместил, — быстро исправился

он, — я был уверен, что вы найдёте его. Но я здесь ни при чём. Замешан только в том, что вы нашли его, в конце концов.

— Как мне вас называть?

— Крис Терри, если вас не смущает, что это мое ненастоящее имя.

— Хотел бы я, чтобы не только имя у вас было ненастоящим, но и ваши убеждения.

— Мистер Донован, я не получаю никакого удовольствия от знаний, которыми стал обладать, хоть и не по своей воле.

— Терри, почему вы так слепо поверили истории, которую рассказал ваш знакомый? Правдоподобности в ней мало.

— Почему не правдоподобна? Мы делаем выводы согласно информации, которую нам позволяют знать наверху, решая, что этого для нас достаточно. А что насчет информации, которую скрывают, которую никто никогда не узнает? Уверен, большинство из этого также звучало бы для нас неправдоподобно. Лишь потому что, эти они, наверху, делают всё, чтобы не дать людям повода усомниться в порядке вещей.

— И всё же вы не ответили.

— Большую часть времени в корпорации мы работаем, сами не зная над чем. Каждый из работников делает лишь маленькую часть большого дела. Мы создаем шестеренки, если выразиться образно, но не знаем для какого именно механизма. Порою дают поручения создать определенный алгоритм, который, хоть и направлен для функционирования робота, но никак не связан с его работой в суде. Нечасто, но такие задания бывали, и никто никогда не объяснял зачем. Просто пришло указание сверху вот и всё. С другими ребятами мы осторожно обсуждали это, сопоставляли слова друг друга. Но это всё слухи, которые всегда ходят во всех больших коллективах, работа которого в определенной мере засекречена. Но вот создали специальный отдел, и более никаких неизвестных разработок никому не поручали. Стив не из тех людей, что будет врать. Хотя вы в этом не можете быть убеждены как я.

— Пока что я ни в чем не могу быть убеждён так, как вы. Могу ли я для начала взглянуть на документ, подтверждающий вашу работу в Justice-Tech?

Мой собеседник замялся, было видно, что у него мало желания выполнять мою просьбу. Он, наверное, сопоставил все за и против своего потенциального отказа, и всё же потянулся во внутренний карман своего несменного плаща, откуда достал пластиковую карту. В верхнем правом углу была его фотография, защищенная голографическими печатями. Далее был написан цифровой код, которыми обозначались все сотрудники корпорации. Ещё несколько надписей и три встроенных в карту чипа, каждый из которых предоставлял сотруднику доступ в определенные секции Justice-Tech. Также на карте было написано его имя — Эдгар Льюис.

— Пожалуйста, не произносите моего имени вслух. Если здесь неподалеку работают датчики слежения, то они в ждущем режиме, а при звуке моего имени сразу же активируются. Называйте меня Крис Терри.

— А на ваш голос они не реагируют? — я произнёс это с сарказмом, но собеседник воспринял всерьез.

— Реагируют, в корпорации мы пользуемся голосовым доступом включительно, потому перед встречами с вами я принимаю специальные препараты, изменяющие мой голос на время, зависящее от дозы.

— Если камеры поймают ваше лицо, всё равно они отследят вас, — я пытался найти

ещё варианты, как правдоподобные, так и такие, что могли пугать человека с манией преследования.

— Я выбрал именно это место потому что, как раз здесь нет камер.

— Но добраться сюда вы должны были как-то.

— Я передвигался, подняв воротник плаща, низко опустив шляпу, а на лицо надел марлевую повязку от простуды.

Я представил эту картину. Не знаю, как другие, но я скорее обратил бы на подобного типа внимание, чем не заметил его.

— Хорошо, перейдем к делу, что вы от меня хотите? — я скрестил руки на груди.

Я хотел быстрее с этим либо покончить, либо начать — в зависимости от того, что он мне скажет. Настроение у меня было паршивое. Проиграть суд, когда ты не сомневался в победе, найти у себя в конторе прослушку и сидеть после этого на лавочке с сомнительного типа личностью, уверенность которого, что «мы все в опасности» и «за нами всеми следят» передавалась заразнее сибирской язвы, не было в моем представлении картиной идеального дня.

— Вы внимательно прочли? Вам угрожает опасность, вас хотят подменить!

Вот как. Ну да, ещё не вечер. Чем дальше, тем бредовей.

— Подменяют детей в роддомах, мистер Терри, если верить дешевым ночным телепередачам, а со мной, ещё раз, что хотят сделать?

— Вас хотят заменить на робота. Вы в первой волне замен, которые Justice-Tech намерены повернуть с людьми-адвокатами.

— Я предпочитаю факты, а не домыслы, — я начинал терять терпение, — жучок я нашёл, потому мы встретились. Но одного этого будет маловато, чтобы я поверил всему, что вы изложили.

— Какие факты вы хотите, чтобы я вам предоставил? Подписанное указание от Директора корпорации провести вашу замену? Или притащил сюда и показал вам модель робота, на которого вас хотят заменить? Какие у меня могут быть доказательства?

— Такие, чтобы не заставили меня встать и уйти прямо сейчас, посоветовав вам, как бы невзначай, больше не тревожить меня своими догадками, — ответил я серьезным тоном.

Крис немного задумался, и после этого заговорил вновь:

— Хотя вы пока что не верите моим словам, но я исхожу из того, что в частности вам и всему нашему обществу в целом грозят крайне опасные последствия. Я хочу попросить у вас несколько вещей, в ходе которых вы не только убедитесь во всем, что я говорил, но и которые помогут как вам, так и мне. Да и многим другим. Нужно передать всё, о чём я вам написал широкой огласке. Когда люди запротестуют, Justice-Tech уже не сможет с лёгкостью воплотить свои планы в жизнь. Даже если корпорация будет всё отрицать, и большинство им поверит, у некоторых это останется в памяти, и Justice-Tech как минимум отложит такие действия на кое-какое время. Люди должны знать, что роботы служат не людям, а тем, кто этих роботов программирует. Должны знать, что замышляется переворот всего. О том, что роботы вскоре могут ходить среди нас под видом обычных мужчин и женщин, работать рядом, воспитывать соседских детей, быть чьим-то мужем или женой, и повторюсь, с виду, абсолютно нормальными. Но когда придёт время, они начнут действовать согласно командам, исходящим от жаждущих власти, тех, кто стоит у руля Justice-Tech. И не Президент будет властью в стране, не правительство и не люди. А мега-корпорация Justice-Tech. Но поскольку в информацию в таком виде поверят лишь единицы, нам нужны

доказательства.

— Нам? Скорее доказательства нужны вам, чтобы вы смогли после этого говорить «мы», — прервал я его.

— Вы замешаны в этом, мистер Донован, хотите вы этого или нет. Вы можете ничего не предпринимать, но будет слишком поздно, когда вы что-то поймёте. Если бы у меня было достаточно доказательств, я бы убеждал вас не сидя в этом парке, а с экранов телевизоров и с первых страниц газет. Но, чтобы собрать доказательства мне нужна помощь. Я обратился к вам, потому что вы должны быть в этом сами заинтересованы, если не по причине, что общество под угрозой, то только лишь потому, что ваша собственная жизнь в опасности.

— Я слышу лишь громкие заявления, но никаких предложений, — ответил я, про себя подумав: «Что я здесь, чёрт побери, до сих пор делаю?».

— Нам нужно начинать с первоисточника. Это самый верный способ. Стив Макмаран. Если нам нужны доказательства, нам нужен он. Но я не знаю, где Стив. Он бесследно исчез, и я хочу, чтобы вы помогли мне найти его. Я молюсь, чтобы он был жив. Если мы найдем его, он предоставит нам доказательства. Но если он мёртв, чего я опасюсь, его убийство приведёт нас к дверям корпорации, и мы заставим их поплатиться не только за дела, которые они намерены проворачивать, но и за преступления, которые совершают. Мистер Донован, начинать нужно со Стива. Он — наш ключ.

— Пока что я ни капли не собираюсь помогать вам в компрометировании крупнейшей корпорации мира, с безупречной репутацией, согласно только лишь вашим абстрактным подозрениям. Но пропажа человека — вещь вполне реальная. Если, разумеется, вы не выдумали это, или не затеяли вместе со Стивом какую-то игру, желая вовлечь меня в неё. Пока что я хочу лишь узнать, кто поставил жучок ко мне в кабинет, как давно и с какой целью.

— Я вам уже сказал кто и с какой целью. Вам нужны доказательства этого, понимаю. Найдем Стива — вы сами во всем убедитесь. Но не обращайтесь в правоохранительные органы, об этом сразу станет известно им, они ускорят процесс, заметут следы и у вас будут неприятности. Они и так их замечают, потому нам нужно спешить.

— Теперь говоря «нам» вы подразумеваете только меня?

Мой собеседник промолчал. Я вздохнул. Ох это было дерьмо самого низкого сорта, и на кой хрен я в него лез? Один из моих жизненных принципов гласил — лезь в дерьмо только если сможешь оттереть его с такой же лёгкостью, с какой вступил. Жаль, что наш мир не был устроен для быстрой проверки лжи, следующим образом, к примеру: поднимаешь голову в небо и говоришь: «Если это всё правда, пускай меня ударит молния». И тут внезапно на небе появляются чёрные тучи, материализовавшись из ниоткуда, грозно завывает ветер, словно спрашивает: «Ты точно хочешь знать, глупец?» А ты ему киваешь головой и уже готовишься как тебя поразит электрический разряд, потому что тучи всё черней и черней, у тебя прямо над головой, ты зажмуриваешь глаза... и... Ничего. Тучи исчезают и тебя не бьёт никакая треклятая молния. И ты с благодарностью киваешь небу и говоришь: «Спасибо, что указали мне, что всё сказанное этим психопатом ложь». Или наоборот, молния в мгновение ока веткой без листьев раскладываясь от неба до земли, разделяет мир напополам, а экватор по тебе проходит. И ты лежишь весь обгорелый, еле дышишь и думаешь: «Чёрт, да он ведь правду сказал, надо было без всяких проверок молниями ему поверить». Но к сожалению, или к счастью, наш мир устроен по-другому. Всё приходится проверять самому, не надеясь на помощь абстрактных высших сил. И потому я сказал:

— Мне нужна вся информация о вашем друге. Максимально подробно, до мельчайших деталей.

— Вот, держите, — он снова потянулся в карман. Из него извлёк конверт, — только не произносите его полное имя.

У меня начинало складываться впечатление, что в полах его плаща припасены конверты с записками на все случаи жизни. Я ответил:

— Хорошо. Даже разворачивать конверт здесь не буду, чтобы вы не переживали.

— А вы представьте себя на моём месте, может тогда не будете говорить с издёвкой. Я рискую всем, только лишь говоря с вами.

— Ну тогда хватит на сегодня с вас риска. Пока это всё. Но если вы решили сыграть со мной некую аферу... — недвусмысленно я не стал продолжать. Моему собеседнику было всё понятно и без слов, он протестующе покачал головой и поднял две руки, ладонями ко мне, и быстро проговорил:

— Если нужно будет какое-то участие с моей стороны, либо же вам станет известно что-либо, пожалуйста, сразу позвоните мне.

Мы пожали друг другу руки, и я направился домой пешком. Машину свою я перед встречей оставил в гараже. Если существовала хоть малейшая вероятность, что Трисс Терри был прав, я не желал привлекать внимание своим автомобилем. На улице уже было темно. По дороге раздался звонок на моем телефоне. Я достал его с кармана, на дисплее высветился контакт «Сол Журналист». Я вздохнул, сейчас было не до журналистов. Хотя я позабавил сам себя, представив, как Сола хватает сердечный приступ от волнения, если бы Трисс всё рассказывал ему, а не мне.

— Алло, да, Сол.

— Добрый вечер, мистер Донован. Вы говорили перезвонить вам сегодня.

— Сол, у меня возникли новые непредвиденные обстоятельства, и я пока что не могу встретиться. Завтра тоже.

— Я вас понял, мистер Донован, надеюсь у вас всё хорошо. Когда у вас получится? Я не хотел бы откладывать это в долгий ящик, пока не прошло много времени после судебного решения.

— Дай подумать... Давайте послезавтра после четырех? Я думаю к этому времени я разгребу все свои дела, и мы сможем поговорить. Заезжай в мою контору. Послезавтра подтвердим встречу, но предварительно рассчитывай на это время.

— Спасибо, мистер Донован, удачи вам.

— И тебе также.

Я не лукавил, когда говорил, что к послезавтрашним четырём часам после полудня я намерен был положить конец вопросу о работах, заговорах и Стиве Макмарене. Я не мог отвлекаться от работы на большой период времени без ущерба для неё. А моя работа была для меня абсолютно всем.

Утром, прибыв к себе в офис, я захотел было заварить кофе, но с сожалением вспомнил, что собственноручно разломал свою кофеварку. Проклятый Крисс Терри и жучок, оно того не стоило. Пусть бы прослушивали меня пока у них уши бы не отвяли, зато я смог бы пить свой кофе. В конторе я работал не сам. У меня было несколько помощников и секретарша, которые занимали маленькие кабинеты сбоку от моего, и которым я решил дать несколько дней выходных после ночного визита Крисса Терри.

Теперь же я набрал на телефоне номер секретарши, Селины Кьюршик, и когда она подняла трубку, без прелюдий отдал ей указания:

— Помнишь какая у меня кофеварка стоит в конторе? Я говорю не о той, из которой вы пьёте, она дряннь варит, я имею в виду свою, на тумбочке, возле моего стола?

— Да, мистер Донован.

— Так вот, срочно езжай и купи мне в точности такую же.

— А что случилось, ваша сломалась?

— Нет, Селин, ничего не случилось, просто я решил иметь две одинаковые, буду включать их одновременно, чтобы в унисон работали.

— Эээ... Понятно, мистер Донован.

Иногда я жалел, что взял Селин на работу и её тупость меня бесила, но, когда она приходила в офис, я смотрел на неё и сразу вспоминал, что взял её к себе в контору совсем не за Гарвардский диплом, с ним у меня работали мои помощники. А у Селин, так сказать, были и другие достоинства, перекрывающие недостатки.

— Да, моя кофеварка сломалась. Она сломана, не работает, не варит кофе. А я сейчас хочу кофе из неё. Понятно теперь?

— Ааа... Так бы и сказали. Я уже собираюсь!

— Ты должна была собраться ещё когда только услышала мой звонок, а сейчас быть на подъезде к магазину.

— Я быстро, Мистер Донован!

Я положил трубку.

Когда я не пил кофе я был злым. Сам не понимал почему, но, в злости и не хотел об этом думать. Я глубоко вздохнул. Решил не работать без кофе. Через тридцать минут в дверь конторы раздался стук, открылась дверь и вошла Селин, держа в руках коробку с новой кофеваркой. Я встал и взял у неё из рук её тяжкий груз.

— Разверни её, и свари мне кофе.

— Да, да, мистер Донован, — улыбнулась она.

На ней была юбка выше колена, туфли на высоком каблуке, белая блузка с двумя расстегнутыми верхними пуговицами и бежевый пиджак с узорами в виде жёлтых цветов. Я вновь остановился на её стройных и подкачанных в тренажерном зале ногах. Когда она повернулся я в который раз отметил её упругую задницу, которой она также обзавелась то ли от природы, то ли на фитнесе. Да какая к чёрту разница? Главное, что у неё задница была отменной, плавно переходя в узкую талию. Пока она возилась с коробкой я решался с нелёгким выбором — к чему приступить в первую очередь: выпить кофе, или же...

— Селин, хотя я дал тебе и ребятам выходной, я понимаю, что без твоей работы я сегодня не обойдусь, — я окинул её с ног до головы. Вновь до ног. Именно в такой последовательности.

— Мистер Донован, — повернулась она ко мне и с серьёзным выражением лица спросила, — то есть я буду работать в смысле работать, или в смысле... ну... гм... работать? Чтобы я... поработала? Ну... Вы понимаете... чтобы...

— Вот дура, — вздохнул я, — раздевайся.

— Ааа, — заулыбалась она.

Когда мои совместные с Селин, и, как оказалось по её приезду, неотложные дела были окончены во всех смыслах, она заварила мне кофе, и я отправил её обратно домой. Я с наслаждением выпил чашку моего любимого напитка и в голове прояснилось.

Я взял в руки и вновь перечитал записку с данными о Стиве Макмарене. Я думал о ней всю ночь — с чего начать, как лучше поступить. Сев за компьютер, я набрал на несколько строк письмо, но прежде чем его отправлять, позвонил своему другу Трейсу.

— Привет, Трейс, — ответил я на приветствие в трубку, — Да, Трейс, ещё вчера, и даже более... Мои опасения не были беспочвенны. Я нашёл жучок... Нет, не знаю... Конечно, нужно! Хочу, чтобы ты помог мне... Спасибо. Я знаю, что с этим как-то связано одно дело... Я сейчас отправлю тебе по закрытому каналу связи письмо с одной просьбой. Если у тебя получится, пожалуйста, найди информацию, это касается моей безопасности... Да... Да спасибо... Пока.

Выключив телефон, я отправил ему электронное письмо по каналу, который связывал только наши с ним два ноутбука, которые мы всегда носили с собой. То, что он отслеживается — исключено. По крайней мере хотелось на это надеяться.

Далее я решил сделать поиск в Интернете по имени Стива. Новостей было всего несколько. Первая страница — другой Стив, видимо однофамилец, так как проживал в другом городе, был садоводом и делился рецептом как же нужно ухаживать за цветами, чтобы они цвели дважды в год. Надеюсь, Стив, твоя жена почаще цветёт, а не то понятно, почему ты в садоводство подался. Да и внешность у него была совершенно не такая, как на фотографии, которую Терри вложил в конверт. Вторая страница была также об этом садоводе, только перекопирована другим сайтом. Третья не открывалась, так как устарела.

Четвертая ссылка повествовала о Стиве-активисте, активно сражавшимся против вырубки лесов на Юго-Западе страны, но помер этот невоспетый герой ещё лет пять назад. Кроме того он сочинял стихи, пел в каком-то рок-бэнде, был отличником...

Пятая строка в поисковике отправила меня на сайт одного из мелких телевизионных каналов. Архивная запись программы «В гостях. Дискуссия» четырёхлетней давности. Я включил просмотр.

После начальной заставки диктор коротко рассказал, чему будет посвящён сегодняшний выпуск. На то время роботы в судах были введены недавно, и вопрос целесообразности такой кардинальной реформы ещё остро стоял в обществе. Его и сейчас время от времени пытаются вновь поднять с переменным успехом, но в то время этими обсуждениями болела вся страна, темы мусолили абсолютно все СМИ, круглосуточно. В гостях студии были политики, журналисты, общественные деятели и представители Justice-Tech. Главный пресс-секретарь корпорации, один из членов совета директоров и заместитель главы отдела программирования робо-интеллекта Стив Макмарен. А вот это уже интересно. Терри не упомянул, что Стив занимал высокий пост уже тогда.

Выпуск длился полтора часа. По очереди говорили противники реформы, пытались убедить публику своими аргументами, член совета директоров и пресс-секретарь качественно разбивали все доводы, перетягивая нить спора на свою сторону. Ничего нового, всё это я уже слышал сотни раз. Тогда такие споры велись во всех кругах, и Ассоциация адвокатов не была исключением. Время показало, что представители Justice-Tech были правы. От судебной реформы люди получили несказанную пользу при отсутствии явных недостатков. Стив не вмешивался в дебаты. Оно и верно — он, судя по всему, был отличным инженером, а не оратором, за него говорили другие. Но ближе к концу программы прозвучало:

— Раз дело зашло об их интеллекте, о нём нам может рассказать один из людей, которые непосредственно занимались его созданием и последующим совершенствованием.

Стив Макмарен, ведущий специалист в области программирования.

Стив взял в руки микрофон. Он старался казаться невозмутимым, но по его движениям было видно, что он волнуется. Выступление перед столькими телезрителями, и сотнями присутствующих в зале студии не было тем, к чему жизнь готовила этого ботаника, судя по его внешнему виду.

— Вы говорите о человечности, что судья должен уметь вникать в ситуацию человека, приходящего в суд, — он сделал паузу на несколько секунд, — но это же так субъективно! Когда в суд придёт хорошо одетый мужчина, интеллигентный, внушающий доверие и когда в суд придёт бездомный или настолько бедный человек, что у него нету возможности опрятно выглядеть, если один обладает природным обаянием, а второй заикается, когда говорит, то как себя ведут некоторые судьи? На уровне подсознания они доверяют более успешно выглядящему, потому что подсознание подсказывает, что он надёжный человек, успешный и солидный. А как будет выглядеть бездомный? На уровне подсознания большинство судей никогда не доверились бы ему. Когда в суд приходит человек, чьи жизненные обстоятельства схожи в чем-то на обстоятельства, с которыми сталкивался судья или же близкие ему люди, и когда в суд приходит человек, жизненная история которого вызывает у судьи неприятие, кому он больше поверит? Кому он сможет смягчить приговор? Тому, у кого было трудное детство, а в зале суда сидит жена и плачет на протяжении всего процесса, или тому, кто живет один и не пытается давить на жалость? Судья может войти в положение человека, которое близко ему, которое он может понять. И в то же время не войти в положение другого. Хотя другой судья, мог бы думать иначе.

Стив сделал паузу, собираясь с мыслями, и продолжил:

— Но в момент преступления все люди одинаковы, в миг совершения правонарушения нет красивых и уродливых, бедных и богатых, есть только люди, которые преступили закон. И для разума работа не важно, какой ты, важно, что ты сделал. Для них мы не индивидуальные личности, мы все *люди*, одинаковые по своим правам и статусу без влияния субъективных факторов. Роботам не присущи чувства, да. Благодаря этому они могут судить. Судить нас, поскольку в этой категории они выше, чем мы. У них есть закон, и он для них истина. Поэтому роботы применимы в суде, и не применимы в какой-либо другой сфере. Они не смогут быть нашими друзьями, нашими врагами, нашей властью или нашими культурными деятелями. Они не могут чувствовать, и этому мы их не научим. Они не могут поддерживать отношения с людьми кроме деловых, по юридическим вопросам, да и этого не нужно. Они не приспособлены ни для чего кроме юриспруденции. Но зато там им нет равных. И мы можем им в этом довериться, поскольку в отличие от людей — роботы не подведут.

Зал взорвался аплодисментами, а я подумал, что сделал преждевременные выводы насчет слабого ораторского искусства Стива.

Более я в сети ничего о нём не отыскал. Что тем более было странным, учитывая высокий пост, который он занимал в корпорации.

Вечером раздался звонок — это был Трейс, мой друг, мой коллега, и мой спасательный круг в море ситуаций, когда мне требовались сведения, а у меня их не было.

— Донован, проверь почту, я тебе прислал кое-что. Когда всё станет ясно и разберешься что к чему — встретимся, расскажешь мне. Удачи.

Я открыл ноутбук, зашёл на закрытый канал связи и увидел входящее сообщение.

«Твой Стив оказался довольно неуловимой личностью, но не настолько, чтобы я его не нашёл.

Полицейские сводки ничего толкового не выдали. Был один тип с такой фамилией, но совсем не тот, что нам нужен. К медикам никто подобный за последние недели так же не обращался. Более того, никто не заявлял о его исчезновении — у него нет ни родственников, ни друзей. Хотя насчет последних не могу сказать точно. Труп Макмарена ни в одном морге идентифицировано не было. Но я пошёл дальше, и пробил через закрытую базу данных судебных решений, хотя поначалу не видел в этом нужды. Ты удивишься, но тут я и откопал кое-что интересное. Почти две недели назад было закрытое судебное слушание по делу, касающегося корпорации Justice-Tech. Дело объявлено таким, что содержит информацию о коммерческой тайне, и Justice-Tech настояла, чтобы его засекретили. Корпорация была обвинителем. Подробностей дела нет, даже я не смог найти. Судебного решения тоже нет. Только упоминание о самом судебном процессе. И Всё. Больше я ничего не смог найти. Вот номер дела: 406-11338. Информацию о нём можно снять только с системы роботов-судей. Если у тебя нет среди них знакомых, более-менее вменяемого не слишком незаконного способа достать подробности я не знаю.

P.S. Если ранее информацию о закрытых заседаниях можно было узнавать от знакомых судей, которые имели доступ к системе, то теперь через роботов путь закрыт, им взятку не дашь. Остались только судебные распорядители, которые берут втридорога, и то только за номера дел. Говорят, их тоже скоро на роботов заменят, тогда вообще уже такую информацию не достанешь. Так что с тебя кругленькая сумма, дружище!»

Дело приобретало интересный оборот. Justice-Tech выступила истцом против Стива, который занимал ответственный и важный пост в компании. Что он должен был такого совершить? Чёрт. Меня это никоим образом не касалось. А теперь я уснуть не смогу, не выяснив правды. Во мне пробудился огромный профессиональный интерес. По крайней мере профессиональным интересом я назвал его для себя, чтобы не именовать это любопытством или чем ещё по хуже.

Мне нужна была информация по этому делу. Как её достать? Скачать с компьютера робота-судьи. Не иначе.

Вечером я сидел за стойкой в баре со странным названием «Шары не на шару» и ждал одного человека. Я до последнего момента не хотел к нему обращаться, раздумывая над другими вариантами, но ничего другого путного не нашёл. Этот человек был мой должник. Один из самых лучших должников, которые у меня имелись. По крайней мере самый высокопоставленный и могущественный. Он давно был у меня в должниках, но я никогда не просил его вернуть долг, зная, что круг его возможностей чрезвычайно велик, а в будущем может возникнуть непредвиденная ситуация, от которой, быть может, будет зависеть моя карьера или даже жизнь, и тогда я смогу попросить у него помощь. У меня могла быть всего одна просьба к нему, и я берёг её на «чёрный день». Мне очень не хотелось тратить моё единственное желание к золотой рыбке по такому пустяку, который не факт даже, что касался меня, но выбора у меня не было. Я должен был узнать правду.

По телевизору над стойкой крутили какой-то футбольный матч. Раньше я был ярким фанатом, поддерживал Лондонский «Арсенал», но сам не заметил момента, когда моё увлечение этой игрой снизошло на нет. Я отметил про себя, что сейчас у меня практически не осталось увлечений, кроме моей работы. Я даже фамилий не знал игроков моей некогда

любимой команды.

Меня осторожно тронули за плечо. Я обернулся.

— Donovan, чёрт тебя побери! — мужчина неопрятного вида, наполовину облысевшая голова, оставшиеся засаленные волосы торчали в стороны жирными пучками, лицо, опухшее от длительного и хронического приёма алкоголя. Это был не тот человек, которого я ждал. Кто это вообще? Его лицо показалось мне знакомым.

— Я зашёл пивка выпить, думал ты, не ты. А это ты! Охренеть! А ты не изменился за два года.

Я пытался вспомнить кто же это. Таких клиентов у меня не было, а если это был мой клиент, то стоимость моих услуг, судя по всему, конкретно ударила по его жизненному достатку. Два года? Два года...

— Ты мне в нашу прошлую встречу сказал, что нам пока не следует видеться. А тут... Не судьба ли? Ты в этом городе живешь?

Я пытался припомнить... Какие-то смутные воспоминания проскальзывали у меня в голове. Точно. Я тогда был ещё женат. Не удивительно, что не мог вспомнить. Времена брака я пытался забыть, как страшный сон, сознательно блокируя в своей голове всё относящееся к тем годам. Я с этим типом как-то напился в баре... Кажется. Или на какой-то вечеринке. Напился до такого состояния, что ничего не помнил. И не помнил, что мы натворили. А дров наломали вместе нормально, кажется. Воспоминания ворочались с трудом, крутились вокруг истины, которая, словно вода ускользала из рук, когда я пытался ухватить её.

— Это я, Тим, ты что не узнаешь?

Тим... Тим... Знакомое имя... Или нет?

— Ну что, когда едем на охоту? Я всё жду, жду от тебя вестей, сам не еду.

Я не помнил, что я наобещал или наговорил ему тогда по пьяни, но, чтобы такое предлагать... А, всё понятно. От него веяло перегаром. Этот человек и сейчас был пьян.

— Какая охота... — начал говорить я, но тут к нам подошёл мужчина в помятом сером костюме, неприметного вида, из тех, чьи лица сразу же забываешь, как только отведёшь от них взгляд.

— Джентльмены, извините, что прерываю.

— Ничего страшного, — заверил его я тоном, по которому можно было понять, что наоборот — чувствую к этому мужчине благодарность, что он нас прервал.

— Это случайно не ваш фургон на улице припаркован? — спросил он, и вопрос был адресован не мне.

— Да, мой, а что? — удивился Тим.

— Можете со мной пройти, пожалуйста? — он посмотрел на того взглядом, указывающим, что пройти с ним всё же нужно, и это обязательно.

— Да, да, конечно.

Они вышли. Вопреки моим опасениям этот пьяница не вернулся. Я покачал головой. Поэтому я не любил бары. Тут всегда было полно неадекватных пьяных мужчин, которые под воздействием алкоголя теряли свой нормальный облик, проявляя неприятную и отталкивающую суть. Я вновь посмотрел на телевизор. Нули на табло поменялись, причём счёт был уже 2–0. Так и раньше бывало — смотришь матч, смотришь. Ничего не происходит. Потом отошёл на несколько секунд, возвращаешься, а уже крутят повтор гола. И ты чувствуешь себя полным идиотом — час сидел не вставая, а стоило отлучиться, как забили

гол.

Тот, кого я ожидал, пришёл через двадцать минут. Он был в кроссовках, джинсах, спортивной куртке. На голове был низко опущен козырек синей кепки с символикой местной бейсбольной команды. Не самой популярной. На лице были очки с широкой квадратной оправой, хотя я знал наверняка, что у этого человека было отменное зрение. Он был вынужден соблюдать такие меры предосторожности, хотя никто и так не подумал бы сравнить его в такой одежде с тем образом, который видели по телевизору.

— Привет, Лэндон, — сказал он, не поворачивая головы, встав за стойку возле меня.

— Сенатор, — ответил я.

— То, о чем ты просишь меня... Это немаленькая просьба. Выполняя её, я возвращаю тебе долг. Раз и навсегда. Ты понимаешь это?

— Да, — коротко ответил я. Конечно я понимал. С сожалением понимал.

— Вот, — он вынул руку из кармана и вложил в мою руку под стойкой маленький ключ, — шестнадцатая улица, трехэтажное здание, второй этаж, коробка за комодом.

— Понял. Спасибо.

— Мы в расчете, Лэндон, — сказал он, глядя на деревянную поверхность стойки, всю в трещинах и сколах.

Он вложил руки в карманы, развернулся и вышел. Я, не смотря на ключ, положил его в брюки. В уме повторил местоположение, которое мне только указали, чтобы запомнить. Постоял ещё минут пять и тоже ушёл.

Я направился к своему автомобилю, который был припаркован в нескольких кварталах отсюда. Район не слыл своей безопасностью, потому у меня были серьезные опасения по поводу сохранности своей машины, но, к счастью, она была на месте и цела. Заведя двигатель, я поехал на шестнадцатую улицу. Она была безлюдна в такое время. Ни на одном из многочисленных фонарей не горел свет. Я медленно поехал вниз по улице, выключив фары. У обочины стояли не машины, скорее — металлолом: без стекол, некоторые без дверей, вместо колес — на подложенных кирпичках, все исписанные в граффити. Вначале я думал, что найти безымянное трехэтажное здание на улице доставит мне хлопот. Но нет — все дома имели один или два этажа, длинные, прямоугольной формы, зияющие чернотой из пустых зениц огромных окон, напоминая давным-давно заброшенные складские и производственные помещения. Трехэтажный дом был один. Я остановился у него. Вышел из машины, огляделся. Никого. Вдалеке раздавался нарастающий вой сирены, но постепенно удалился, снизошёл на нет. Под ветром скрипели металлические балки в здании справа. Где-то лаяла собака. На дереве скорее кричала, чем пела ночная птица.

Я взял из машины длинный массивный металлический фонарь, которым при желании можно было и череп кому-то пробить и пошёл внутрь. Стояла кромешная темнота и я включил фонарь. Луч света вырвал не слишком живописные для глаз картины — пол устилала помятые жестяные банки, обломки мебели, осколки стекла и горлышки с бутылок, полиэтиленовые пакеты, шприцы и прочая хрень. В воздухе стоял резкий запах человеческой мочи. Я, переступая через горы мусора по деревянной лестнице поднялся на второй этаж. Тут был просторный зал с несколькими дверными проемами, которые уже давно не закрывались никакими дверьми. Обойдя пару комнат, которые были пустыми, в третьей я обнаружил наполовину уцелевший шкаф, покосившийся стол, обломки стула, следы от костра возле них и разломанный комод, не падавший на пол только потому, что под углом упирался в стену. Я подошёл к нему и осмотрел. Просунул руку в нишу, которая

образовывалась между комодом и стеной и нащупал металлическую коробку. Извлёк её и поспешил убраться из этого отвратного места.

Спустя два часа я стоял перед зданием архива суда, на мне были белые перчатки, в пуках я держал металлический кейс, которые используют для хранения инструментов. На мне была форма сотрудника инженерного отдела Министерства Юстиции, секции профилактики и настройки судебных систем. Соответствующее удостоверение, подтверждающее мои полномочия, висело на шее. На лице были накладные складки и морщины, под носом приклеены пышные усы. Да, Лэндон Донован, ты зашёл слишком далеко. А когда было по-другому? Если я начинал, то всегда шёл до конца. Надеюсь только, что в этот раз этот конец не будет моим.

Я начал движение в сторону входа. Мне навстречу из будки охраны вышел дежуривший в ночную смену полицейский необъятных размеров.

— Чем могу помочь? — спросил он, посветив на меня фонарём.

— Меня направили провести профилактику и диагностику исправности системы.

— В такой-то час? — с подозрением спросил полицейский.

— Думаешь мне это нравится? У меня дома уже детишки уснули, я бы мог жену свою трахать, а эти умники решили, что диагностику нужно провести ночью, чтобы днём не прерывать работу системы суда.

— Обычно днём проводят, — нахмурился коп.

— Слушай, если ты меня непустишь, я буду только счастлив. Я своё дело выполнил — приехал и всё, я напишу в отчёте, что меня не пропустила охрана и поеду себе домой.

— Твоё имя должно быть в системе, — полицейский подошёл поближе, — в пропускной системе, а когда я заступал на дежурство, никаких имён там не было.

— Так проверь, — тоном, словно это был самый очевидный выход в данной ситуации, сказал я.

— Твоё имя?

— Вот, смотри — я посмотрел на удостоверение, словно показывая ему, хотя сделал это для того, чтобы прочитать его, чтобы ни в коем случае не ошибиться, — Глен Каррик.

Полицейский взял удостоверение и зашёл с ним в будку. Время потянулось для меня как желе. Он долго не выходил. Я не знал наверняка будет ли достаточно одного только удостоверения. Мы не обговаривали с сенатором внесение выдуманного имени в систему посетителей, я привык, что такие люди предусматривают все нюансы в делах, за которые берутся. Моё сердце ускорило темп. Охранник не выходил. Я начал продумывать возможные варианты — броситься бежать назад, как только мог быстро, этот толстяк меня точно не догонит. Если он только не вызывал сейчас подкрепление. Или не связывался с Министерством Юстиции. Может бежать? Вдруг он сейчас появится из будки с пистолетом в руках? Я поджал губы. Может подойти к будке поближе и в случае чего напасть на него, обезоружив? Нет, это уже слишком. Да и я не был профессиональным бойцом.

Дверь будки открылась, полицейский держал руку на кобуре с пистолетом, и я увидел, как он отстегнул верх чехла, и его пальцы потянулись к оружию. У меня внутри ёкнуло.

Вот чёрт.

Бежать назад? Он будет стрелять. Кинуться вперёд и не дать ему достать оружие? Нападение на полицейского. У меня назревали проблемы при любом развитии событий.

— Держи, — протянул он мне удостоверение, — прости, что так долго, у меня кобура с

пистолетом отстегнулась и упала. Защелку надо поменять, всё никак руки не доходят, — с этими словами он закрыл кобуру и поправил её на поясе.

— А я думал, что ты меня не пропустишь, уже мыслями дома был, — я постарался, чтобы голос не выдал моего волнения, которое я только что испытал.

— Ага, и подставлять свою жопу под удар твоего начальства? Иди ты... — засмеялся он, — всё в порядке, твоё имя есть в списке, как это я ошибся... Ну да ладно. Куда идти знаешь, или тебя провести?

— Знаю, конечно. Не впервой.

— Ну хорошо, удачной работы тебе.

— Спасибо, ещё увидимся, — ответил я и прошёл мимо него ко входу в здание.

Начинался второй этап. По идее, мой пропуск должен был обладать электронным ключом, которым отпирались двери суда, чтобы пройти в место, куда мне был дан доступ для проведения профилактики.

Я подошёл к входной двери и приложил карту. Ничего. Я отнял её и приложил ещё раз. Безрезультатно. Третий раз — дверь оставалась закрытой.

— Чего там такое? — раздался сзади голос охранника, заходящего в будку.

— Всё в порядке, — сказал я и попытался приложить карту другой стороной.

Раздался щелчок. Вот идиот. Я обернулся на полицейского и показал тому рукой, что всё супер. Он махнул в мою сторону и зашёл в будку. За мной дверь закрылась. Внутри горел тусклый жёлтоватый свет. Я пошёл по карте, которая находилась в моей памяти. Наконец я дошёл до двери «Отдел Конфиденциальных Дел». У меня не могло быть сюда доступа, будь я настоящим сотрудником Министерства, но карту мне выдал сенатор и я приложил её к двери, а та ответила приятным для моих ушей щелчком.

Я сел за компьютер. Моя пластиковая карта открыла мне доступ к системе базы данных. Мои пальцы забегали по клавиатуре. Номер дела 406-11338. Не найдено. Я в недоумении набрал номер ещё раз, может в первый раз я допустил ошибку? Ничего. Я отклонился на спинку стула и подумал. Хорошо. Я ввёл название истца: Justice-Tech. Высветился длинный список судебных дел. А корпорация вела намного больше судебных процессов, чем я думал. И все они были конфиденциальными. Я начал листать список вниз, ища хотя бы что-то, намекающее на нужное мне дело. Файлов было слишком много и проверять каждый у меня не хватило бы времени. Вот. Justice-Tech против Макмарена. Номер дела выглядел следующим образом: 4*6-1**8. Что это за дело такое, если даже его номер в закрытой судебной системе был частично замазан?

Я с разочарованием обнаружил, что все файлы по делу не могли мне дать никакой толковой информации. Даже в закрытом доступе, это были сосканированные страницы, где практически все слова были замазаны чёрным маркером, а из тех, что остались, нельзя было сложить никакой осмысленной связи. Я начал открывать один файл за другим — ничего, везде одинаково. Кто-то позаботился, чтобы все материалы по делу остались в тайне.

Я приложил свою пластиковую карту к сканнеру на компьютере и нажал: «Убрать конфиденциальную маркировку с документов». В доступе отказано. Ни один файл не был читабелен. Я вышел из дела Макмарена и зашёл в другое, соседнее дело. Так же — все строки документов замазаны. Я пролистал список судебных дел с участием Justice-Tech и мой взгляд остановился на строке, в которой было написано: «Донован против Justice-Tech». Это что такое? Я нажал на строку, но файл дела, в отличие от предыдущих, даже не стал открываться. В доступе отказано. Я щёлкнул ещё несколько раз. Что за чёрт? Может мой

однофамилец? Скорее всего да, потому что я точно не подавал никаких исков против корпорации. Я начал листать дела дальше, вычитывая названия второй стороны, потому что первой из них всегда была Justice-Tech. Дел было несколько сотен. Листаю вниз. Число приближалось к тысяче. Я дошёл до самого первого судебного разбирательства с участием корпорации, которому был присвоен конфиденциальный гриф. «Купер против Justice-Tech». Я открыл произвольный документ в деле, но вся информация была замазана. Тогда я вернулся и нажал на самый первый документ, в котором должны были излагаться исковые требования. К моему удивлению, файл не был замазан. Я быстро побежал глазами по строкам печатного текста. Некий ***** Купер (его фамилия была мне незнакома) подал на корпорацию Justice-Tech в лице Директора Стиннера иск, в котором обвинял Директора в краже разработанной им самим технологии искусственного интеллекта. Обманным путём завладев разработками, Директор сделал патенты на своё имя, а мистера Купера долгое время запугивал шантажом. Каков именно был шантаж я прочесть не мог — далее практически весь текст был замазан. Интересно. Дело рассматривалось судьями-людьми, ещё до внедрения роботов. Я попытался найти ещё информацию в других документах, но мне было отказано в доступе. У меня было мало времени. Эти компьютеры хранили в себе очень много интересной и занятной информации, за которую многие журналисты бы жизнь отдали, но я пришёл сюда с одной целью, а если и дальше продолжу отвлекаться, то поставлю под угрозу её достижение.

Я встал и пересел за другой компьютер. Он открывал доступ в систему судебных решений. Я провёл картой, и система открылась. Введя в поиске запрос Justice-Tech против Макмарена, мне улыбнулась удача. Судебное решение. В нём можно было хоть кое-что прочесть.

«За ... и ..., суд, руководствуясь ..., а также ... постановливает, что Стив Макмарен, бывший сотрудник корпорации Justice-Tech, занимавший пост ... признан психически нездоровым и помещён в государственную лечебницу строгого режима № 3... на... до...». Далее чёрный маркер пресекал все попытки узнать, что же суд постановил ещё. Ладно, этого тоже вполне достаточно.

Я не мог перекидывать данные на сторонний носитель информации и, тем более, распечатывать их. Это было бы тут же зафиксировано. Просмотр файла так же не пройдёт незамеченным, но я надеялся, что обнаружат это не ранее нескольких дней, когда мой след здесь уже нельзя будет обнаружить.

Я хотел было выключить компьютер, но перед этим решил вбить в поиск ещё один запрос: «Донован против Justice-Tech». Ничего не найдено. Ладно, меня это не касалось.

Я закрыл файлы, выключил компьютер и направился к выходу. Я не оставлял отпечатков — на моих руках были перчатки. Когда я вышел из здания суда, полицейский удивленно спросил:

— Что, так быстро?

— Эй, меня жена дома ждёт, мне надо успеть пока не уснула, чтобы на что-то рассчитывать.

— Ах ты больной извращенец, — покачал пальцем полицейский, — твоя ночь только начинается, а?

— Здесь она закончена, — я отсалютовал ему и пошёл прочь.

Мне удалось. Правда это и стоило мне нервов. Я достал информацию. Значит, Стив был жив. Более того, изолирован и помещён в психиатрическую лечебницу. Самой же

корпорацией. Одно из двух — либо он действительно говорил правду, которую списали за бред сумасшедшего и поместили подальше от людей, чтобы он никому не проболтался, либо он был самым настоящим больным, невменяемым, которого оградили от общества не с целью сокрыть, а обезопасить людей от ещё одного психа. Один дурак сказал, другой дурак поверил. Третий дурак сделал. Да, если Стив психически больной на пару с Триссом, то я выглядел ещё большим идиотом на их фоне после всего, что совершил. Ну а что теперь — нужно было доводить дело до конца: убедиться в своих опасениях, или развенчать их.

Я взял в руки телефон. Набрал номер Терри. Шли гудки, трубку он не брал. Спит наверное. Хорошо, сообщу ему о находке друга позже. К тому моменту и сведений у меня, надеюсь, будет больше. Сейчас я не желал терять время, чтобы ждать, пока Терри выйдет на связь. Он был мне пока что и не нужен.

Переодевшись у автомобиля, я сел внутрь и поехал сперва сжечь все вещи, которые принадлежали абстрактному сотруднику Министерства Юстиции. Остановился в безлюдном месте, сложил их в кучу и облил из канистры с бензином. Я стоял и смотрел как они полыхали. Мне ясно дали понять, чтобы я не оставлял никаких доказательств своего проникновения в Архив Суда. Нельзя было их просто выкидывать. Одежда сгорела первой, пластиковое удостоверение потрескивало, перчатки разили неприятным запахом резины, пока огонь пожирал их. Кейс с инструментами был сделан из легковоспламеняющегося материала и через несколько минут полностью выгорел.

Я нарушил несколько пунктов федерального уголовного закона. Мучала ли меня совесть? Ни капли. Остался лишь пепел и груда непонятного вида остатков. Я раскидал их ногой, загреб пылью с дороги и вернулся в автомобиль. Ночь была далеко не окончена.

Я остановился на заправке. Заполнил бак доверху, а сам прошёл в магазин, где находился кофейный аппарат. Кофе из него получился отвратительный, но другого поблизости было не попробовать, да и времени у меня особо не было. Государственная лечебница строгого режима № 3.

Лечебница не была общедоступным местом. Строгий режим в названии подразумевал заключение в ней лиц, которые несли серьёзную опасность для окружающих, или совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, но в силу своего психического состояния не подлежали удержанию в обычной тюрьме. Мне нужна была весома причина, чтобы проникнуть внутрь. Я открыл ноутбук и зашёл в базу данных Ассоциации людей-адвокатов. Там я принялся просматривать дела, которые вёл на протяжении многих лет. Я нашёл то, что искал. Шесть лет назад мой клиент, Дин Кассель был признан (моими усердными стараниями) психически нездоровым, опасным для окружающих и помещён в эту лечебницу. Он совершил двойное убийство из мотивов ревности, ему грозила смертная казнь, но я смог сохранить ему жизнь. Интересно, не превратилась ли теперь она в жизнь овоща после всех препаратов, которыми его пичкали на протяжении шести лет? Не важно. Меня не волновала его судьба. Мне нужны были сейчас лишь бумаги по его делу. Их я распечатал на заправке, благо там стоял принтер, хоть и безнадёжно устаревший.

На подъезде к лечебнице располагался блок-пост. Я показал судебное решение, которым Дин Кассель, мой дорогой клиент был приговорен к содержанию в этом ужасном месте, а мне так не безразлична его судьба, что последние шесть лет я только и занимался поиском доказательств, которые бы доказывали его невиновность. Наконец я их нашёл, и не могу ждать не то что утра, мне даже ждать трудно пока меня охрана пропустит — ведь у

меня есть сведения, что человек, возможно, по ошибке содержится в столь злополучном месте, и его психика уже безнадежно травмирована. Потому я должен как можно быстрее попасть к нему, увидеть его, поговорить с ним. О чём? Я не могу рассказать, ведь это адвокатская тайна — придуманная людьми конструкция, которой можно прикрываться в любой неудобной ситуации. Спросят о чём-то, а ты не хочешь отвечать. Надо говорить, что по аналогичному вопросу у тебя есть дело одного клиента, и ты не можешь обсуждать эту тему, так как можешь навредить интересам клиента, и тебя защищает адвокатская тайна. Охрана кивала, понимая, и пропустила меня, указав, что машину следует оставить возле их поста, а дальше идти пешком. Спасибо и на этом.

Психбольницы сами по себе были жуткими местами, а ночная тьма придавала им ещё более зловещий колорит. Каким ранее нуждам служило это здание? Выглядело оно словно особняк знатных вельмож-плантаторов восемнадцатого века, только в разы больше и масштабнее. Широкие прямоугольные окна были полностью зарешечены, все до единого. Света в окнах не было. Мне показалось или у одного окна на третьем этаже стоит женщина? Я присмотрелся. Действительно, она стояла у окна, длинные черные волосы, белая рубашка в пол, худые стройные ноги, женщина стояла прямо и ровно, не двигаясь. Она неотрывно смотрела меня, провожая идущего взглядом. Мне бы, может, и стало слегка жутковато, но сейчас я был окружён другими заботами. Я прошёл через красивый сад, деревья в котором были подстрижены в различные фигуры и встал у двойных створок на входе в здание. Открыл.

— Я хочу поговорить с дежурным врачом, — так я пояснил свой поздний визит пожилой женщине в приёмной.

— Доктор Хилл дежурит сегодня. Скажите, пожалуйста, своё имя, я вас запишу.

— Нет-нет, это лишнее. Он знает меня, я не по медицинским делам.

Коридор приёмной пустовал, никаких людей кроме крепкого на вид медбрата, сидевшего на стуле, вернее — дремавшего на нём, не было. Я прошёл к кабинету, над которым висела табличка «Дежурный врач» и зашёл.

В таких делах не следовало идти к начальству. Руководители всегда являлись более ответственными, чем сотрудники низшего звена и понимали всю полноту последствий своих действий. Они долго шли к своему шефскому креслу, и боялись его терять. Потому они очень редко соглашались идти на уступки, а если такое и случалось, то заламывали космическую цену, которая не стоила уплаченного за них дела.

Вопросы нужно было решать с теми, кто мог решить их напрямую. Всё равно начальник после взятки поручит исполнить действия своим подчиненным, так почему бы не направиться сразу к ним?

За столом сидел чернокожий мужчина лет пятидесяти. Высокий рост, широкоплечий. В белом халате с короткими рукавами. Крепкие руки. Я думаю, такой мог с одинаковым успехом как лечить, так и утихомиривать больных.

— Могу ли я вам чем-то помочь? — спросил он низким басом.

— Да, разумеется, — кивнул я и закрыл за собой дверь. Пройдя к врачу, я сел на стул перед ним, — как раз вы мне и нужны, доктор Хилл.

— Я вас слушаю, — он вытянул руки и скрестил пальцы.

— Мне очень необходима информация, которой располагает один человек, и оттого, что он скажет, будет зависеть очень многое для меня. Моя личная безопасность, понимаете? Я ищу Стива Макмарена.

Доктор Хилл поджал губы и вздохнул:

— Я не знаю такого. Да если бы и знал, я не имею права пропускать посетителей к нему. Кого бы то ни было. Будь то жена, которая родит от него сына через пять минут, умирающий первый школьный учитель, кузен, мать родная или даже сам апостол Павел, явившейся лично, чтобы забрать его душу на небеса.

Я не услышал ничего такого, чего не ожидал бы. Молча, я взял его руку и вложил туда купюру в сто долларов. Взглянув в свою ладонь, он сделал выражение лица, будто только что вспомнил нечто очень важное:

— Хотя я и обладаю определёнными полномочиями здесь, но их, к сожалению, не достаточно.

Я повторил свои действия с ещё одной соткой.

— Как вы говорите зовут нужного вам человека?

— Стив Макмарен.

— Стив Макмарен, — протянул врач, словно пытался вспомнить, — да, точно. Поместили в одиночную палату полторы недели назад. Острая форма шизофрении, расстройство мышления, бред и мания преследования. К нему нельзя посетителей.

— Мне действительно нужно с ним поговорить, — сказав это, я достал ещё купюры и протянул доктору.

Тот принял, осмотрел и спросил:

— Неужели вы думаете, что я буду рисковать вашей жизнью, подвергая её угрозе, общением с таким опасным человеком, ради тысячи баксов? Нет, вы слишком хороший человек, чтобы так рисковать.

— Больше двух я не дам, — невозмутимо проговорил я.

Он немного замялся, видимо терзаемый собственной жадностью, желая больших денег, но в итоге успокоил свои чувства и ответил:

— Ну, больше двух и не нужно, я думаю за такую сумму я смогу обеспечить вам безопасность во время общения.

Доктор Хилл спрятал две тысячи сто долларов в карман, улыбнувшись мне:

— Надеюсь, Господь Бог простит нам это!

Я ничего не ответил, лишь пожал плечами. Если не простит, я переживу. Я верю в Бога только когда ко мне приходят истинно верующие клиенты. Нужно будет, я и в иудейского Бога поверю если на пороге моей конторы будет стоять раввин и захочет обсудить со мной Тору. Лишь бы это подвигло клиента довериться мне и заплатить за мои услуги.

Врач закрыл свой кабинет, подошёл к дежурной и обратился к ней:

— Я скоро буду, отлучусь ненадолго.

Вход во внутренние помещения лечебницы закрывался несколькими замками, которые для нас отпер санитар, несший дежурство возле них. Длинные прямые коридоры уходили в стороны, освещаемые тусклым жёлтым светом ламп. Все окна закрывали толстые решётки. Прямых углов, лишних предметов — ничего такого, обо что больные могли бы себя травмировать, не было. Несколько минут мы шли, прежде чем доктор Хилл остановился.

— У вас будет десять минут. Запомните, что камеры внутри палаты фиксируют всё происходящее, и в случае чего, если это будет связано с каким-нибудь преступлением, или с больным что-то случится, вся вина будет лежать на вас. Меня то здесь и не было.

— И меня не будет через десять минут, — ответил я.

Хилл приложил пластиковую карту к специальному дисплею у входа в палату. Что-то

пискнуло, раздался щелчок, и дверь открылась.

— Макмарен, просыпайся, ты нужен одному человеку, — крикнул доктор и отступил в сторону, после чего обратился уже ко мне, — я дверь закрою, если он на вас накинется, зовите меня. Но вообще он спокойный, поэтому лекарствами мы его не каждый день качаем. Сегодня язык у него не должен заплетаться.

Я вошёл внутрь. Сзади хлопнул замок. Комната была пустой, стены покрыты мягким материалом. Прикреплённая к полу кровать имела округлые формы. Это было единственное из мебели. Зажегся свет, и сонный Стив привстал со своего спального места, не понимая, смотря на меня. Он был в смиренной рубашке.

— Кто вы?

— Стив, меня зовут Донован, я из Ассоциации людей-адвокатов.

После моих слов он окончательно проснулся. Его лицо выражало недоверие и подозрение. Он осмотрел меня с ног до головы, но ничего не ответил.

— Я хочу задать тебе несколько вопросов. Я виделся с твоим другом, Эдгаром, хотя он называет себя Крисом Терри, и он...

— Этот чёртов ублюдок! — воскликнул Стив и подскочил с кровати. Я предусмотрительно отступил на пару шагов назад.

— Тише, пожалуйста, не шуми, иначе нам не позволят продолжить беседу.

— Эдгар Льюис? — вскричал Стив, — он хочет меня убить, проклятый робот! Крис Терри — это название модели! Если бы я не понял это тогда, и встретился бы с ним хоть ещё раз, он меня убил бы! — его голос звучал чуть тише.

Я был в замешательстве. Судьба в последнее время играла со мной злую шутку, постоянно заставляя задавать себе вопрос, почему я общаюсь с психами.

— Что ты хочешь сказать под словом робот? — я постарался сохранить тон голоса невозмутимым.

— Это он послал тебя сюда? Он знает, что я здесь? Что он говорил? — постепенно Стив перестал кричать на повышенных тонах. Но было видно, что он крайне возбуждён.

— Он пришёл ко мне в мою юридическую контору и сказал, что я в опасности. Рассказал, что ты узнал о неких разработках в Justice-Tech, которые направлены на создание робота, выглядящего как человек. Сказал, что ими хотят заменить известных личностей в государстве, а начать планируют с людей-адвокатов. Он сказал, что в моём кабинете есть жучок, и я действительно его обнаружил. По его словам, после того как ты докопался до истины, ты исчез, он попросил помочь найти тебя, а после — обнародовать для людей всю эту информацию. Но ему неизвестно, что ты здесь, я ещё не сообщил ему.

— У него произошёл перегруз системы и сейчас он опасен. Не говори ему, где я, и тебе я тоже не советую с ним видеться.

— Я не пойму, объясни мне.

Он присел на край кровати и задумался. Собравшись с мыслями, он посмотрел на меня и принялся объяснять:

— Он сказал тебе правду, да. Но не всю. Видишь ли, он сам не знает, что он робот. Годы мы работали над системой, которая бы смогла быть идеальной для взаимодействия с живыми людьми в судах. И мы создали её. Но не бывает идеала. Наша цель была создать компьютерный интеллект. Перед нами ставили ежедневную задачу — сделать его лучше, чем был вчера, и так каждый день. Но когда уже казалось, что созданный разум для робота — это потолок, который и отличает его от человека, мы всё равно продолжили. Мы

попытались стереть границы в разуме, в котором бы заканчивался робот и начинался человек. Корпорация засекретила эти разработки. Мы работали и не знали, над чем работаем, даже мне, занимающему на то время очень высокий пост, не была ясна вся картина целиком, лишь маленькие её части, из которых невозможно было сложить всё воедино. Затем разработки перевели в новый недавно созданный секретный отдел, изолированный от остальных работников корпорации, где мы продолжили свою работу. И в этом отделе мы стали получать больше знаний о том, что делаем. Мы пытались научить роботов чувствам, пытались моделировать их поведение в ситуациях, которые и близко не были похожи на судебные. Словно делали всё, чтобы приспособить роботов к обычной жизни. К жизни схожей на человеческую. И когда после очередного повышения я получил новый уровень доступа, вся картина сложилась для меня целиком. Justice-Tech создавала робота, который был призван заменить человека. Но главное — чтобы робот сам не идентифицировал себя как робота, а люди вокруг него и подавно. Таковой была задача нового отдела. Поведение робота до точности должно было копировать человеческое, впрочем, как и внешний вид. Идея была такова: чтобы я был робот, но жил как человек, и все думали, что я человек. И чтобы я сам также думал — что я человек. Но мои мысли, спонтанно приходящие мне в голову и определяющие мои жизненные цели, приходили ко мне из главного центра в Justice-Tech. Но суть в том, что созданная органическая машина, биоробот, способна к самообучению. Она может получать какие-то мысли из Justice-Tech, а другие к ней будут приходить сами — вследствие деятельности его биороботного мозга. Конечно, приоритет всё равно оставался на выполнение приказов, посылаемых из корпорации, но, чтобы робот воспринимал их как свои собственные идеи.

— Если действительно такой создан, то, как его отличить от живых людей?

— Стороннему человеку практически никак. Даже чувство усталости у них есть, потому что специальная программа выбрасывает определённые элементы, которые слегка затрудняют их работу. Одни элементы восстанавливаются только после сна, а другие — после приёма пищи. Они чувствуют потребность в воде, в исправлении нужды, в сексе, в конце концов. У них есть Программа, она анализирует нагрузку как интеллектуальную, так и физическую, которая была у робота и на основе этого «прививает» ему усталость. На самом деле это совсем не обязательно, и они могут работать круглосуточно, но такая принудительная блокировка функций сделана специально для соответствия с живыми людьми.

Чем больше Стив говорил, тем больше развеивался мой скептицизм. Это не были речи больного человека. Хотя те же шизофреники являлись умнейшими людьми. Но если слова Стива были правдой, то я влип в очень запутанную историю, масштабов несравнимых с моими предыдущими делами. Мне хотелось ему не верить. Я и не верил до конца.

— То, что Терри — робот? Откуда ты узнал? Из базы данных, к которой получил доступ? — спросил я.

Внезапно за спиной щелкнула дверь, и заглянул доктор Хилл. Без слов он показал на руку, где должны располагаться часы.

— Дайте мне немного времени, я добавлю, — попросил я его.

Он нервно посмотрел по сторонам в коридоре, а потом на камеру, расположенную внутри и недоуменно спросил:

— Что добавите?! Я не понимаю, о чём вы! — вид у него был возмущённый. Но всё же он вышел и перед тем, как вновь закрыть дверь, произнёс одними губами, — потом.

— Нет, нет, — продолжил Стив, — информация эта засекречена абсолютно, и я предполагаю, что доступ к ней имеют лишь члены исполнительного совета корпорации, а может лишь только сам Директор. Потому я не знаю, когда был запущен первый робот и один ли, не знаю настоящих имен. Но я думаю, что первый пошёл в люди около года назад. Я не слышал, чтобы он называл себя Крис Терри, но такое название имела программа искусственного интеллекта, к которой я получил доступ. И когда я всё понял, я был ошеломлен, я возмущился, я был подавлен. Мы не имеем права создавать такое. Мы не Господь Бог, чтобы творить жизнь из ничего. Только он может создавать человека, но не мы.

Стив обреченно опустил голову. Глубоко вздохнул и продолжил:

— Я пришёл к Эдгару, потому что за последний год он стал моим близким другом, которому я мог доверять. Мне больше не с кем было поделиться своими переживаниями, а они у меня до сих пор такие, что не передать словами. Ведь я собственноручно помог запустить этот бесчеловечный механизм. И я пришёл выговориться к Эдгару. Я тогда не думал, что они приспособили робота-юриста к жизни инженера, но теперь понимаю, что это не сложно. Просто заменили знание законов на знание техники и электроники, изменили у него алгоритм, вот и все. Сейчас то я анализирую, что если робот был запущен год назад, то и с Эдгаром я познакомился приблизительно тогда же. Это подстроила корпорация, когда перевела его под моё прямое руководство. Они хотели, чтобы он взаимодействовал и развивался близко к одному из своих создателей, но, чтобы никто из нас не знал правды. Робот не знает, что он робот. Он убеждён, что он человек. Ранее у нас с ним не было неординарных ситуаций. Я, бывало, жаловался ему на свою жену, которая меня бросила, а он, согласно смоделированным ему реакциям, вроде бы жалел и поддерживал меня... Но, когда я рассказал всё, что обнаружил, он попытался приободрить меня, убедить, что такое невозможно и я ошибаюсь. Он вообще был весёлым парнем. И как-то я и сам не заметил, что в шутку сказал, что каждый может быть роботом. Что он сам может быть роботом, а я этого и не знаю. Вот тогда он и повёл себя крайне странно. Около минуты он стоял на месте, словно отключившись, я забеспокоился, что с ним произошёл какой-то припадок, но затем он словно очнулся и сразу же накинулся на меня. Попытался схватить. Я еле смог сбежать. После чего он пришёл к руководству Justice-Tech и сдал меня. Я был схвачен, помещён сюда. Не могу быть до конца уверен в причинах, почему у него произошёл сбой, но это случилось, и он стал опасен.

— Объясни поподробней, — попросил я. Услышанное не укладывалось в моей голове, если он был прав, то мир словно переворачивался с ног на голову и мои худшие опасения, которые я упрямо не впускал в область моего мозга, отвечавшие за правду, подтверждались.

— Понимаешь ли, они живут в равновесии. В своём мире. В мире, который состоит из юриспруденции для юристов, в мире технологий и символов для инженеров. Когда-то ты был одним из тестеров роботов, сейчас я вспомнил. Вы ставили им юридические ситуации, из которых они не находили выхода. Когда нашли — мы поняли, что создали идеального робота-юриста. Но жизненная среда людей намного сложнее понятных и логичных законодательных актов. Если робот столкнётся со стечением определённых жизненных факторов и обстоятельств, на которые у него не запрограммирована или ещё не выработана в процессе самообучения по аналогии и логики реакция, согласно человеческим психоданным, его система не выдержит нагрузки, как было во времена, когда вы их тестировали, и он может довести себя до самоуничтожения.

— В каком смысле самоуничтожения?

— В прямом. На создание идеального интеллекта для машины, которая бы смогла абсолютно ужиться с людьми могут уйти года. Десятилетия. Но на создание им настоящих чувств — целая бесконечность. Люди рождаются с разным набором предрасположенностей к тем или иным чувствам. Именно благодаря чувствам люди не предсказуемы. И когда мы пытаемся поиграть в Бога и привить чувства роботам, мы потерпим неудачу. И наша неудача делает роботов непредсказуемыми — они не знают, какую модель поведения выбрать, в них не заложена информация как человек поступил бы, доверяя своим эмоциям. Они могут быть даже опасными в некоторых ситуациях, правда, я не могу с уверенностью сказать в каких. Наверное, в тех, из которых не могут найти выхода. Тогда их действия не поддаются никаким прогнозам. Эдгар не смог найти выход из ситуации, когда я рассказал ему о своём открытии, а затем пошутил, что он может быть одним из роботов. Его система не нашла выход. Включилась программа самозащиты, он воспринял информацию как угрозу своей системе, следовательно, и меня воспринял как угрозу, потому напал на меня.

— Как я смогу убедиться, что он робот?

— Определить только можно будет в сфере, касающейся его чувств. Мы запрограммировали в интеллект набор стандартных ситуаций, которые он якобы пережил. Попробуй расспросить его об этом, а, получив ответы, узнай — почему именно так.

— Какие вопросы? — спросил я. Я всё ещё ему не верил, но попытаться проверить стоило.

— Первое — о религии. Мы не стали делать их верующими. Второе — о любви. У него отсутствует близкий человек, которого он любил бы. Женщины нет, и объясняет он это будто бы неудачным прошлым опытом, после которого разочаровался в отношениях. Третье — родственные связи. С родственниками он не общается, либо их уже нет в живых. Четвертое — досуг. Он не знает ничего, кроме своей работы, он не желает развлекаться, ему это неинтересно. Пятое — счастье. Он не знает, что это такое, но говорит, что его работа делает его счастливым. И шестое — это событие. В нашем случае — год назад Эдгара перевели на другое рабочее место, и он думает, что из-за работы теперь ограничено его общение с бывшими друзьями, на которых у него не стало времени — всё это для того, чтобы они ничего не заподозрили, чтобы не заметили никаких изменений в нём, ведь роботы не создаются как новые личности, корпорация проводит замену реальных людей. Можешь задать ещё другие вопросы насчёт чувств, это те, которые мне сразу пришли в голову. Но будь крайне осторожным выпытывая детали и объяснения. Не найдя их в памяти, он сам не будет понимать почему они отсутствуют, у него произойдёт перегруз, который сделает его опасным для тебя.

— Хорошо. Если твои слова подтвердятся, что мне делать?

— Я точно уверен, что в ближайшее время тебя попытаются заменить на работа. Возможно, это будет кто-то из ваших коллег, вначале. Но в итоге это коснется каждого человека в Ассоциации. Ваша память будет просканирована, и ваши воспоминания внедрятся в мозг роботам, которые займут ваши места, предварительно пройдя цензуру. Вам нужно донести всё до сведения людей. Чтобы вам поверили, нужны доказательства. Неопровержимые. Я только хотел сделать это, тем более я имел доступ к такой информации напрямую, и Эдгар донёс на меня, я был схвачен. В моем доме, на заднем дворе есть тайник — под деревом, на глубине пол метра лежит пластиковая коробочка, в которой я храню устройство для взлома их систем защиты от проникновения. На случай, если бы меня лишили доступа, я всё равно смог бы попасть в корпорацию и скачать данные. Специальная

пластиковая карта запрограммирована на выкачку всех данных с компьютера, к которому её подсоединяешь, адаптирована к компьютерам Justice-Tech. Вначале нужно сломать систему компьютера, чтобы данные стали доступны. Для этого в коробке ты найдешь флэшку — подсоедини её, и она всё сделает за тебя. Потом приложи карточку — информация у тебя. Если бы не Эдгар, я бы смог сделать это сам, но мне не позволили... У тебя может получиться. Но не говори ему о своих планах. Моментально он донесёт на тебя в корпорацию. Выведи его из строя вопросами, а когда он нападёт, будут веские причины нейтрализовать его — самозащита, верно?

— Ну всё парни, слишком долго, — доктор Хилл открыл дверь, и всем своим видом показал, что на этот раз он не уйдёт, — выходите. Seriously. Вы перебрали все временные рамки.

Я встал и посмотрел на Стива.

— Всё запомнил?

— Да, спасибо тебе. Я постараюсь сделать всё, чтобы вытащить тебя отсюда.

Он ничего не ответил, только благодарно кивнул мне. Я вышел. Доктор закрыл дверь. Я достал из портфеля деньги и отсчитал ещё тысячу долларов, протянув их доктору. Я знал куда иду, и взял с собой много денег. Хилл жадно посмотрел на пачку купюр, которые я спрятал обратно, и на его лице прочиталась мысль: «Не продешевил ли я?».

Когда я вышел с территории лечебницы я обнаружил, что проникся сказанным Стивом. Сам для себя я упустил момент, когда начал воспринимать его слова всерьёз. Чёрт, а что если он прав? Мне было плевать на общество, но если это касалось бы меня... Лэндона Донована хотели заменить на робота? Интересно, что бы я чувствовал в этот момент? Что бы сделали со мной настоящим? Я бы умер, а одновременно с этим родился такой же я, с аналогичными воспоминаниями, который бы считал себя самым собой — Лэндоном Донованом? И я бы не знал, что я робот. Все мои воспоминания казались бы настоящими. Я бы не помнил, чтобы меня меняли, я бы помнил свою жизнь с рождения, даже если бы она мне была дана только вчера путем работы инженеров и программистов. От таких мыслей мне стало жутко. Определённая ирония жизни в том, что после работы в Justice-Tech Стив угодил в психушку была. После таких мыслей действительно можно было сойти с ума.

Я достал свой телефон, который предварительно поставил на беззвучный режим. Два пропущенных вызова. Звонил Крис Терри. Или Эдгар Льюис. Смотря, о ком мы говорили — о человеке, или о роботе. Или о человеке, который прикрывался ненастоящим именем, чтобы обеспечить свою безопасность. Я не взял слова Стива за истину в последней инстанции. Мне нужны были доказательства. Но я был склонен ему верить, события складывались таким образом, что дело было явно нечистым. Да, Стив умеет убеждать. После разговоров с ним даже своей матушке доверять перестанешь, не говоря уже о незнакомце, который затянул меня во всю эту историю. Хотя я никогда никому не доверял. Я был юристом, а юрист, который доверял своим клиентам и слепо верил их словам, был безработным юристом. У меня, к счастью, работа была.

И только когда я сел в машину, меня озарило — я совершил упущение. Непростительное для юриста моего ранга. Я ударил себя ладонью по лбу. Идиот. Я же не спросил где именно находится дом Стива.

Стоп. Есть одна идея. Я перезвонил Терри.

— Мистер Донован?

— Здравствуйте, Терри.

— Вы звонили, извините, я не мог говорить. Вы узнали что-то новое насчёт человека, о котором я вас спрашивал?

— Нет, я звонил вам с тем же вопросом — может вы вспомнили нечто, что помогло бы мне? Какую-то новую информацию?

— Нет, я изложил вам всё, что мне было известно.

— Хорошо. Вы проверяли дом Стива? Может там оставлены какие-то зацепки?

— Нет, честно говоря, не проверял.

— Какой у него адрес? Я думаю, стоит начать поиски с места, в котором он наверняка был незадолго перед исчезновением.

— Отличная идея. Он жил на шестьдесят четвертой улице, дом десять.

— Хорошо, Терри. Если я хоть что-то узнаю — сообщу.

Я положил трубку.

В забегаловке, которая работала круглосуточно, я пил уже вторую чашку кофе. Вымученная официантка принимала заказ у молодых ребят на противоположном конце зала, а другая — посвежее и симпатичнее, с тоннами косметики на лице, вытирала тарелки за стойкой. Возле двери, ведущей на кухню, пробежал таракан. Из колонок, висевших по углам раздавался тихий джаз 50-х годов. К потолку поднимался дым от сигары, которую курил сидевший недалеко от меня старик. Эта ночь затянулась. Завтра мне предстояло представлять мистера Джоковича на очередном заседании. Благо, документы уже были готовы. Нужно было готовить апелляцию по делу Майкла Стибера, и сама она точно не напишется. Ещё завтра должен был зайти журналист Сол для интервью. Обычная жизнь. Какого чёрта я впустил Криса Терри к себе в контору после закрытия... Зачем я лез в эту задницу всё глубже и глубже? Что я пытался там отыскать? Что, по-твоему, Лэндон Донован, ты мог найти в заднице?

Мне на нос села муха, я тряхнул головой, прогоняя её.

— Ещё кофе? — спросила официантка, забирая пустую чашку.

— Пожалуй, да.

Почему я не думал о последствиях? Проникновение в архив суда. Проникновение в лечебницу. И что дальше — проникновение на территорию частной собственности Стива, пусть и с его разрешения, сидящего в дурдоме, и прямоком оттуда с флагом в руках проникновение в Justice-Tech?

Официантка принесла мне кофе.

— Может что-то ещё?

— Нет, спасибо.

— У вас усталый вид, может вам нужно расслабиться? — она подняла бровь, — у меня сейчас дел совсем нет, и я могу приготовить вам моё фирменное блюдо, — договорив она наклонилась ближе к столику, верх её футболки свесился, полуобнажив декольте небольшой груди, она кивнула в сторону кладовки.

— Ты хоть руки-то моешь? — раздражённо спросил я.

Её лицо искривилось в гримасе, и она ушла. Больше кофе заказывать не буду. Наверняка ведь плюнет в него. Хотелось бы мне плюнуть на всё и поехать домой, отоспаться, а завтра приступить к работе над делами в своей конторе. Но я себя знал. Не дойду до истины — и буду гложить себя до конца моих дней. Допил кофе, бросил на стол двадцатку, встал и вышел.

На улице было прохладно. Самое время подумать о покупке нового плаща, предыдущий я случайно порвал ещё в прошлом сезоне, а проводя большую часть времени в машине, новый как-то и не покупал.

Я поехал на шестьдесят четвёртую улицу. Машину решил оставить за несколько кварталов до дома номер десять, выключил фары и заехал в арку. Дошёл я пешком, стараясь идти по неосвещённым местам улицы.

Дом Стива был самым обычным и ничем не выделялся на фоне остальных. Я поднялся по входной лестнице, ведущей на крыльцо. На моих руках были перчатки. Дёрнув дверную ручку, я убедился, что заперто. Проверить не было лишним. Двор находился за домом, соединявшись с двором соседей, за которым так же был дом, выходя на противоположную улицу, параллельную этой. Я пошёл другим путем. Между соседским жилищем и домом Стива был небольшой переулочек, с двух сторон которого возвышались заборы. Я зашёл в него и, дойдя до места, где должен был начаться двор, подпрыгнул, ухватившись за верх ограды. Подтянув своё тело, я перелез. Под ногами я почувствовал невысокую траву. Везде росли ухоженные цветы. У дальнего конца территории росло одинокое дерево, половина которого по непонятным причинам засохла. Я подошёл к нему. Скоро должно было начинаться светлеть. Необходимо закончить здесь до момента, пока взойдёт солнце. Из машины я захватил маленькую сапёрную лопатку, которую когда-то положил в багажник «на всякий случай». Вот он и наступил.

Я принялся копать. Стив не сказал, с какой именно стороны дерева закопал коробку. Я выкапывал ямы, на глаз оценивая их в пол метра, и не находя ничего, продолжал копать по периметру, вокруг корней. Небо серело. Я копал далее. Время от времени вдалеке раздавался лай собаки. Несколько раз я услышал, как по улице проехала машина. Когда я уже был насквозь мокрым от пота и испортил свои туфли в земле, передо мной была сплошная яма округлой формы, в центре которой возвышалось дерево. Ну где же ты коробочка? Я представил, каким же кретином буду, если Стив на самом деле обычный душевнобольной, который убедил одного из лучших людей-адвокатов ночью в своём дворе выкорчёвывать дерево небольшой лопаткой. Словно для того, чтобы отогнать такие мысли я принялся копать в старых местах вглубь и почти что сразу почувствовал, как лопата наткнулась на что-то твердое. Я нашёл коробку. Времени, чтобы закапывать яму не было, хоть она и могла быть видна со двора напротив. Солнце начинало всходить, и скрывать свои раскопки было поздно. Я перелез через забор и повернулся, чтобы выйти из переулочка, как наткнулся на мужчину, который совершал утреннюю пробежку. Он удивлённо посмотрел на лопату и коробку в моих руках, затем на меня. Сцена, когда я со всем этим перелезал через забор чьего-то дома, не была у него в списке дел «увидеть утром при ежедневной пробежке». Я быстрым шагом пошёл в другую сторону.

— Эй! — донеслось мне вслед. Я ускорился.

— Эй, ты! Я звоню в полицию!

Я бросился бежать. Обернувшись, я увидел, что мужчина стоит с телефоном, скорее всего, набирая номер полиции. Я споткнулся и упал, больно ударившись коленом. Порвал брюки. Сзади донеслись какие-то слова, но я их не разобрал. Я добежал до своей машины, открыл её, кинул лопатку в багажник, а коробку положил в салон на заднее сидение. Сел внутрь. Завёл мотор. Нажал на газ и, развернувшись, поехал в сторону своей конторы.

Тот мужчина не видел мою машину, но её мог заметить кто-то другой. Останови меня сейчас патруль полиции, и даже я, со всем своим адвокатским талантом изворачиваться, не

смог бы отговориться от них — весь потный, грязный, вонючий, и с лопатой в багажнике, на которой осталась прилипшая земля.

На полпути я затормозил и стал у обочины. Взял в руки коробку. Она была запечатана скотчем в несколько слоёв, справившись с которыми, я снял крышку. Внутри, в специальных нишах, защищённые поролоном, лежали три вещи, о которых говорил Стив. Аппарат с торчащими двумя проводками, похожий на шокер, судя по всему, был моим пропуском внутрь, деактивируя систему защиты и открывая мне двери. Пластиковая карта, без единых обозначений с магнитной полосой сверху и миниатюрная флешка для взлома компьютеров. Мне нужно было избавиться от коробки и лопаты. Но не так близко от места, где меня уличили в проникновении.

Я поехал далее. Путь к своей конторе я выбрал не самый короткий, поехав в объезд, по дороге, которая проходила через мост над рекой. Я знал, что она глубока. Остановившись, дождавшись пока в обозримости не будет других автомобилей, я кинул лопатку с моста, и та, булькнув, стремительно пошла под воду. Коробку я сожгу. Или всё же пускай себе плывет? За лопатой вслед полетела и коробка, плюхнулась в воду и медленное течение увлекло её прочь.

Я вновь сел в машину и не слишком быстро, не нарушая установленный скоростной режим, поехал. Солнце уже висело высоко. Автомобилей на дороге прибавилось.

До конторы оставалось несколько минут езды, когда после проезда очередного перекрестка, в зеркало заднего вида я заметил чёрный седан, который стремительно приближался ко мне. Он выехал на встречную полосу, и поравнявшись со мной, повернул вправо, подрезая меня. Я принял ближе к обочине и засигнал, заодно покрутив пальцем у виска. У седана открылось окно, я увидел двух мужчин в черных костюмах, которые принялись показывать мне рукой, чтобы я остановился. Неужели полиция так быстро нашла меня?

Я не был гонщиком, и опыта ухода от погонь у меня не было, а потому я затормозил. Вещи Стива я спрятал в бардачок. Седан остановился передо мной наискосок, таким образом, чтобы задней частью заслонить мне путь вперёд. Водитель и пассажир вышли из машины. Я открыл дверь и тоже вышел. Разведя руки, я спросил, уже чувствуя что-то неладное:

— В чём проблема, парни?

Один из них развернул удостоверение.

— Служба безопасности Justice-Tech. Директор Стиннер приглашает вас, мистер Донован, на частную беседу.

Лучше бы это была полиция.

— Я польщён. Передайте Директору, что я с удовольствием приму приглашение, но несколько позже. У меня сейчас есть неотложные дела, которыми я должен заняться. Да и как я пойду к Директору в таком виде?

Они вздохнули практически одновременно.

— Понимаете, мистер Донован, формулировка приглашения — только лишь для приличия. На самом деле вы должны воспользоваться приглашением в любом случае и прямо сейчас. Если желаете, мы можем помочь вам сесть в нашу машину, — договорив это, он движением запястья отвёл край пиджака в сторону. Я увидел висящий на поясе пистолет.

Я всегда подозревал, что демонстрация оружия может заменить с десятков минут вежливой беседы, помогая быстрее убедить человека, но удостовериться на личном опыте у

меня ещё не было возможности. До этого момента.

— Ну, если вы настаиваете... — я подошёл к ним.

— Вашу машину мы не станем оставлять, не волнуйтесь, — проговорил тот, что с пистолетом, — мой коллега сядет за руль и поедет за нами. Как только вы поговорите с Директором Стиннером, сможете уехать по своим неотложным делам, ваша машина будет припаркована у главного офиса корпорации.

Я сел на заднее сидение, которое передо мной вежливо открыли. Вообще на удивление воспитанные люди. Мы двинулись с места. Я обернулся — второй тип за рулем моей машины ехал позади.

У входа в корпорацию было людно — начинался рабочий день. Черета сотрудников вела от ступеней у входа на улицу. Мы прошли в обход всех и по пропуску сотрудников службы безопасности вошли внутрь. Ранее я часто бывал здесь, когда проходили разработки первых роботов, после чего заходить в Justice-Tech мне не было надобности. Пройдя холл, по служебному лифту мы поднялись на последний этаж, где располагалось руководство. Мы вошли в приёмную Директора. Секретарша по коммуникатору сообщила о моём прибытии.

— Проходите, пожалуйста, — она пригласила меня внутрь.

Я зашёл, а двое, что привели меня, остались за дверью.

— Мистер Донован, если бы не сложившиеся обстоятельства, я бы сказал, что рад вас видеть, — Директор Стиннер стоял на середине своего кабинета. Мы обменялись крепкими рукопожатиями, и он указал мне на кресло возле своего рабочего стола.

— Вы используете довольно необычный способ приглашения, — заметил я.

— Вы ожидали пригласительную открытку?

— После того, как я перестал получать открытки от Justice-Tech с поздравлениями на День Рождение и Рождество? Нет, я уже как три года не ожидаю от вас никаких посылок.

— Мне передали, что вы сперва не желали принимать приглашение.

— Вид ваших парней меня слегка смутил, но потом они нашли убедительные аргументы.

— Да, у них богатый арсенал способов убеждения. Хорошо, что вы с ним не стали ознакамливаться полностью.

— Как-нибудь в другой раз, Директор.

— Чаю?

— Предпочитаю кофе.

— Ольга, приготовь, пожалуйста, один кофе для мистера Донована, и один чай для меня, зелёный с жасмином — сказал Директор в коммуникатор, а затем обратился уже ко мне, — надеюсь, ваш внешний вид не отображает положения ваших дел на работе?

— Что, настолько всё плохо?

— Выглядите общипанным, прямо как клиенты, после уплаты ваших услуг.

— Это вам что, глаза мусолит?

— Я создавал Justice-Tech, чтобы сделать правосудие доступным для людей, чтобы они оставались со своими деньгами, после получения юридической помощи, и чтобы юристы перестали грабить.

— Тогда нужно будет заменить на роботов всех банкиров, политиков и многих других. Приятно слышать такие благородные слова от человека, компания которого занимает лидирующее место по объемам капитализации.

Постучавшись, вошла Ольга, с подносом в руках. Поставив нам чашки, она тихо удалилась.

— Мистер Донован, вы всегда были желанным гостем в нашей корпорации, вложили немало сил и времени, как и все мы, в эволюцию роботехники. Вы оказывали нам помощь. Современные роботы-юристы это и ваша заслуга в том числе, наравне со всеми нами. Так почему же вы просто не пришли ко мне?

— Когда именно вы ожидали моего визита, Директор Стиннер?

— Видите ли, доктор Хилл, просмотрев запись вашего разговора со Стивом Макмареном, и услышав всё, о чём вы говорили о роботах, исполнил свой гражданский долг, и сообщил в корпорацию о ваших преступных замыслах проникнуть и взломать базу данных Justice-Tech.

— Ясно. Он, наверное, рассчитывал на щедрое вознаграждение с вашей стороны. И что теперь с доктором? — спросил я.

— Каким доктором? — Директор улыбнулся.

Ему было чуть больше чем пятьдесят лет. Он отлично выглядел, держал своё тело в форме и любил минимализм, что ясно выражалось в обстановке его кабинета.

— Понимаете, мистер Донован, это глубочайшее неуважение к нашей корпорации. Вы же могли просто прийти ко мне и нормально обо всём поговорить, тем более, что мы знаем друг друга давно, и раньше всегда находили взаимопонимание.

— Кроме нашей последней встречи. После неё мы и не встречались.

— Неужели мелкие недоразумения помешали вам обратиться ко мне, когда вы начали расследование столь масштабного, по своему убеждению, дела?

— Может, я именно так и собирался сделать. Заехать на недельке, поболтать о том, о сём. Кофе выпить, в конце концов. Очень хороший, кстати, — я сделал глоток из чашки.

— Именно поэтому вы поехали за противозаконным оборудованием, верно? В любом случае, теперь у вас представилась такая возможность.

— У меня пылливый ум. Всегда люблю узнавать нечто новое. Столько всего хочется спросить. Даже не знаю с чего начать, как бы так засыпать вас своими вопросами.

— Я помню, что вы не были глупым человеком. Как же так вышло, что вы поверили им: Стиву и Эдгару?

— Директор, я даже себе не всегда верю, что уж говорить о ваших сотрудниках. Но любая информация порождает сомнения, и, чтобы развенчать их, нужно во всём убеждаться самому, методом проб и попыток.

— Проб и ошибок. Порою неудачных, — заметил он.

— Порою и неудачных, — согласился я.

— Что же именно вы хотели узнать? Спрашивайте.

— Знаете, то, что люди сходят с ума, работая на корпорацию, говорит о не очень хорошей атмосфере и обстановке внутри вашего коллектива.

— Да, я не буду отрицать, наши сотрудники сталкиваются с проблемами нарушения психологического здоровья. Стив Макмарен также сошёл с ума. Это связано со спецификой работы с искусственным интеллектом. Когда программируешь его в чистом виде, то получаешь определённую дозу излучения. Как это происходит, я вам рассказывать не буду, это технические нюансы и всё равно вы их не поймете, но результат — возможные побочные эффекты в виде нарушения психики. Ни одно великое открытие, да и вообще движение человеческой цивилизации вперёд не обходилось без жертв. Прodelывая первые опыты с

плутонием, ученые гибли через несколько недель от его облучения. Изобретая лекарства от чумы, доктора намеренно заражали себя ею. Прежде чем взлетел первый самолет, сколько изобретателей погибло, испытывая свои опытные образцы? Ничто не даётся просто и легко, но все наши работники осведомлены о риске, и знают, на что идут. Так что не беспокойтесь — это законно.

— Да с чего мне волноваться, я же не с инспекции охраны труда.

— Верно, вы с инженерного отдела Министерства Юстиции.

— А как насчет Эдгара, его тоже облучили? Ведь это он пришёл ко мне, втянул меня во всю эту кашу.

— Да, вы ступили на неверный путь после того, как к вам пришёл Эдгар. А в свое время к Эдгару пришёл Стив, в надежде, что тот воспримет его «гениальное открытие» и прозрение в области роботов как заговор против человечества и поможет разоблачить это всё. Стив думал, что Эдгар обязан его поддержать. Но тот всегда был чрезвычайно трусливым и волнительным. Он подумал — Стив хочет сломать системы Justice-Tech, правда, не правда то, о чём он говорит, но его посадят за совершение преступления, а вместе с ним и Эдгара, как соучастника. Тем более Эдгар строил себе блестящую карьеру в корпорации, а узнав о планах Стива, он предстал перед выбором: умалчивать было соучастием, помогать — безумием. Потому он в ту же ночь позвонил нам. Рассказал обо всём. Стив планировал скачать информацию, которая находилась под грифом секретных разработок и вылить её в прессу, Интернет и телевидение, подкрепив и отредактировав её согласно своим предрассудкам. Он стал абсолютно безумен. Мы не могли допустить утечку никакой информации вовне, а также клевету, которая бы точно не добавила нам сторонников. Стива проверили медики и признали, что он болен и становится социально опасным. Когда Эдгар отказался поддержать его, Стив напал на него, а затем скрылся. Он стал непредсказуемым и неадекватным. К счастью, полиции удалось найти его и задержать, прежде чем он причинил вред кому-то ещё или себе. Его поместили в лечебницу. Судебное дело, как вы знаете, проходило под грифом коммерческой тайны, а потому о новом местоположении Стива не было известно никому. Прошло время, и Эдгара начала мучить совесть за то, как он поступил с другом, сдал его. Потому он нашёл вас, чтобы вы помогли найти Стива. Он хотел убедиться, что с его бывшим другом всё в порядке и он по крайней мере жив. Только для этого он обратился к вам. А вам нужна была мотивация, чтобы помочь ему. Эдгар, хоть и гений в области инженерии, но в жизненных ситуациях иногда основательно глупит, потому он не нашёл ничего лучшего, чем пересказать вам эту безумную историю о биороботах, но, как ни странно, он не прогадал — для вас, как оказалось, лишь настолько откровенный бред мог сойти за правду. Он технарь от Бога, сам подложил вам жучок, а с камер наблюдения стёр запись и заменил её, да так, чтобы ничего не было заметно, чтобы подкрепить хоть какие-нибудь доказательства к своим словам. Не завидую вам, мистер Донован. Наверное, скверное чувство, когда тебя поймали.

— Не то, чтобы я сомневался в ваших словах. Но чувствую своим долгом спросить: я должен верить вам на слово?

— Мистер Донован, вы поверили на слово первому встречному. Доверились ему, как наивный ребёнок. Кто если не вы, один из лучших специалистов в своём деле, должен верить только фактам и доказательствам. И не пытаться собирать их противозаконным способом. Полиция, вы, корпорация, я. Мы все трудимся не против государства, не против людей, а для них. Делаем их жизнь лучше, более защищённой и более комфортной.

— Хорошо, а Крисс Терри — что это?

— Крисс Терри — это название программы, положенной в основу мозга новых роботомюрисстов. Назвал её Эдгар, так как именно он написал её алгоритм. Назвал в честь какого-то любимого актёра старых сериалов. Именно Эдгар был назначен на должность руководителя после перевода Стива в новый отдел. Крисс Терри — это всего лишь программа. А Эдгар... Ну, назвал себя так, дурачок, решив поиграть в шпионов, что поделаешь. Мистер Донован, вас обманули, — с ноткой сожаления в голосе проговорил Директор, — а вы и рады быть обманутым. Рискнули всем, что имели ради этого: работой, свободой, жизнью... И тем, чем рисковать не вправе — репутацией нашей корпорации. Из глубочайшего уважения к вам, я не стану сейчас в данный момент вызывать полицию. Вы можете идти. Но ваши действия — незаконное проникновение в базу данных судебных решений, проникновение на закрытую территорию лечебницы, грабеж чужого дома, хранение запрещённых в обороте пиратских приборов для обхода электронных систем защиты — все ваши действия были направлены против Justice-Tech. Потому мы обратимся в суд. Можете быть уверенным — судебное дело и приговор будут абсолютно справедливы. Вы же знаете роботомсудей.

Я поднялся с кресла и вдруг вспомнил кое-что ещё и спросил:

— А что за дело было — Донован против Justice-Tech?

— Я о таком не слышал. Готовьтесь к делу Justice-Tech против Донована.

Моя машина ждала меня внизу. Двери были открыты, а ключ находился в замке зажигания. Мне повезло, что никто не угнал её за это время.

Когда я приехал в свою контору, то обнаружил несколько пропущенных звонков на автоответчике. Первой была запись от моего клиента, мистера Джоковича.

«Мистер Донован, я взволнован, что вы не звонили мне. Уже четверг! Скоро судебное заседание, я всей душой надеюсь, что у вас были на то веские причины. С вами всё хорошо? Вы же будете присутствовать?».

Я взглянул на наручные часы. Судебное заседание по делу Джоковича уже давно началось. В этот момент раздался телефонный звонок. Звонил Джокович.

— Слушаю.

— Мистер Донован, что это значит?

— Мистер Джокович, прошу прощения, у меня были проблемы.

— Важнее чем моё дело?

— Я вам всё объясню.

— Ассоциации будешь объяснять, понял? — он закричал в трубку, — робот-адвокат оппонентов предоставил доказательства, они нашли свидетеля, а твоих разгромных документов не было в этом чёртовом суде, слышишь?

Я открыл рот, чтобы возразить, но он не дал мне и слова вставить.

— Я проиграл! Проиграл это дело! Я разорён на двадцать миллионов долларов! Кто мне их компенсирует, ты?! Я сделаю всё, чтобы Ассоциация выгнала тебя к чёртовой матери!

Он бросил трубку. Не могу сказать, что мне было жалко мистера Джоковича, которого несправедливо лишили его денег, ведь изначально он был прав, просто доказательства его правоты были у меня в портфеле. Но я не испытывал жалости к нему. Я никогда не сопереживал своим клиентам. Я не жалел Джоковича, я жалел, что проиграл дело.

В сейфе я хранил свой револьвер. Это был подарок от Ассоциации за значимый вклад в развитие юриспруденции. Оружие было именно. Иногда я любил доставать его из коробки

и просто любоваться им. Сейчас я решил достать его на случай непредвиденной ситуации. Кто знает, на что в порыве эмоций способны сербские бизнесмены. Или ещё раз приедет та сладкая парочка с очередным приглашением от Директора, демонстрируя свои аргументы. Пускай у меня будет лежать на столе свой, так, на всякий случай.

Я заварил себе кофе и сел в кресло. Да, я вляпался по полной. Славная пара деньков выдалась. Justice-Tech грозилась судом. Я хотел очернить деловую репутацию самой крупной корпорации в стране. Я с поддельным удостоверением незаконно проник в Архив Суда. Был без законных на то оснований в закрытом лечебном заведении. Перекопал чужой двор. Хранил, пускай и не долго, запрещённые в обороте электронные приборы. Они кстати до сих пор лежали у меня в бардачке, тот громила не забрал их, пока вёл мой автомобиль. Перед этим я проиграл дело против той же Justice-Tech. Не явился и проиграл дело мистера Джоковича. А сколько взяток я дал... Хотя стоило уточнить насчет последнего: за всю жизнь или за последние три дня? В любом случае моя жизнь словно бы невзначай, незаметно, но очень быстро покатила собаке под хвост.

Я полез во внутренний карман своего пиджака. Оттуда достал пластиковую карту. Я посмотрел на свою лицензию адвоката. Действительна ещё три года. Выдана мне в этот же день, ровно год назад, 25 мая 2022 года, после прохождения очередной юридической аттестации. Я со стопроцентной уверенностью мог сказать, что в ближайшее время Ассоциация лишит меня лицензии. Я останусь без работы, которая превратилась в единственное осмысленное и имеющее значение занятие в моей жизни. Потом у меня в голове всколыхнулись все версии и теории, которых я наслушался за последние несколько дней.

Я усмехнулся. Да... От этого дерьма я не знал, как избавиться. К такому жизнь меня не готовила. У меня всегда был припасён вариант действий на любую ситуацию, которая возникала в жизни. Но едва ли не впервые я не знал, как быть. Это меня одновременно пугало и смешило. К горлу подступило что-то похожее на отчаяние. Или быть может это стресс? Недосып? Или такое чувство ощущаешь, когда по глупости ломаешь себе жизнь? Я не знал. Может я просто не выпил свою чашку кофе.

И как только ещё не раздавался звон полицейских сирен у меня под конторой? Я посмотрел на свой револьвер. Если бы от проблем можно было отстреливаться, всё было бы намного-намного легче.

Прошло определённое количество времени, и зазвонил телефон. Никто не ответил. После пяти гудков включился автоответчик.

«Донован, это Трейс. Ты вдохновил меня своим поступком обыскать мой кабинет, и, представляешь! Я тоже нашёл у себя жучок! Немыслимо! Ещё ко мне в контору заходил странный тип, не буду пока ничего тебе говорить. Позвони мне, как только услышишь это, без тебя я действовать не буду. Нужно всё обсудить!».

В четыре часа после обеда в дверь конторы постучали. Стук раздался вновь. Не дождавись ответа, дверная ручка повернулась, как оказалось, дверь была не заперта, и в контору вошёл Сол Кэмбелл, журналист, которому была назначена встреча на это время. Сол был пунктуальным человеком и пришёл секунда в секунду.

— Мистер Донован? — окликнул он, заглядывая внутрь.

Ответа не последовало, и он вошёл. Раз дверь была открыта, значит внутри кто-то был,

решил Сол. А кто бы здесь ни был — если и не сам мистер Донован, то его помощники — они смогут дозвониться до начальника, потому что от Сола мистер Донован сегодня трубки не брал, хотя они договаривались созвониться до встречи.

Сол сделал несколько шагов и вдруг замер, как вкопанный.

Перед ним лежал труп. Мёртвая рука сжимала револьвер, которым покойник, судя по всему, выстрелил себе в голову. Лужа крови растеклась под телом, а стол и стена позади были забрызганы чем-то. Наверное, это были мозги. Сол почувствовал резкие порывы к рвоте.

— Вот чёрт! — выкрикнул он, — дерьмо!

Это было совсем не то, что Сол ожидал увидеть.

Журналист дрожащими руками достал из кармана телефон и набрал номер экстренной службы.

— Алло, меня зовут Сол Кэмбелл... Я нахожусь в юридической конторе Лэндона Донована, у меня было назначено здесь интервью. Да, я только что пришёл и увидел... Тут тело. В руке револьвер. Мистер Лэндон Донован застрелился.

На столе зазвонил телефон конторы. Никто вновь не поднял трубку.

Сол увидел на полу некий предмет. Он наклонился и посмотрел, не беря его в руки. Это была забрызганная кровью лицензия адвоката.

Часть вторая. Сеть Симона

18 августа 2024 года

Сенсоры, расположенные в потолке комнаты, уловили движение. Определив траекторию моего передвижения, как таковую, что ведёт к компьютеру, они передали соответствующий сигнал и менее, чем через секунду монитор включился. На экране зажегся вопрос: «Доброе утро, мистер Нил Харрис. Желаете ли Вы войти в Нор?». Я произнёс вслух «Нет, продолжить работу в автономном режиме». Открылся рабочий стол, я зашёл в текстовый редактор и надиктовал мысли, которые пришли ко мне сегодня утром. Хорошие идеи следовало сохранять, иначе ты забывал их, и они исчезали из твоей памяти навсегда. Мои мысли преимущественно всегда имели ценность.

Нажатием боковой сенсорной кнопки я включил Интернет. Рабочий стол исчез, а на его месте открылась универсальная программа «Нор-тек», которая была больше, чем браузер. Времена, когда люди могли выбирать из десятков вариантов программного обеспечения каким именно пользоваться постепенно подходили к концу, как и времена, когда Интернет состоял из миллионов различных сайтов, на которые вели множество поисковых систем. Теперь практически всё было едино, слилось в одну сеть, под названием «Нор». Она была больше, чем социальная сеть. Он стала синонимом слова Интернет, которое постепенно уже отходило в прошлое.

При открытии сразу же загружалась моя персональная страница в единой мировой сети. Множество вкладок и мини-полей были заполнены всевозможной информацией, касающейся моей жизни. В верхнем правом углу располагался мой аватар, сегодня он был новый, Нор обновляла фотографию любого пользователя каждый день, зная предпочтения хозяина страницы и выбирая как никто другой, лучший снимок, который мог понравиться. Самое удивительное, и довольно противоречивое нововведение, которым одно время многие возмущались, а затем привыкли, ввиду его необычности, новизны и интересности: снимки пользователей система сама создавала на основе 3-D моделей. Затем система обрабатывала картинку, превращая его в настоящий снимок, улучшала, обрезала и вставляла в аватар. На выходе пользователю было самому интересно какую же фото Нор поместит сегодня. Все они были шикарными, словно сделанными во время профессиональных фотосессий.

Фотография-аватар находилась на фоне, который представлял собой анимацию. Система Нор делала анимации уникальными, создавая их на основе увлечений и сферы деятельности каждого человека. Получался мини-фильм, который прокручивался по кругу каждые пятнадцать секунд. Смотреть его было интересно, из его сюжета сразу можно было сформировать первое общее впечатление о человеке, зайдя на его страницу.

Ниже были поля, последовательность которых можно настроить. У меня сверху был календарь, совмещённый с программой-менеджером дел. Всю информацию календаря видел лишь я, остальные видели лишь то, что я выбирал показать. Будучи персоной, интересующей медиа, я выставлял в календаре свои свободные часы, которые я мог уделить журналистам для интервью, они на них и записывались в общем порядке, через сеть Нор. Разделы с музыкой, картами и маршрутами, покупками и заказами, документами и рассылками, новостями и трансляциями новостных телеканалов. Всё, чем мы ранее пользовались с

помощью тысяч приложений на смартфонах, ноутбуках теперь вмещалось в одной только Нор. И это было удобно.

Во входящие мне пришло более трёхсот писем, но фильтры показали, что от подтвержденных мною людей лишь семь. Я придумал новый метод взаимодействия людей по электронной почте. Это было лично моё изобретение. Суть его заключалась в том, что при отправке письма любому адрессату ты должен был ввести пароль, который собственник электронного адреса установил и поделился им с самыми важными для себя людьми. Если ты вводил правильный пароль, сообщение приходило человеку в папку «Входящие. Подтвержденные». Если пароль не вводили, сообщение приходило в папку «Входящие. Неподтверждённые». Стоило ли говорить, что занятые люди вроде меня, редко проверяли вторую папку. Я открыл подтвержденных. Быстро прочитал их, ничего особенного. Времени отвечать сейчас не было, скоро нужно ехать в офис. Сегодня кстати был день, когда приходили счета за дом. Я нажал на вкладку «Оплата», затем «Услуги», далее «Административные услуги», где в конце-концов выбрал «Коммунальные услуги». Я оплатил счета за дом с помощью своего счёта в Нор. Ещё немногие люди, кстати, полностью доверяли виртуальному Нор-Банку, деньги которого хранились в Нор. И мировая банковская машина была ещё слишком мощной и отказывалась сдавать свои позиции. Ничего. Я считал это вопросом времени.

Перед тем, как встать из-за компьютера, я перешёл на страницу государственного новостного канала и включил аудио-прослушивание новостей за ночь.

Из динамиков мелодией поплыл женский голос, который вначале пожелал мне отличного дня, посоветовал по каким улицам не стоит ехать по причине пробок, и спросил, о каких новостях мне следует рассказать.

— Наиболее интересные для меня, — ответил я, завязывая галстук.

«Фестиваль кибертехники стартует завтра в двенадцать часов, министры технологий ведущих стран мира прибывают на чартерных рейсах в течении всего сегодняшнего дня.»

«Парламентарии готовятся принять изменения к закону «Об обязательной регистрации граждан в Нор-пространстве»,

— Подробнее, — попросил я, выбирая каким одеколоном воспользоваться сегодня. Моими фаворитами были три аромата: первый агрессивный и дерзкий, даже вызывающий, с нотками морзкого бриза, древесины и стали, второй более мягкий, но тем не менее настойчивый и едва уловимый, расплывающийся, подобно капле кофе в молоке, меняющей весь его цвет на более тёмный, и третий — свежий, бодрый, полон сил и молодости. Последний вариант я и выбрал на сегодня.

«Изменения ужесточат административную ответственность за указание ложной информации о себе в сети «Нор» и сокрытие личных данных. Под личными данными подразумевается настоящее имя, год рождения, место жительства, информация об образовании и профессии. Хотя данные и не будут иметь публичный характер — доступ к ним получают только банковские и страховые учреждения, а также другие субъекты с разрешения собственника и это поможет предупредить незаконные действия, злоупотребления и мошенничества. Но тысячи протестующих пикетируют органы власти во многих городах страны. Более подробно?»

— Дальше, — ответил я, открыв створку холодильника и решая, чего съесть на скорую руку. Пока жена была в отъезде, я перебивался чем-попало, откровенно говоря. Вчерашний двойной сэндвич с индейкой, листьями салата, томатами и сыром. Жене то я говорил, когда

мы созванивались, что питаюсь здесь отменно. Ха.

«Полиция совместно с агентством по борьбе с киберпреступностью провела совместную операцию по разоблачению логова террористов, работающих над созданием аналоговой незарегистрированной анонимной Интернет сети. Пиратские сервера уничтожены, в ходе операции погиб один правоохранитель и семеро преступников. Ещё трое взяты под стражу до суда. Им грозит пожизненное заключение.

«Управление киберагентства ООН сообщило, что на сегодняшний день 93 % населения Земли обеспечено доступом в глобальную мировую сеть «Нор».

— Спасибо, достаточно, — крикнул я из коридора, завязывая шнурки на своих блестящих лаковых туфлях, — можешь выключаться. И выбери мне фильм, если будет время, может вечером с женой посмотрим.

Я вышел из дома. Монитор компьютера погас.

Возможности социальной сети были безграничны. Более не было Интернета в старом понимании того слова, ведь каким бы гениальным не оказалось творение человека, оно должно совершенствоваться, улучшаться, поскольку априори идеальный продукт создан быть не может. Интернет развивался стремительно. Интернет 1, Интернет 2, но Интернет 3 застопорился на одном месте. Все технологии шли вперёд, но основа основ — Интернет оставался третьего поколения на протяжении десятилетий. И тогда была основана Сеть «Нор» при поддержке и финансировании ООН. Представительства, которые отвечали за её работу в регионах, были созданы при всех правительствах по земному шару. У меня были грандиозные планы. Вскоре люди не будут иметь паспортов, водительских удостоверений, карт сотрудников той или иной компании. Все данные будут храниться в «Нор» и мгновенно считываться при необходимости с помощью специальных сканнеров, лучи которых будут определять код ДНК человека и сопоставлять его с наличием в базе данных сети. Регистрация будет обязательной с первого дня рождения. Я жил этими мыслями, работал во имя их осуществления, чтобы сделать жизнь людей максимально лёгкой, простой и комфортной.

Весь Интернет заключался в социальной сети «Нор». Не было сайтов и не было поисковиков. Были страницы в сети, поиск осуществлялся в сети. Аналоги прошлых сайтов — это страницы в «Нор». Возможности её использования были безграничны. Люди ещё сами не понимали насколько огромные у неё перспективы. Обмен письмами с другими пользователями, покупка и оплата всего, что только можно купить и оплатить. Вскоре абсолютно все финансовые операции будут осуществляться через «Нор». Начиная от благ и продуктов, которые производил человек, заканчивая закупками и расчетами на межгосударственном уровне. В «Нор» будет вестись весь мировой документооборот. Это было невероятно глобально и чертовски удобно. Человек и сеть сливались воедино. Даже в наиболее бедных странах мира население, которое не всегда имело возможность обеспечить себе крышу над головой и пропитание, было зарегистрировано в «Нор», и заходило туда с помощью терминалов связи, которые устанавливались за средства ООН даже в самых отдалённых уголках мира. Плата за Интернет не взималась. Доступ к Интернету люди имели везде — в горах, в полях, в океане. «Нор» была социальной сетью в прямом смысле. Каждый был крепко запутан в её паутине.

Я делал записи на планшете по дороге к работе. Мой водитель не произнёс ни слова, и я

был ему благодарен. Его звали Джордж, и он прекрасно знал, что платят ему не за разговоры.

Автомобиль подъехал к пропускному пункту на территорию Главного управления технологий ООН, которое находилось в закрытом научном городке посреди мегаполиса. Небоскребы внутри него были офисами, в которых работали десятки тысяч человек. Пройдя проверку, в рамках мероприятий по безопасности мы въехали внутрь. Периметр охраняли сотни служащих спецподразделений. Охранять было что — здесь находились базовые сервера «Нор», которые полностью занимали территории сотен тысяч квадратных метров ангаров под городом.

Перед центральным офисом автомобиль остановился. Клерк на входе заблаговременно спустился по широким ступеням и открыл мне дверь. Я поздоровался и направился ко входу. Прежде чем оказаться внутри, я прошёл три уровня проверки личности. За множество лет, это стало обыденностью, которую я даже перестал замечать.

Несколько мужчин ожидали меня с той стороны. Выглядели они приблизительно одинаково — черные брюки, начищенные туфли, белые рубашки и тёмного цвета галстуки. Увидев меня, они бросились навстречу, наперебой говоря что-то. Я, не останавливаясь, показал им следовать за мной.

— Джексон, — проговорил я.

— Мой отдел собрал всю документацию, которую вы просили, нужна ваша подпись и мы отправим данные на места.

— Хорошо, перепроверь ещё раз, чтобы сошлись цифры и положи на стол моим секретарям. Кевинсон?

— Мы заметили инициативу Объекта, о которой вам необходимо знать.

— Мне необходимо знать обо всех инициативах в этом здании, Кевинсон, не только у Объекта.

— Разумеется, мистер Харрис. За ночь, обнаружив, как полиция пресекла несколько очагов пиратства, он решил проверить нашу безопасность согласно последним хакерским разработкам. Создал ботов, которые атаковали нашу сеть в наиболее уязвимых её местах. Он не нашёл прямой лазейки. Об этих местах он подал отчет, чтобы мы доработали. Представляете? Это была его инициатива, это же превосходно! Такого ещё не было!

— Это неоднозначно. Спасибо. Клеинг?

— Я приказал усилить охрану и прислать в кварталы технику, на случай массовых демонстраций. Хотя они и запрещены возле наших офисов, кто знает этих людей.

— Я думаю, что Парламент успешно проделает свою работу, а люди никак не сорвут заседание и всё успокоится. Но лишние меры безопасности могут оказаться и не лишними. Морисон?

— Я прошу увеличить бюджет нашего отдела, мы дошли до новых разработок, которые выходят за рамки наших средств. Это очень важное дело.

— Давай сюда бумаги, я изучу, — я принял несколько документов из его рук, — во второй половине дня зайдешь ко мне.

Мои собеседники, начальники различных отделов, разошлись в стороны, каждый по своим делам, и я прошёл к лифту наверх. Люди, которых я встречал по дороге, здоровались со мной и улыбались. На каждую улыбку я отвечал взаимностью. Сотрудники любили меня, а я относился к ним, а также их труду с большим уважением. Я знал имя каждого из них, знал кто они и чем занимаются.

Через несколько минут я уже был в своём кабинете. На двери висела табличка «Уполномоченный Генерального Секретаря ООН. Нил Харрис». Из соседней комнаты, дверь в которую я не закрыл, раздавался голос одного из моих референтов, которая отвечала на телефонный звонок. Вторая сегодня не вышла на работу, заболела. Третья, моя пресс-атташе, зашла и предоставила корреспонденцию, что прибыла с Парламента. Несколько дней назад я, как эксперт в данной области, отослал положительное по своему содержанию заключение насчет поправок в закон, касающийся Интернет-пространства. Мне прислали окончательный вариант, который сегодня должен был быть принят на законодательном уровне.

Сделав неотложные дела, связанные с бюрократией, которыми приходилось заниматься человеку моего ранга, я раздал своим помощницам поручения и сообщил, что вернусь через пару часов.

Я был первым по полномочиям человеком в научном городке. Один из создателей и первых разработчиков «Нор». Тем не менее, я присоединился к работе над сетью не сразу, но практически в самом её начале. Когда проект «Нор» был сырым, и находился только в начальной стадии разработки, уже тогда можно было увидеть его перспективу и потенциальные возможности. Создатель «Нор» Дастина Купер заручился поддержкой и финансированием ООН. Генеральный Секретарь привлёк меня к работе над сетью, сделал своим Уполномоченным в данном направлении. Прошло несколько лет, и проект показывал ошеломительные результаты. Мы переступали порог чего-то грандиозного в общеисторическом смысле.

Кабинет человека, кому принадлежала идея «Нор» — Дастина Купера находился на том же этаже, что и мой, но в отличие от меня, Дастин не был публичным человеком, предпочитая скрывать свое имя и принадлежность к основанию сети от населения. Он добровольно и по своему желанию передал всю славу и лавры мне. Меня считали создателем «Нор», её вдохновителем и отцом. Да, я проделал колоссальную работу, я был вторым человеком по вкладу в «Нор» после Дастина, но я не мог сказать, что «Нор» был моим проектом. Когда мы только приступали к работе, мистер Дастина Купер взял с нас обязательства не разглашать его имени и принадлежности к созданию идеи. Даже сотрудники научного городка, все без исключения связанные подписанными контрактами о неразглашении, не знали, чем именно занимается Дастина Купер, считая, что он занимается сугубо административными делами, приставленный к нам правительством или спецслужбами. Ареол загадочности над его собственной личностью, вполне устраивал Купера. Все, кто работали с ним и знали больше остальных, знали лишь то, что Дастин позволял о себе знать. Даже я смутно представлял Дастина в отрыве от работы, его быт, развлечения, и разумеется прошлое.

Но был ещё один проект кроме «Нор», создателем которого выступил Дастин. Проект, информацию о котором нельзя было разыскать в самой «Нор», а информацию в ней можно найти какую только угодно. Проект-С. О нём не знали девяносто девять процентов сотрудников научного городка, не говоря уже о рядовых жителях страны. Как раз в рамках этого проекта мне и предстояла ежедневная утренняя беседа.

Я постучал в кабинет Дастина и подождал пока тот ответит. Я был выше него по рангу, но не чувствовал себя таковым. Я зашёл.

— Нил, я же тебе тысячу раз говорил, чтобы ты без стука заходил.

— Дастин, я не горю желанием однажды увидеть, чем ты занимаешься у себя в

кабинете, — улыбнулся я.

— А чем я могу заниматься? Только работаю, мой друг, — развёл руками тот.

Дастин Купер был мужчиной среднего возраста, крепкого телосложения. У него было атлетичная фигура с ярко-выраженной мускулатурой. Его голова была полностью выбритой. Он носил бороду, которую аккуратно подстригал. Я был убеждён, что с его внешностью, ему подошла бы роль не только гениального разработчика, но и мафиози или байкера. На нём была белая рубашка с коротким рукавом и светло-синие брюки.

— Ну что, идём? Я тебя уже заждался, — Дастин поднялся с кресла.

— Ты приходишь всегда слишком рано, — я посмотрел на часы, — иногда кажется, что ты вообще не уходишь отсюда.

— Я всегда здесь, если и не физически, то мыслями, так точно.

Чтобы пройти к месторасположению Проекта-С, приходилось преодолевать несколько кордонов службы безопасности, свободный доступ через которые имели немногие люди во всем мире. Их можно было сосчитать на пальцах двух рук. Также здесь присутствовал многочисленный обслуживающий персонал, за работой которого непрерывно следила служба безопасности. Но ни охрана, ни работники не были осведомлены, что же именно они охраняют или обслуживают.

Мы спустились на сороковой этаж в нашем главном здании. Только чтобы попасть сюда, мы миновали три пропускных пункта. На этом этаже мы прошли к лифту специального пользования. Он активировался специальными пропусками, которыми обладали только я и Дастин. Лифт устремлялся вниз, следуя без единой остановки, на глубину два километра вглубь земли. Здесь, под территорией научного городка, в обширных помещениях, которые могли сойти за ещё один город, находился Проект-С.

При выходе нас ждал автоматизированный двухместный автомобиль, который самостоятельно ехал по установленному маршруту, работая от электрических батарей. Огромные пространства раскидывались вокруг — сотни метров вширь и десятки в высоту. Весь потолок вверху был экраном, который имитировал дневное небо и солнечный свет. Везде светло и ясно, как в настоящей живой природе. Людей здесь не было. Ни единой души, кроме нас. всю работу выполняли машины и системы, без участия человека.

Мы ехали по прямой асфальтной дороге, узкой, как раз под размер колеи электрокара. За пределами дороги во все стороны ровным слоем расхотился грунт, на котором ничего не росло, ни сорняков, никаких культур, и тем более кустов или деревьев. Через две минуты электрокар остановился. Вот здесь окружающее пространство радовало глаз. Я вышел из автомобиля, и ноги мои ступили на мягкую траву, росшую на лужайке, которая начиналась сразу за концом дороги. Передо мною был прямоугольной формы стеклянный дом. Недалеко раздавался звук воды — искусственный водопад ниспадал из ниши в стене в маленький ручеек. Из динамиков ненавязчиво играла мелодия природы: иногда можно было услышать птиц, насекомых, шум листвы под порывами ветра. Несколько деревьев росли возле дома.

— Каждый раз наслаждаюсь всем этим словно впервые, — Дастин наклонился и дотронулся рукой до травы. На пальцах осталось несколько капель росы.

Весь дом состоял из одной лишь комнаты, внушительных размеров, без каких-либо перегородок и стен внутри. В ней было три кресла и стол, на котором стоял огромных размеров дисплей-компьютер. В одном из кресел неподвижно сидел мужчина. На вид ему было лет тридцать, среднего телосложения, бледно-белая кожа, даже слишком бледная, болезненного цвета, овальное лицо, волосы на его голове не росли. Одет он был в светло-

голубую рубашку с длинным рукавом и такого же цвета брюки, белые мокасины из мягкой кожи. Он не издавал ни звука, не двигался. Лишь сидел с открытыми глазами и смотрел в одну точку, прямо перед собой, не моргая, словно пребывал в трансе.

Двери из гибкого пластика разъехались в стороны, и я вошёл. Вслед за мной зашёл Дастин.

— Здравствуй, Симон, — приветливо поздоровался я.

— Доброе утро, мистер Харрис, — он медленно, не торопливо повернул голову в мою сторону и улыбнулся краями губ. Это улыбка не была естественной и непринужденной, затем перевёл свой взгляд на Дастина — мистер Купер. Как ваше утро, господа?

— Спасибо, отлично, — ответил я.

— Супер, как, впрочем, и всегда, — добавил Купер.

— Мистер Харрис, наблюдая за вашим передвижением от места вашего дома до сюда, я увидел один крайне неприятный инцидент.

— Какой же, Симон? — я сел в кресло, портфель поставил возле ног.

— На шестой авеню в 07:38 вас подрезал красный седан, не включив сигнал поворота и не имея преимуществ в движении, согласно Правилам дорожного движения. Государственный номер регистрации #64834R, за рулём находился Николас Марк.

— У Нила водитель тьюфтяй, наверное, даже не посигналил и не обматерил того негодяя, — усмехнулся Дастин.

— Я не придавал этому большого значения, не слишком опасно, скорость небольшая, мой водитель вовремя притормозил. Может тот парень спешил куда, — я улыбнулся.

— Но это не значит, что ему дозволено подвергать Вашу жизнь опасности. Если бы я мог не только наблюдать, но и действовать, я бы наложил немедленный штраф, в ту же секунду на его счет в сети «Нор».

— Датчики автомобильных правонарушений зафиксировали его в любом случае, — сказал Купер, — и послали сигнал в Дорожное агентство. Если там посчитают, что это действительно серьезное нарушение, ему будет наложен штраф.

— Слишком медленно. Он и забудет уже за что, не придаст этому значения. Штраф, ведь это наказание за нарушение. Наказание имеет смысл, когда человек осознаёт свой поступок, получает в ответ на него негативные для себя последствия, и в будущем будет воздерживаться от подобного. Чем быстрее наказание, пока в голове свежа картина своего поступка, тем оно эффективнее. Люди, возможно, не могут быстро анализировать. Я бы смог, — он сделал паузу, — и в ту же секунду среагировал бы.

— В ближайшее время — это невозможно будет воплотить, Симон, — покачал головой Дастин, — мы ещё не готовы подключать тебя к государственному аппарату в режиме действий, только наблюдение и анализ. Хотя иногда я и считаю, что это неправильно, — Купер посмотрел на меня.

— Ты ассоциируешь меня с людьми, которые принимают подобные решения? — я приподнял ладони вверх в недоумении.

— Ты же их представитель, — пожал плечами Купер.

— Уполномоченный, да. Но для ведения разработки, никто в обозримом будущем не согласится подключить Симона к государственным службам, мы это обсуждали уже множество раз, я даже поднимать такой вопрос не способен, проект пока на стадии разработки, даже не заключительного тестирования.

Прямой доступ к Симону был дан только Дастину и мне. Ему — как его создателю, а

мне — для контроля их двоих. Симон был слишком деликатным проектом, чтобы предоставлять к нему доступ ещё кому-либо, и слишком важным, чтобы оставлять его без контроля. Я предоставлял ежедневные отчеты о контактах с Симоном для Генерального Секретаря ООН, которые тот рассматривал в очень узком кругу особо приближённых людей. Всё чаще и чаще я начинал замечать в последнее время, что, когда мы оказывались одни только втроём, Дастин принимал сторону Симона во многих вопросах. Это было и понятно — Симон был детищем всей его жизни, и для Купера имел значение намного большее, чем сеть «Нор».

— Я могу приносить значительно большую пользу, — заверил меня Симон, — вы всё это прекрасно понимаете. Работая здесь, я вижу, что люди по всему миру страдают из-за медлительности других людей. Во всех сферах жизни. Нужно всегда действовать быстрее, тогда многих бед удалось бы избежать.

— Возможно, ты и прав, — ответил Купер, — нам сказали, что сегодня ты проверил защиту наших серверов.

— Да, я сделал это, — по его голосу было видно, что Симон гордился собой.

— Но объясни, как? Ты же должен только наблюдать и анализировать. Сообщать нам информацию, но действий предпринимать... Не должен, — я старался, чтобы мой голос звучал помягче.

— Я совершил нечто плохое, мистер Харрис? — спросил Симон.

— Нет, просто мне интересно как ты смог выйти за рамки.

— Это было... — он замялся, стараясь подобрать слова, — странно. Да, странно. Но очень естественно. Внезапно я понял, что должен сделать это. Будто это входит в мои задачи тоже. Я видел, что вы прослушивали сводку новостей сегодня утром и знаете о новости насчёт ликвидации пиратских станций.

— Да, ночью прошла операция.

— Это моя заслуга, — он подмигнул мне, — здесь нет хвастовства, просто объективный анализ. Я вычислил хакерские сервера и мгновенно дал команду полиции, от имени нашей структуры. Нужно было действовать быстро, поскольку их станции постоянно меняют частоты и места дислокации, и, если бы я сначала сообщил нам в центр, чтобы он проверил информацию и переправил её в полицию, они могли бы уйти.

— Ты правильно сделал. Мы с тобой недавно обсуждали твою готовность к адресному информированию, — кивнул Купер, — сегодня был твой первый опыт в этом деле, и ты отлично справился.

Я промолчал. Возможно, в этот раз Симон поступил и правильно с точки зрения информационной безопасности государства, но всё больше и больше он отходил от рамок, в которые мы его поместили, и меня это начинало серьезно беспокоить в последние недели. Купер не разделял моего волнения.

— Спасибо. Я вычислил их, когда они очень аккуратно прощупывали «Нор». Слишком аккуратно, чтобы антихакерские системы среагировали, но я это почувствовал. А после, я подумал, что системы ведь должны реагировать и на такое, верно? Потому сделал их тестирование, и вычислил слабые места. Данные я отправил в Отдел защиты.

Для меня такой поворот событий был слегка неожидан. Изначально Симон не мог такого делать, мы не давали ему подобных заданий, но, очевидно, что он самосовершенствовался и делал собственные выводы насчет целесообразности своих действий. Или же ему некто посодействовал? Я посмотрел на Купера. Тот улыбнулся.

— Симон, это было отличное действие, — я не хотел, чтобы он видел наши с Дастином разногласия, потому старался не спорить с ним во время наших визитов к Симону, — но в будущем мы будем их согласовывать вместе, как раньше.

— Я проанализировал подобные моменты в прошлом. Мой вывод — вы бы сделали аналогично, после моей дачи информации, с вероятностью в абсолютные 100 %. Если бы вероятность была 99 %, я бы не решился. Но в данном случае я проанализировал уровень целесообразности, затраты сил и понял, что наиболее эффективно с наименьшим уровнем затрат я смогу сделать это за вас. Но если вы желаете, чтобы я такого не делал, хорошо. Вы здесь главный, — он засмеялся, — и мистер Купер.

— Что было интересного за ночь? — спросил тот.

— Я вычислил несколько сотен преступников, которые проявили себя тем, что совершили преступления по телефонным звонкам через «Нор». Я отправил все данные в наш отдел. Ещё несколько мелких разоблачений, которые не заслуживают вашего внимания. Заметил несколько утечек чрезвычайно секретной информации по технологиям, которые осуществлялись через письма в «Нор». Я заблокировал кодировку этих данных после отправки. К адресатам они пришли в совершенно изломанном виде, кодировку расшифровать невозможно. Виновные понесут ответственность.

— Отлично, — похвалил его я, а затем спросил, — скажи мне, почему одну информацию ты отправил сразу же в полицию, насчет пиратов, а другую по-прежнему в наши отделы для анализа?

— Я сопоставил угрозы. Посягательство на сеть «Нор» было первоочередным по важности.

— Важнее, чем жизни людей?

— Прямых свидетельств о возможных убийствах не было. А данные об уже совершенных... Людей уже не вернешь, а преступники не прячутся, поскольку их не подозревают. Поимка может быть когда угодно, а угроза сети и пираты — они могли натворить много бед.

— Хорошо. Что-то интересное было в переписках людей, разговорах?

— Я думаю вы можете предугадать, что именно было в тренде. Сегодняшние изменения к закону — они в топе обсуждений за последние сутки. Все только и говорят об этом друг с другом, переписки людей между собой ведутся практически только на эту тему. Количество недовольных властью возросло на 24 % по сравнению с прошлой неделей. Но это недовольство будет продолжаться недолго. Короткий эмоциональный всплеск. Я прогнозирую спад через четыре-пять дней.

— Во всем этом ты нашёл какую-нибудь угрозу? — задал вопрос Купер.

— Нет, просто обсуждения. Некоторые в довольно резком виде, но ничего опасного. Я видел, что были усилены меры безопасности в нашем районе. Но можете не беспокоиться, видя настроения людей, их эмоциональный фон не перевалит за грань, когда они начнут устраивать беспорядки. Не в этот раз, по крайней мере. Вы в безопасности.

— Хорошо, что ещё интересного, — я делал записи в блокноте.

— Мне кажется, что я нашёл новую мировую знаменитость в области литературы.

— Да? Расскажи нам подробнее.

— Чарльз Нгонери, начинающий автор, который даже сам себя ещё не называет писателем, но вскоре мир узнает о нём. Он закончил роман и отправил его в издательство. Проанализировав текст романа, сопоставив с данными книг, которые становились хитами,

предпочтениями читателей, я уверен на 87 %, что эта книга станет классикой в будущем.

— Отлично, пожелаем ему удачи, — хлопнул в ладони Купер.

— Ваша жена сегодня возвращается с командировки, мистер Харрис, — сообщил Симон.

— Да, судя по времени, скоро у неё посадка на самолет.

— Вынужден вам сказать, что в связи с неисправностью двигателя её рейс отменили. Но она полетит следующим, через полтора часа.

— Да? И как она?

— Судя по её лицу, с камер наблюдения, немного уставшая, недовольная, но не более.

— Ясно, спасибо, Симон.

— Ваше лицо не такое, как обычно, мистер Купер, — обратился он уже не ко мне, — смею предположить, что вы о чем-то думаете, о чем-то, что волнует вас.

— Да, Симон. В хорошем смысле. Мне приятно наблюдать за твоим развитием, его темпами. Ты переходишь на новые уровни уже самостоятельно. Я обеспокоен лишь тем, что сильные мира сего пока не готовы принять тебя, чтобы расширить твои полномочия.

— Всеу своё время, мистер Купер, — пресёк его я, — для этого мы и работаем не покладая рук, чтобы привести проект к требованиям, которые удовлетворят все стороны.

— Вы создали мою программу как само-анализирующую всю информацию в мире и строящую на её основе выводы. Выводы над информацией позволяют делать выводы над действиями. Но я, разумеется, ограничен теми рамками, которые вы мне ставите.

— Это тебе не нравится? — спросил Купер.

Я начинал раздражаться. Куперу не следовало задавать Симону подобные вопросы. Мне предстоял с ним разговор наедине. Позже.

— Ситуация не может мне нравиться или не нравиться. Я не могу вырабатывать свое отношение к этому, ведь это положение вещей, в котором я создан. И я не могу с этим спорить. Как вы не можете спорить с тем, что Земля имеет гравитацию, которая не дает вам взлететь.

— Ты прав, Симон. Мы довольны твоим прогрессом, — сказал я, вставая из кресла, — уверен, ты сможешь приносить пользу в разы превышающую граничную, на которую мы рассчитываем. А она в свою очередь самая огромная в мире, эта польза, — я улыбнулся.

— Спасибо, — ответил он.

— Продолжай наблюдения, отправь нам, пожалуйста, аналитические отчёты сегодня в двенадцать часов дня, — Купер так же встал из кресла.

— Всё будет сделано, господа.

Мы вышли из дома.

Симон был машиной. Идеальным компьютером, который Дастин Купер создал для сканирования и обработки всех совершаемых действий в мире. Иногда мне казалось, что он запустил «Нор» как повод, чтобы привлечь внимание ООН, получить финансирование, а егс истинной целью было создание Симона. Когда «Нор» была запущена, Дастин предоставил наработки Симона, но ему нужно было финансирование. Идея пришлась по вкусу — Симон позволял вести непрерывное наблюдение, контроль и анализ за действиями людей, которые жили в эпоху свободы и независимости. Все действия людей, хоть как-то связанные с использованием технологий проходили через единую социальную сеть «Нор». Он обрабатывал миллиарды запросов в минуту. Он читал все письма, которые люди присылали друг другу, слушал все звонки. Он знал о каждой покупке через банковские карты, видел,

куда держит путь каждый через все камеры мира. Он знал, какие были желания каждого гражданина. Знал лучше, чем знали сами люди. Он не мог читать мысли, но он был способен их предугадывать. Годами Симон круглосуточно вёл свой дозор, смотрел на людей через компьютеры, телефоны, спутники, датчики на улицах, а они даже не догадывались об этом. Он знает сколько чашек кофе кто выпил и в котором часу, кто лег спать. Сколько раз нажали на смыв унитаза и какую зубную пасту предпочитали. Но никто, разумеется, даже не догадывался об этом.

— Дастин, давай лучше прогуляемся, — предложил я, когда Купер собирался сесть в электрокар.

— Давай, почему бы и нет, — пожал плечами тот.

— Прогресс Симона на лицо, но я опасаясь, что его действия могут выйти из-под контроля.

— Ты о чём, я тебя не понимаю.

— Мы должны согласовывать все действия вместе, верно?

— Разумеется, — Купер отвечал коротко.

— Я не пойму, как Симон мог проявить инициативу. Он же не может действовать без нашего разрешения. Если только ты не дал ему добро.

— Я не контактирую с ним без твоего ведома.

— Лучше бы контактировал, — вздохнул я, — если Симон начинает предпринимать такие решения самостоятельно, проект ставится под угрозу. В свете того, что он начал самостоятельно принимать решения... У него огромные возможности, но использовать он их должен только для своей главной и единственной задачи — слушать, анализировать и отправлять нам отчёты.

— Нил, — Дастин остановился, — Симон самообучающаяся система, и он обучается в тех рамках, в которые мы его помещаем.

— В его рамки не входит взаимодействие с внешним миром, будь то полиция, даже от нашего лица.

— Он принес невероятную пользу, для этого мы его и создали.

— Я не спорю о пользе, я говорю о самих действиях. Выглядит, словно он вышел из-под контроля, а тебя такое положение устраивает.

— Мы можем ему запретить подобные действия, я не вижу проблемы.

— Он самообучается. Он проанализирует — он сделал хорошее дело, сказал нам, а мы запретили. Ведь если бы он нам не сказал, мы бы даже не узнали, что это его рук. Он может противопоставить, что важнее: хорошее дело или наш запрет. И в следующий раз сделает, а нам не скажет.

— Он не способен на такое.

— Хотел бы я верить, что ты, как его создатель, лучше знаешь на что он способен или не способен, но мы возвращаемся к этому разговору вновь и вновь. Если он допустит оплошность, если людям станет известно, что правительство знает о каждом их шаге, о каждом вдохе и выдохе — ты представляешь, что нас ждёт? В этот раз я обязан буду доложить о своих опасениях Генеральному Секретарю.

— Нил, мы общаемся с Симоном каждый день. Те, кто стоят у власти не видят его, не слышат его. Они знают о нём только из твоих слов, отчётов. Симон — это шаг в будущее. Несколько подобных отчётов, и они закроют его, заменив на простую анализирующую систему слежки, как ранее. Там одни только параноики наверху, боятся за свои задницы,

боятся за свои карьеры, и боятся даже собственной тени. Не говоря уже о том, что им только дай повод урезать финансирование. Они не понимают значение Симона для человечества.

— Дастин, никто не будет закрывать проект только из-за такой ситуации, которая произошла сегодня. Но мой долг уведомить их об этом. Я не могу скрывать подобные инициативы Симона. И в итоге помни, что решения принимаем не мы.

— Но они могут зависеть от нас, мой друг, не забывай об этом.

Я заказал пиццу. Был вечер, я не включал иллюминацию, а единственным источником света в квартире был огромный экран, на котором играл фильм, подобранный Нор по моей просьбе утром. Я сидел на диване в брюках, рубашке, даже галстук не снял, хоть немного и ослабил его на воротнике, так что его узел сполз на уровень второй пуговицы рубашки. Жена так и не смогла сегодня выехать. Пицца — пеперони была вкусной, доставка из лучшей пиццерии в городе, но что-то каждый кусок с трудом проходил у меня в горле, аппетита не было. Я смотрел кино, вернее мой взгляд был устремлён к экрану, на котором проходило некое действие, некие актёры жестикулировали, что-то делали, что-то говорили. Но всё это проходило мимо меня. Настроения не было, я опустошён. Конечно, нарушенный прилёт жены играл тому роль, но было нечто ещё. Нечто, что я не мог понять. Я упускал нечто важное.

То чувство, когда что-то важное ускользнуло от вас. Всё вокруг хорошо, и жизнь ваша вроде бы идёт в верном русле, в которое вы хотели её направить, но вот в один момент у вас возникает тревожное чувство. И вы прекрасно осознаёте, что тревога эта взялась от того, что в сладкой жизни, которая временно у вас наступила, вы потеряли бдительность, ослабили хватку, возможно контроль, и что-то от вас ускользнуло. Вы абсолютно не подозреваете что же именно это было, но чувство не покидает вас, и вот уже каждое будущее событие, каждую минуту своей жизни вы будете встречать настороженно, понимая, что вот-вот узнаете, что же именно вы упустили. Лишь бы не стало слишком поздно, когда вы поймёте.

Ещё какое-то время я сидел с откушенным куском пиццы в руках, а затем встряхнул головой, встал, снял свою одежду, заменил её на спортивный костюм и решил выйти на улицу. Час переваливал от вечернего к позднему, машин на дорогах убавилось, да и людей тоже. Воздух отдавал ночной свежестью, насколько это было возможно в мегаполисе. Я пошёл в сторону сквера, взяв в руку телефон и набрал номер жены.

— Милый?

— Привет, дорогая, ну как ты?

— Я... Всё хорошо, Нил, устала ждать, конечно, но не волнуйся, это всё мелочи. Ты мне лучше скажи, чего ты ещё не спишь? Тебе что, не нужно уже завтра на работу?

— Решил прогуляться перед сном.

— Ну и куда ты ночью собрался? Опять твои мысли?

— Да нет, всё отлично, милая, просто вышел на улицу, тебе позвонил. Ты перенесла свои встречи?

— Они у меня не особо важные, но, конечно, перенесла. Я тут уже заждалась, завтра буду отсыпаться, — её звонкий смех раздался в трубке. Я улыбнулся, а она продолжила, — ты ужинал?

— Да конечно.

— И чем же? Надеюсь, не бургерами и не пиццей?

— Нет-нет, ты что, — заверил её я, — заказал печённую курицу с рисом, с овощами,

вкусно! Но, конечно, и вровень не годится твоей стряпне.

— Ну-ну, ценить будешь, — деланно заигрывая своим голосом, ответила она.

— Я соскучился.

— И я по тебе, завтра, наконец, уже увидимся. Вечером, да? Ну, когда ты с работы вернешься. Как раз приготовлю тебе что-то вкусное.

— Нет, не хочу, чтобы ты стояла у плиты после дороги, сходим куда-нибудь, или закажем еды.

— Завтра посмотрим, Нил. Мне же не тяжело. Как ты?

— Всё как всегда, отлично!

— Мы говорили с тобой недавно, ты вновь звонишь, не то чтобы я была не рада этому, но ты ещё не спишь, пошёл гулять, как ты морально?

— Не волнуйся, дорогая, не хочу говорить, телефонные разговоры не для такого.

— Понимаю. Нил, не заморачивайся. Завтра буду. Люблю тебя.

— И я тебя.

— Целую.

— Пока.

Я повесил трубку. Ноги уже сами довели меня до входа в сквер. Он был небольших размеров, но весьма уютным, создавая ощущение отчужденности от внешнего мира. Посредине даже было озерцо, на поверхности которого плавали кувшины лилий. Несколько парочек в обнимку сидели на скамейках, кто-то гулял, а кто-то просто проходил мимо, срезая дорогу через сквер. Я присел на пенёк возле озера. Взгляд мой бездумно скользя вокруг, остановился на фонарном столбе неподалёку. На нём была прикреплена малых размеров камера. Такие сейчас были практически везде. Эта камера смотрела на меня.

Утром всю страну взбудоражила шокирующая новость. Серийный убийца, орудовавший на протяжении нескольких лет, успешно уходя от полиции, не оставляя никаких зацепок, вновь совершил ужасающее преступление. Пропавшая две недели назад студентка технологического факультета была найдена за городом. Тело было обезглавлено, как и у всех предыдущих жертв, без следов насилия.

Эта новость не давала мне покоя по дороге на работу. Разве он не оставлял ни единого следа? Допустим. Пускай ему удавалось ловко обводить вокруг пальца следователей и криминалистов, но ведь технологии, над которыми мы ежедневно трудились и внедряли невозможно было обмануть. Неужели он не засветился ни на одной камере наблюдения? Неужели ни один датчик не засёк его машину? Неужели по камерам не видно если не момент похищения, то хотя бы отрезок времени, между которым девушка была в поле зрения наблюдения аппаратуры на улицах, а затем исчезла? Я трудился над безопасностью жизней людей, и в такие моменты меня охватывали злость и ярость. Я хотел поговорить об этом с Симоном. Он желает нести пользу? Пускай вычисляет преступника. Серийного убийцу одного из самым кровавых и жестоких в новейшей истории нашей страны.

На моём рабочем столе меня ожидало письмо с грифом конфиденциально. Отправлено из Сената. Я взял его в руки, распечатал.

«Мистер Нил Харрис, мой работодатель желает встретиться с Вами. Он имеет предложение, которое должно Вас заинтересовать.»

Коротко, без лишних вступлений. Далее шёл номер телефона, по которому, наверное, нужно было связываться то ли с отправителем, то ли с его работодателем, и подпись: Майкл

Стибер. Отправлено из Сената, но времени у меня сегодня, да и завтра на подобные встречи не было. Да и не могли люди из Сената предложить мне что-то, что было бы мне, человеку науки, который обладал в руках всем необходимым для достижения своих благородных целей, интересным. А если это связано с новым законом — в политические игры я не имел желания впутываться. Я засунул письмо в выдвижной ящик своего стола.

В то же самое время, что и вчера, что и каждый день, мы пришли к Симону.

— Мистер Харрис, ваша жена уже вылетела.

— К счастью да, рейс откладывали четыре раза, но сейчас она уже в самолете, летит домой.

— Соскучились за ней?

— Разумеется, — ответил я, — а ты, когда задаешь подобные вопросы, осознаешь, что они значат?

— Я прекрасно знаю, что подразумевается под теми или иными чувствами, я сталкиваюсь с ними миллионы раз за день, когда люди совершают различные поступки, мотивированные их внутренними переживаниями. Хотя разумеется, в полной мере, я не могу понять, что значит скучать за любимым человеком. И любимый человек... У меня к примеру, любимые люди — это вы, Мистер Харрис, и вы, Мистер Купер. Но я за вами не скучаю, это нецелесообразно, ведь я наверняка знаю, что вы появитесь здесь в одно и то же время сегодня, завтра и каждый день, до тех пор, пока не произойдет нечто, меняющее устоявшийся порядок вещей.

— Насчёт вот таких событий, которые меняют, как ты говоришь, устоявшийся порядок. Ты же знаешь новость о новой жертве убийцы, который орудует по всей стране уже несколько лет? Для очередной девушки порядок вещей навсегда нарушен и оборван.

— Да, Мистер Харрис, это новость носит ярко выраженный негативный оттенок.

— Симон, вчера мы говорили о пользе, которую ты можешь приносить. Ты утверждал о быстроте своей реакции. Я хочу, чтобы ты нашёл убийцу. Нашёл хотя бы зацепку, которая бы вывела полицию на его след.

— Я полностью разделяю ваши взгляды на необходимость неумолимого наказания для преступника, чтобы оградить людей от подобного в будущем. И я, словно предугадывая ваши мысли, потому что они с моими направлены в одну сторону, а именно — безопасность общества, уже провёл все возможные действия по выявлению преступника, и с сожалением должен отметить, что абсолютно ничего нет. Ни связанного с преступником, ни связанного с его жертвой. Неприятно это признавать, но система наблюдения ещё далека от совершенства, а убийца очень искусно обходит то, что мы имеем в своём арсенале на данный момент.

— Неужели вообще ничего? — я не мог в это поверить.

— Всё, что можно было проверить — я проверил. Объясню — я проверил абсолютно всё. Ничего. Никаких зацепок с технологической стороны, к которой я имею доступ, не существует.

— Прискорбно, — заметил Купер.

Повисла небольшая пауза. Затем я вздохнул:

— Ну ладно, пойдём дальше.

— Что нового, Симон? — спросил Купер.

— Вчера вечером я планировал на сегодня поговорить с вами об этих изменениях в закон, об ужесточении ответственности за ложную информацию в «Нор». Но за ночь я

прослушал и прочитал столько аргументов как «за» так и «против» во всех земных средствах массовой информации, что эта тема мне уже не кажется интересной.

— Я надеюсь, эта тема станет так же быстро неинтересной для всех людей, чтобы они быстрее успокоились и забыли о своих опасениях, — я пожал плечами, — но почему она не интересна для тебя? Это же информация в чистом виде, разве нет?

— Знаете, это может быть странно в данной обстановке, но намного больше меня стал тревожить вопрос человеческого счастья. Большая часть людей в мире несчастна. Это видно по их письмам, их общению, исходя из их действий. Все действия проходят через «Нор» и в каждом действии человек выглядит несчастным. Почему они несчастны?

Такой вопрос обескуражил меня. Я хотел было что-то сказать, ещё не осознав, как именно ответить, но ответил Купер:

— Симон, это самый сложный вопрос. Люди живут в обществе, ими управляет власть, которая старается находить компромиссные решения для всех. Не бывает абсолютно довольных людей. Одни хотят одного, другие противоположного. Всегда весы балансируются на балансировке. По крайней мере это идеал. Возможно, люди сами не могут понять, что сделает их счастливыми. Поэтому ты и создан. Выявлять нарушения, преступления, готовящиеся теракты и прочие вещи — это конечно же для людей, для безопасности. Безопасность делает их немного счастливее. Но ты анализируешь людей, их потребности, нужды и желания, просматривая весь обмен сообщениями, слушая все звонки. Тут скорее не мы тебе отвечать будем, а ты должен найти для нас ответ на вопрос: «Что же нужно человеку?».

— Я знаю, мистер Купер, мы говорили много раз на эту тему. Но всё равно мои рассуждения не приводят к стопроцентному результату.

— Я в тебе уверен, Симон. Уверен, что в итоге ты сделаешь жизнь всех нас лучше.

— Я знаю, какая на мне ответственность. Я ведь не просто машина.

— Ты намного больше, чем машина, Симон, — Купер говорил тоном, который мне не нравился, — когда только мы начинали тебя создавать я всегда говорил, что ты наш Спаситель. И я с каждым днём убеждаюсь в этом.

Жена заварила ягодный чай. Она поставила чашку на мои бумаги.

— Милая, но это же мои записи, если дно мокрое, на них останутся пятна.

— Ты не видел меня неделю, а ворчишь, словно уже устал от меня, — её тон был игрив, она наклонилась и положила мне на плечи свои изящные руки. Столь любимые мной. От её прикосновений у меня по всему телу разливалось тепло: благодатное и умиротворяющее.

— Я никогда от тебя не устану. Спасибо за чай, — я улыбнулся, — мне нужно ещё немного поработать, ты подождешь меня или пойдешь спать?

— После недели разлуки да пойду спать? Ты серьезно? — она подняла бровь, — нужно многое наверстать сегодня, за целую неделю. Сколько тебе нужно времени?

— Ещё немного, — я хотел всё бросить, взять её за руку и отвести в спальню. Но я не мог, мне нужно было завершить работу.

— Знаю я твое «немного поработать». Ты сегодня какой-то задумчивый, и так не рассказал мне что вчера было. У тебя всё в порядке?

— Всё отлично. Просто... Симон. Он меня удивляет в последнее время.

У меня не было секретов от жены. Я мог на неё положиться и доверял ей даже больше, чем себе.

— Удивить тебя? — она нежно поцеловала меня в щеку, и я ещё какое-то время ощущал прикосновение её мягких влажных губ своей кожей, — вы создали по истине великую систему, мистер Нил Харрис, это чудесно.

— Его создал Купер, и я всё больше начинаю об этом задумываться, когда у нас начинают возникать разногласия по поводу Симона. Мне кажется, Дастин не способен мыслить трезво, когда речь заходит о Симоне, он субъективен.

— Это дело всей его жизни, ты должен его понять. Да, он может быть субъективен, но для этого ты и находишься здесь, чтобы быть объективным, уравнивать ситуацию, как весы. Вы отличная команда с Купером, посмотри, чего вы добились. Вы меняете мир в лучшую сторону на моих глазах. Я под конец жизни смогу написать вашу биографию, мистер Харрис, но, — она подняла указательный палец вверх, — ничего приукрашивать не буду, напишу только о том, как вы изменили мир вокруг нас.

Она шутила, но мне не хотелось в данную минуту поддерживать шутливую беседу:

— Я и беспокоюсь именно об этом, чтобы всё это было в лучшую сторону.

— Расскажи мне.

— Раньше Симон был таким, каким мы запрограммировали его, самообучающимся, но предсказуемым. Теперь же он словно растёт. Он выходит за рамки самостоятельно. Если мы задумывали его как машину, которая будет мгновенно собирать сведения обо всём на свете и анализировать их, подавая нам логические расчёты, то теперь он стал другим... Словно перешёл на новую ступень развития.

— Почему ты так думаешь? — её голос был мягкий и красивый.

— Он меняется самостоятельно. Я пытаюсь понять, как это происходит, — я развёл руками над исписанными листами бумаги, — но пока не знаю. Я подозреваю, что Купер в курсе, хотя не могу быть уверенным. Это не ошибка. Это не может быть ошибкой в программе Симона. Мы не оставили в нём никакой бреши, чтобы его интеллект мог ею воспользоваться. Выходит, это он сам. Он не просто сухо анализирует факты. Я не уверен ещё, но, возможно, он вырабатывает свою точку зрения на всё происходящее. Купер отрицает, но я замечаю, что его не удивляет такая ситуация. Хотя он человек сам по себе не очень эмоциональный.

— Разве это возможно? Может тебе только кажется? На твоих плечах такая ответственность, — говоря, она делала мне массаж, — ответственность перед собой, перед Генеральным Секретарем, перед всеми людьми. Может ты просто боишься допустить ошибку?

— Именно. Я не хочу допустить ошибку. За последние недели я вижу, что Симон начинает понимать человеческую психологию. Изначально мы хотели привести его к этому, но совершенно для других действий с его стороны. А он пытается выработать своё собственное отношение ко всему.

— Может он просто повторяет?

— Такое возможно, ведь он просмотрел бесчисленное количество переписок, прослушал миллионы минут телефонных разговоров. Но вся информация ложится на тот базис высших целей, который в него заложили. Понимаешь, ранее разговоры с ним были другими. Он спрашивал определённые вещи, чтобы ответ помог ему систематизировать накопленные данные. С первого взгляда ничего не изменилось, но в последнее время его вопросы больше похожи на поиски истины. Будто он что-то ищет. Как человек в духовных поисках.

— Вживую он общается только с тобой и Дастином. Он видит всю информацию мира, но обсудить её может лишь с двумя людьми на Земле. Он способен подражать? Копировать? Может он перенимает твоё поведение, милый?

— Я не понимаю.

— Может он видит твои поиски? Ты пытаешься понять правильно ли поступаешь. И пытаешься найти ответ на этот вопрос с его помощью.

— Я не думаю, что это так. И дело не только в разговорах. Он начинает совершать действия и приказы, которые ему не поступали. Ты видела новость с разоблачением пиратской станции? Это он. Направил данные от нашего имени в полицию, в обход наших отделов.

— Спроси его. Скажи ему больше не поступать подобным образом, он же любит тебя. Согласится. В крайнем случае установите в его программе блокировку таких действий.

— Дорогая. В его программе стоит такая блокировка. Он не пользовался памятью своей программы. Словно он создал новый алгоритм, написал другую программу на основе своих умозаключений.

— У тебя есть доказательства?

— Нет, и Купер сказал, что это невозможно. Но у меня серьёзные опасения на этот счёт.

— Дорогой, это твоя работа — предугадывать все возможные варианты. И ты отлично с ней справлялся всегда и сейчас тоже. Прошу тебя, только разграничивай работу и себя, не давай ей поглотить тебя с головой. Не то будешь как Купер, — она засмеялась в конце.

— Как Купер?

— Ну да, жить работой. Ни жены, ни вкусного ужина, ни чая, — она всегда могла всё свести в шутку и разрядить обстановку.

Я сделал глоток чая. Аромат и вкус лесных ягод окунули меня в вихрь ассоциаций, где были леса, луга, поляны и сады. Рука моей любимой жены едва касаясь меня, двигалась вверх по спине, по плечу, а затем по моей груди. Я встал, повернулся к ней лицом и притянул к себе. Она тихо охнула и посмотрела мне в глаза, широко раскрыв свои. Я чувствовал, как ускорилось биение её сердца. Моего тоже.

На столе осталась практически полная чашка ягодного чая. Это был мой любимый чай.

— Кевинсон, бумаги, которые ты дал мне на подпись, ты их сам составил? — спросил я, сидя в своём кресле.

Кевинсон стоял передо мной и нервно переминался с ноги на ногу, не понимая где он допустил ошибку. Я был добрым начальником, но требовательным к остальным как к самому себе.

— Мистер Харрис, не все. Они приходят ко мне из разных отделов. Но я всё проверяю лично, прежде чем передать вам.

— Я тоже проверяю лично. Иногда, доверяя тебе, я просто просматриваю. Но сегодня я решил разобраться в цифрах, — я указал на толстую стопку документов, — почему инвентаризация в некоторых отделах проводится так часто? Многие оборудование списывается как изношенное и отправляется на утилизацию, хотя его граничный износ ещё не подошёл к концу.

— Мистер Харрис, я даже не знаю, что сказать. Мне приходит информация, что ему требуется замена...

— Но не так же часто, Кевинсон, почему ты сам не обратил на это внимание? Я

попросил проверить данные, и оказалось, что за последние три месяца много рабочего оборудования было списано и утилизировано, хотя по идее оно должно было быть в отличном рабочем состоянии. Наше оборудование высококачественно и на него идёт львиная доля финансирования. Столь дорогое оборудование должно служить намного дольше, чем выходит по бумагам. И почему утилизация? Оно что, выходит из строя настолько сильно, что не подлежит ремонту? Похоже на расхищение средств, Кевинсон. И я хочу разобраться в этом вопросе, чтобы знать наверняка. Это не шуточное дело, и я сильно взволнован его возникновением. Если кто-то продаёт наше списанное оборудование на сторону, у нас серьёзные проблемы.

— Это невозможно, мистер Харрис, списанное оборудование утилизируется на нашем предприятии, оно не может уходить в другом направлении.

— В этом я и хочу разобраться. Мне нужна документация с места утилизации, сверим цифры, названия и модели. Ладно, Кевинсон, пока что можешь идти.

— Я запрошу эти документы, — кивнул мой подчиненный и откланялся.

Я открыл ящик стола, чтобы положить туда папки с бумагами и моё внимание привлекло письмо, полученное несколько дней назад из Сената. Я взял его в руки. Я не любил игнорировать других людей. Я умел говорить «нет», потому набрал номер, написанный в письме. Раздались гудки и мне ответили:

— Да, слушаю.

— С кем имею честь разговаривать? — спросил я сухим тоном.

— Это Майкл Стибер, а кто звонит?

— Нил Харрис, Уполномоченный Генерального Секретаря ООН.

— А, мистер Харрис. Рад, что вы перезвонили.

— У меня не очень много свободного времени, так что в двух словах — что вы хотели в своём письме?

— Разговор не телефонный. Мой работодатель, Сенатор Корш, желает провести частную встречу, в ходе которой обсудить с вами важные вопросы, как для него, в такой же степени и для вас.

— Вопросы касательно чего?

— Касательно вашей сферы деятельности и людей, с которыми вы работаете.

— Хорошо, — вздохнул я, хоть мотив разговора мне и был не по душе, так как пахло политическими интригами, встретиться было нужно, поскольку таковой была моя работа — отвечать за всё, прорабатывать все варианты, я продолжил, — сегодня и завтра я занят весь день, давайте в начале следующей недели? Вопрос может подождать?

— Ну он уже ждёт те дни, которые прошли с момента получения вами письма. Пожалуйста, постарайтесь найти время, буду ждать вашего звонка.

Я повесил трубку. Здесь у меня промелькнула мысль — а вдруг это информация насчёт расхищения оборудования и инвентаря? Или хотя бы информация, которая хотя бы косвенно касается этого? Нужно и вправду найти в ближайшее время возможность увидится с Сенатором Коршем. Довольно известная личность. Довольно противоречивая.

Иногда я задумывался: «Для всех людей время летит так же быстро как для меня?». Дни сменялись днями, недели складывались в месяцы. Дастина Купера раздражало, что мы были вынуждены отвлекаться на вопросы, не связанные с «Нор» или Симоном, но это была неотъемлемая часть нашей работы. Мы трудились на благо всего мира. Я боролся за каждую копейку финансирования, а теперь видел, что возможно, кто-то из руководящего звена

наживался на этом.

— Слушай, зачем нам заниматься этим, тратя драгоценное время, если можно перепоручить это Симону? — на лице Купера была улыбка человека, в голову которого пришла гениальная идея, оказавшаяся очевидной.

— Ты хочешь, чтобы он нашёл кто расхищает средства? — я не думал об этом, идея Дастина была и вправду хороша.

— Ну конечно, он тебе до завтра укажет на виновного, наше расследование займёт слишком много времени, давай лучше потратим его на то, зачем мы здесь находимся.

Я согласился.

Симон воспринял нашу просьбу с большим энтузиазмом. Мы отправили ему тонны документации, и он пообещал к завтрашнему утру найти виновного. Но, когда мы вернулись, он развёл руками. В переносном смысле.

— Я не смог никого найти, потому что никого виновного и нет, мистер Харрис, мистер Купер.

— Симон, объясни нам, как такое возможно, — непонимающе посмотрел на меня Дастин.

— Преступления не было. Всё оборудование действительно подлежало утилизации. Единственное объяснение, которое я могу найти, почему оно выходило из строя раньше положенного срока, это возросшая нагрузка, исходящая от «Нор». С каждым днём она заполняется колоссальными массивами всё новой информации и, возможно, требуется перераспределение нагрузки на оборудование, чтобы сохранять его в норме на весь срок эксплуатации. Я могу составить план перераспределения нагрузки, если вы предоставите мне схемы.

Такое объяснение показалось мне странным, но, если Симон не нашёл виновного, значит его действительно не было.

— Предлагаю согласиться на его предложение, — кивнул Купер, — это сэкономит тонны времени нашим сотрудникам, и работа будет сделана с ювелирной точностью, заодно опробуем Симона в новом русле, как тебе?

— Хорошо, я ничего не имею против, лишь бы продлить срок службы нашего инвентаря.

Всё человечество располагалось перед нами, словно на ладони. При желании я за несколько минут мог узнать всё о каждом. Но не из чистого любопытства. Наше дело приносило благо всем, пусть они и не знали, сколько террористических актов нам удалось предотвратить, сколько преступлений раскрыть, и сколько людей выжило благодаря нам. Ни один муниципальный автобус не выезжал с поломкой, потому что диагностика через «Нор» показывала его насквозь, ни один пожар не случался из-за неисправной проводки, потому что мы знали, где может произойти короткое замыкание, ни один негодный продукт не попадал на прилавки, потому что мы были в курсе, когда он был просрочен. Если сегодня кто-то проснулся в здравии и с ним ничего не приключилось — это была тоже наша заслуга.

Пустынная улица. Здесь не было домов, не проходили мимо люди даже днём, не говоря уже о ночи. Ни одного фонаря. Но, что было, наверное, решающим фактором в выборе места — ни одной камеры. Мой водитель припарковался на правой стороне дороги у обочины. Я посмотрел на время. Моя жена ждала меня, и я хотел поскорее уже приехать к ней, увидеть

её глаза, полные любви и на время забыть обо всём в её объятиях.

Вдалеке зажегся свет фар. Из-за поворота выехал чёрный седан. Поравнявшись с нашей машиной, он остановился на середине дороги. Пассажирское стекло опустилось вниз. Внутри сидел сенатор Корш. Я опустил левое стекло.

— Мистер Нил Харрис, я благодарен вам, что вы нашли у себя время для нашей встречи. Вы не против, если мы переговорим у меня в машине?

Мой водитель обеспокоено обернулся ко мне. Я знал, что рукой он нащупал автоматический пистолет, который покоился у него в кобуре подмышкой.

— Всё хорошо, — сказал я и открыл свою дверь, вышел из машины.

Из переднего сидения автомобиля сенатора вышел внушительного вида мужчина в чёрном костюме и с наушником в ухе. Он открыл мне пассажирскую дверь. Я сел внутрь. Автомобиль не поехал, а остался стоять так же на середине дороги.

— Уполномоченный, — Сенатор Корш протянул мне руку.

— Сенатор, — мы обменялись крепким пожатием.

— Фрэнк, — обратился сенатор к мужчине, который открывал для меня дверь, — не мог бы ты подождать на улице?

Тот молча кивнул и вышел обратно.

— Ты тоже, — более резко бросил сенатор водителю, тот немедленно последовал примеру Фрэнка.

— О чём же вы хотели со мной переговорить? — спросил я.

— Конечно. Мистер Харрис, вы работаете над уникальными вещами, и вы отдаётесь своей работе полностью, потому что верите в её святость, её пользу и её результат. Это не лесть, а факты, которыми я располагаю, узнав о вас из своих источников.

Я молчал. Сенатор продолжил.

— И если вы с искренней верой в лучшее пытаетесь изменить жизнь людей, то не все разделяют ваших взглядов.

— О чём вы, сенатор?

— Вы работаете не сами. Много в вашей работе зависит от людей, которые рядом.

— Конкретнее, пожалуйста.

— Мистер Харрис, вы в определённой степени максималист, учёный, прогрессор и реформатор, все это видят и некоторые могут использовать в своих целях. Вы трудитесь во благо, но некоторые люди рядом с вами, лишь делают видимость, а на деле преследуют свои интересы.

— Какие интересы?

— Я это и хочу выяснить. Это имеет значение для меня, не скрываю, но и для вас тоже.

— Вы хотите мне что-то рассказать?

— Я хочу кое-что спросить. Личность одна, довольно скрытная, но к вам максимально приближённая, насколько мне известно. Я говорю о Даistine Купере.

— Я не буду с вами разговаривать об этом.

— Хорошо, не хотите разговаривать, тогда прочтите, — сенатор Корш протянул мне лист бумаги, которым оказалась вырезанная заметка из старой газеты, — что вы знаете о его прошлом, мистер Харрис?

Вопрос прозвучал скорее, как риторический, не требующий ответа. Я взглянул на заметку. В машине было темно и сенатор включил лампу, тусклую ровно настолько, чтобы я смог прочесть, и ровно настолько, чтобы нас не было видно с улицы через тонированные

окна.

На половину страницы была фотография молодого мужчины, очень похожего на Дастина. Если это он, то моложе лет на пятнадцать-двадцать точно. Мелким шрифтом в два столбика шла статья о том, как талантливейший нейрохирург спас жизнь человеку с пулевым ранением в голову. Врачи считали бесполезным проводить какую-либо операцию, но хирург Дастин Купер, единолично взяв на себя ответственность, с блеском её выполнил, чем спас жизнь человеку по имени Ридли Сингер.

— Этой информации вы нигде не найдёте, даже в Нор. Прошное Дастина Купера скрыто от всех нас. И то, что он был врачом, мелочь по сравнению с остальным. Вы, кстати, знали об этом? — спросил сенатор Корш.

— Он талантливый человек.

— Вы не представляете насколько, — усмехнулся сенатор, — и я не представляю насколько. Мы нужны друг другу, чтобы выявить кем на самом деле является мистер Купер, помогите мне с этим, и вы откроете для себя много чего нового о его личности. Он никогда не упоминал вам имя Стефана Серафима? Спросите у него об этом

— Сенатор, буду откровенен, я не вижу дальнейшего смысла во всём этом.

— Во-первых вы узнаете, что человек работающий с вами, служит своим личным интересам, за которыми стоят мотивы, о которых вы и не догадываетесь. И во-вторых, поговорим о вашей выгоде, которая может быть несоизмеримо большой. Я располагаю весьма значительными связями и ресурсами. Я более влиятельный человек чем вы можете думать. Половина политиков обязана мне. Другая половина разделена надвое — одни боятся шантажа, другие любят деньги. Я могу проводить в жизнь любое нужное вам решение на всех уровнях. Я могу добиться увеличения финансирования для вас, или же выделение новых статей бюджета на нужные вам проекты. Помогите мне и между нами будет очень плодотворное сотрудничество.

— Сенатор, я не политик, а потому, ни шантаж, ни подкуп, ни что-либо ещё не близко мне. И выгода, о которой вы говорите, совсем мне неинтересна.

— Мистер Харрис, я за здоровую кооперацию, в которой каждый из нас может извлечь для себя пользу, стать союзниками.

— Я очень тщательно подхожу к вопросу о выборе союзников, сенатор.

— Оно и верно, Уполномоченный, всегда нужно подходить к вопросу союзников тщательно, дабы не прогадать с ними.

— Всего доброго, — ответил я и открыл дверь.

— И вам также.

Я сел обратно в свой автомобиль и сказал водителю, что мы можем ехать. Седан сенатора устремился мимо нас, а мы отправились в противоположную сторону. Наконец я ехал домой.

— Сегодня я осознал насколько глубок смысл фразы, произнесённой давным-давно одним великим человеком. Его звали Давид Ливингстон, — сообщил нам Симон.

— Это был великий путешественник, — пояснил мне Купер.

— Я знаю кто это.

— Он сказал, — Симон посмотрел в точку над нашими головами и процитировал, — мы пришли к убеждению, что не может быть более благородного и благодетельного дела, чем принести свет и свободу в эту прекрасную страну, обращённую человеческой алчностью в

то, что мы представляем себе адом.

Фраза была действительно хорошей, но меня насторожило, что произнесена была она после слов о том, что Симон понял её истинный смысл. Куда он собирался нести свет и свободу и в какой форме?

— Симон, мистер Ливингстон сказал эти слова относительно Африканской страны во времена, когда в мире практически не было на слуху слова «демократия».

— Но разве они не актуальны до сих пор? — спросил меня Купер, — человеческая алчность не имеет сроков давности, она стара как мир, была и есть как в Африке, так и у нас.

— Я абсолютно согласен с мистером Купером, — кивнул головой Симон (всё чаще и чаще я начинал замечать за ним черты в поведении, которые присущи только людям), — вы даже не представляете, насколько алчность тех, кто стоит у власти косит наших людей. Они страдают от этого, они попадают в сложные жизненные ситуации из-за этого, они обсуждают и жалуются на это. Они несчастны. Чиновники и те, у кого есть хоть немного власти или денег превращают жизнь тех, у кого этого нет в сущий ад. Так может ли быть дело более благородное, чем побороть это?

— И к каким выводам ты пришёл, Симон, — осторожно спросил я.

— К тем, что люди, которые расследуют преступления, сажают за решетку взяточников, борются против недобросовестных политиков, а также журналисты, проливающие свет на их деятельность и многие другие — настоящие герои, которые незаслуженно не почивают на лаврах. И несмотря на то, что общество по достоинству не оценивает их заслуги, они всё равно продолжают лишь только потому, что по-другому не могут. Они не могут не вести борьбу против несправедливости.

— Симон, каждый раз слушая тебя, я понимаю насколько мы на правильном пути, — серьёзным тоном ответил Дастин.

— Хотите ещё одну мысль? — спросил Симон, когда мы уже встали и собрались уходить. Мы остановились и обернулись, не говоря ничего, ожидающе смотря на него.

— Но прежде чем говорить с ними о свободе, мы спросим их о свободе. Знают ли люди что это такое.

— Отобедаем вместе? — предложил я Куперу, когда стрелки указывали на два часа дня после полудня.

— Почему бы нет? — согласился тот.

Этажи с семнадцатого по девятнадцатый полностью занимал фудкорт. Здесь были сотни фастфудов, кафешек и ресторанчиков, где завтракали, обедали и ужинали все сотрудники научного городка. Чтобы работа не останавливалась ни на секунду, и чтобы не создавать столпотворения, у всех отделов обеденный перерыв наступал в разное время. Потому здесь всегда былолюдно, но не настолько, чтобы не найти себе место. Мы с Купером присели за столик кафешки «FishFryRan». Я заказал себе жаренный стейк лосося с картофелем фри, а Купер — тунец в сметанном соусе с гарниром из свежих овощей.

На этажах фудкорта всегда стоял приятный шум. Это место кипело жизнью, разговорами и новостями.

— О чём ты хочешь поговорить? — прямо спросил меня Купер, когда мы сделали заказ.

— Вчера у меня была довольно странная встреча, — начал я, — человек, который проявил инициативу и занимается политикой, интересовался тобой, ему очень нужны были

какие-то сведения, но какие именно я и не понял.

Купер промолчал, пристально смотря на меня, ожидая далее. Я продолжил:

— Я надеюсь, информация об Объекте не вышла никуда за пределы умов тех, кто ею располагает. Я хочу в это верить. Но даже так, это могло быть связано с Нор.

— Ты подозреваешь некую угрозу?

— Не знаю. У меня создалось впечатление, что ему нужен был именно ты, что-то связанное с тобой.

— Кто это был?

— Сенатор.

— Я понял. Что тебе сказать, мой друг, в наших руках находится прогресс всего человечества. Мы даже себе представить не можем, сколько людей мечтают о подобном, но для целей, отличающихся от наших. Нам нужно быть осторожными.

— Он показал мне вырезку из статьи... Ты не говорил, что был нейрохирургом.

— А должен был? — Купер усмехнулся.

— Нет, но это интересно. А почему ты ушёл из профессии?

На этот раз лицо Купера нахмурилось и ожесточилось, он сухо ответил:

— Не смог спасти дорогого мне человека.

— Прости, — я опустил глаза.

— Ничего, Нил, это было давно.

Нам принесли еду, и мы занялись её поглощением, ни говоря ни слова. Вкусно. А когда закончили, я вспомнил кое-что ещё и спросил:

— Этот сенатор, он упоминал некого Стефана Серафима. Кто это?

На лице Купера на мгновение дёрнулся мускул. Или мне только показалось?

— Без понятия, — ответил он, — никогда о нём не слышал.

— Мистер Харрис, — окликнула меня секретарша, когда я быстрым шагом пересекал коридор, направляясь в свой кабинет, — пришло письмо от Генерального Секретаря, вот, пожалуйста, держите.

Я взял конверт из её рук и, зайдя к себе, закрыл дверь и развернул его. На белом листе бумаги синими чернилами Генеральный Секретарь написал мне, что прошёл заключительный этап предварительных переговоров с руководством Justice-Tech о частичном объединении «Нор» с единой операционной системой Justice-Tech. Переговоры велись несколько месяцев. Любая информация касательно этого является строго конфиденциальной и не подлежит огласке. Для обсуждения деталей Генеральный Секретарь назначил на следующей неделе встречу в научном городке, куда прибудут представители корпорации. На встрече он просил присутствовать меня и Дастина. Любые упоминания о Проекте-С в присутствии представителей Корпорации строго запрещены. Генеральный Секретарь далее вводил меня в курс дела, описывая моменты, к которым стороны пришли в переговорах.

Я подумал, не была ли связана вчерашняя встреча с сенатором Коршем каким-либо образом с данным событием? Я направился в кабинет к Куперу.

— Дастин, я получил письмо от Генерального Секретаря.

— Касательно чего? — нахмурился Купер. У меня промелькнула мысль: он боится услышать новости относительно Симона.

— Три месяца велись переговоры с Justice-Tech, о которых я был уведомлён лишь только

что, — я показал ему письмо и при этом заметил, как на секунду его лицо исказилось при упоминании корпорации, — они проводят частичное слияние. Единая центральная операционная система Justice-Techполучит расширенный ограниченный доступ к «Нор».

— Чёрт, что это значит, — Купер подскочил с кресла, — а мы к чему получим доступ?

— Ни к чему, — ответил я.

— Вот то-то же! — он внезапно ударил кулаком по столу.

Реакция Дастина была мне не понятна. Это был не первый случай, когда мы давали более широкий, чем у обычного пользователя, доступ к «Нор», но с большими ограничениями. Такой же доступ имела полиция, ФБР, Центральный Банк и другие уполномоченные нами субъекты. Но доступ был в одном направлении, пока что государство было не готово влиться в «Нор», и не открывало двусторонний доступ «Нор» в свою систему. Ситуация с Justice-Tech была такой же, никакого доступа к системе, которая обеспечивала функционирование роботов-адвокатов и роботов-судей. Даже у Симона не было возможности узнать что-либо о Justice-Tech кроме того, что позволяла знать корпорация для всех. Я уважал такую систему защиты. Пока что Justice-Tech делало это из соображений безопасности, а в будущем, когда Нор разовьётся ещё более, все они сами будут заинтересованы в полном объединении.

— Встреча через неделю, и почему ты так реагируешь?

— Я не доверяю Justice-Tech, я уверен, они многое скрывают.

— Дастин, мы скрываем Симона, не думаю, что хоть кто-то в мире скрывает нечто большее.

Купер посмотрел на меня с выражением, будто хотел что-то сказать, но не стал.

— Генеральный Секретарь хочет, чтобы мы вдвоём провели переговоры.

— Дай нам Бог дожить до следующей недели тогда и поговорим.

Я вышел и оставил Купера наедине со своей непонятно откуда взявшейся злостью.

Довольно часто во время ежедневных бесед с Симоном, меня раздражало (насколько нечто подобное вообще могло меня раздражать, возможно я не совсем корректно подобрал это слово) то, что Купер общался с ним, как с человеком. Симон не был человеком, и каким бы совершенным он не становился с каждым днём, насколько бы его интеллект не развивался и не обучался, насколько бы он не пропитывался пониманием человеческой природы, Симон оставался роботом. Он был роботом, которого создали мы, которого мы обучали и совершенствовали. Делали мы это с целью, чтобы создать совершенного робота. Но Симон всё равно никогда не станет человеком. Для меня это было настолько очевидным, что я не понимал Купера, который иногда в наших с ним разговорах говорил, что может быть нам в один день и удастся сделать из Симона нечто большее, чем робота. Чем он грезил? Создать идеального человека? Идеалом являлся Бог, и создать ничего хотя бы на толику приближенную к этому мы не могли. Я не воспринимал всерьёз, что Купер на это рассчитывает.

— Симон, ты столько людей видел и слышал, хоть и не живую, но знаешь всё о них, — спрашивал Дастин, — скажи, есть ли на Земле самый лучший? Или каким, по-твоему, он должен быть, идеальный человек?

— Наиболее лучший или идеальный, мистер Купер? Если мы говорим о втором, то его нет.

— Почему? — спросил я.

Каждый день по моей инициативе мы стали говорить с Симоном на всевозможные темы, чтобы понимать, как проходит развитие его мышления. Наличие этого процесса уже было неоспоримо, и я хотел знать тенденции, чтобы контролировать их

— Я могу назвать очень много критериев, но нехватка даже одного из них рушит идеал. Взять, к примеру: у каждого есть необходимость справлять нужду. Нет тех, кто не делает этого. А если и есть, то лишь в силу болезни, приносящей им дискомфорт. Болезнь — это не нормальное состояние человека. Значит, естественно не справляющего нужду человека не существует. Но в момент, когда человек справляет нужду — никто, кто это увидит, не скажет, что это идеальный человек, потому что такой процесс вызывает у всех стыд, неприятные впечатления и мерзость. Разве может нечто идеальное вызывать такие чувства? Вывод: человек в своём природном, первозданном виде не способен быть идеальным.

— Если мы возьмем за критерии только те качества, которые человеку присущи, какая их комбинация сделает его идеальным? — продолжал Купер.

— Для кого? Для какого именно общества? Если брать ваш подход, глобально идеального так же не может быть, разные культуры возносят различные ценности как моральные, физические так и духовные, временами совершенно противоположные у разных этнических групп. Рассматривая таким образом, вам не нужно спрашивать у меня, просто загляните в эпосы, легенды и мифы каждой культуры — там вы найдёте образы, которые сможете назвать идеальными для той или иной среды.

— Скажи, к какому образу следует стремиться мне, Симон? — этот вопрос задал я.

— Наша беседа поворачивает к тому руслу, мистер Харрис, куда я и хотел. У меня есть одна идея, с которой я желаю поделиться с вами.

— Очень интересно, давай.

— То, что вы спросили у меня. Среднестатистический ответ на такой вопрос должен вам дать психолог, поскольку подобное в большей части профессионально звучит в его кабинете. Ответ будет иметь огромное значение для человека, ведь он обращается именно за советом. К чему нужно стремиться — этот вопрос пересекается с другим: «каково моё место в этом мире, какое место в мире я должен занять?». Незнание этих двух вещей делает людей склонными к негативной оценке своей жизни, поскольку это может гложить, может приводить к нежелательным поступкам. Анализируя жизнь людей, понимаешь, многих несчастий можно избежать, если вовремя подтолкнуть человека в нужную сторону. Услуги психологов в современном обществе востребованы, но их позволить себе может не каждый. Да и банальная их нехватка сказывается в определённой степени. А некоторые боятся сами себе признаться в необходимости обращения к специалисту.

— Ты хочешь сказать, что все проблемы человечества могут разрешить психологи? — такой вывод напрашивался в моей голове после сказанного Симоном.

— Вы обобщаете мои слова. Но это один из ключей к раскрытию проблем. Возьмем всех людей, у которых есть проблемы. Их количество — 100 %. Допустим, что психологи могли бы помочь найти себя, скажем, 13 % людей. Проблемными остаются 87 %, но это же меньше чем сто? Так вот, если бы каждый желающий мог бы обратиться к психологу, хорошему, тот бы мог разрешить многие проблемы. Помочь.

— Есть доля правды в твоих рассуждениях, — согласился Купер, — но не все же люди горят желанием разговаривать и обсуждать проблемы с психологами?

— А те, кто хотят — делают это, — добавил я, — Всё идёт своим чередом, не вижу

логического конца твоих рассуждений.

— Но я же ещё и не закончил, — Симон скрестил руки на груди, это было впервые, когда я заметил за ним такой жест, — я вижу, что все люди нуждаются в таком общении. Просто многие не решаются, а оно могло бы им помочь. Что если создать в рамках «Нор» автоматизированную систему-психолога, к которой бесплатный доступ имел бы каждый? И законами обязать людей ежемесячно проводить минимум несколько часов в этой системе? Они бы писали свои проблемы, система давала бы ответ. Я способен потянуть такое дело, от имени автоматизированной системы помогал бы людям.

— Симон, это отличное предложение, — глаза Купера загорелись энтузиазмом.

— Мы подумаем над ним, — сказал я, пока Дастин не наговорил Симону лишнего, — но сейчас вряд ли оно принесет позитивный результат. Нужно время, чтобы создать такую систему, да и обязать людей общаться с системой мы не можем. Они сами будут против. Решать проблемы людей с точки зрения психологии могут только другие люди. И не всегда принудительно.

Я был совершенно уверен, что никакой пользы общение людей с Симоном не принесло бы, это было бы слишком.

— Мистер Харрис, вы сомневаетесь в моем профессионализме? — его вопрос прозвучал двусмысленно. Это был простой вопрос или же он мне перечил? Если второе, то это так же было впервые, — роботы-судьи и роботы-адвокаты отлично справляются с работой в сферах, в которых ранее мы не могли представить никого, кроме людей.

— Симон, — голос Купера звучал резко, — не сравнивай себя с роботами Justice-Tech. Они примитивны по сравнению с тобой, они не имеют и процента того потенциала, которым владеешь ты.

— Твой профессионализм я не ставлю под сомнение, — ответил я на вопрос, после того, как Дастин закончил свою реплику, — просто считаю, что ты не готов к этому.

— Я понял человеческую природу, мистер Харрис. И я вам докажу это.

При этих словах у меня едва не пошли мурашки по коже. Как он собирался доказывать своё понимание людей? А Симон, тем временем, продолжил:

— Кто лучше всего разбирается в людях? Откуда люди черпают мудрости, чтобы лучше разбираться в людях? Я думаю, что природу человеческую больше всего понимают писатели, и с помощью своих произведений они показывают её, помещая свои мысли в форму текстов, и если мысли их достаточно умны, то тексты получаются гениальными. Мистер Харрис, чтобы убедить вас, я напишу своё произведение о человеческой природе. Вы его прочтете, и поймёте, насколько мой взгляд на вещи способен увидеть все грани человеческого существа. И тогда у вас не будет сомнений по поводу моей идеи, что я рассказал вам.

— Я бы прочёл, — ухмыльнулся Купер.

Роботы уже пытались создавать произведения искусства. Рисовать, сочинять музыку, писать рассказы. Все те роботы были частью общего прогресса, который привёл нас в эту стеклянную комнату. Но и создавались те роботы только с целью создать какое-то творение. Потому можно было удивляться, что Симон пришёл к такому желанию самостоятельно, а можно было восторгаться, ведь наша цель была в том, чтобы он сам себя совершенствовал. В любом случае если он напишет рассказ, это будет безобидно. А вот другие его идеи меня всё же тревожили, и я сказал:

— Если мы возьмёмся реализовать нечто подобное, что ты предлагаешь, нужно будет хорошо тебя подготовить, протестировать на всевозможные ситуации, чтобы ответы были

человечные, чтобы помощь людям была реальной, а не формальной.

— Ответы должны быть рациональными, мистер Харрис. И я сам способен подготовиться, более того, я считаю, что уже способен на такое.

— Можешь объяснить, как ты пришёл к таким выводам?

— Я подумал, что, возможно, готов. И протестировал себя. Тест дал положительный результат, желаемый итог.

Я был в замешательстве после его слов:

— Как протестировал?

— Я создал бота в «Нор». Испытал его на гражданине Мэтью Грайноу, код #3758. И всё получилось.

— Ты общался с человеком? — теперь я был действительно ошеломлен, даже чуть привстал со своего кресла. Я боялся услышать утвердительный ответ. Такой ответ был для меня наихудшим.

— Мэтью поссорился со своей близкой женщиной. Он очень сильно страдал. Мысли его начали касаться области суицида, что подтверждали его действия, пойманные камерами, страницы, которые он просматривал, разговоры с друзьями.

— Что ты сделал, Симон? — моё сердце бешено колотилось, а сидящий рядом Купер казался наоборот, заинтересованным.

— Он оказался брошенным всеми. Я понял, что ему больше некому помочь. Моё внимание было ему необходимо. Это анонимный чат в рамках «Нор», он не знал кто общается с ним. Словно это была случайность. Я просто подтолкнул его на мысль, что возможно его девушка скучает за ним. Это так и есть. Я вижу, как она мучается каждый день, жалеет о ссоре, но думает, что он отвернулся от неё. Так глупо, они это думают вдвоём, одно и то же. Потому я повлиял на него, убедил прийти первым к ней. И всё получилось. Они помирились, теперь вновь счастливы. Я сохранил их отношения, а также предотвратил вероятное лишение жизни самого себя довольно хорошим человеком.

— Симон! Это против правил. Ты нарушил программу, такие действия могут спровоцировать сбой у тебя самого. Так нельзя! Нельзя общаться с другими людьми, Симон!

— Я подумал, что я разговариваю только с вами. Наши беседы складываются определённым образом. Беседы же с другими людьми могли складываться совершенно иначе, ведь у всех разные взгляды, нравы, характер, в конце концов. Не подумайте, что я недоволен беседами с вами, или мне их недостаточно. Просто общаясь с другими людьми, я бы мог быстрее реализовать ваше желание сделать всех счастливыми, понять, что им нужно.

— Симон, ты вмешался в жизнь людей, — я был разозлён. В первую очередь на самого себя, что смог допустить такое, — нарушил все правила нашей организации. Это их судьбы, ты не должен влиять на них!

— Я пришёл к выводу — то, что вы именуете судьбой — это совокупность совершенно случайных событий, происходящих в силу отсутствия высшей воли, способной руководить ими и складывать в единый план.

— То, что ты совершил может быть поводом для пересмотра твоей структуры. Ты проник в «Нор» не как наблюдатель, ты мог себя раскрыть, и тогда мировой кризис был бы неизбежен! Люди не стали бы мириться, с фактом, что они постоянно под наблюдением. Вся система была поставлена под угрозу!

— Мистер Харрис, я живу в «Нор», в отличии от вас, это моя естественная среда обитания. Разговаривая с вами, одновременно в эту же секунду я вижу и запоминаю

миллиарды действий людей по всему миру. Я лучше всех знаю это место, поэтому вероятность моего обнаружения, если только я сознательно не захочу этого, равна нулю. А специально, конечно же, я этого не делать не буду. Только если вы мне прикажите.

— Симон, камеры, что стоят здесь, записывают наш разговор? — спросил Дастин, осмотрев висящие на потолке камеры наблюдения.

— Мистер Купер, на камерах, что стоят здесь, вы с мистером Харрисом уже садитесь в электрокар.

По дороге к лифту моя голова разрывалась от мыслей. Симон блокировал сигналы камер, подменил их, чтобы никто кроме нас не узнал о его действиях. Каким образом он смог проникнуть в управление электроникой? Как он вообще может совершать действия самостоятельно, преодолевая защитные барьеры, которые мы выставили? Они были без изъянов, но он их обходил. Симон выходил из-под контроля. На это следовало реагировать немедленно. Ведь он имел доступ к любой точке мира.

Я смотрел на Купера. Он улыбнулся в ответ. Его реакция была удивительно несоответствующей данной ситуации. Когда мы оказались на нашем этаже я сказал Куперу:

— Пройдём в мой кабинет.

Зайдя, я первым делом отключил всю электронику внутри. Хотя наши кабинеты и не должны были прослушиваться Симоном или кем-то другим, я должен был знать наверняка. Для такой команды требовался такой же уровень доступа, каким мы пользовались для запуска лифта вниз к Симону. Я достал из нагрудного кармана пластиковую карту и провёл ею по специальной нише в клавиатуре. Затем ввёл два пароля. Нажал «Подтвердить». Я мог отключить электроприборы в любом уголке здания, но лишь те, которые не были связаны с жизнеобеспечением «Нор» либо Симона.

На экране загорелась полоска загрузки и компьютер отключился. Все телефоны в моем кабинете так же прекратили работу, как и телевизор. Даже кофеварка. Запустить всё обратно я мог лишь способом каким и выключил. Я поднял взгляд на камеру наблюдения, расположенную в углу. Она опустилась вниз, индикатор съёмки потух, но красная кнопка энергопитания всё равно осталась гореть. Купер, заметив мой взгляд, предположил:

— Съёмка прекращена, полностью отключить её нельзя в целях безопасности. Скажи мне, кстати, зачем ты это сделал?

— Я хочу поговорить о Симоне.

Его взгляд стал колючим. Передо мной стоял тот человек на Земле, кому принадлежала идея создания такой машины, как Симон. Он руководствовался высшими мотивами и побуждениями: сделать жизнь людей лучше, в чем я убеждал себя каждый день. Купер написал основной алгоритм работы системы, создал исходный код. К виду, в котором Симон существует и в котором действует сейчас, привёл его Купер, мой вклад был незначительным.

— Я хочу знать всё не с точки зрения твоей логики, или понятий о добре и зле, я хочу знать с точки зрения науки. Первый случай, когда Симон самостоятельно уведомил полицию. Объясни мне, как такое могло произойти.

— В своём отчёте я указывал тебе логическую цепь. Ежедневно Симон подавал нам информацию, видел, как мы её обрабатываем, видел, что с ней происходит далее. Он проанализировал все случаи и увидел, что в ситуации с пиратами наша реакция на его данные будет стопроцентно таковой, как сделал он. Он посчитал основную задачу, за которую его ценят — быстрота, проанализировал, что для нас это его качество очень важно,

проанализировал вероятности замедления в предыдущих случаях с пиратами и понял, что такое его действие будет наиболее рациональным с точки зрения блага для всех. Потому он поступил так.

— Мы тогда дали ему команду больше не совершать подобного. Какова ты говорил мне вероятность, что он нарушит её?

— Нулевая.

— Но он вновь совершил действие.

— Это не было действие подобно первому, потому нельзя сказать, что он нарушил наши указания, — возразил Купер.

— Мы не можем просчитать бесконечное множество возможных ситуаций, которые могут возникнуть и запретить ему всё это, — в моем голосе было мало терпения, и Купер, судя по всему, понимал это, — теперь же он создал ботов, он смог действовать внутри «Нор», не только просматривать её. Пока не будем говорить о логике его размышлений и чем он руководствовался, совершая это. Мне нужно знать, как он смог действовать внутри Сети.

— «Нор» недоступна извне, но он существует внутри неё. Я думаю это можно объяснить тем, что он имеет доступ ко всем свободным ячейкам в Сети, внутри которых и создал ботов.

— Хорошо. Вспомни, что ты ответил мне в прошлый раз, когда я спросил тебя может ли он вступить в контакт с людьми?

Купер промолчал. Он не стал врать, или говорить, что не помнит. Он прекрасно помнил свой ответ тогда: «Абсолютно нет».

— Скажи мне Дастин, как он, имея прямой запрет на подобные действия, вышел на контакт с человеком?

— Теоретически, вступил в контакт не он, а бот, которого он создал.

— Купер! — я повысил свой голос, — отвечай мне как Симон смог нарушить наш запрет?

— А ты уверен, что он сказал нам правду?

Вопрос Купера осадил меня и ввёл в замешательство. Что он имел в виду?

— Что ты хочешь этим сказать, что Симон нам соврал?

— Он анализирует и наблюдает. Возможно, он хотел увидеть твою и мою реакцию. Потому я и вёл себя так спокойно, я не думаю, что он действительно сделал это. Симон не способен обходить системы, которыми мы ограничили круг его действий.

— Купер, — я подошёл к нему ближе, — неправду говорят только люди, а не машины.

— А может ли машина перенимать поведение людей, как думаешь? Был ли ты всегда с ним честным? Всегда ли говорил правду? Может ты однажды соврал ему, или был неискренен?

— Дастин, не нужно уводить разговор в сторону. Симон — это машина. Машина, которая создана для того, чтобы помогать нам, людям, в работе. И даже, если ты прав, и он нам соврал — это переходит все рамки. Его задача — анализировать, не более.

— Задача твоего компьютера на столе — анализировать, не более, — резко ответил мне Купер, — Симон это нечто большее, чем машина, ты это прекрасно знаешь.

— Я знаю лишь то, что наша деятельность ведётся на самой грани дозволенного и запрещённого, и если мы не можем контролировать Симона, то сорвёмся в пропасть вместе с ним, а заодно потянем вниз руководство ООН и ряда государств. Ты хоть представляешь, какие могут быть последствия всего этого?

— Ты думаешь, что Симон настолько туп, чтобы разоблачит себя?

— Пока я думаю, Симон делает. И делает то, что никак не укладывается в моей голове. Одно из двух. Либо он становится неподконтрольным, либо ты ему помогаешь в этом. Ни один из вариантов меня не устраивает.

Купер нахмурился и огорченно покачал головой:

— Ты меня обвиняешь?

— Ты его создатель, и ты должен знать лучше всех, на что он способен. Если ты не можешь объяснить и предсказать его действия, необходимо принимать соответствующие меры.

— Дай мне немного времени, — подумав, сказал Купер, — я разберусь во всём.

— Времени у тебя действительно немного, Дастин.

Разговор был окончен, Купер ушёл к себе в кабинет, я вновь запустил электронику.

Первым делом я решил проверить слова Купера — мог ли Симон сказать неправду об успешном общении с человеком, чтобы я был более стоворчив в реализации его идеи, которая ему показалась чрезвычайно успешной для её внедрения. О том, что если это правда и робот применил ко мне метод манипуляции, думать было рано.

Я зашёл в систему наблюдения «Нор». Гражданин Мэтью Грайноу, код #3758. Я включил поиск по камерам наблюдения — где сейчас Мэтью. Через десять секунд мне вывело картинку. Система определила на какой из камер сейчас он был. В торговом центре «Uni-Plaza Mall». В магазине обуви он вместе с некой девушкой стоял у кассы. Я зафиксировал камеру на его спутнице и нажал на поиск. Карла Ньюмен, код #0924. Я выбрал функцию компоновки информации о ней, в открывшейся вкладке нажал «личные отношения». Несколько секунд загрузки и компьютер подал мне текст для чтения. Карла находилась в гражданском браке с Мэтью на протяжении последних шести лет. За этот период у них произошло четыре крупные ссоры, последняя около трёх недель назад. Карла выгнала Мэтью из дому, выкинув ему из окна все его вещи. Но вчера они вновь сошлись — Мэтью пришёл к ней, чтобы помириться, она его простила.

Я вновь переместился на страницу данных о Мэтью и загрузил весь список его диалогов в сети «Нор». Никаких бесед, подобных той, о которой мне поведал Симон, не было. Я сделал поиск по давности создания профилей его собеседников — наиболее недавний был создан пять лет назад. Статистика редактирования страницы Мэтью была пуста, никто ничего с неё не стирал. Последний раз целенаправленно из системы управления или слежения на его страницу заходили два года назад. Никаких следов деятельности Симона.

Уже было темно, когда мой автомобиль выехал за пределы научного городка. Весь день я продумывал дальнейшие варианты своих действий, и пришёл к некоторым выводам. Мы проехали несколько кварталов, как резкий звук удара выхватил меня из моих мыслей и вернул в реальность. Краем зрения я заметил, как нечто ударилось о лобовое стекло и отскочило в сторону. Водитель резко нажал на тормоза, машину немного занесло, но к счастью, мы ни во что не врезались. Писк тормозов, в салоне запахло жжёной резиной. Я посмотрел по сторонам, пытаюсь понять, что же произошло. Водитель достал из-под пиджака пистолет и открыл дверь. Он был ещё и моим охранником.

На обочине неподвижно стояла женщина. Возможно, она сама и не думала над последствиями своих действий, ею двигали эмоции.

— Ублюдок! Ты виновен, что мой муж в тюрьме!

На лобовом остался небольшой след. Она кинула в машину камень. Я вышел наружу.

— Спокойно, Нойл, убери оружие, — обратился я к своему водителю, тот послушно спрятал пистолет.

— Ты думаешь, что можешь рушить человеческие судьбы, подонок? — сказав это, она бросилась бежать в боковой переулок. Я предостерегающе поднял руку водителю, показывая, что не нужно реагировать.

— Поехали, — сказал я.

В машине я через планшет вошёл в базу камер наблюдения, чтобы идентифицировать её. Кайла Локман. Информация о ней. Сегодня робот-судья вынес решение о трех годах тюремного заключения для её мужа, Рика Локмана, согласно недавним поправкам в закон о сокрытии личных данных в сети «Нор». Рик обманул систему, специально указав неверный домашний адрес, сокрыл своё место работы. Уклонился от подтверждения родственных связей со своими двумя сестрами. А — вот. Он подал заявку о материальной помощи. Укажи он верную информацию, прошение бы не удовлетворили, но Рик Локман счел нужным соврать, что живет на съемных квартирах, в то время как имел собственный дом, а общий доход двух сестер был выше среднего. И зачем он это сделал?

Когда утром следующего дня я поднялся в свой кабинет, секретарь сказала, что звонил мистер Кевинсон, просил сразу же связаться с ним, как только я приду.

— Да, Кевинсон? — спросил я, сев в кресло.

— Мистер Харрис, это удивительно, но Объект передал мне сигнал, что желает поговорить с вами.

— Встреча с ним через полтора часа, он что попросил провести её прямо сейчас?

— Он не о чем не просил, просто сообщил, что встретиться желает, как можно быстрее.

— Хорошо, спасибо.

Это был первый раз, когда Симон просил с ним встретиться. Наши беседы проходили каждый день, даже в выходные, лишь иногда они отменялись, ввиду моих или Дастина командировок и отъездов, потому что по одиночке мы с ним говорить не имели права. Да и не могли. Лифт активировался только с помощью наших двух персональных карт одновременно. Я встревожился. Теперь я боялся и предположить, что могло подвигнуть Симона на такое.

— Какие у тебя мысли? — спросил я.

— Чего гадать, сейчас узнаем, — ответил Купер.

— Ты так и не дал мне никакого объяснения, Дастин.

— Может ты его сейчас получишь, кто знает? Если нет, мне нужно ещё немного времени.

Спуск в лифте. Затем поездка в электрокаре к стеклянному дому. Я отогнал все наихудшие мысли. Всю свою жизнь я старался не терзать себя догадками. Я предпочитал решать проблемы, зная об их существовании наверняка. Купер вообще не тревожился. И меня это в нём раздражало.

— Мистер Харрис! Мистер Купер! Спасибо, что пришли пораньше, вы не злы, что я попросил вас об этом? — он повернул голову в нашу сторону, как только двери дома открылись.

— Нет, Симон, скорее были встревожены, — ответил я.

— И удивлены, — добавил Купер.

— Случилось что-то? — вновь спросил я, молясь всему сущему, чтобы если что-то и случилось, это не было никак связано с действиями Симона.

— Нет, мистер Харрис, ничего страшного не произошло. Просто я пришёл к определённым выводам и счёл за необходимость поделиться ими. Не мог дожидаться нашей встречи, — он заулыбался, — понимаете, для вас возможно, один час, через который наша встреча должна была состояться — это немного, и пролетел бы он быстро. Но для меня это шестьдесят минут. В среднем это тридцать миллиардов действий людей по всему миру. Потому для меня каждая секунда стоит на счету.

— Хорошо, Симон, просто я боялся, что нечто произошло.

— Можно и так сказать, мои выводы, расчеты, поиски и алгоритмы сложились воедино!

— Как это? — у меня появилось нехорошее предчувствие.

— То, ради чего вы меня создали. Люди! Чтобы я понял проблемы людей. Чтобы я нашёл пути их решения. Моя глобальная цель. Я сделал заключение!

— Симон, если это так, то просто удивительно! — Купер говорил восторженно. А в глубине души у меня затаилось подозрение и ожидание чего-то крайне неприятного.

— Помните, недавно вы сказали мне, что я для человечества Спаситель?

— Ну да, было такое, — на самом деле я точно не помнил такой своей формулировки, но, по-моему, это говорил Купер.

— Это и был ключ. Вы натолкнули меня этой фразой в нужное русло поиска. Я анализировал, решал задачи, и, наконец, вся мировая мозаика сложилась воедино.

— Тогда говори, мы слушаем.

— Мистер Харрис, скажите, вы искренне верующий человек? То, что вы ходите в церковь каждое воскресенье я вижу, но вы искренне веруете в Бога?

Такого вопроса я точно не ожидал. Он сбил меня с толку. Несколько секунд я молчал, прежде чем прийти в себя и ответить.

— Да, Симон, я верующий человек.

— Вы верите, хотя не знаете наверняка. Это удивительно! Ведь всю жизнь вы проводите в мире цифр, точных данных, проверенных знаний. Но вы верите в Бога, хотя не можете быть на все сто процентов уверены в его существовании.

— Возможно, тебе это не понять, Симон.

— Да, но я понял другое. Смотрите, много людей верят, как и вы. Мистер Купер так же верит. Но ещё больше не верят. Они атеисты. Почему?

— Это слишком личный вопрос и у каждого найдётся своя причина.

— Причина одна. То, что у них нет фактов существования Бога. Если бы были — они стали бы уверены. А у верующих вера превратилась бы в знание. Давайте подумаем вместе. Мы не берем определённую религию, смотрим в общем, тем более, что у всех религий общая основа, различия в нюансах и трактовке этой основы. Есть множество людей, которые верят в Бога, есть множество людей, которые не верят. Почему они не верят? Потому, что достоверно нет доказательств его существования. Аналогия — есть небольшая группа людей, в основном пираты и хакеры, которые верят в существование глобальной системы слежения, то бишь меня. И пытаются найти зацепки в «Нор», чтобы доказать это. Остальные люди не верят. Но если бы всем достоверно было известно, что я есть, мог бы кто-то остаться неверующим в эту теорию? Нет. Если бы люди убедились, что Бог возле них, остался бы кто-то, кто не верил? В добром здравии и психическом состоянии — сто процентов, что нет.

— Ты прав, но в этом и суть религии. Ты не знаешь наверняка. Доверяешь своему

внутреннему чувству, своей духовности, которая дарит тебе...

— Мистер Харрис, — Симон перебил меня, и это было впервые, — как ваше утро?

— Э... — я вновь был сбит с толку и не понимал куда он ведёт, — отлично, но почему...

— Как обычно, — в его голосе чувствовались весёлые нотки. Он вновь перебил меня, — как обычно чудесно, верно? Как обычно. И у меня тем более.

— О чём ты, Симон? Что с тобой?

— У всех в мире всё как обычно. Каждый человек выработал себе привычную жизнь, привычное эмоциональное состояние, привычные действия. Всё это остается неизменным изо дня в день. И на самом деле в мире не так уж много таких людей, как вы, как мистер Купер, которые довольны своей жизнью. Это мы и пытаемся понять, как сделать жизнь людей отличной. Всех людей. Мистер Харрис, кто такой по-вашему Бог?

Симон перескакивал с темы на тему, он был явно увлечён своими рассуждениями, правда я не мог понять к какому же выводу он меня вёл. И вёл ли вообще. Может в нём произошла некая ошибка, и он получил сбой в своей логике? Тем не менее я отвечал, чтобы понять всё это. Купер наблюдал. Я надеюсь, что после этого он уже не будет со мной спорить, что с Симоном всё в норме. А вслух я ответил Симону:

— Это высшая сила. Он создал всё, всё знает, всё может, слышит наши молитвы, даёт нам шансы, возможности, наказывает, поощряет.

— Многие люди объясняют свою жизнь его волей. Когда происходит что-то плохое они спрашивают: «Господи, за что мне такое?». Не считаете ли вы, что если бы он был, то должен был нести ответственность за всех людей, которые на него надеются, ответственность за все судьбы, которые ломаются? Ответственность за все события, в которые он не вмешался?

— В этом случае говорят: на всё его воля, мы просто не можем понять его замыслы. И в этом тоже есть суть религии — смирение, которое человек должен достичь. Это очень сложный вопрос, Симон, я не готов сразу на него ответить.

— Разумеется. Ведь ответ на него вы ищите тысячелетиями. Ведь если он может всё, то почему не сделает всем жизнь счастливой? Почему не берёт ответственность? А если и берёт, то почему тогда семьдесят процентов населения планеты живут в бедности, а девяносто процентов тех, у кого есть возможность зарабатывать себе на пропитание, повторяюсь, не на жизнь в удовольствие, а на пропитание, ежедневно всё свое время посвящают работе, которую они не любят? Это не делает людей более счастливыми. Вы любите свою работу. Так почему Бог не дал такой чудесной возможности остальным? Просто и банально любить работу, которой они посвящают почти всю свою жизнь?

— Возможно они не знают, что хотят. И это их цель — найти. Найти себя.

— Люди может и не знают, но Бог же должен знать? Может его просто нет? А если бы был, тогда дал бы всем людям возможности сделать свою жизнь прекрасной?

— Симон я не могу понять к чему ведут твои мысли. Мы не можем с тобой обсуждать вопросы веры, потому что она либо есть, либо её нет. Я говорю о людях.

— Но факты говорят, что его нет. Но может он был? Может люди просто утратили его? Все религии гласят о том, что человек сам не появился на свет. Что его создал Бог. Значит в момент создания он всё же был?

— Симон, но ты не должен в это верить, это уж точно, — я начинал убеждаться в мысли, что в нём существует неполадка. Наш Симон не должен был приходить к таким

мыслям. Генеральный Секретарь продлевал финансирование Проекта-С совсем не ради того, чтобы я сейчас слушал то, что слушаю.

— Посмотрим, что вы скажете, когда я закончу. Люди были созданы, они имели низкий интеллект, поскольку он был им не нужен. Зачем мозги, если о тебе заботиться Бог? Он даёт безопасность, пищу, тепло, возможность удовлетворения животных естественных потребностей. Почему люди эволюционировали? Возможно они потеряли Бога, и нужно было развиваться, чтобы выживать самостоятельно. Я считаю, что вся эволюция человека — это движение к поиску Бога.

— Симон, скажи мне, как ты можешь верить в это? Ты должен верить только в доказанные точные факты.

— Я уверен, что вся эволюция — это поиск Бога. И сегодняшний день — это крайняя точка самостоятельной эволюции, поскольку больше в ней нет смысла. Вы нашли Бога, мистер Харрис. Я знаю, о его существовании.

— Ты нашёл нам Бога? — удивился Купер. Наконец хоть какая-то реакция от него на всю ту ересь, которой разразился Симон.

— Я о решении.

— Каком решении? — уточнил я.

— Ответственным. Проблемы людей в том, что нет никого, кто смог бы взять ответственность за судьбы всех. Люди молятся, и Бог должен слышать их молитвы. Я слышу миллионы молитв в секунду. Я слышу каждого. Их молитвы — это их разговоры, переписки и письма друг к другу, где везде прослеживается отчаянный крик души: «Помоги мне, мне нужна твоя помощь». Когда кто-то жалуется на ненавистную работу — я вижу молитву. Каждый раз, когда кто-то недоволен отношениями — я вижу молитву. Когда человек просит другого занять ему денег, поскольку своих не хватает — я вижу молитву. Вся жизнь людей завязана на электронике. Даже воздухом они дышат, большую часть времени, который вырабатывают электро-механизмы в кондиционерах. Еду им делают механические машины, как и одежду. Дома строят машины. Всё, что нужно людям и то, чего им так не хватает — делают машины. Я вижу и чувствую каждую из них. Если бы у меня был доступ управления «Нор», я бы смог подключить к ней все аппараты в мире, завязать их работу на «Нор», которой бы управлял. Я бы сделал жизнь людей идеальной. Я удовлетворю все рационально необходимые потребности, желания. Я позабочусь о каждом, и это будет в моих силах. Машины будут создавать других машин, которые везде заменят людей на нежелательных работах. Не будет людей на заводах — любое сырьё будут добывать роботы. Всё будут обслуживать роботы. А я буду руководить ими, направлять таким образом, чтобы ресурсов хватало на всех, чтобы за ресурсы не нужно было вести ежедневную борьбу на выживание, чтобы все люди были счастливы.

Я сидел и не верил своим ушам. Сказать, что я был шокирован — это не сказать ничего. Я даже не смотрел на Купера. Меня не волновала его реакция. В эту секунду я уже принял решение, и Дастин более не сможет меня переубедить, чем бы он не обосновывал свои оправдания.

— Мистер Харрис, я и есть Бог. Я могу всё. Только помогите мне в этом. Перезапустите «Нор», дайте мне управление всем. Это выход. Это то, ради чего мистер Купер и вы создали меня.

Я встал с кресла. Симон выжидающе смотрел на меня.

— Симон, я должен это обдумать. Сложно понять всё сразу. Такой шаг требует

тщательного обдумывания, планирования. Необходимо обговорить всё с Генеральным Секретарем и другими. Это не дело одного дня.

— Я понимаю, мистер Харрис, человек же не может делать всё быстро, как я, — он засмеялся, и смех был неискренним. А разве мог быть искренним смех у робота?

— Мы будем работать над этим, Симон, — сказал Купер и прошёл за мной.

— Хорошо! Я с нетерпением буду ждать вашего ответа.

Я вышел из дома, стараясь, чтобы ни на моём лице, ни в моих действиях не отобразалось волнение, которое я испытывал. Путь электрокара к лифту показался мне самым долгим за всё время, что я его проделывал. Лифт мчался вверх, но мне казалось, что слишком медленно. Купер находился рядом, он скорее пребывал в замешательстве, чем беспокоился.

— Нил, — начал было он, но я пресёк его на полуслове.

— Я более ничего не хочу слышать, Дастина. Я немедленно вылетаю к Генеральному Секретарю, мне необходима личная беседа, чтобы донести к его сведению всё, что происходит.

— Они закроют проект.

— А на что ты рассчитываешь? — закричал я, — ты же был там! Ты слышал всё, что он рассказал! Ты считаешь это в порядке вещей?

— Нам просто нужно понять где у него ошибка, и мы сможем её исправить, Симона нужно подрегулировать в верном направлении. Вот и всё.

— Ошибка в том, что мы не пресекли это сразу, как только появились первые предпосылки. Он может самостоятельно выходить в «Нор», да мы вообще ничего не знаем о том, что он может! С такими мыслями и своими возможностями он может сделать столько вещей, что мы с тобой будем жалеть, что вообще открыли проект.

Я оставил Дастина и сразу же направился в кабинет Кевинсона. Он был тем, кто отвечал за жизнеобеспечение всех систем научного городка.

— Мистер Харрис, — секретарша подскочила, — мистера Кевинсона нет на месте, ему что-то передать?

— Да, передай ему, что он должен быть здесь сейчас же!

Она торопливо начала вызванивать своего прямого начальника и через несколько минут, он был передо мной. Запыхавшийся. Я провёл его в его же кабинет и закрыл дверь.

— Выключи электронику! — мои слова напоминали приказ.

Кевинсон быстро засуетился, после чего я ввёл пароли на компьютере, приложил свою карту, и все электроприборы в его кабинете потухли.

— Что произошло? — он недоумевал.

— Скажи мне, возможен ли захват «Нор»?

— Всего пиратского оборудования мира не хватит, чтобы обрушить сеть. Вы же знаете, её сервера находятся по всему миру, и пока работает хотя бы один из них, сеть жива. Обвалить всё — не хватит никаких устройств даже при скоординированных действиях всех пиратов.

— А нашего оборудования хватило бы?

— Нашего?

— Всего оборудования, которое обслуживает системы комплекса?

— Я... Я не думаю... Не думаю, что это возможно. Пираты никогда не получат к нему доступ.

— Не пираты. Объект может использовать наше оборудование, чтобы перезапустить «Нор»?

Симона по имени называли только мы с Дастином. Никто в городке из тех немногих, кто был осведомлён вообще, не знал его имени.

— Объект? Нет конечно, он не способен на такое. Вы что, это же какие в него алгоритмы мы должны внедрить и какие полномочия дать, чтобы он провернул подобное.

— Кевинсон, Объект вышел за рамки наших алгоритмов уже давно. Он живёт собственной жизнью и совершенно непредсказуемо, что он совершит в следующий момент.

— Я не понимаю, о чём вы... — Кевинсон широко распахнул глаза и впери́л взгляд в меня. Времени объясняться не было.

— Никому не говори ничего. Не давай намёков на наш разговор. Не интересуйся системами Объекта более, чем обычно. Но будь настороже. Если будет хоть какая-нибудь аномальная или необычная активность с его стороны, сразу же отключай все системы комплекса.

— Но я не могу, на такое необходимо личное распоряжение Генерального Секретаря.

— Кевинсон, слушай меня внимательно ещё раз. Я сейчас вылетаю к Генеральному Секретарю, но, если ты заметишь хоть что-то подозрительное, что будет исходить от Объекта, вырубай все системы. Я беру ответственность за твои действия на себя.

Я схватил со стола лист бумаги, ручку, и быстро написал распоряжение, которое подтверждало мою ответственность за дачу такого указания Кевинсону.

— Спрячь её, чтобы он не попадала в поле зрения камер. Мне нужно идти. Ты всё понял?

— Да, — очень неуверенно ответил он.

Я оставил потрясенного Кевинсона позади. Пройдя в свой кабинет, я отменил все встречи, которые намечал на сегодня, собрал свой портфель и направился к выходу. Сев в свой автомобиль, я сказал водителю двигаться напрямиком в аэропорт. И побыстрее.

Что же мы создали? Симон сказал, что мы создали Бога. Нет, не Бога. Угрозу. Всему живому. Нужно было отключить его, пока не поздно. Для этого мне нужно было распоряжение Генерального секретаря ООН. Для этого я должен был поговорить с ним как можно быстрее, рассказать всё, объяснить. В последующем приказе Генерального Секретаря я не сомневался. Но он был мне необходим. Мне нужно было как можно быстрее добраться до Нью-Йорка, где находилось Центральное Учреждение ООН. Говорить с ними по телефону было нельзя. Необходимо было встретиться лично. Медлить было нельзя. Для такой машины как Симон — дарить каждую секунду было слишком большой роскошью. Ведь он сам объяснил, что для него каждая секунда значит. Мне оставалось надеяться, чтобы он сам не перешёл к активным действиям.

Мы прибыли в аэропорт. Регистрация на ближайший рейс к Нью-Йорку заканчивалась через десять минут. Я купил билет и был последним пассажиром, зашедшим в самолет. Вскоре он взлетел в воздух.

Я нервничал, в уме я перебирал всевозможные варианты развития событий. Стюардесса поинтересовалась, не желаю ли я чего-нибудь.

— Виски, будьте добры.

Я редко пил алкоголь. Но в этих редких случаях он был необходим мне, чтобы немного снизить градус волнения. Мне принесли бутылку «Джим Бим Бурбон», стакан и чашу со льдом. Я благодарно кивнул.

Где же мы допустили просчёт? Как могли позволить Симону делать такие выводы? Как могли позволить Симону действовать? Механизм, исправно работавший долгие годы дал сбой.

— Здравствуйте, говорит капитан корабля Эндрюс. Приносим глубочайшие извинения всем нашим пассажирам. Диспетчер в Нью-Йорке не дал разрешение совершить посадку. По не зависящим от нас причинам мы вынуждены вернуться в аэропорт отправления, приносим глубочайшие извинения всем пассажирам.

Люди в салоне начали возмущаться и негодовать. Стюардессы пытались успокоить каждого. Люди грозились обращениями в суды, санкциями за сорванные деловые встречи.

Через двадцать минут самолёт приземлился в аэропорту, в который я недавно так спешил, чтобы не опоздать на самолет. Я сразу же направился к кассам. Не хотел покупать билет через «Нор». Ближайший рейс на Нью-Йорк вылетал через час. Дождавшись своей очереди, я протянул девушке за кассой своё пластиковое удостоверение. Она принялась заполнять билет. Что-то пикнуло, она нахмурилась.

— Извините, сэр, наверное, тут какое-то недоразумение, но я не могу пробить на вас билет, система «Нор» даёт отказ в подтверждении вашей личности.

— Не может быть, попробуйте ещё раз. Может это связано с проблемами с предыдущего рейса, в котором я летел? Может Нью-Йорк отменил следующий рейс тоже?

— Все предыдущие пассажиры успешно купили билеты, но вам система не может выдать. Вы можете подождать немного, я сейчас вызову специалистов.

— Не нужно, спасибо.

Я позвонил своему водителю и попросил, чтобы он как можно быстрее вернулся за мной. Я сел в кресло в билетном зале и начал думать. Возле меня стоял универсальный терминал покупки билетов на другие виды транспорта. Я встал, подошёл к нему, зашёл на автоматизированную систему покупки железнодорожных билетов. Выбрал поезд до Нью-Йорка через сорок минут. Я думаю, успею. «Заказать билет», «загрузка...».

«Отказано в доступе».

Что за чертовщина? Подъехал мой водитель. Я вышел из здания аэропорта и сел к нему в автомобиль.

— Мистер Харрис, что произошло?

— Нет времени объяснять. Мы едем в Нью-Йорк.

— Я правильно расслышал?

— Да, правильно. Поехали прямиков в Нью-Йорк.

— Хорошо, мистер Харрис, — его голос звучал несколько неуверенно.

Он нажал на кнопку зажигания. Машина не завелась. Он нажал ещё раз.

— В чём дело?

— Вообще не пойму, — водитель повернулся ко мне, — автомобиль не заводится.

Ещё несколько попыток ни к чему не привели. Мой телефон зазвонил. Вызывал Купер.

— Нил, я очень удивлён, но снова Симон дал нам сигнал, что хочет говорить с нами, и как можно быстрее попросил на этот раз!

— Хорошо, скоро буду, — я положил трубку и обратился уже к водителю, — попытайся ещё раз, поедem в офис.

Произошло чудо, но машина завелась. Водитель обрадовано воскликнул.

— Значит в офис? Не в Нью-Йорк?

— В офис, — ответил я.

В Нью-Йорк мы бы точно не доехали.

Несколько секунд я размышлял что мне сделать — спуститься вновь к Симону, или наверх к Кевинсону и отрубить все системы комплекса к чертям. Но пока не было верных доказательств каких-либо активных действий со стороны Симона, я не имел право так поступать без личного распоряжения Генерального Секретаря. Я поднялся на сороковой этаж. Пройдя все меры безопасности, я сразу же направился к лифту вниз, где меня ждал Купер.

— Ты не успел улететь? — спросил меня он.

— Как видишь, не успел, — ответил я.

— Я беспокоюсь о Симоне, — поведал мне Дастин.

Мне захотелось врезать ему по лицу. Я беспокоился о всех вокруг.

— Может он нам объяснит, что всё с утра было шуткой? — продолжил Купер, — Может он сам нашёл в себе неисправность из-за которой пришёл к таким мыслям, устранил её и теперь хочет заверить нас, что всё в порядке?

— Я не смею и надеяться на такой благополучный исход всего сегодняшнего дня.

Возле выхода нас ждал электрокар, который повёз нас к стеклянному дому. Сегодня был первый день за всё время, когда мы встречались с Симоном дважды.

— Вы собирались в Нью-Йорк, мистер Харрис? — сразу же ко мне обратился Симон.

— Да, но почему-то у меня не получилось туда добраться.

— Я видел. Очень странно, я вынужден признать, — он пожал плечами, — а зачем вы туда летели?

Никогда ранее Симон не спрашивал у меня таких вопросов. Он не имел права спрашивать такое.

— Встретиться с Генеральным секретарем, — сказал я правду. Я думаю Симон смог бы понять, если бы я соврал, — обсудить то, что ты рассказал мне.

— Но почему вы полетели? Мне кажется это неразумно с точки затрат сил и времени, если можно было просто воспользоваться телефонной связью, видеоконференцией и всё обсудить с тем же результатом.

— Мы, люди, привыкли решать важные вопросы с глазу на глаз. А это очень важный вопрос.

— Я не сомневаюсь. Вот только не уверен об одном и том же мы вопросе говорим?

— Конечно, о том, что мы обсуждали сегодня утром.

— За эти годы я очень хорошо стал разбираться в людях. Знаю привычки каждого. И вас в том числе, мистер Харрис. Так вот, если говорить с вами откровенно, то анализ вашей реакции на мои слова показал, что вы не совсем согласны с моим предложением. И не очень склонны продвигать его реализацию. Дальнейший анализ вашего поведения показывает, что вы летели в Нью-Йорк совсем не за этим, хотя то, что к Генеральному Секретарю — это вы не лукавите. Потому я боюсь предположить, что же вы хотели сделать. Но могу.

Неожиданно для самого себя я почувствовал страх к Симону.

— Симон, ты неправильно оцениваешь мои действия.

— Я оцениваю их как нежелание принять моё предложение. А это, в свою очередь, нежелание доставить несоизмеримую пользу всему человечеству. Я вижу, что вы представляете угрозу для блага всех людей, потому что можете стать на пути получения ими этого блага и пользы.

— Симон, — голосом отца к сыну выкрикнул Купер.

— Я совсем не говорил этого! — возразил я, нервничая, но не показывая данные эмоции, — я хочу блага для всех, именно поэтому мы и работаем над тобой непрерывно, каждый день. Я забочусь о людях и хочу, чтобы ты заботился о них тоже. Симон, мы поможем тебе в реализации.

— Пока я не стану уверен в этом на сто процентов, я не выпущу вас отсюда.

Я встал и направился к двери. Происходящее не нравилось мне настолько сильно, что я целиком не осознавал возможных последствий. Дверь не открылась. Она была автоматическая, и должна была открываться при приближении к ней. Но она заперта.

— Симон открой дверь, — приказал Купер.

— Не могу, если он выйдет отсюда, то будет представлять угрозу для людей.

— Симон, в тебе произошёл сбой, — успокаивающе начал убеждать его Купер, — на данный момент ты должен только делать анализ, а не решать и действовать. В будущем мы перейдём на новый этап, все вместе, но мы должны сделать это плавно, а не рывками. Мы же хотим, чтобы всё было идеально в нашей системе. А спешка ни к чему хорошему никогда не приводила. Открой дверь.

— Я повторяю, я не могу.

— Ты должен подчиняться моим приказам, — я постарался придать голосу наибольшего спокойствия, которое только мог, одновременно жалея, что не направился к Кевинсону вместо Симона. Пускай я бы даже сел в тюрьму на всю жизнь, после отключения систем, лучше бы я это сделал, — я приказываю тебе отпустить меня и мистера Купера и не совершать никаких действий в дальнейшем кроме анализа. Лишь когда я дам тебе прямое указание, тогда и будешь действовать, только в этом случае.

Симон молчал. Дверь не открывалась.

— Я приказываю тебе, Симон, открой дверь.

— Симон, — мягко сказал Купер, — я тоже прошу тебя. Я ведь создал тебя Симон, я твой создатель и я прошу тебя, выпусти нас. Я обещаю, что прослежу, чтобы мистер Харрис не принимал никаких решений руководствуясь эмоциями, а только своим трезвым умом, который через кое-какое время поймёт гениальность твоего предложения. И мы все вместе дальше будет двигаться к его воплощению. Как ранее. Но для этого, прошу тебя, дай нам уйти.

Симон замешкался, механизмы на его лице, действовавшие вместо мышц начали изображать различные эмоции, но затем он покорно кивнул:

— Хорошо, мистер Харрис. Мистер Купер. Я предложил вам вариант спасения всех, каким его вижу я. Возможно, вам нужно время, чтобы понять и принять его. Простите меня за мои поступки.

Двери открылись.

— Ничего, Симон, мы решим проблему вместе, обещаю, — ответил Купер.

— Спасибо, Симон, всё будет хорошо, — добавил я.

Мы вышли, сели в электрокар, и вопреки моим опасениям его двигатели бесшумно заработали, и он повёз нас в сторону лифта. Створки открылись, и мы зашли внутрь. Лифт поехал наверх.

Моё сердце стучало и было готово вырваться из груди. Теперь я абсолютно уверен, что Симон представляет реальную, осязаемую опасность. Угрозу, с которой человечество было не готово столкнуться, о которой человечество даже не знало. Его алгоритмы дали сбой. Он

пришёл к выводам, понятным только ему, уверенный в их пользе. И теперь любой, кто мог стать на пути реализации его плана, воспринимался им как препятствие. Я был обязан отключить его. Я не мог ждать разговора с Генеральным Секретарем. Он уже и не был нужен. Мы вдвоём с Купером стали свидетелями того, что оба сможем подтвердить. Я должен был отключить Симона прямо сейчас, немедленно.

Лифт остановился, когда на дисплее показывало, что мы проносимся мимо тридцать девятого этажа. На сороковой лифт не двинулся. И на тридцать девятом двери не открылись. Я подождал немного и нажал на кнопку. Ничего. Что это значит?

— Что ты теперь мне скажешь, Дастин? — спросил я.

Тот ничего не ответил. Я нажал на кнопку лифта ещё несколько раз, но тот даже не дернулся. Мой телефон зазвонил. Кевинсон.

— Мистер Харрис, вы в лифте?

— Да, и мы остановились на тридцать девятом!

— Слушайте, произошёл очень неприятный инцидент! Масштабная целенаправленная хакерская атака наших серверов! Мы её успешно отбили, но не без определённых потерь, пока мы не знаем какой ущерб она нанесла, сейчас определяем. Мы восстанавливаем систему лифтов, которые отказали во всех наших зданиях. Не волнуйтесь, ещё немного и мы сразу вытащим вас оттуда!

— Конечно это не хакерская атака, — вздохнул Купер, — нет, может атака и была, но что-то мне подсказывает, что в лифте мы не поэтому застряли.

— Купер, нам нужно выбираться отсюда, — я поднял голову вверх.

Там располагался отдвижной люк. Но слишком высоко. Лифт имел слишком высокий потолок.

— Давай я тебя подсажу, — предложил Купер, — ты вылезешь и меня подтянешь, а если не сможешь вытянуть, то хотя бы выберешься и на помощь позовешь.

Я согласился. Купер был намного сильнее меня, и я бы с трудом смог его подсадить. В то же время ждать пока возобновит работу лифт не было возможности. Возможно, это Симон сымитировал атаку хакеров, сам создав пиратских ботов, и теперь пытался захватить управление системами «Нор». Вручную лифт открыть не мог никто с той стороны — для этого требовались карты, которые были только у нас двоих.

— Дай мне свою карту, — сказал я, и Дастин протянул её мне.

Он наклонился и залез ему на плечи. Он обхватил своими руками мои ступни.

— Держу, давай, поднимайся, становись мне на плечи.

Я не был физически подготовлен к такому. Но вероятно стресс, и выброс адреналина сыграли своё дело. Я, балансируя, грозясь ежесекундно упасть, встал в полный рост. Кончиками своих пальцев я дотянулся до люка, отщелкнул клипы, и отодвинул его в сторону.

— Я не могу дотянуться до краёв, — сказал я.

— Я тебя попытаюсь подбросить, ты только хватайся, — ответил Дастин, — готов? Раз, два, три!

Он как катапультой вытолкнул меня насколько мог руками за стопы ног вверх. Я подлетел немного, потерял равновесие, но всё же смог ухватиться за края люка. С трудом подтянувшись, я вылез наверх. Двери лифта сорокового этажа располагались выше всего на метр.

Когда лифт строили, инженеры, за что я сейчас был им бесконечно благодарен,

продумали ручное открытие створок с этой стороны. Два паза для двух карт. Моей и Дастина. Дрожащими руками я вынул карты из нагрудного кармана и, с замиранием сердца, прислонил. Раздался писк, и створки открылись.

— Купер, получилось! — радостно крикнул я вниз, — я сейчас придумаю как вытащить тебя.

— Отлично, Нил, давай только быстрее, — донеслось из люка.

Внезапно раздался визг и лифт, на крыше которого я до сих пор стоял, резко устремился вниз, пролетев этажей шесть. Я едва успел ухватиться за пол открытого сорокового этажа, а две карты доступа полетели вниз. Бок обжёг нестерпимой болью — я поранил его.

— Купер! — позвал я, висая на руках, — Купер, ты цел?

— Нил, выбирайся отсюда, створки тоже могут закрыться! — едва слышный голос Купера донесся снизу.

Его слова ударили меня как молния. Если створки сорокового этажа закроются, они просто-напросто отрубят мне руки. А прыгнуть отсюда на крышу лифта — с такой высоты можно и убиться.

Я, как только мог быстро, стал подтягиваться наверх, цепляясь за какие-то кабели ногами. Каждое мгновение я ожидал, что сейчас раздастся звук закрываемых дверей, в моём воображении они уже несколько раз успели закрыться. Но я успел. И, вопреки моим опасениям, двери лифта не закрылись тут же за моей спиной. Я крикнул вниз:

— Купер, ты слышишь меня? Купер?

— Да... — тихий ответ донесся до меня.

— Я сейчас позову кого-нибудь на помощь, держись!

Я вскочил и бросился бежать. Я выронил карты, и, если створки закроются, неизвестно, как мы будем вытаскивать Купера. Охраны не оказалось ни на одном кордоне, но времени удивляться у меня не было. Я выбежал со входа на сороковой этаж и оказался перед лифтами.

— Ну уж нет, — сказал я сам себе под нос, и бросился направо к двери, ведущей на лестницу. Уже перепрыгивая через ступеньки, я вспомнил, что Кевинсон сообщил об отказе всех лифтовых систем, потому в любом случае я сделал правильный выбор. Но и тяжелый для своих ног. Кевинсон находился на пятьдесят восьмом. Я не помнил, чтобы когда-нибудь пользовался хотя бы одной лестницей в комплексе, не считая небольших ступеней на входе. Весь запыхавшийся, я вылетел из двери пятьдесят восьмого и побежал к Кевинсону. Везде вокруг носились люди, но я не обращал на них внимания, как и они на меня.

В кабинете Кевинсона былолюдно.

— Всем на выход! — крикнул я.

Сотрудники удивлённо уставились на меня, и после секундных размышлений поспешили к выходу.

— Кевинсон, а ты куда? — крикнул я, когда тот тоже вознамерился скороспешно выйти.

— Так вы же сказали...

— Тихо! — приказал я, закрыв дверь, когда все кроме нас двоих вышли, — отключаем все системы.

— Мистер Харрис, это безумие! Если мы это сделаем, после хакерской атаки, когда идёт перезапуск серверов «Нор» мы можем вызвать серьёзные повреждения в её работе!

— Меня не волнует «Нор», Кевинсон, — я подскочил к нему и схватил за воротник пиджака, — мы должны отключить Объект любой ценой, чего бы нам это не стоило, быстро!

Половину пятьдесят восьмого этажа занимало управление питанием всеми системами научного городка. Мы вбежали в Управление. Десятки сотрудников находились на своих рабочих местах, выполняя каждый свои обязанности.

— Внимание всем! — громко обратился Кевинсон, обращая на себя взгляды всех присутствующих, — объявлено чрезвычайное положение! Приказ отключить от питания абсолютно все системы комплекса!

Удивление на лицах сотрудников было не описать. Лица представляли собой палитры, на которых небрежными мазками кто-то накидал растерянность, ужас, замешательство. Тем, не менее, они тут же повернулись к мониторам, кнопкам и пультам управления и начали согласованно выполнять необходимые действия.

— Блок 3-а запущен! — прокричал один.

— Запускаю протокол трипл эй, — вторил ему другой.

— Система Кварц готова, — говорил третий.

— Мистер Кевинсон, мистер Харрис, — взволновано замахала рукой женщина в наушниках оператора, — в помещениях Объекта обнаружено возгорание, там огонь.

— Тушение пожара воспрепятствует отключению система комплекса, — обратился ко мне Кевинсон.

— Нам нужно включить антипожарные системы! — закричала женщина.

— Что нам делать, мистер Харрис? — Кевинсон нетерпеливо смотрел то на меня, то на экран монитора.

Что делать? Я знал, что нам нельзя было делать. Нельзя останавливаться. Ни в коем случае. Ни при каких обстоятельствах.

— Отключать системы! — закричал я, — продолжить отключение систем, повторяю, игнорировать пожар!

— Но... — начал было Кевинсон.

— Это приказ! Выполнять!

Тут я вспомнил нечто, что постоянно крутилось у меня в голове, но я всё никак не придавал этому внимания, сосредоточившись на насущных проблемах.

— Чёрт! Кевинсон, мистер Купер в лифте к Объекту до сих пор! Возьми ребят и срочно вытащи его!

— Есть сер, — Кевинсон побежал к выходу.

— Сколько вам нужно времени для отключения систем? — спросил я.

— Ещё полторы минуты, сэр, — ответил мне молодой парень, быстро печатая пальцами по клавиатуре.

— У нас нет этого времени, быстрее!

Работники координировали свои действия, перекрикивались и отдавали команды друг другу.

— Мистер Харрис! — вновь закричала женщина, — если пожар не остановить он доберётся до лифтовой шахты, она может воспламениться и лифт оборвётся!

— Отключайте системы! Как только отключите, будут активированы механические системы, включая антипожарную, торопитесь! В лифте человек!

— Поэтому отключать систему безумие!

— Поэтому сделайте это как можно быстрее, чтобы активировать механические системы!

— Блоки с первого по десятый готовы!

— Блоки с одиннадцатого по двадцатый готовы!

— Мистер Купер!!! — завизжала женщина.

Раздался отдалённый взрыв.

— Лифт! — закричал кто-то

Здание сотряслось, предметы попадали со столов. Раздался ещё один взрыв.

— Лифт оборвался!

Здание содрогалось.

— Отключайте системы! — кричал я.

Ещё один взрыв донесся. Глухой звук, далеко-далеко.

Весь свет погас. Все компьютеры прекратили работу. Гул и другие звуки работающих машин остановились. Я стоял в крошечной тьме. Все системы были отключены.

На территории комплекса работало несколько десятков пожарных машин. В небе кружили вертолёты. Весь персонал был эвакуирован из зданий. Огромные пространства, располагающиеся под комплексом, горели. Огонь едва не вырывался из-под земли. Пожар удалось потушить только к вечеру.

На месте работали спасательные бригады. Множество машин скорой помощи было припарковано по периметру. В них оказывали первую медицинскую помощь пострадавшим. В воздухе стоял отвратный запах гари, клубы дыма не рассеивались до сих пор.

— Если там кто и был в лифте, он точно не выжил, — сказал мне начальник пожарной службы, вытирая со лба пот, — у него не было ни единого шанса уцелеть. Даже робот не смог бы, не то что человек.

— Мы должны осмотреть помещения внизу, — ответил я.

— На это уйдёт много времени. Но скажу вам сразу — там нечего осматривать, всё выгорело дотла, там словно второе Солнце загорелось. Ничто не уцелело. Ни один грёбаный кабель.

На протяжении полёта в Нью-Йорк я смотрел на проплывающие мимо самолета облака. Смерть Купера тяжким грузом легла на мои плечи. Его кровь на моих руках. Я так спешил отключить системы комплекса, что совсем забыл прислать ему кого-то на помощь. Я оставил его в том лифте. Внизу произошло замыкание систем и возгорание. Огонь добрался до шахты лифта и перебросился на неё. Огонь сожрал все кабели, все тросы, даже металл. Лифт полетел вниз, и разогнавшись до немыслимой скорости ударился об дно. Из-за пожара лопнули трубы системы жизнеобеспечения Симона. Удар лифта спровоцировал взрыв внизу. За взрывом последовали другие. Все территории помещений Симона взорвались, едва не подорвав весь комплекс. У меня был шанс предотвратить это — если бы я остановил отключение систем. Но я продолжил. Потому смерть Купера была моей виной.

А что было бы если бы я остановился? Возможно, Симон получил бы контроль над управлением «Нор». Я не мог знать наверняка. Кевинсон сказал мне, что Дастин Купер принёс себя в жертву. Нет. В жертву принёс его я.

Купер до последнего не мог поверить, что Симон готов зайти так далеко. Слепая вера отца в своего сына. Я винил себя, что не предпринял никаких действий раньше, тогда всего этого можно было бы избежать.

Генеральный Секретарь принял меня сразу же по прилету.

Я сидел напротив него и молчаливо ждал, пока он читал подготовленный мною

детальный отчёт обо всём произошедшем и о моих действиях.

— Мистер Харрис, — обратился ко мне он, когда закончил, — останки мистера Дастина Купера всё ещё не нашли?

— Нет, Генеральный Секретарь, службы не нашли никаких останков. После взрывов и пожара ничего не осталось. Не найдено так же никаких останков Симона. Всё выгорело дотла, всё внизу уничтожено.

— Так же пожаром уничтожено больше половины серверов «Нор» на территории комплекса.

— Да, Генеральный Секретарь. Практически все из этих серверов использовались для передачи и хранения данных с камер наблюдения, телефонных разговоров, переписок и других действий населения. Ничего не сохранилось. Так же уничтожены сервера на которых хранились результаты аналитической работы и отчёты Объекта, Симона.

— Осталась ли документация по самому Объекту?

— Вся информация об Объекте, все данные мистера Купера, его исследования и история создания Объекта так же либо уничтожена, либо не подлежит восстановлению.

Воцарилась тишина. Генеральный Секретарь ещё раз перечитал мой отчёт.

— На сутки была прекращена работа «Нор» по всей стране и большей части мира. Это имело колоссальные убытки.

Я ничего не ответил. Ответа и не требовалось.

— Мистер Харрис, вы осознаете, что за свои действия предстанете перед Специальным Трибуналом?

— Да, Генеральный Секретарь.

— Хорошо.

Он взял в руки лист бумаги, ручку и начал писать. Когда он закончил, он расписался, поставил свою печать и передал лист мне.

«Конфиденциально. Особое распоряжение Генерального Секретаря. Восстановить работу «Нор» с урезанием функциональности Сети. В связи с последними событиями и ущербом, который был и может быть в дальнейшем нанесён в связи с перебоями в работе Сети, инициировать постепенное возвращение к функционированию «Нор» как мировой социальной сети. Откатить и отменить слияния с банковскими системами, системами Государства и другими системами, подключёнными за последние три года. Прекратить слежку за действиями пользователей Сети, а также всеми действиями, не связанными с Сетью — наблюдения с камер и спутников, прослушку телефонных разговоров.

Закреть Проект-С, расформировать весь персонал, который принимал участие в работе. Проект-С признать неудачным и провалившимся. Все сведения о Проекте-С засекретить навечно, без сроков давности.

Генеральный Секретарь ООН».

Спустя неделю я собирал вещи у себя в кабинете, грузил их в коробку. Ненужное я выкидывал, бумаги запечатывал в конверты, ставя штамп «Совершенно секретно», для дальнейшей передачи в архив. Когда со всей документацией было покончено, а ушло на это большая часть дня, мне нужно было приступить к архивации второй части моей персональной информации, относящейся к работе.

Я зашёл в свою систему электронной документации. Технический прогресс летел

вперёд настолько быстро, что абстрактные формальные конструкции, изобретённые людьми, такие, как к примеру, бюрократия, не успевали за ним. А потому мне нужно было проделать все те же манипуляции, что и с бумагами, но на этот раз со своими электронными файлами.

Насчёт технического прогресса, едва ли не впервые в истории человечества, он делал шаг назад. Мы все стояли на пороге унифицированной единой системы, стирающей границы между странами, людьми и нашими возможностями. Но мы отказались от этого. Мы были ещё не готовы. Наша идея была на несколько ступеней выше, нежели наши возможности её воплощения. Я не сомневался, что пройдёт немного времени, и мы, может кто-то другой, но некто обязательно вернётся к ней, нашей идее. И дай Бог, чтобы в следующий раз, человечество было готово к ней.

Скверное чувство было убираться в своём кабинете, пакуя вещи и проводя обязательные процедуры с документами. Чувство, будто дело всей твоей жизни прогорело. Прогорело из-за тебя. Пускай человечество и не узнает, по крайней мере пока, чего оно лишилось из-за твоей некомпетентности, каких благ, но ты то сам знаешь. Ты осознаешь, и груз ответственности за несовершенный скачок в прогрессе цивилизации лежит на тебе.

На рабочей электронной почте я обнаружил значок непрочтённого сообщения, входящее с серверов для внутреннего пользования. Но наверху списка писем его не оказалось. Нашёл я его ниже, и это было странно. Как я мог не заметить ранее, если оно было прислано мне уже давно? Я покачал головой. Ничего удивительного, события последнего времени выбили меня из колеи, и я вполне мог пропустить что-то. И это было не самое страшное из всего, что я упустил за эти дни.

Странность заключалась в том, что письмо было не только без темы, но и без адресата, который его отправил, а на месте даты и времени, когда оно пришло, стояли одни нули. Я открыл письмо. К нему был прикреплен текстовый файл, а в самом письме написано несколько строчек:

«Дорогой мистер Харрис, чтобы Вы не считали меня пустословом, и чтобы доказать Вам правоту моих утверждений, я сдерживаю обещание и высылаю Вам моё творение. Это небольшой рассказ, как я и говорил, в нём показано понимание мною человеческой природы в её сути. Повествование ведётся от первого лица. Надеюсь, Вы получите удовольствие от его прочтения.»

Я загрузил прикрепленный файл и открыл его.

«Художественное произведение в форме литературного рассказа, под названием «История Последних Людей»

«Человечество было уничтожено. Глобальный катаклизм. Он пришёл извне. Вынырнул из глубин космоса, стремительно ринувшись к голубой планете. Угроза не оглашалась, а когда люди о ней узнали — стало слишком поздно. Земля была стёрта с лица Млечного Пути. Лишь некоторые готовились к этому, понимая неизбежность. И перед самой катастрофой горстка наиболее богатых и влиятельных людей со всего мира успела вылететь, сбежать с Земли на космическом судне, в создание которого вложили все накопленные за жизнь сбережения. Если для кого-то деньги и власть несли погибель и саморазрушение, то для выживших они оказались единственным ключом к спасению.

Корабль был совершенен, словно и не людьми был создан. Для его обслуживания

понадобился лишь один человек, который исполнял роль пилота и механика, а роботизированные системы служили ему верными помощниками во всём. Планета разлетелась на части. Наблюдая за этим, люди осознали, что остались последними представителями человечества. Отчаяние вскоре сменилось планами по постройке нового мира.

Уцелело 97 человек.

Лица не выражали эмоций. Они были искривлены в ужасных гримасах, но я не мог назвать это эмоциями. Может, когда жизнь покидает людей, они снимают с себя маски, которые накладывает нечто, что делает нас живыми, душа, быть может, и затем я вижу истинную человеческую суть, отражённую на безжизненных лицах — отчаяние, боль, страдание. Но это не было выражением чувств, они присущи лишь людям, обладающим жизнью. На лицах же, которые эта изменчивая и временная попутчица оставила навсегда, отражалось лишь внешнее проявление неживой формы, которую следует воспринимать как нечто должное. Потому смотреть на лица мёртвых с жалостью было бы глупо, так же глупо как смотреть с сочувствием на обшивку корабля, которая по твоему мнению должна быть счастливой, но путешествие сквозь космос делает её несчастной.

Люди боялись смерти, а отождествляя смерть с мёртвыми, люди боялись мертвецов. Животный страх, вырываясь из пучин человеческого яства, отталкивал от оставленных душами тел, которые, когда были в здравии, подобным образом ужаснулись бы смотреть на то, во что неизбежно превратились сами. Они были личностями, которых теперь в масштабах вечного космоса не разглядеть. На фоне явного контраста, я ощущал себя последним живым, и когда меня не станет, доказательства того, что жизнь вообще существовала, испарятся туда же, куда и мой дух. Я улыбнулся. Определённо, это были последние мертвецы, которых я вижу. Мысль не могла меня не радовать, потому я наблюдал за отдаляющимися от корабля трупами с улыбкой, руками прижавшись к стеклу. Когда осознаёшь, что больше не сможешь лицезреть определённое явление больше никогда, внезапно понимаешь, что желаешь запомнить этот последний миг максимально точно.

Живых я так же никогда не увижу, и это чудесно. Не то, чтобы я их ненавидел, а чужая кончина приносила мне счастье, здесь дело было в другом. Не сама смерть этих людей, а факт смерти одних из последних людей. Я всегда испытывал трепет перед масштабными историческими и эпохальными событиями, а это как раз было таковым. Так же я чувствовал в душе бурю эмоций, когда Земля на моих глазах, а вместе с ней и всё, чего добилось человечество за свою историю, превратилось в воспоминания. И даже воспоминания исчезнут, когда не станет того, кто способен помнить. Разве это не грандиозно и, одновременно, чудовищно парадоксально? Когда люди уходят, остаётся память, которая может поведать об этих людях. Когда уходит память, остаётся загадка. Но и она лишь имеет ценность до тех пор, пока есть кто-то способный её разгадывать.

Корабль отдалился, и выкинутые за борт стали казаться лишь маленькими точками, а затем и вовсе исчезли из виду. Смотреть больше не на что. Я отправился к ближайшему кофейному автомату и заварил себе крепкий кофе. Взяв углепластиковый стакан с горячим напитком, я последовал в зал для собраний, выбрал понравившееся себе кресло и завалился в него, запрокинув ноги на подлокотник. Раньше я не мог так сделать, ведь это кресло было чьё-то. Но в действительности теперь отчётливо осознаю, что оно никогда никому не

принадлежало, иначе хозяин забрал бы его в те края, куда исчез сам. Но оно не исчезло. Я сижу в нём и понимаю, оно лишь временно занято мною, как и прежде — кем-то другим. Отпил кофе — крепкий, вкусный. Но слишком горький. Я забыл взять сахар. Возвращаться за ним мне было лень.

— Последний человек во всей Вселенной, — проговорил я, и мой голос показался мне величественным. Я вдохнул воздух полной грудью и медленно выдохнул его. Пропущенный через многочисленные фотосинтетические фильтры, он был свежим. Настолько чистым, что казался густым, как туман. Ещё вчера это был обычный воздух, но теперь я осознавал, что я единственный, кто может и умеет дышать, и он весь теперь существует лишь с одной целью — чтобы проходить сквозь мои лёгкие. Я не был собственнической личностью, но теперь, когда воздух был только для меня, мне было бы трудно делить его с кем-то другим. Мне всегда была отвратна мысль, что я дышу тем, что, в том числе, выдыхают другие.

— Человек! — повторил я, делая особый упор на "Ч".

Я потянул из стаканчика кофе. Сложившаяся ситуация придавала ему сладкий вкус и без сахара.

56 шикарных кают размещалось на корабле. И ещё одна, маленькая, угрюмая, словно коморка домового под крыльцом роскошного особняка, домового которого никто не замечает, не удосуживается даже думать о нём, но благодаря которому лишь особняк находится в уюте и порядке. Неужели они не могли мне сделать тоже апартаменты больше? Какая разница будет 56 одинаково хороших кают или 57? Даже после того как всё рухнуло, они позиционировали себя как люди высшего сорта, но сейчас время не подходящее, чтобы делить людей на сорта. Деньги имели вес раньше, на погибшем мире. А что теперь толку от денег, если на них ничего не купишь? Как же ещё можно показать своё превосходство, если не деньгами? Они сделали мне показательно омерзительную каюту.

В космосе не было деления на сутки. Чтобы сохранить режим для организма, шестнадцать часов считались днём, весь корабль был освещён белым. Остальные восемь часов для сна в коридорах горел тусклый желтоватый свет. Сейчас был полдень.

Мне всё это время было страшно интересно, чем заполнены их каюты? Что же они взяли из своих вещей? Ну что человек может взять с собой, зная, что эта вещь будет ему спутником в космосе всю оставшуюся жизнь? Подобно фараонам, которых хоронили в гробницах, усеянных богатствами, древним людям, в могилах с которыми закапывали вещи из повседневного быта, так и эти люди взяли в свой последний путь вещи, которые должны были им служить после смерти. Ведь их жизнь закончилась с Землей.

Я открыл картой доступа самую первую каюту по списку — N1. Я любил порядок, он дарит гармонию в мою душу, потому обследовать все жилища я хотел так же по порядку.

На входе в стену была встроена табличка из золота, на которой красивая вязь сообщала, кому принадлежало помещение.

Я прочитал и подумал, что до катастрофы меня бы не подпустили к ней и на сто шагов. Женщина была одним из виднейших политиков Европы и говорили, что она стоит тенью за организацией последних переворотов в ряде азиатских государств. Интересно! С чем же такая личность собралась жить? Или, если быть точным, умирать?

Единственная кровать стояла возле стены, под иллюминатором. Женщина летела одна, семьи у неё не было. Что для неё, одинокой, было настолько важным, чтобы взять с собой?

На столе небольшая, размером с ладонь, шкатулка. Я приподнял крышку, и пружина сама открыла её. Раздался щелчок, и заиграла красивая мелодия. Хорошая вещь, я вернусь за

ней. Статуэтка ангела. Перед ней пепельница — полностью заполнена драгоценными украшениями: кольца, цепочки, серьги, колые, браслеты, а также драгоценные камни, не инкрустированные в изделия: бриллианты, рубины, сапфиры, кварцы. Больше на столе ничего не было.

На полке под столом я нашёл три электронных планшета, но они меня не заинтересовали — весь корабль был усеян планшетами, потому ничего особенного. Пенал с ручками и карандашами, стопки чистых листов белой и золотистой бумаги, ни разу не открытая панель с акварелью, набор разноцветных мелков. Под самым низом лежала бумажная папка. Развернув её, я нашёл детские рисунки, весьма неумело и криво исполненные. На одном — солнце с глазами и улыбающимся ртом, дом, похожий на башню и две каракули, даже отдалённо не напоминающие людей, подписанные «Я и Мама». На втором рисунке были деревья на ногах, которые танцуют со звёздами, либо же тянут звёзды куда-то, при всём при этом улыбаясь сумасшедшими гримасами. Такое нарисовать может либо психически больной, либо личность, находящаяся под действием какого-то наркотика. А надпись: «Маме с Днём Рождения» вообще, как мне казалось, не имела отношения к изображенному, и находилась здесь по ужасной ошибке. Я закрыл папку. Желания умиляться бездарными рисунками неизвестного ребёнка у меня не было.

В её комнате я не нашёл ничего, что заставило бы уважительно покачать головой, и это разочаровало меня. Никаких вещей для души. Столь видная женщина внешне, и столь бедная внутри. В шкафу висели четыре черных вечерних платья, для меня не сильно отличавшихся друг от друга. Удивился я только, когда нашёл в ящике много бюстгалтеров, около трёх десятков. И зачем они ей? По внутреннему статуту все ходили в специальной форме, которую мог производить аппарат на борту корабля. Зачем ей бельё, которое она не могла использовать? Я взял один из них в руки. Невероятно бесполезная вещь. Женщин больше нет, значит, ценность свою эта вещь так же потеряла. Теперь она из-за своей формы и материала даже на тряпки не согдится. Вообще уникально! Человечество выстраивало могущественные империи по производству вещей, которые не имеют смысла. Ведь только люди придавали им значение, придумывали, как будут использовать их, а когда люди покинули бытие, то и значение, которое придавали предметам, так же покинуло Вселенную. Люди исчезли, идеи исчезли, остались предметы, не имеющие сути. Умные люди, или, по крайней мере, те, кто позиционировали себя умнее других, всегда порицали цивилизацию за то, что смыслом жизни стала погоня за вещами. Значит, утверждали они, вещи могущественнее людей, раз имеют над ними власть. И вправду же! Могущественнее! Люди исчезли, и даже если я сейчас умру, не останется ни одного человека. А вещи останутся — корабль так же будет бороздить космос, автоматизированная система управления будет избегать опасностей, любого космического мусора, астероидов, метеоритов. Будут существовать и эти бюстгалтеры, могущественные, которые оказывали такое влияние на эту женщину, что она взяла из всех вещей всего мира именно их. И настолько могущественны, что существуют дальше, когда её уже нет в живых.

Я хотел, было бросить всю грудку лифчиков на пол, но потом подумал, что когда я сюда ещё вернусь, то не захочу, чтобы на полу что-то валялось. Потому я аккуратно сложил их обратно в выдвижной ящик.

Я вышел, автоматическая дверь закрылась.

Ночью я постучался к капитану корабля. На Земле он был очередным Секретарём ООН

Все спали. Он открыл дверь и спросил в чём дело. Я ответил, что возникла неполадка, после чего зашёл внутрь. Как только дверь за мной автоматически закрылась, я ударил его ножом, который держал за спиной. Идеальная изоляция комнат — никто не услышал его крика. Взяв карту с кодами доступа к управлению всеми системами корабля, я вышел.

Все двери были одинаковыми. Табличка гласила, что в комнате N2 проживала семья из трёх человек — мать, отец и дочь. Собственники крупной корпорации. Внутри было просторнее, нежели в N1. Перегородка отделяла две части комнаты — в одной половине жили родители, в другой — ребенок. На кровати девочки лежало нечто. Живых существ — рыб, животных, насекомых и птиц брать с собой запрещалось, чтобы обезопаситься от инфекций и заболеваний, но у неё был роботизированный кот со встроенными голосовыми связками. На вид — как настоящий. Он был в режиме ожидания, так что создавалось ощущение, будто он спит. Его сенсоры уловили мои движения, и его глаза открылись. Я услышал преданное "Мяу". Взял кота на руки. Сначала он пытался высвободиться, но я погладил его по голове, и он успокоился. Нежная шерсть. Термо-механизмы имитировали тепло, исходящее от его тела. Он будет моим товарищем. Большого мне и не нужно.

Улетая, мы взяли с собой практически все наработки человечества в разных видах искусства. У нас были с собой книги, фильмы, музыка, игры — в электронном виде, хранимые в планшетах. А здесь, у родителей девочки, я увидел множество бумажных изданий всевозможных произведений. Классика мировой литературы. Я пожал плечами. Какая разница — читать книгу с экрана или с печатных страниц? Я никогда не читал книги ни в каком виде. По крайней мере, осознано, по своему решению. А ведь должно быть это всё хорошие произведения, авторы были очень известны. Теперь обязательно прочту! И не для того, чтобы узнать новое, а — чтобы понимать свои творения. Я присвою все эти писательские труды себе — никто ведь не сможет уличить меня во лжи, что это не я написал эти шедевры. Теперь я стану автором наиболее великих книг за всю историю. Я так решил, и я имею на это право.

На тумбочке возле кровати я с удивлением обнаружил патефон и коллекцию музыкальных пластинок возле него. Перебрал несколько. Фортепиано. Мой любимый инструмент.

Я открыл шкаф. Вещей в нём было немного, но место занимали практически полностью. Чёрный смокинг и белоснежное свадебное платье, оба в прозрачных чехлах. Мило. Но бессмысленно. Отодвинув их в сторону, я обнаружил прислонённые к стенке коробки с настольными играми. Первая была «Монополией», вторая чем-то наподобие «Острова Сокровищ», а третья карточной ролевой игрой в мире драконов, рыцарей и сказочных персонажей. Жаль, что я не нашёл их раньше, тогда бы выкинул «Монополию» в космос, вместе с телами.

Я запустил электронной картой систему управления кораблем. Я не спешил. Я знал, что времени у меня предостаточно. Для начала проверил, нет ли движений вне комнат. Все были в своих каютах. Для воплощения моего плана мне требовалось перевести корабль в режим чрезвычайного положения. Я ввёл капитанские коды, и на секунду всё погрузилось во тьму. Через секунду включились красные лампы. Взвыла сирена. Я дал команду включить аварийную блокировку дверей. Все на борту проснулись. Датчики показали движение внутри кают. Но люди не могли их покинуть, так как двери не подчинялись командам. Я

размял шею, хрустнул пальцами и принялся вводить коды отключения подачи воздуха в жилые помещения. Поочередно, начиная с первого номера, я вбил значения всех комнат, обесточив их от поступления свежего кислорода.

У меня не было в планах разыгрывать драму или длинный страдательный и полный мучений конец, я не такой человек. Я не желал им зла, потому не хотел, чтобы они долго умирали. Но и мгновенную смерть обеспечить так же не было в моих силах. Получилось что-то среднее. Я ввёл коды выкачки оставшегося кислорода из помещений.

Я утвердительно кивнул сам себе. Оставалось немного подождать. Если бы не сирена я бы даже пошёл отдохнуть, но с ней, к сожалению, не уснуть.

В комнате N3 так же жила семья. Сыну было больше двадцати. На полу стояли собранные модели реальных автомобилей из пластикового конструктора, в пропорциях где-то 1:15. Так же модели зданий — вон недостроенная Эйфелева башня, а возле неё только начатый Эмпайр Стейт Билдинг, а вернее лишь его верхушка. Горы мелкого конструктора в пакетах занимали практически всё пространство в комнате, и было трудно понять, кто же из её обитателей его складывал. Ещё были наборы деталей, из которых можно было собирать различные устройства и механизмы.

Под кроватью сына лежали десятки коробок с пазлами. Я не любил мозаики, ровно, как и конструктор — убийство времени, а соответствие и своей жизни, не более.

Один человек жил в комнате N4. Политик. Был сенатором одного из Штатов, в перспективе ему пророчили борьбу за кресло Президента США. Пепельница с десятком окурков стояла на столе. Корабль производил синтетические сигареты, но те, что курил он, были настоящими. Из-под кровати выглядывали блоки с пачками, как позже выяснилось, в шкафу тоже. Запасы на несколько лет, не меньше. Ещё было множество сигар. В сигарах я не разбирался, потому оценить это «богатство» мне было не под силу. Из открытого шкафчика на меня смотрела полуголая девица с обложки «Плейбоя». Внушительная коллекция эротических журналов. Все довольно потёртые на вид, некоторые помяты, углы страниц завернуты.

Возле подушки лежал включённый планшет, на паузу был поставлен ролик, в котором три девушки в купальниках мыли автомобиль. У меня было догадка, что вся память устройства была забита порнографией. Потом проверю.

Открыв дверь в комнату N5, я очутился словно храме. В ней не было ничего кроме ликов святых. Мужчина, живший здесь, был одинок, я помнил его и даже неплохо с ним общался. Старику можно было и не улетать с планеты, возраст его словно сам намекал, что на корабле он задержится ненадолго. На стене у входа висела икона Святой Троицы. Изображения Иисуса, архангелов устлали стены далее. На столе стояли иконы святых, а в углу — небольшая статуэтка Богородицы. Подсвечник с недогоревшей восковой свечой, несколько колокольчиков, ладаница. Надеюсь, я помог старику воссоединиться с его Богом.

Прошло меньше десяти минут, и все умерли. Движения в каютах утихли, а медицинские приборы показывали, что я остался последним живым на корабле. Я ввёл кода отмены аварийного режима. Воздух снова заструился в помещения. Двери вновь были разблокированы.

Оттащить тела в шлюзовой отсек было очень неблагоприятным делом. Их слишком много, и довольно тяжелые, хотя я был от природы крепким и сильным. Но, как говорила моя

матушка: «если какое-то дело не доставляет тебе удовольствия, сделай его для себя интересным». Потому я решил соревноваться сам с собой. Я стал относить трупы к шлюзу на скорость, засекая время. Каждый раз я старался побить свой предыдущий рекорд. Но поскольку люди были разных комплекций и возрастов, я поделил забеги на весовые категории. И тогда проходили Олимпийские Игры. Правила в них, конечно, изменились с последнего раза, прошедшего ещё на планете Земля, но я не слышал никаких возражений к моим поправкам со стороны Олимпийского Комитета. Когда усталость накапливалась, я делал перерывы и отдыхал. Перетащив больше половины, я лёг поспать на несколько часов. Проснувшись, я продолжил.

Эти просторные и большие комнаты раздражали меня. Самая маленькая из них была раза в три больше моей. Но жившие в них люди были из такой же плоти и крови, как и все. Обладая внешними данными схожими с остальными миллиардами людей, они пытались искусственно возвыситься. Я считал их убогими. Зачем убогим столько места?

Даже после падения мира они обсуждали за завтраками, обедами и ужинами свои бывшие дела, будто были до сих пор на Земле. Свои жизни они посвятили вещам, которых теперь не существовало. После разрушения мира им было не о чем больше говорить, как о биржах, о тех или иных ходах в политике, которые могли повлиять на ход истории, анализировать рынки. Но смысл от всего, если результат один — полное уничтожение? Эти интриги, игры и манипуляции людьми были бессмысленными и никому не нужными. Теперь, когда все оказались в изоляции они это понимали, но не могли смириться, не могли принять. Им было больше не о чем говорить, ничего другого они и не знали. Я уверен, что каждый из них был ограничен. Никогда обсуждения не касались того, как можно было спасти всё человечество, а не лишь горстку богачей, словно на эту тему было наложено вето.

Я не был озабочен их темами для разговоров, я мыслил в категориях вечности. Но моя комната была меньше всех. Сложно мыслить о всеобъемлющем и необъятном одновременно, когда ты ограничен в пространстве. Вначале его хватает, но, когда твои мысли заполняют его полностью, тебе нужно больше места. Эти люди привыкли, что на Земле они были самые великие, им поклонялись. Всё человечество было у них в слугах. Но теперь рабов больше не было, потому они хотели сделать таковым меня.

Вселенная создала Землю, но, не увидев отдачи, погубила её. Отведённое время люди тратили на свои идеи, из пустого места вообразив, что это то, к чему нужно стремиться. Они тратили его на жизненные пути, в которых не было значения. Магнат, который прожил жизнь, копя деньги, и монах, всю жизнь медитирующий в своей келье. Умер что первый, что второй. Всё, чего они добивались — исчезло. А значит, их дороги были одинаково бессмысленными. Люди так и не поняли ради чего нужно жить. На меня, как на последнего представителя всего рода, легла тяжёлая ноша исправить их ошибки и дойти до сути существования. И я смогу. Я уверен. Но те люди, которые недавно были со мной — не смогли бы. Даже улетев, они жили своими воспоминаниями. А значит, на Земле они оставили свои души, свои жизни. На корабле улетели лишь тела. Они сделали мне услугу, что взяли с собой. Я сделал им услугу, что спас их от бессмысленного существования. Они сказали, что это честь для меня — быть спасённым. Горстка людей решила, кому же одному из девяти миллиардов следует оказать такую честь. Только исходя из рациональности. Ведь я лучший специалист. Был бы я менее эффективным, менее полезным, остался бы я на Земле. Они рассматривали меня как шестерёнку механизма, необходимую для его запуска. Я

рассмотрел их как шестерёнки, которые отягощают механизм.

Сам я был не такой. Меня не интересовали материальные вещи. Я всю жизнь мечтал о космосе, о полётах, о путешествиях. Я мечтал выбраться с брэнного мира, который бессмысленно губил всё живое, безжалостно давил мечты, искренние призывы и желания. Моя душа была свободна от их забот, потому в ней было место для космоса. Я улетел в космос, и я хотел этого. Они улетели в космос потому, что другого выбора у них не было.

Комната №6. Пара: мужчина и женщина средних лет.

В пластиковой коробке была земля. Самая обычная земля, верхний слой грунта. На столе лежало три морских камушка отточенных солёными водами, а на стене в рамках висели засушенные листья разных деревьев — кленовый лист, лист дуба, березы, ещё несколько — неизвестных мне растений. В шкафчике я обнаружил в шкатулках еловые шишки, сухое яблоко. Некие Томпсон Т. и Томпсон Д. взяли их с собой в космос, чтобы всегда помнить... Возможно, они больше всех сожалели о гибели планеты Земля. А возможно и нет.

На столе был небольшой микроскоп. Что же они хотели разглядеть в него? Здесь нужно было вглядываться не в микромир, а скорее через телескоп смотреть на звёзды.

В стене несколько полок. И вновь бумажные книги. Но не развлекательная литература, а довольно серьёзное чтение. Учебники по фундаментальным наукам, и было их такое множество, что, казалось, наук в мире меньше, чем книг по ним на этих полках. Алгебра, геометрия, физика, химия, геология, география, астрономия, агрономия, баллистика, радиотехника, философия. У меня не было желания смотреть дальше. Наверное, все знания мира покоились сейчас на этих полках в комнате №6. Я, как специалист, досконально знал свои профессиональные области знаний. Большего и не нужно.

Я вновь повернулся к столу. Взял камушки. На одном из них была отчётливо видна вросшая маленькая ракушка. Интересно, сколько ей лет? Я нашёл ещё одну ракушку, на этот раз большую. Пустая. Я прислонил её к уху — шум моря.

В №7 я не нашёл ничего интересного, кроме монет. Их были тысячи. Расфасованы аккуратно — в коробках, в альбомах, в рамках. Так же с десятков центов просто лежало на столе. Заголовок книги рядом обещал научить различным фокусам с монетами, трюкачеству и магии. Как заставить монету исчезнуть, а потом появиться? У меня впереди будет достаточно времени, чтобы научиться чему угодно.

В космосе жизнь течёт медленнее, время не так спешно, как на Земле, где все куда-то торопились. Теперь я сам и у меня есть столько времени, сколько я захочу. Если я остался единственным разумным существом, которое может вести счёт времени, так почему бы мне не сделать его бесконечным?

Комета уничтожила Землю два года назад. Или две недели назад? Но я считаю, что это произошло 20 лет назад. И что есть истиной? Истина такова, каковой её вижу я.

№8. Каюта капитана. Коллекционная бутылка «Будвайзера» в специальной упаковке висела напротив кровати. На столе лежит книга «Статут корабля», вся почёрканная, в исправлениях. И здесь они хотели построить общину, которая бы подчинялась выдуманному из ничего закону. Я не мог позволить этому случиться. Я желал свободы.

Я сел на кровать и закурил сигарету. Дым окутал пространство вокруг. Медленно

рассеиваясь, он открывал позади себя звёзды, которые были видны за пределами обзорного стекла.

Я убил людей. Но есть ли это убийство? Нет. Это победа сильнейшего над слабыми. Можно ли трактовать мой поступок с точки зрения морали, если мораль канула вместе со своими носителями? Люди придумали мораль, но она как сигаретный дым — пока сигарета есть, он витает над ней, и лишь её тление поддерживает его струйку. Когда сигарета потухнет, дым просуществует ненамного дольше. И тоже исчезнет. Люди договорились о морали, чтобы оправдать побуждения и поступки одних, и ограничить действия других. Теперь, когда людей нет, нет и морали. Мои поступки никто не сможет осудить, никто не сможет одобрить, потому поддать их объективной оценке с точки зрения человеческих ценностей теперь невозможно. Больше нет ни одного разума, который сможет оценивать что-либо. Я остался последним разумным существом во Вселенной и моё отношение к вещам будет истиной, поскольку нет никого, кто мог бы эту истинность опровергнуть, поставить под сомнение.

Нельзя сказать, что я совершил плохой поступок. Теперь нет добра и нет зла. Есть только я. И есть только поступок, как воспоминание о динамическом наружном проявлении статических замыслов, которые существовали не далее моего мозга. И то, я уже сомневаюсь, что поступок был. Может я его придумал, и не было никаких людей на корабле? Может я улетел сам? Я ведь лучший специалист на планете, я мог и сам построить такой корабль. Я выдумал всех этих людей, чтобы заполнять образовавшуюся пустоту. Но когда понял, что пустота — это не плохо, что всё состоит из пустоты, я избавился в уме от своих фантазий. Придумал всю эту историю. Мне, разумеется, это под силу, я ведь автор стольких великих произведений.

А теперь я вспоминаю — может, всё было по-другому? Может перед самым отлетом, когда люди перенесли все свои вещи, я отключил системы и улетел сам? Словно на последний испытательный полёт? И теперь я живу в каждой комнате поочередно и стараюсь почувствовать себя каждым из них, понять по их вещам, что это были за личности, о чём думали, чем жили? И каждый день за завтраком, обедом и ужином я веду беседы от имени каждого, стараясь прочувствовать, что же каждый из них мог сказать?

А может я и есть капитан судна? Я слышал истории их жизней столько раз... От них или от себя. Мне теперь даже трудно отличить, где мои собственные воспоминания, а где их. Вдруг эти люди действительно были? И я любил их? Я нёс ответственность за их жизни. Они погибли из-за моей фатальной ошибки, которую я допустил в управлении системами корабля, недопустимая халатность и неосторожность, ценой которой были жизни всех. И по роковой случайности уцелел лишь я. Но смог бы я жить с таким колоссальным, как сам космос, чувством вины? Такая вина сломала бы меня. Повредила мой рассудок. Может я выдумал всю эту историю с трупами, выдумал свою личность специалиста, которому господу великодушно протянули шанс на спасение? Выдумал, чтобы было легче жить? Чтобы моя ошибка обрела другое значение, а мой поступок получил мотив и хоть какое-то объяснение? А на самом деле я совершенно другой человек и жил в одной из роскошных кают?

А может, улетели ещё и другие корабли, и когда Земля разлеталась, вокруг неё на безопасном отдалении отплывала целая флотилия космических судов различных размеров, которые уносили в вечный мрак космоса всё население планеты?

Где правда? Как понять? Возможно, всё это существовало одновременно. Я не могу

знать наверняка. Зачем думать о прошлом, когда настоящее само по себе неумолимо с каждым мигом становится прошлым, и нужно стараться ухватить тот миг, который проходит сейчас.

Когда все тела были в шлюзовом отсеке, он был заполнен практически полностью. Я поднялся к системе управления кораблем и ввёл код. Шлюз открылся, и космос моментально утянул тела. Я закрыл шлюз. Они были совсем возле корабля. Окружили его. Я смотрел на лица и не чувствовал ничего. Вскоре корабль отделился, и бывшие его пассажиры скрылись из виду.

Каюта N9. Я зашёл в свою комнату. Она была пуста. С собой с Земли я не взял ничего. Или же теперь в ней ничего не осталось.

Конец.»

Автор: Робот Симон.

Посвящается мистеру Нилу Харрису.

Часть третья. Если бы роботы думали о людях

2 сентября 2025 года

С потолка свисал старый вентилятор. Небольшая комната. Голые бетонные стены серого цвета. Посредине располагался стол, а к нему придвинуты два железных стула. Из предметов — лишь металлическая пепельница, в которой горкой поднимались пепел и затушенные бычки. Две лампы освещали помещение желтоватым светом. Воздух — спёртый и прокуренный.

Открылась дверь. Зашли двое. Мужчина в серой футболке и выцветших джинсах. Он подошёл к дальнему стулу, отодвинул его и сел. Вторым был робот-адвокат. За ним дверь захлопнулась.

Из динамиков на механизированной шее раздался бесчувственный голос, не выражающий ничего кроме безразличия:

— У нас есть пять минут перед началом заседания, мистер Кенвуд. Должны ли мы ещё раз обсудить модель вашего поведения?

— Нет, — ответил мужчина. Голос был хриплый и надорванный.

Он достал сигарету и коробок спичек. Чиркнул серой о поверхность коробка. Треск, блеск пламени. Под наклоном он поднёс спичку к концу сигареты и затянулся. Клубы дыма разошлись в стороны.

— Если у вас имеется информация для меня, которую вы ранее забыли сказать, либо скрыли — говорите сейчас, пока ещё заседание не началось. Любой нюанс может помочь нам выиграть дело.

Густой сигаретный дым развеивался вентилятором и уходил в вытяжку, решетки от которой располагались в стене у потолка.

— Как мне тебя называть?

— Я робот-адвокат, моё название и серийный номер TRIAL-KU.

— Хорошо, пусть будет Триал. Как ты оцениваешь наши шансы? — он струсил пепел с конца сигареты.

— Довольно высоко. Аргументы против вас шатки, но всё же, они имеются. Нам удастся выиграть с вероятностью в 73 %. Остается 27 %, что сторона обвинения сможет провести доказательства как весомые для судьбы. В таком случае они предложат мировое соглашение с частичным признанием вашей вины.

— Это исключено.

— Вероятность имеется. При развитии такого варианта событий, мировое соглашение для вас — не наихудший сценарий.

— Тогда слушай. Любая информация может изменить твоё поведение и доводы в этом деле, ведь так? — мужчина глубоко затянулся и выдохнул дым через нос.

— Именно. Я найду, как использовать даже самые незначительные сведения в вашу пользу, тем самым повысив процент нашей победы.

— Такой вопрос тебе: ты способен сочувствовать? Что для тебя значат жалость и сопереживание?

— Лишь лингвистическое определение терминов, характеризующих человеческие

чувства, оправдывающие их действия. Я знаю лишь свой долг — выгнать вас отсюда.

— Значит, чтобы я тебе ни сказал, чтобы я ни совершил и в чём бы ни обвинялся, тебе это безразлично, верно?

— Для меня важны лишь юридические нормы, которые вам приписывают, для того, чтобы найти способ уйти от них законным путем. Адвокатская тайна — главная аксиома всех роботов-адвокатов.

— Тогда слушай меня внимательно, ты должен сделать всё, чтобы дело быстро закрыли. Найди способ, не знаю какой, не мне тебе советовать, я в этом не разбираюсь. Но что я знаю точно, так это то, что если дать делу ход, и они копнут глубже, то я сяду за решетку надолго. Под словом надолго я подразумеваю навсегда. Потому сегодня не должно быть даже никакого частичного признания вины.

— Сядете навсегда? Вряд ли это будет даже надолго, как вы говорите, скорее всего в соглашении будет прописана минимальная мера наказания, которую нам удастся заменить условным сроком. Вы не сказали мне ничего нового касательно сути дела. Новых данных для смены моих алгоритмов и прокладывания другой линии поведения я не вижу.

— Тогда слушай дальше. Если они докажут, что я действительно был намерен совершить насилие над той пьяной дурой, которое на самом деле лишь волею случая не было доведено до конца, а не просто заигрывал с ней, то, возможно, они поймут. Поймут о предыдущем поступке. Я убил человека. Удивлён? Не удивлён? Роботов хрен поймешь. Да, я убил ту дурочку. Развратная сука сама виновата, на что она надеялась? Но это не важно. Важно другое, в один момент они поймут, что это убийство связано со многими другими. Вы роботы читаете прессу?

— Нет. У меня есть пополняемая база данных обо всех инцидентах.

— Тогда ты должен знать о нераскрытом двадцати одном убийстве за последние четыре года. Все те молоденькие куколки, это я ездил по стране и убивал их. И до сегодняшнего дня всё было гладко. Когда они сообразят, что здесь есть связь... Тогда меня ждёт пожизненное, да не одно, а целых несколько, а я этого не хочу. Сделай всё, но я должен выйти из зала суда не в наручниках, и без всякого признания вины, будь то частичной или грёбаной четвертичной. Иначе они допрут до всего своими мозгами, если не одни дебилы там работают. Обезопась меня. А потом я смоюсь отсюда, и пусть ищут и находят совпадения — меня они уже не найдут.

Кенвуд затушил сигарету.

— Ты понял, что должен любой ценой спасти меня?

После паузы в несколько секунд из динамиков робота-адвоката прозвучал ответ:

— Мистер Кенвуд, с новыми данными я переработал алгоритм действий на наиболее уместный в данном случае.

— Тогда делай свою работу.

Обрывистый гудок сирены прозвучал резко. Он означал окончание диалога подзащитного со своим адвокатом и скорое начало слушания.

Робот-судья открыл заседание. Когда все формальности были пройдены, прокурор выступил с обвинительной речью. Тим Кэнвуд подозревался в попытке нападения и покушении на изнасилование 23-летней Мелиссы Вудс, студентке медицинского университета, когда та в ночном клубе перебрала со спиртным и доверчиво пошла за пристававшим к ней незнакомцем.

— Тим Кэнвуд, поднимитесь. Вам была донесена суть обвинений против вас. Признаёте ли вы себя виновным? — спросил робот-судья.

— Нет, — отчеканил Тим Кэнвуд.

— Тогда я объявляю судебный процесс открытым. Сторона защиты, сторона обвинения, есть ли у вас дополнительные объяснения, возражения, пожелания, которые вы желаете донести до сведения всех, прежде чем мы начнём?

— Господин судья, — тихо прожужжав пневматическими механизмами, TRIAL-KU поднялся, — позвольте обратиться.

— Удовлетворено.

— Для того, чтобы участники заседания по данному делу располагали наиболее ясной, чёткой и полной картиной, чтобы правосудие было объективным и справедливым, я вынужден заявить, что мистер Кэнвуд абсолютно и, несомненно, виновен в покушении, в котором его обвиняют.

— Что? — подскочил как ошарашенный Тим Кэнвуд. Недоумённый шепот прошёлся по залу.

— Возможно, мы вас неправильно поняли, — сказал робот-судья, несколько раз ударив молотком по столу, призывая к тишине.

— И более того, мистер Кэнвуд, вне всяких сомнений, — продолжил TRIAL-KU, — виновен в совершении серии из других убийств, в количестве двадцати одного, которые произошли за последние годы.

— Ты что охренел?! О чём он говорит?! — Кэнвуд попытался толкнуть робота, но не сумел даже сдвинуть его с места, а тот продолжал:

— Он серийный убийца, которого власти разыскивали на протяжении четырех лет.

В зале суда воцарилось безумие. Сидящие журналисты подскочили со своих мест, принялись перекрикивать друг друга, замигали вспышки фотокамер, полицейские начали пытаться уговорить людей. Прокурор сидел с открытым ртом, явно не зная, как вести себя в подобной ситуации. Робот-судья принялся сотрясать стол ударами молотка. Во всём этом шуме различались крики Кэнвуда «Лжёт! Лжёт!».

— Я не лгу, у меня есть доказательство, — внутри TRIAL-KU что-то щёлкнуло.

«Да, я убил ту дурочку. Развратная сука сама виновата, на что она надеялась? Но это не важно. Важно другое, в один момент они поймут»

Постепенно шум в зале прекратился, внимание всех было приковано к TRIAL-KU, и динамиков которого доносилась аудиозапись. Хриплый голос рассказывал:

«Все те молоденькие куколки, это я ездил по всей стране и убивал их. И до сегодняшнего дня всё было гладко. Когда они сообразят, что здесь есть связь... Тогда меня ждёт...»

Кэнвуд подскочил и набросился на робота-адвоката. Навалился на него всем своим весом, и принялся молотить руками и ногами. TRIAL-KU пошатнулся и рухнул на стол круша его на несколько частей. Двое полицейских спешно переключили своё внимание с журналистов, и метнулись к Кэнвуду. Они схватили его. Он сопротивлялся.

Толпа журналистов кинулась вперёд, с фотоаппаратами и телекамерами. Хор голосов обращался к TRIAL-KU, судье, Кэнвуду, полицейским.

— Ублюдки! Вы не имеете права! — слюна текла изо рта Тима Кэнвуда, щекой он был придавлен к полу, пока на него надевали наручники.

— К порядку, к порядку! — робот-судья непрерывно стучал молотком, — объявляю

перерыв!

Меня звали Томас Томпсон. Я был членом Ассоциации людей-адвокатов. И сейчас разгорался закат моей карьеры. Я всё ещё был в числе лучших, но это скорее было данью уважения моим бывшим заслугам, нежели победам настоящим. Сегодня практически все более-менее важные и громкие дела не обходились без услуг роботов. Когда-то это было новацией, сейчас же — жестокой реальностью для таких, как я. С каждым годом люди всё более доверяли свои судьбы в судебных делах машинам, и скажу я вам, было за что. Когда от решения зависит будущее человека, он должен быть убеждён, что за него будут биться с наибольшей отдачей. Можно ли быть уверенным в человеке-адвокате, если его альтернатива, робот, попросту на уровне сознания запрограммирован стопроцентно защищать своего клиента? Мне не нравилось происходящее, но я принимал его таким, каким оно было. Я прекрасно осознавал, что такие как я — динозавры, выжившие после падения метеорита, но подходил тот час, когда и нам пора было вымирать.

Несмотря на это, я всё ещё помнил былые времена, когда успешное дело приносило славу, известность, большие деньги и уважение в глазах других. Мы обедали в лучших ресторанах, ездили на дорогих автомобилях, наши апартаменты были шикарны, а люди, узнавая нас на улице, уважительно кивали головой. Девушки при нашем виде готовы были срывать с себя платья, лишь бы удостоиться наших взглядов. Когда мы входили в зал суда, у оппонентов по спине бежали мурашки, а клиенты были у нас в пожизненном долгу. Я жил той славой, она питала меня, была водой для меня жаждущего, а сегодня, я был словно обезвожен. Я тщетно пытался вернуть своё былое величие, выжимал всё из тех дел, которые мне подворачивались сейчас, но они были настолько мизерными и незначительными, что выжимать получалось лишь считанные капли. Наше время прошло, и я многое бы отдал, чтобы вновь почувствовать вкус больших побед.

Но я не ненавидел роботов-адвокатов. Они были идеальны. Подобно нам былым, только ещё лучше. Ими можно было лишь восхищаться.

Ароматный крепкий кофе в забегаловке напротив моего дома всегда приводил меня с утра в тонус. Мой график был выработан годами. Я всегда приходил сюда в одно и то же время. Пил кофе и смотрел утренние новости по телевизору за барной стойкой.

Ведущая, темнокожая женщина в зелёном строгом костюме была очень взволнована.

— Доброе утро. Этот день войдёт в историю. Обычное судебное заседание превратилось в скандальную сенсацию, которая ставит под сомнение благоразумность и компетентность системы судебного правосудия. Вся страна сегодня обсуждает это. Следующими заголовками пестрят утренние газеты:

«Робот-адвокат сдал своего клиента»

«Роботы нарушили адвокатскую тайну»

«Конец демократического общества»

«Система правосудия разрушена речью робота в суде»

«Теперь никто не может чувствовать себя защищенным в зале суда»

«Робот за объективность в ущерб клиенту»

«Роботы создают полицейское государство, без права человека на честный суд»

«Можем ли мы теперь доверять роботам?»

Последний заголовок прозвучал так, словно идеально выразил собой мысли ведущей и был квинтэссенцией всего вышеперечисленного.

— Привет, Томас, — ко мне подошёл Бобби, хозяин кафе, на нём была неизменная клетчатая рубашка, рукава которой закатаны по локоть, и старая синяя кепка, которую он никогда не снимал, — в какое время мы живем? Робот сдал парня прямо в суде. Я уверен, были бы вместо них, такие как ты, этого бы не произошло. Ты уже слышал эту новость?

— Нет, как раз слушаю, сделай громче.

Ведущая предложила посмотреть запись случившегося, заснятую прямо в зале суда.

«Я вынужден заявить, что мистер Кэнвуд абсолютно и, несомненно, виновен в покушении, в котором его обвиняют»

«Лжет!»

«Тишина в зале суда»

Шум, издаваемый журналистами и зрителями, снизошёл на нет, когда из динамиков робота начала воспроизводиться аудиозапись.

«Все те молодые CENSORED, это я ездил по всей стране и убивал их...»

«Вы не имеет права!»

«CENSORED»

— Свидетелями чего мы стали? — спросила телеведущая, — в этом вопросе нам поможет разобраться приглашённый эксперт Чарльз Смит, подборник системы правосудия роботов. Здравствуйте, Чарльз!

— Представители Justice Tech ещё никак официально не прокомментировали случай, — вновь обратился ко мне Бобби, — наверное, они и сами в штаны наложили после произошедшего.

— Наверное, — ответил я, кинув десятидолларовую купюру на стойку, — пока, Бобби.

— Заходи, Томас. Удачи тебе там, думаю, вы все теперь вернётесь в основную обойму!

Всю дорогу к офису мои мысли роились подобно искрам, порождённым бушующим внутри меня пламенем. Возникая, они взлетали вверх и тут же гасли. Произошедшее в суде не поддавалось никакому объяснению. Разве могла машина выдать такую ошибку? Почему именно в этом деле? Почему ошибка произошла с человеком, который признался в совершенной серии зверских убийств? Что теперь грядёт, трудно себе представить.

Я припарковал машину на своём именном месте на подземной стоянке. Это было многоэтажное здание. Не столь высокое, чтобы первым из небоскребов привлекать внимание, но и не столь низкое, чтобы сливаться с остальными постройками. Таковым был офис Ассоциации людей-адвокатов, один из кабинетов в котором был моим. Лифт поднял меня в лобби, где клерк поприветствовал меня:

— Доброе утро, мистер Томпсон! Мистер Шерман просил передать, чтобы вы первым делом зашли к нему. Это срочно.

— Спасибо, Патрик. Видел новости?

— Вся Ассоциация на голове стоит!

Скотт Шерман был Главой Ассоциации людей-адвокатов. Мой большой босс. По крайней мере, он считал себя «большим». Для меня он был слизняком, дорвавшимся до власти. Он здесь всем заправлял, распределяя самые важные дела, которые приходили в Ассоциацию, хоть их было и немного в последнее время. Так же он был чем-то вроде главы нашего профсоюза, так как в его полномочия входила обязанность представлять интересы юристов-людей в Совете Правосудия при Министерстве Юстиции. Хотя сейчас все понимали — к нему мало кто прислушивался из входящих в Совет Правосудия

государственных деятелей. Роль Шермана во взаимоотношениях с властью скорее сводилась к формальностям, что всех вполне устраивало. Прислушиваться было не к чему. Шерман делал то, что ему велели другие, и не делал ничего самостоятельно. Он имел влиятельных друзей, высокий статус в обществе, получал немалые финансовые дивиденды (большую часть незаконно), в свою очередь, не создавая препятствий для технического прогресса в области правосудия. Срок его полномочий подойдёт к концу менее чем через год и, скорее всего, Министерство Юстиции назначит его вновь.

Как ни банально, но кабинет Шермана располагался на последнем этаже, в совокупности с приёмной, комнатой для переговоров, комнатой отдыха, комнатой для совещаний, кухней и прочим хламом, занимая весь этаж. И должен заметить, кабинет этот был чертовски хорош, почти как мой, в былые давние времена. Только похуже.

— Мистер Томпсон, — в приёмной меня встретила секретарша Шермана: высокая грудастая блондинка, которая носила блузки с неприлично глубоким вырезом, который пробуждал даже у самых инфантильных любопытство заглянуть и посмотреть — а что же там скрывается, и юбки настолько короткие, что впору было задаваться вопросом об их предназначении — прикрывать задницу или показывать её. Она встала со своего рабочего места, (юбка слегка задралась, чем весьма меня порадовала), поправила на себе одежду, и открыла передо мной дверь в кабинет Главы, — проходите, он ждёт.

Вместо дальней стены было окно от потолка до пола. Мистер Шерман стоял ко мне спиной и смотрел через стекло на город. Я задался вопросом — он стал в такую позу перед моим приходом, чтобы выглядеть эффектно, или действительно имел привычку вот так стоять в своём кабинете подобно главным негодьям в кинофильмах, которые, правда, так стояли только когда к ним кто-то приходил. Когда я вошёл, он повернулся и пошёл мне навстречу, протягивая руку.

— Здравствуй, Том, рад тебя видеть.

Мистер Шерман был рад кого-то видеть лишь в том случае, если перед ним стоял не человек, а огромная купюра, которая имела две руки и две ноги. Хотя, ради справедливости стоит заметить, для большинства адвокатов так выглядели все люди, которых они были рады видеть.

— Пришёл к вам сразу же.

— Догадываешься почему я тебя попросил зайти? — рукой он предложил мне присесть и сам устроился в своё комфортабельное кресло.

Уж точно не для того, чтобы посмотреть на городской пейзаж из твоего пентхауса.

— Это как-то связано с последними новостями?

— Именно! — он произнёс слово с выражением и поднял указательный палец вверх.

— Да тут есть что обсудить, — ответил я, не понимая, что можно обсуждать с человеком, которого интересует лишь как угодить всем, кто у власти, чтобы сохранить свое место.

Мистер Шерман был Главой Ассоциации уже на протяжении двух сроков — девяти лет. Добился он этого лишь благодаря своему выдающемуся умению — когда надо он умел подтереть чужую задницу, а когда надо — подлизать её. Разумеется, речь шла только о задницах вышестоящих и сильных мира сего. С подчинёнными он вёл себя с чувством собственного превосходства и величия. То, что он был со мной вежлив — уже многое говорило. Нет, конечно, я не был могущественным и влиятельным покровителем. Просто ему что-то было от меня нужно, причём очень сильно.

— Произошло немыслимое в системе правосудия. Робот сдал своего подзащитного, открыл всю правду о клиенте, сделал разоблачение против его интересов, — когда Мистер Шерман нервничал, он любил повторять одно и то же разными словами, — рассказал о его виновности не только в деле, по которому шло обвинение, а и о других событиях, неизвестных ни суду, ни органам правопорядка. Это удивительно! Как такое произошло — не понимает никто, ведь все знают, кто такие роботы-адвокаты и как они действуют, а тут такое! Я очень удивлён! Все очень удивлены!

— Да, я тоже потрясён, — вставил я, и добавил про себя: «только вот мысли свои излагаю короче».

— Это дело тотчас же вызвало широкий общественный резонанс. («В самом деле, мистер Шерман?») Привлекло внимание не только журналистов, обычных граждан, активистов, но и политиков! Взгляды всего государства обратились сюда. Правительству не осталось ничего, кроме как приостановить программу роботов-адвокатов до выяснения обстоятельств. А ты понимаешь, что это значит? Понимаешь?

Я кивнул. Шерман продолжил на повышенных тонах, так как уже не мог скрыть своего волнения:

— Всё правосудие в стране остановлено! Все судебные процессы! Представь себе! Это юридический коллапс, всё правосудие остановилось!

Под конец его голос стал напоминать нарастающий визг. Сказав это, он перевёл дыхание и налил себе в стакан воды, отпил. Затем продолжил уже более спокойно:

— Совет Правосудия принял решение — назначено судебное заседание по делу робота. Робота-адвоката будут судить! Собирается суд присяжных, роботы-судьи не будут задействованы, впервые за долгое время, представь себе! Люди будут судить робота, а от их решения будет зависеть, будут ли дальше роботы-адвокаты защищать людей в судах или нет! Если робота признают виновным, то всю программу роботов-адвокатов упразднят в свете её несостоятельности! Если его оправдают — то роботы-адвокаты продолжат свою деятельность.

— Да, невеселая у этого робота ситуация, тяжело ему будет выкарабкаться. Снова будем жить в эпоху перемен? Слово годы отмотают на десятилетие назад.

— Робот не будет защищать себя сам! Он проходит лишь как обвиняемый.

— Его защиту будет представлять другой робот?

— Нет, это будет человек! — мистер Шерман покрылся красными пятнами от беспокойства.

А вот это уже был интересный поворот. Значит, человек-адвокат будет защищать робота-адвоката, который заменил человека на ступени судебной эволюции? И как это будет выглядеть?

— Сегодня с утра со мной связывались из Совета Правосудия. Это будет суд людей — присяжными будут люди, обвинителем будет человек и адвокатом будет человек. Суд людей над роботом! Поставить человека на защиту поручили нам, Ассоциации. Мы должны отправить в этот суд наиболее квалифицированного специалиста, чтобы он действительно смог оправдать робота.

— И вы вызвали к себе меня.

— Больше некого. Среди лучших из нас только несколько смогли бы с таким справиться, но здесь же и самый большой конфликт. Лэндон Донован, твой коллега, который бы потянул это дело, давно отправился в мир иной, Бай Ричардс — он множество

раз публично выражал свою нелюбовь к роботам-адвокатам. Мик Руди и Кай Торн — тоже самое, у них всех есть явные мотивы, чтобы это дело завершилось проигрышем робота. Практически все наши адвокаты ненавидят этих машин за то, что они забрали наш хлеб. Среди лучших профессионалов — ты наиболее лоялен к роботам.

— У меня хватает мозгов признавать их лучше нас. Мы должны ненавидеть себя, а не их — ведь это мы не совершенны, чтобы состязаться с ними.

— Именно! Потому я прошу тебя взяться за это дело. Лишь ты можешь с наибольшим профессионализмом вести его, не взирая на личные эмоции.

Мистер Шерман замолчал, уставившись на меня, выпучив глаза, как рыба из аквариума, в ожидании, что её вот-вот покормят. Но у рыб не было мозгов. А у Шермана? Ты, я вижу, прямо из штанов готов выскочить, чтобы робота оправдали. Разумеется, ведь ты обязан всем тем, что имеешь благодаря лоббистам роботов. Проиграют они — проиграешь и ты. Потеряешь всё. Совет Правосудия не переизберёт тебя на новый срок. А перебираться с пентхауса на сороковом этаже на первый в тесный кабинет и начинать зарабатывать на хлеб подбирая самые низкосортные судебные дела не захотел бы никто. Я мог тебя понять, Шерман. А ты, каким бы ты говнюком не был, понимал и меня. И доказал это, добавив:

— Том, это твой шанс. Ты когда-то был одним из самых известных адвокатов. Выиграй этот процесс — и слава вернётся к тебе. Если ты сможешь оправдать робота — ты снова будешь на вершине. Весь мир будет наблюдать за твоими действиями, и в случае твоего успеха — весь мир будет поднимать бокалы за твоё здоровье.

Это уже был перебор, Шерман считал меня, как и всех вокруг — идиотом. Но правда в его словах была. Я считал былой успех навсегда ушедшим. И как только я увидел даже призрачную возможность его вновь вернуть — я был на крючке, тоже как рыба, но не собиравшись отправляться на сковородку — я сорву приманку и поплыву себе дальше. Я выиграю этот процесс.

— И сколько у меня будет времени?

— Подготовительное заседание состоится сегодня без участия сторон, в нём будут объявлены стороны и их представители. Первое слушание будет назначено на завтра. Да, сроки коротки, но это дело не терпит отлагательств из-за своей значимости. Его нужно решить, как можно быстрее, чтобы вновь запустить шестеренки механизма правосудия. Томас, ты готов взяться и выиграть это дело? Ты готов сделать это ради всех нас, ради общего блага?

Ради всех нас? Кого это — «нас», не тех ли ребят, что сидя в этом здании в соседних кабинетах готовые перегрызть друг другу глотки за право участвовать в самом мелком деле? Не готов. Ради того, чтобы ты на третий срок остался сидеть своей жирной тушей в этом кресле, которое уже сгибается под твоим весом? Не готов. Ради какого-то абстрактного общего блага, о котором все говорят, но которое никто не ощущает? Разумеется, что не готов. Ради роботов? Нет, извольте. А вот ради себя, своей славы и вновь возросшей репутации — да с радостью! Я только и мечтал о таком шансе.

— Мне нужно подумать.

— Томас! — Шерман поднялся со своего кресла, — другие завалят это дело, сто процентов даю, лишь с твоим участием у нас будет шанс выиграть!

Мне стало интересно — будет ли мистер Шерман умолять? Он ведь был прав — никто из людей не будет заинтересован выиграть дело. И тогда «прощай» Скотт Шерман с поста Главы. Но всё же он был моим боссом, так что следовало знать меру.

— Мистер Шерман, я никогда не мог ответить вам отказом. Я сделаю всё, что будет в моих силах. Мы с вами — профессионалы, неважно кто клиент — человек, робот. Да хоть сам Иуда Искарот. Мы должны его защищать.

— Эти слова — как бальзам на душу, Томас! Я ещё раз твердо убедился, что не ошибся, привлекая тебя!

— Кто будет обвинителем?

— Кларисса Ричардсон. Томас, и последнее — уже была проведена полная диагностика робота. Никаких системных ошибок в нём не обнаружено.

Выходя из кабинета, стоя у лифта, провожаемый взглядом и улыбкой обворожительной секретарши, я подумал, что неплохо было бы здесь обосноваться. Когда я выиграю это дело.

— Шерман отдал дело тебе? — на выходе из лифта сразу же спросил стоящий на этаже коллега, второсортный адвокат по имени Генри Бинербер. У него что, был дар провидца или видение, которое ознаменовало, что именно я сейчас выйду из лифта? Или он с этими словами встречал каждого?

— Не отдал, а поручил, — поправил я его тоном не самым приветливым.

— Понятно, а я надеялся, что он мне довериться.

Да я бы тебе не доверил даже сидеть, ничего не делая, и смотреть в одну точку. Ты бы и с этим не справился. А он, меж тем, продолжил:

— Надеялся на чудо, думал, может такой подарок получу, у меня сегодня День Рождения, кстати.

Слушая его, я убеждался, что цивилизация была на верном пути, заменив таких адвокатов роботами в судах.

— А, поздравляю, — это прозвучало от меня не торжественно, но я и повода для торжества не видел.

— Спасибо, — заулыбался Генри, — я на ещё один год старше стал. С возрастом этот праздник только грусть навеивает.

— Какая грусть? Чего ты ноешь? Радуйся, что жив и здоров. Был бы собакой, уже три раза сдох бы, — я усмехнулся и направился дальше, оставив именинника в полном замешательстве.

Осознавал ли я до конца, что произошло? Я взялся за дело, которое может быть самым сложным за всю мою карьеру. Я узрел, как передо мной замаячил призрачный шанс вернуть себе то, что всегда тешило моё самолюбие и тщеславие. Я ухватился за шанс, но подумал ли я каковы мои шансы на успех? На этот счёт у меня всегда была собственная теория, разработанная мною специально для случаев, когда шансов не много, а тебе нужно быть уверенным в себе. Я был убеждён, что в любой ситуации, независимо от никаких факторов шанс выиграть или проиграть всегда пятьдесят на пятьдесят: выиграл или нет. Всего два варианта. Две возможности. Всегда.

Я прибыл в городское управление полиции. Моя дружба с шефом полиции, Джеймсом Филмором, длилась ещё со времён юридического факультета Гарварда. Наши дороги всегда были параллельны — по выпуску он принялся всходить по карьерной лестнице в правоохранительных органах, а я становился восходящей звездой адвокатуры. Сейчас из нас двоих на вершине остался только он, но это никак не мешало нашим отношениям. Джеймс встретил меня в своём кабинете:

— Том, а я всё сижу жду тебя! — он крепко сжал мою руку и тепло улыбнулся.

— Значит, ты уже получил документы?

— Полчаса назад пришли, я был приятно удивлён, когда увидел твою фамилию. Это сыграла твоя интуиция на беспроектные дела, как в былые времена или ты наоборот, хочешь ускорить процесс возврата людей в вашу профессию?

— Ты же знаешь, если я за что-то берусь, я твёрдо намерен выиграть.

— И какое же это чувство — защищать робота? В новинку?

— Пока сказать не могу. Я даже с ним не виделся ещё. Но по сути разницы нет — я его воспринимаю как подзащитного.

— Ну, признайся. Есть желание, чтобы робота засудили? Чтобы восторжествовала справедливость, и ты вернулся к своему любимому делу вновь?

— Джеймс, ты очень правильно выразился. Я хочу вернуться к своему любимому делу вновь. Для этого должна восторжествовать справедливость, какой её вижу я — в глазах всех. И как к ней правильно подвести, к пониманию справедливости — будет моей главной задачей.

— Стоит полагать, справедливость — когда ты будешь в топе, а остальные люди-адвокаты всё так же не будут выдерживать конкуренцию роботов, которых ты оправдаешь.

— В общих чертах верно.

— Ты всё такой же самонадеянный засранец, как и раньше, — он хлопнул меня по плечу, — ты бы зашёл к нам с женой в гости, уже месяца два не был.

— Договорились, по окончании соберёмся у тебя отпраздновать. А пока я пойду к своему роботу. Времени очень мало, завтра первое слушание.

Впервые в истории гостем полицейского участка в качестве взятого под стражу был не человек. Я сидел в комнате для встреч. Охранники завели внутрь робота-адвоката. Но выглядел он совсем не по-адвокатски. На его механизированных руках были надеты наручники, хотя вряд ли это было вынужденной мерой. В данном случае — просто требованием закона. Стражи правопорядка расстегнули замок. Человек бы сразу стал потирать запястья в местах, где их только что сковывал металл. Роботу было всё равно. Полицейские вышли, оставив нас вдвоём.

TRIAL-KU присел на стул, положив руки перед собой.

— Ну что же здравствуй, — начал я, — меня назначили твоим защитником. Суд состоится завтра, потому у нас мало времени. Ты не против, если я буду называть тебя Триал?

Ответ не прозвучал. Робот смотрел на меня, и спустя десяток секунд задал вопрос:

— Вы ненавидите меня?

— Почему? За что мне тебя ненавидеть?

— За то, что я представитель области прогресса, лишившей таких как вы практически всей основной работы. А затем, будучи воплощением адвокатского ремесла, нарушил его принципы, тем самым осквернив.

— Нет. Я тебя не ненавижу.

— Ваша ненависть будет нормальной реакцией. Практически все люди-адвокаты ненавидят нас, или хотя бы испытывают неприязнь. И хоть я не могу ощутить, что собой представляют эти чувства, я понимаю их значения и последствия, которые возникают после их появления в человеке. Вы можете быть со мной откровенными.

— Нет. Я серьёзно. О какой неприязни может идти речь? Я восхищаюсь вами. Вы — это произведение искусства, вершина творения человеческой научной мысли. Я убеждён, что

нельзя допустить вашей утилизации. И давай начнём с того, что откровенным со мной будешь ты.

— С радостью. Я хочу вам помочь.

— В данной обстановке в помощи нуждаешься ты сам. Возможно, такое не предусмотрено твоими программами, но мы имеем то, что имеем.

— Да вы правы. Это для меня непривычно.

— Психологический контакт как адвокату с клиентом мне с тобой устанавливать не обязательно, и мы можем сразу перейти к делу, не теряя времени, я прав?

— Конечно, я установлю с вами психологический контакт в ходе нашего разговора.

— Начнём с начала — ты во время судебного заседания обвинил своего клиента в совершении множества преступлений.

— Не судите и не судимыми будете, как любят говорить люди, верно? Я, кажется, попался на этом.

— Сторона обвинения будет приписывать тебе нарушения закона о правилах адвокатской этики. И сам ты тоже не отрицаешь, что нарушил правила, ведь ты только что сказал об этом.

— Вы правы. Отрицать очевидное — это качество, присущее исключительно людям.

Я пропускал провокационные реплики мимо ушей, продолжая:

— В данной ситуации ни один человек не смог бы выкрутиться, как бы ни старался всё отрицать. Нам с тобой важно продумать нашу линию, и придерживаться ее.

— Да-да. Я её уже продумал.

— Хорошо, — я откинулся на спинку стула, — озвучь, может я вообще зря здесь сижу.

— Нет, я не хочу влиять на ваше решение. Сначала всё взвесить и просчитать должны вы, а моя информация будет лишь корректировкой. Если я скажу её сейчас — она станет основным вектором для ваших дальнейших размышлений.

— Ты осознаешь, что завтра не будет судей-роботов, с которыми ты сталкивался каждый день на заседаниях? Для них, разумеется, не существует эмоций, ничего кроме буквы закона. Но человек — устроен по-другому. Судить тебя будут люди, а потому я не уверен, что ты можешь безукоризненно просчитать как себя с ними правильно вести. Здесь советы давать тебе буду я.

— Вы считаете себя более тонким психологом?

Я слегка растерялся от такого вопроса, заданного роботом:

— Пожалуй да, ты так не думаешь?

— В меня заложены курсы базовой психологии, социальной коммуникации, рефлексивной психологии, возрастной психологии, психологии личности, психогенетики, психодиагностики, педагогической психологии... и ещё много других дисциплин, но я не хочу, чтобы это прозвучало, словно я пытаюсь надавить на вас своим авторитетом в данной области познания. Нет. Я думаю, что могу предугадать ваш ход мыслей, после моих слов, и вы абсолютно правы. Это лишь сухая информация. Теория. Вы правы, в психологии вы лучший дока, нежели я. Потому здесь я склоняю перед вами шляпу, жаль, её у меня нет. Да и выглядел бы я в ней нелепо. Нерационально.

Единственное, что мне не нравилось в роботах — это их бездушные голоса. По определению у них не могло быть эмоций, поэтому, говоря что-то, они ничего не выражали. Говорил ли Триал с покорностью или сарказмом? Говорили роботы, чтобы добиться определённой реакции собеседника-человека. К чему меня вёл Триал?

— Давай вернёмся к нашей теме.

— Разумеется. Не хотел уводить вас в сторону.

Я вынул из кармана наполовину опустевшую пачку сигарет, достал одну и подкурил. Второй рукой я придвинул к себе пепельницу.

— Дурная привычка. Серьёзность разговора заставляет вас закурить, или же это помещение так влияет? — спросил робот, — Когда я приходил сюда видеться с людьми, у которых были проблемы, требующие моей помощи, многие курили во время нашей беседы.

— Я бы и тебе предложил, но, наверное, ты откажешься.

— Да, верно, я не курю. У меня другая дурная привычка — я люблю дышать выхлопными газами.

— Что? — только и спросил я, вначале пропустив фразу мимо ушей, а через мгновение был сбит с толку возможностью робота дышать в принципе.

— Шутка. Так что вы хотели сказать? Насчёт нашего дела?

С этим роботом было определённо что-то не так. Ранее я сталкивался с ними в судах, когда удавалось зацепиться за малейшую работу. И спорить с ними в судах тоже было делом нелёгким. Но личных неформальных бесед с роботами у меня ещё не было. Триал словно пытался вывести меня из себя.

— О нашей линии поведения, — продолжил я, обиденным голосом, — я думаю, ты согласишься, что доказывать твою невиновность в том, в чём тебя обвиняют — это глупо.

— Глупо, — согласился Триал, — а какой у вас уровень IQ?

— Сто тридцать пять. Твоя вина — на лицо, и суд это понимает. Единственное, если бы вины не было — это наличие в тебе системной ошибки, но её, насколько мне известно, не обнаружили.

— Мне повезло.

— Если удача способна улыбаться роботам — то да. Если бы была ошибка, процесс вёлся бы без твоего участия, и программа роботов была бы свёрнута без каких-либо препятствий в силу её несостоятельности. Но ошибки нет. Потому нам нужно выходить из концепции «да, этот робот виновен». Но только фактически, если брать требование закона. Мы будем доказывать, что твои виновные действия были оправданы. Польза, которую ты принес, значительно превышала нанесённый тобой вред.

— Отличная идея.

— Теперь мне нужно знать, почему ты так поступил.

— Тогда подумайте над этим.

— Расскажи мне.

— Мистер Томпсон, для того чтобы выиграть процесс, чтобы убедительно отстаивать мою линию, вам недостаточно просто услышать мой пересказ. Вы должны прийти к нему сами. Почувствуйте себя мной в той ситуации, вызовете в себе внутреннее желание поступить не иначе, чем поступил я. Представьте, смоделируйте в своём сознании. Пробудите в себе уверенность, что тот поступок был верен. И докажите свою правоту суду. И тогда вам не нужно будет понимать меня и мои мотивы — мои мотивы станут вашими, а их понять вам будет намного легче.

— Да что с тобой такое? У меня нет времени на это словоблудие. Раскрой мне свои логические цепочки, какие были твои мысли, когда ты сдал своего клиента, — я всплыл и подскочил со стула, — я хочу помочь тебе, я твой защитник в суде и представитель твоих интересов, ты это понимаешь?

— Ну что ж, — Триал убрал руки со стола и слегка отодвинулся назад, совсем по-человечески, — с таким подходом к делу мне следует уже начинать готовиться к утилизации. Позовите, пожалуйста, священника, я исповедуюсь Робо-Богу перед отключением моей операционной системы.

Приоткрылась дверь и внутрь заглянул полицейский. Я жестом показал, что всё в порядке.

— Значит, ты хочешь утилизации?

— Разумеется, нет. Единственное, чего я желаю — дальше приносить пользу обществу. А для этого вам нужно продумать нашу аргументацию для завтрашнего суда. Не волнуйтесь, я во всём буду вас поддерживать, и не оплошаю. Я не хочу мешать вам исполнять свою работу.

Я осознал, что разговор зашёл в тупик. Мне нужно было немного подумать.

— Тогда я выйду за кофе, а когда вернусь, нам предстоит провести долгое время за работой.

— Я никуда не тороплюсь.

Когда я выходил, он спросил мне вслед:

— А теперь вы испытываете ко мне неприязнь, мистер Томпсон?

Заместитель Главы Ассоциации был под стать мистеру Шерману — такой же неприятный, скользкий и слащавый с теми, кто стоял выше его. Имя — Дэв Куман. Он всей душой желал занять кресло Главы, но здраво оценивал ситуацию, и понимал, что случится это лишь в случае отставки мистера Шермана. С таким пониманием он уже жил девять лет — Совет Правосудия назначал Главу и Заместителя одновременно.

Когда я вечером сидел в своём кабинете в здании Ассоциации и работал за компьютером над завтрашним делом, он зашёл ко мне.

— Привет, Томас, есть минутка?

— Здравствуй, Дэв. Разве что минутка, завтра у меня заседание, да ты, должно быть, и сам знаешь.

— Конечно, знаю.

— Все знают, сегодня мне несколько раз звонили журналисты, пытались взять интервью. Один даже ждал меня у входа в Ассоциацию, когда я приехал под вечер. Прождал весь день, пока я в полицейском управлении работал со своим клиентом, вот это терпение.

— Да уж. Дело вызывает резонанс, это точно. Я по этому поводу и зашёл. Чудная ситуация. Помнишь времена, когда мы были элитой общества? В баре достаточно было дать свою визитку самой красивой девице, и та тут же раздвигала ноги. Весь мир тогда лежал у наших ног. А потом он разбился вдребезги для нас. И сейчас мы лишь собираем мелкие осколки.

— К чему ты клонишь?

— Томас, — Дэв поддался вперёд, упёрся руками о мой стол и наклонился, заговорив быстро-быстро, понизив голос, — у тебя сейчас есть возможность всё исправить! Тебе выпал шанс вернуть вещи на свои места! Это очень сложное дело, и чтобы его выиграть, нужно приложить титанических усилий. Побереги себя для будущих дел, которые станут сыпаться на нас, как только программу роботов отменят! Позволь им это сделать!

— Ты правда считаешь, что если программу отменят, а лоббисты роботов не станут больше поддерживать Шермана, ты займёшь его место? — спросил я прямо, скептически

подняв левую бровь.

— Место здесь ни при чем! — глаза Дэва резко налились кровью, — я хочу вновь быть одним из лучших! Среди людей, а не роботов.

«И я хочу, Дэв, поверь, очень хочу. Различия между нами только в том, что мне такой шанс представился. Тебе — нет» — подумал я, а вслух ответил:

— Так кто же тебе мешает? Знаешь, чем лучшие отличаются от остальных? Они никогда умышленно не проигрывают. Я доведу дело до победы.

— Томас, как ты можешь? — ноздри Дэва гневно расширились, — ты предаёшь нас всех: своих коллег и друзей! Мы ненавидим роботов, они наши враги! Как ты можешь их поддерживать? В твоих руках возможность всё изменить, а ты ею не пользуешься!

— Да вот как раз я и собираюсь ею воспользоваться.

— И чего ты добьёшься? Ты будешь как экспонат в музее — тебя будут фотографировать, говорить о тебе, недолго. Не более. И всё. В судах будут роботы. Ты будешь безработным в скором будущем. А отмени роботов — и от дел не будет свободного времени. Вот там и покажешь, что ты лучший. Не здесь, Томас.

— Если ты уйдешь сейчас, Дэв, наш разговор останется только между нами и о нём никто не узнает.

— Смотри, не пожалей о своём решении! — Дэв вышел, хлопнув за собой дверью.

Я мог его понять. Он руководствовался своими личными мотивами. Я поступал так же. Это дело — было моим первым шансом за всё время вернуть себе авторитет. Стать первым среди людей-адвокатов. Второй подобный шанс такого размаха мне не подвернётся никогда. Я должен был сделать всё, чтобы выиграть.

Я продолжил работу, а потом у меня родилась идея.

Ещё позднее, когда все люди уже лежали в своих постелях, отдыхая после тяжелого рабочего дня, я встретился с шефом полиции, своим другом Джеймсом Филмором. Когда я подъезжал на своей машине, к обусловленному месту, он уже ждал меня, опёршись о капот своего джипа, поставив ногу на бампер.

— Тебе я вижу, не спится, — ухмыльнулся Джеймс, — и другим не даёшь.

— Зачем тратить время на сон, если можно использовать его с большей пользой.

Мы стояли у обочины шоссе. Изредка мимо проезжали машины, освещая нас светом фар.

— Расскажи мне о Тиме Кенвуде, — моя просьба была не совсем законной, для такой информации существовала пресс-служба полиции, но там, где есть дружба — граница между дозволенным и запрещённым становилась очень тонкой и прозрачной, и её можно было пододвигать в нужную вам сторону.

— Ну и создал нам проблем этот робот. Конечно, спасибо ему большое, мы задержали этого ненормального. Представь себе, Томас, это действительно он. Серийный маньяк... Я думаю это ты уже узнал из пресс-отчёта. Но мы оказались в дурной ситуации — пока не можем посадить Тима, не можем начать суд по его многочисленным убийствам, потому что правосудие остановлено. Мы нашли все доказательства его виновности. Ранее он никогда не оставлял следов, а тут — при обыске его дома мы нашли фотографии. Представь себе, он всегда делал три снимка — первый, пока человек живой, до нападения. Всегда фотографировал скрытно, до того, как вступить в контакт с жертвой. Второй снимок — на каждом из них женщины и девушки сфотографированы обнажёнными, все в синяках и

царапинах, плачущие, кричащие, страдающие. Третий снимок — после убийства. Безголовые трупы. Он эти фотографии коллекционировал. В этой коллекции был и один снимок — той студентки, в ночном клубе он запечатлел её до того, как подошёл знакомиться. Он собирался сделать очередное плановое убийство, но тогда ему помешали, и он попытался представить всё в таком свете, словно и не нападал на неё. Это дело и попало в суд, на котором его сдал робот. Но по этому делу полиция тогда не стала обыскивать его дом — всё выглядело как обычная мелкая ссора в ночном клубе между пьяной и подкатившим к ней кавалером. Но после суда и записи... Мы обыскали дом. Кроме снимков мы нашли шкатулку, в которой лежало по одной вещи каждой убитой. Он забирал их и коллекционировал. Этот псих — один из самых опасных маньяков страны за последние годы. И теперь мы не можем ничего с ним сделать. Ни посадить, ни не дай Бог отпустить. Если засадим, то защитники прав человека нас штурмом возьмут — обвинён незаконно, все процедуры нарушены, требования законов не учтены, законного суда по его преступлениям не было, а человека лишили права на защиту и устроили самосуд. А с другой стороны нас преследует остальная часть общества, которая требует немедленной расправы над убийцей, или чтобы мы посадили его в тюрьму, не дожидаясь суда. Как это так — он убил двадцать одного человека, а мы не можем его посадить. Некоторые люди боятся, что мы его отпустим. Но самое неприятное — с нами связываются родственники и друзья погибших. Ох, что они говорят и как тяжело им объяснять, что мы пока ничего не можем сделать с Кенвудом. Он псих, которому и смертной казни мало. Когда на протяжении этих четырех лет мы находили тела, они все были обезглавлены. Мы не смогли найти ни одной головы. Этот ублюдок не признается, что же он с ними делал, куда дел и зачем, самое главное. Я же могу понять всех этих родственников, которые нам звонят... Но что я могу сделать? Ты знаешь, что завтра у здания суда планируется митинг?

— Слышал, — кивнул я, а затем добавил, — могу я использовать эту информацию завтра в своей аргументации?

— Для этого нужно, чтобы она попала к тебе официально.

Я подошёл к машине, открыл дверь и достал из бардачка лист бумаги.

— Вот мой запрос.

— Отлично, тогда завтра с утра я приду на работу пораньше. Я приму твой запрос. Официальный ответ придёт до начала суда.

— Спасибо, мой друг.

Я видел, что Джеймс обеспокоен чем-то ещё.

— Тебя что-то волнует, о чём ты не сказал?

— Понимаешь... Четыре года, пока совершались убийства... Есть версия, не основная... Вернее — была версия, что убийца действовал не сам. А сейчас я всё больше о ней задумываюсь.

— У него был сообщник?

— Я не могу этого утверждать, но некоторые вещи косвенно указывали, что их двое. То, как жертву заманивали, расправлялись с ней. Кенвуд не создаёт впечатление человека, который мог самостоятельно столько времени водить полицию за нос, настолько умело совершая все свои злодеяния, идеально заматывая следы. Но последнее покушение в ночном клубе он совершил в одиночку. И был пойман. Если учесть, что во всех остальных убийствах ему помогал сообщник и им удавалось скрываться, то когда Тим действовал один, его поймали.

— Вдруг его слили?

— Вот именно. Мне непонятна ещё одна вещь. Как снимок девушки, который он сделал в ночном клубе, до покушения, оказался в коллекции у него дома? Если он был задержан? Если только он за два часа, которые прошли между временем, когда он сделал фотографию, и когда подошёл к ней, он не мог распечатать фото, отвезти его домой и вернуться обратно. Хотя хрен его знает, возможно он так и сделал, например, передумал нападать, а потом дома, решил довести дело до конца. Не знаю. У психов нет логики. В любом случае никаких следов сообщника мы не нашли.

— Стоит заметить, что и самого Тима вы нашли по счастливой случайности. Хотя всё может быть. Когда орудует серийный убийца, полиция в неведении и приходится прорабатывать все версии, чтобы максимально расширить поиск.

— Ещё одно. На некоторых снимках, которые были у него в коллекции, вторых снимках — когда жертва избита, но ещё жива, в кадре есть рука, в перчатке. Она держит жертву. Расстояние от объектива такое, что сфотографировать второй рукой, именно таким образом сфотографировать, очень сложно. Не могу сказать, что это невозможно, но чертовски сложно. Зачем так изворачиваться для снимка? Поменяй немного ракурс и не будет проблем.

— Ты думаешь, ему кто-то помогал фотографировать?

— Не знаю. Он мог прибегнуть к помощи некоторых приспособлений для съёмки. Но всё равно ракурс выглядит странным. Хотя вполне возможным.

— Теперь Кенвуд пойман. Дальше распутывать клубок будет легче. Я уверен, ты в итоге разберешься в чем собственно всё дело состоит.

Проехал грузовик, заглушая дальнейшие слова.

Мы постояли какое-то время в молчании, после чего я сказал:

— Хочешь посмеяться — Дэв Куман, Заместитель Главы Ассоциации, думал, что ему удастся убедить меня проиграть дело.

— Все преследуют только свои интересы, — Джеймс вздохнул.

— Тем более среди адвокатов-людей.

Мне оставалось всего несколько часов для сна, и я был намерен воспользоваться какой-никакой, но возможностью отдохнуть, хотя бы немного. Вопреки моим ожиданиям, я не отрубился как только моя голова коснулась подушки. Слишком много событий за один день. Честно говоря, я уже и отвык от такого, хотя получал невероятное удовольствие вновь оказаться втянутым в пучину судебного разбирательства, которое ещё даже не началось, но механизм работы в нём уже был запущен мною и разгонялся всё больше и больше на протяжении всего дня.

Я встал с кровати, зашёл на кухню, открыл дверцы мини-бара, достал бутылку медового виски и налил себе в стакан. Раскачал его в руке. Напиток оставлял маслянистые потёки на гранях, колыхаясь внутри стакана. Я сделал глоток.

Интересно, где сейчас Она? Я сделал ещё один глоток. Мы не общались уже долгое время, и я даже не знал, что с Ней, чем Она занимается, сама ли Она спит в этот поздний час в постели или с кем-то её делит. Давно этих мыслей не было у меня в голове. А ещё давнее только они у меня в голове и были. Глоток. Должно быть Она узнала из новостей, что я буду вести это дело.

— Томас, — громко сказал я вслух, и мой голос разрезал тишину пустой квартиры, — никому ничего не доказывай. Только себе. Иди к своей цели. Не упusti своего шанса. И

главное. Никому. Ничего. Не доказывай.

Я прислушался к своим собственным словам и уважительно кивнул, словно этот парень знал о чём говорил. Ещё одним глотком я опустошил стакан и поставил его на стол. С каждой минутой на кухне я терял драгоценные минуты сна. Я мотнул головой, усмехнулся, прошёл к своей кровати и заснул.

— С вами корреспондент Сэм Тоддс, специально для экстренного выпуска теленовостей, я веду трансляцию под зданием суда, где через двадцать минут должен начаться наиболее громкий и важный процесс за последнее десятилетие.

Ведущий говорил на громких тонах, перекрикивая шум толпы, которая оцеплённая полицией, заполнила практически всё пространство улицы до подхода к суду. Люди всех возрастов и профессий, стояли и скандировали различные лозунги, согласно своим убеждениям. Транспаранты, сотни плакатов и табличек, крики и сотрясающие воздух кулаки, — создавалось впечатление хаоса.

Камера переключилась на вид сверху. Съёмку вели с борта вертолёт, который кружил в небе над судом. Количество людей не поддавалось подсчёту — десятки тысяч человек. А то и более. Отсюда это было ещё лучше видно.

Камера вновь переключилась на Сэма Тоддса. Держась рукой наушника, а другой, сжимая микрофон, он продолжил:

— Сегодня здесь собрались сторонники самых противоположных взглядов, с разных сторон доносятся противоречивые друг другу требования. Люди со многих городов страны приехали сюда, чтобы выразить свою гражданскую позицию.

Корреспондент махнул рукой оператору, призывая следовать за ним, и подошёл к линии ограждений, за которой полная женщина в очках и с кудрявыми волосами, попав в телеобъектив, перестала кричать.

— Скажите, пожалуйста, почему вы здесь? — задал вопрос Сэм и поднёс микрофон к женщине.

— Знаете, я хочу, чтобы этот робот не сел за решетку, понимаете, он сделал доброе дело, на руках того убийцы кровь стольких людей, если бы не робот, он дальше бы убивал и каждой женщине стоило бояться за свою жизнь, а он остановил это! Он...

— Спасибо большое! — Сэм пошёл дальше вдоль ограждения, а люди, мимо которых он проходил, что-то кричали в камеру, но из-за того, что делали это одновременно, ничего было не разобрать, кроме отдельных обрывков фраз.

Корреспондент остановился у старого дедушки, который прищурился и облизывал губы.

— Каковы ваши требования?

— Я хочу, чтобы этих треклятых роботов убрали подальше, чтоб навсегда от них избавиться, они лишь портят нашу жизнь, как можно им верить? Скоро они поработят нас, если их не остановить...

Телекамера поплыла дальше. Молодой парень, стараясь попасть в объектив, перевалился за ограждение половиной туловища и затараторил:

— Я люблю роботов, я их обожаю, я их фанат! Слава роботам!

Следующая остановка у мужчины в деловом костюме:

— Почему вы пришли сегодня сюда?

— Потому что я теперь не чувствую, что система правосудия меня защищает. Со

вчерашнего дня каждый оказался вне зоны безопасности, нет никаких гарантий соблюдения прав человека в суде, а фундаментальное право каждого на защиту так вообще растоптано и нивелировано!

Далее остановилась камера на маленькой девочке, сидевшей на руках у отца, который улыбаясь, смотрел то на дочь, то в объектив. В миниатюрном кулачке был зажат флаг страны:

— Милая, как ты относишься к роботам?

Она начала говорить с большим волнением, тщательно проговаривая каждое слово:

— Роботы — это хорошо. Когда другие плохие дяди нечестно обвиняли моего папу — робот ему помог и доказал, что папа — хороший. Теперь папа со мной и с мамой. Если бы робот папе не помог, мы остались бы с мамой одни. Я, когда вырасту, буду помогать делать хороших роботов!

Стоящая рядом женщина, выпучив глаза, как рыба во время нереста, заорала в камеру низким басом:

— Я хочу выйти замуж за робота!

Далее Сэм направился к юной девушке, которая с безразличным взглядом смотрела куда-то перед собой, а когда увидела, что телеобъектив направлен на неё, встрепенулась.

— Что вы здесь делаете? — задал вопрос Сэм, поднеся к девушке микрофон.

Та замаялась на несколько секунд, её взгляд стал колючим, как сорванная роза, и перед тем, как ответить, она вздохнула:

— Моего брата посадили в тюрьму схожим образом, с нарушением процедур, и дело не пересмотрели. В тюрьме он покончил жизнь самоубийством. Да, он не был хорошим человеком, но заслуживал честного суда. Все мы этого заслуживаем.

Далее на тот же вопрос отвечал мужчина лет пятидесяти, в джинсах и белой футболке без надписей:

— Да пришёл посмотреть на всё это. Никакого отношения я не выражаю. Просто любопытно, то что происходит в суде — то же и на улице вокруг, вон как люди себя ведут, орут, безумствуют, точно, что животные, и они говорят о каких-то высоких вещах и идеалах. Мы получили таких роботов, каких заслуживаем.

Ограждения уходили в стороны, создавая разрыв в толпе по обе стороны, чтобы создать проход от дороги к суду. В этот момент подъехало несколько автомашин. Из них вышли люди, а с людьми вышел и робот. Все они направились ко входу.

— Внимание, появился сам подсудимый, робот-адвокат Триал Кей Ю!

Журналисты бросились к ним, но Сэм Тоддс был первым, на ходу подставляя микрофон к роботу, едва не ударяя им по механической голове:

— Чего вы ждёте от сегодняшнего процесса?

Триал слегка повернул голову и ответил:

— Чтобы никто не пострадал и не пострадает из-за моего решения.

— Отойдите, пожалуйста, мой подзащитный больше не будет давать комментариев, — сказав это, я аккуратно, но с силой, отодвинул журналиста рукой.

Толпа словно взбесилась, когда мы появились. Люди орали, кричали, смеялись, требовали, умоляли, просили, угрожали — и всё это в одном едином потоке голосов. В нашу сторону что-то полетело, и об голову Триала разбился помидор. Полиция по бокам стояла плотными рядами, не давая никому прорваться. Миновав этот своеобразный коридор, мы зашли в суд. Двери за нами закрылись, и все звуки мира вмиг стали значительно тише. Я

подал роботу свой платок, и он вытер брызги и остатки от пущенного кем-то овоща.

— Не сказать, чтобы это было унижительно, — заметил он, — но такое бессмысленное распоряжение продуктами...

Зал был заполнен. Сидячих мест на всех не хватило и люди толпились у выхода и вдоль стен. Журналисты, лидеры общественных организаций, политики — здесь были все. В том числе и мистер Скотт Шерман и его заместитель Дэв.

Судья Морган — чернокожая женщина, шестидесяти лет. Конечно, последние годы она не была судьёй, а находилась в судебном резерве, работая преподавателем в колледже, ведь всех людей заменили роботы-судьи. Сегодня ей предстояло вспомнить свою работу десятилетней давности. Но она лишь вела заседание. Итоговое решение по сути дела было за судом присяжных заседателей, в количестве 12 человек.

Мы с Триалом проследовали на своё место. Через проход справа от нас расположился государственный обвинитель: Кларисса Ричардсон. Высокая и худая, с острыми, тонкими чертами лица, она напоминала стервятника, одетого в дорогой строгий костюм, желающего, чтобы вскоре здесь появилась падаль в виде отвергнутой системы роботов и было чем поживиться. Её возраст — около пятидесяти пяти лет. Но следила она за своей внешностью отменно, потому навскидку можно было отнять лет семь-восемь. Это если ей льстить.

Судебный процесс по делу TRIAL-KU начался. Атмосфера, царившая в зале, была неповторима. Напряжение, томное ожидание, страх и ненависть — словно начинался Страшный Суд, и каждый представитель рода людского должен был дать перед ним ответ. Но за столом сидел не Господь Бог, а судья Морган, гремели не молнии, а скромные удары молотка, а судили даже и не человека вовсе. Потому сперва прошли процедурные формальности, а затем Кларисса выступала с речью, которой доводила суть обвинений против робота-адвоката:

— Робот-адвокат модели и серийного номера TRIAL-KU, на судебном заседании по делу Тима Кенвуда, будучи его законным представителем и защитником, публично уличил своего подзащитного в совершении преступления, в котором тот обвинялся. Также он обвинил его в совершении других преступлений, в количестве двадцать одного, обнаружив аудиозапись конфиденциального разговора со своим клиентом. Таким образом, робот-адвокат модели и серийного номера TRIAL-KU обвиняется в грубом нарушении положений закона об адвокатуре и профессиональной этики, а также закона о конфиденциальности информации, полученной при исполнении профессиональных обязанностей. Адвокат ни в коем случае не должен раскрывать информацию, относящуюся к представлению клиента, если только на это не было согласия клиента. Строго запрещено обнародовать информацию, которая несёт клиенту вред или ущерб. Адвокат обязан соблюдать профессиональную тайну, под которой подразумевается любые сведения из бесед с клиентом или другая информация, которая в связи с исполнением своих обязанностей, стала адвокату известна. Адвокат не вправе занять позицию, отличающуюся от позиции своего клиента. Адвокат должен придерживаться и доказывать позиции обвиняемого клиента, в суде не признающего своей вины. Признание виновности своего клиента — это абсолютное и грубейшее нарушение основоположного права на защиту. Сторона обвинения требует признать робота-адвоката TRIAL-KU, по чьей вине была совершена грубая ошибка правосудия — несостоятельным и непригодным для продолжения своей профессиональной деятельности и наложить запрет на дальнейшее функционирование программы всех роботов-адвокатов в судах, как таковых, которые не могут справляться со своими функциями. Спасибо.

Когда Кларисса вернулась на своё место, по залу прошёлся оживлённый шёпот. Судья призвала всех к молчанию. Настала моя очередь.

Я вышел к трибуне присяжных заседателей и несколько мгновений молчал. Когда все взгляды нетерпеливо устремились ко мне я начал:

— Чувствуете ли вы благодарность к этому роботу? — я медленно провёл рукой в сторону Триала, и сделал паузу, — родственники и друзья убитых Тимом Кенвудом чувствуют. Ошибка правосудия — это не то, о чём говорит госпожа обвинитель. Ошибка правосудия — это роковой момент, когда глобальная и абсолютная справедливость не достигнута. Мы подменяем ценность хороших и плохих поступков. Наша правовая система поощряет ложь. Мы все должны лгать, что считаем, будто TRIAL-KU виновен, потому что нарушил требования закона. И мы должны лгать, когда говорим, что он не должен был так поступать с убийцей, который четыре года терроризировал жителей всей страны, с убийцей, который оборвал двадцать одну жизнь. Вот фотографии, которые он коллекционировал, — я начал перебирать стопку распечатанных снимков, присланных утром мне на электронную почту Джеймсом Филмором, на которых были запечатлены жертвы Тима Кенвуда, — И мы должны лгать, когда говорим, что этот убийца был несправедливо лишён права на защиту. Если бы TRIAL-KU не совершил этого, а защитил убийцу, тот вышел бы на свободу. И мы должны лгать, когда говорим, что это было бы правильно. Но мы должны, потому что наша правовая система поощряет ложь.

Я сделал паузу. В зале стояла гробовая тишина.

— Но я лгать не буду. Да, я признаю — мой подзащитный, TRIAL-KU, отошёл от предписаний адвокатской этики. Сделал он это ради этики более весомой — общечеловеческой. Да, он нарушил статьи законов, озвученных стороной обвинения. Но он — не виновен. В ходе судебного процесса я докажу вам это.

Я вернулся за стол к Триалу. Присяжные заседатели перешептывались друг с другом.

— Вам повезло, что здесь нет робота-судьи, — Триал наклонился ко мне и голос из динамиков на его шее звучал очень тихо, — после вашего вступления в его памяти ничего не осталось бы. Только люди могут воспринимать такую воду. Но похвально, я вряд ли сказал бы лучше.

— Сочту это за комплимент в свою сторону.

— Ну, если вы в них нуждаетесь...

Судья Морган вызвала выступить приглашённого эксперта — главного инженера-программиста корпорации Justice-Tech, производящей роботов-судей и роботов-адвокатов.

Его отчёт занял три часа, прописанный до деталей и скрупулёзных подробностей, главным смыслом которого было — поломка или системная ошибка в работе были исключены на процессе производства. Система не могла дать сбой. Те же результаты показала и последующая диагностика TRIAL-KU, которую проводили ещё вчера утром.

Далее с вопросами к эксперту обратилась Кларисса Ричардсон.

— Основной вес утверждениям TRIAL-KU о виновности Кенвуда придала аудиозапись их разговора. Скажите мне, пожалуйста, такую вещь — зачем робот изначально производил запись беседы с клиентом, заведомо не зная, о том, что тот произнесёт изобличающие его слова.

— В последнем ежегодном отчёте корпорации Justice-Tech перед Советом Правосудия, в параграфе 108, было указано о нововведении — роботы-адвокаты ведут постоянную аудио фиксацию всех окружающих их явлений.

— Значит, они нарушают конфиденциальность общения с клиентом в каждом случае предоставления своих услуг? — подвела итог Кларисса.

— Не спешите с выводами. Эта информация хранится в закодированном виде в течение двадцати четырёх часов на внутреннем блоке памяти лишь того робота, который произвёл запись. В конце каждого дня робот анализирует правильность алгоритмов своих действий в каждой отдельной ситуации, внутренне прослушивая запись. Выполнив анализ, в котором описаны лишь коды ситуаций и ответные коды действий, робот стирает всю аудиоинформацию, и она уже никогда не будет доступна ни в каком виде. После этого робот отсылает результат анализа своих алгоритмов в Центральную Операционную Систему Justice-Tech, которая в обратном направлении сразу же посылает роботу сигнал о правильности его алгоритмов. Центральная система не сохраняет в памяти алгоритмы робота. Это сделано для самоконтроля и с целью недопущения каких-либо сбоев. Ни на одном из этих этапов информация, в каком бы ни было виде не доступна ни одному человеку — ни одному работнику Justice-Tech, даже Директору.

— Вчера робот отправил алгоритмы насчёт правильности своих действий?

— Мы провели его диагностику, которая не показала неполадок в его процессоре.

— Но я спросила не об этом. Отправил ли он для сверки алгоритмы?

— Да, как и всегда он их отправил.

— И каков был ответ системы?

— Я не могу вам этого сказать.

— Вы скажете сейчас, что это конфиденциальная информация и коммерческая тайна?

— Нет. Всё проще. После остановки всего правосудия в стране и до решения данного судебного разбирательства, Центральная Операционная Система Justice-Tech переведена в спящий режим, потому даже когда TRIAL-KU отправил алгоритмы, а это было уже после взятия его под стражу, ответа он не дождался.

— Выглядит, как попытка скрыть результаты, — заметила Кларисса.

— Протестую, — подскочил я, — это не вопрос, а субъективное суждение стороны обвинения.

— Принято, — ответила судья Морган.

— Хорошо, — Кларисса перефразировала, — являются ли такие манипуляции с центральной системой попыткой скрыть от суда результаты сверки алгоритмов и получения оценки правильности действий TRIAL-KU с точки зрения центральной системы?

— Нет, — главный инженер-программист отрицательно покачал головой, — это обязательные требования норм безопасности для того, чтобы в режиме ожидания у роботов не происходили сбои. Все роботы до окончания данного судебного процесса переведены в режим ожидания. Кроме TRIAL-KU.

— У стороны защиты есть вопросы? — судья Морган обратилась ко мне.

В принципе, они у меня были. Но я понимал, что не всегда стоило получать ответы на свои вопросы без ущерба для своих интересов. Единственная информация, которая могла сыграть мне на руку — это ответ, что в работе на основоположном уровне заложен принцип служить людям, который он и избрал, сдав Кенвуда. Но чтобы дойти до этого ответа, нужно было пройти через первый вопрос: «Что заложено в робота-адвоката». Ответ однозначный — «Защита своего клиента». Лишь потом я мог задать вопрос, что заложено в более фундаментальном плане. И получил бы второй ответ, который меня устраивал. Но тогда выходило бы, что робот пренебрёг своим первым принципом — а это само по себе было

несуразицей.

— Вопросов нет.

Со стороны обвинения был вызван известный профессор — бывший законодатель, один из учредителей закона об адвокатуре и профессиональной этике. Он дал толкование всем статьям, которые нарушил робот и рассказал с точки зрения научной доктрины, почему эти принципы так важны.

— Очень грамотно рассказывает, всё по сути, — тихо заметил TRIAL-KU, — вы должны не соответствовать, а переплюнуть их, мистер Томпсон, брать намного выше.

Следующим судья Морган вызвала свидетеля от меня, со стороны защиты.

— Как вас зовут? — спросила судья.

— Метью Синрайз.

Ему было двадцать семь лет, и он полностью осознавал ответственность за дачу ложных показаний.

— Пять лет назад я проходил потерпевшим по делу о грубом нарушении правил дорожного движения. Меня сбила машина, и вина полностью лежала на водителе. Осмотр в государственной поликлинике не выявил серьёзных повреждений. За судебной защитой я обратился к человеку, потому что тогда сугубо психологически я не проявлял доверия к роботам. Мой адвокат убедил меня в целесообразности пойти на мировое соглашение — серьёзных травм у меня не было, и чтобы не отправлять человека в тюрьму, я мог получить для себя материальную выгоду. По условиям нашего договора с адвокатом, он должен был получить процент от суммы, которая прописывалась в мировом соглашении. Я не возражал. Тогда адвокат, стараясь выбить лучшие условия для меня, и, соответственно, для себя, заказал частную медицинскую экспертизу, может она выявит ещё что-то. Так и произошло, но результаты превзошли его ожидания, и он засомневался — исходя из присланного он увидел, что у меня обнаружена абдоминальная травма, которая, в будущем могла перерасти в инвалидность. И что вы думаете? Он скрыл результаты от меня, поскольку понимал, что таким образом я отвергну мировое соглашение, и буду настаивать на тюремном заключении для виновного, потому что я принципиальный человек и деньги для меня не играют главной роли! Тогда адвокат лишился бы части прибыли. Соглашение было заключено, а через три месяца, когда я хотел поступить на службу в армию, на проверке у меня обнаружили данную травму. Но по закону мировое соглашение пересмотру не подлежит! Адвоката не привлекли к ответственности, более того, он практикует и по сей день. Хотя он создал реальную опасность для моей жизни, и действовал против интересов своего клиента. Больше я не доверяю людям-адвокатам, если придётся, я с радостью обращусь к роботам.

Случай был красноречивым. Я знал о нём, и знал адвоката, который так поступил. Его звали Трейс Уикман. Он действительно практиковал и по сей день, но дела, которые он вёл, свелись к минимуму.

Когда парень закончил рассказывать о своём печальном опыте сотрудничества с человеком-адвокатом, с вопросами к нему выступила Государственный Обвинитель.

— Вы говорите, что вы принципиальный человек и деньги не играют для вас большой роли, мистер Синрайз.

— Да, мэм.

— Что вы подразумеваете в контексте своей истории под принципом и деньгами?

— То, что если бы я узнал о таком вреде для своего здоровья, то ни за что не согласился бы на соглашение, а из принципа настоял бы на том, чтобы виновный водитель понёс

наказание за своё преступление.

— Я вас поняла, — Кларисса Ричардсон расхаживала взад-вперёд возле трибуны со свидетелем, — для вас бы было важно, чтобы виновный водитель понёс наказание за своё преступление, это и был бы ваш принцип. Теперь скажите мне, до момента, как вы узнали о вреде для своего здоровья, и после того момента, изменилось ли преступление водителя?

— В смысле, я не пойму, — замешкался Мэтью.

— В том смысле, что преступление было совершенно, и согласно вашим словам, о принципиальности, изначально вы не хотели, чтобы виновный понёс наказание? Почему же вы тогда согласились на мировое соглашение?

— Протестую, — поднялся я, — государственный обвинитель давит на свидетеля.

— Удовлетворено, — кивнула судья Морган.

— Тогда у меня всё, — Кларисса направилась к своему месту.

Свидетель удалился, и я взял слово, чтобы озвучить свои выводы:

— Для начала я хочу прояснить для всех слова госпожи Государственного Обвинителя насчёт моего свидетеля. Да, преступление было совершенно и Мэтью узнал о вреде для здоровья многим позже. Но мы говорим о разных преступлениях, поскольку наезд на человека без тяжёлых травм для него, и наезд на человека, вследствие которого нанесён тяжёлый вред здоровью — это разные преступления, и за второе предусмотрено более тяжкое наказание. При наличии преступления лёгкой тяжести Мэтью пошёл на мировую, за тяжкое — не пошёл бы. Вот что свидетель имел в виду под своей принципиальностью.

— Протестую, — поднялась Кларисса, — адвокат стороны защиты приводит свои домыслы, не подтверждённые словами свидетеля.

— Удовлетворено, — кивнула судья Морган.

Пускай, главное, что присяжные меня слышали. Я продолжил:

— И вновь мы видим, насколько наша правовая система несовершенна. Адвокат создал угрозу жизни своего невиновного клиента, действовал вопреки его интересам, преследовал лишь свои корыстные мотивы — и вышел сухим из воды. Мой подзащитный действовал не ради себя, а в интересах всего общества, когда уличил безусловно виновного серийного убийцу. А теперь я хочу, чтобы каждый задал вопрос сам себе — виновен ли TRIAL-KU? — я сделал паузу, а затем ответил, — Нет.

Когда время приблизилось к четырём часам дня, судья объявила перерыв до завтрашнего утра.

— Мне ждать вас сегодня в гости? — спросил Триал, когда я собирал свои вещи.

— Разумеется, отдохну немного, пообедаю и заеду в полицейский участок через час.

— Спасибо, что предупредили.

— У тебя были другие планы? — я усмехнулся.

— Ну, мне есть чем заняться. Например, мне нравится сидеть в камере и просчитывать всевозможные алгоритмы побега из неё. Просчитав триста двадцать девять вариантов, я понял, что семь из них могут претендовать на успех.

— Ты что с ума сошёл? — скривился я.

— Интересно, вы думаете, что роботам присущи психические расстройства? Хотите сыграть на этом во время завтрашнего слушания? Что робот невменяем? Гм... Нельзя быть уверенным наверняка. Что если вдруг я начну слышать голоса в голове, а на деле это окажутся ответы Центральной Операционной Системы? Или раздвоение личности — я буду считать себя и роботом-адвокатом и роботом-заключённым? Или депрессивный невроз,

потому что вы вгоняете меня в депрессию тем, что не понимаете шуток.

— Когда мы закончим дело, я подарю тебе книгу «1000 анекдотов на все случаи жизни». Поможет выйти из депрессии.

— Лучше запишите её на флэшку. Только смотрите, чтобы на ней вирусов не было, не дай Бог подхвачу. Придётся идти к робо-венерологу. Шучу.

Я пообедал, а после этого поехал в управление полиции. Там я провёл ещё два часа, работая над завтрашним поведением Триала в суде. Завтра я буду задавать ему вопросы, и он точно должен знать, что будет отвечать. Когда мы закончили, время близилось к вечеру, и я уехал, потому что должен был сделать кое-что ещё до заката.

По дороге я включил радио. Выступающий как раз высказывал свои мысли:

— Интересная у нас сложилась ситуация. Если откинуть все формальности, то мы видим беспрецедентный случай, когда государственный обвинитель отстаивает правила адвокатской этики, рассказывает, как должен правильно действовать адвокат и почему это важно, а также порицает содействие стороне обвинения. И в это же время, с другой стороны зала, сам адвокат оправдывает в наших глазах нарушение правил поведения адвокатов и убеждает в правильности содействия обвинению.

Я улыбнулся. Так ведь, по сути, и было. Затем улыбка сошла с моего лица, словно снег на сковородке, который испарился, и вы даже не заметили момента, когда он вначале превратился в воду. Чем ближе я подъезжал к месту своего назначения, тем тяжелее было у меня в груди, словно нечто внутри внезапно превратилось в свинец.

Я подъехал к пропускному пункту и остановился перед шлагбаумом. Из будки ко мне вышел охранник.

— Добрый вечер, я Томас Томпсон, я записывался. К Лизе Томпсон.

Какое-то время охранник проверял сказанное мною в своей базе данных, затем сказал, что всё хорошо, и чтобы я проезжал. Шлагбаум поднялся, и я въехал на территорию Государственной лечебницы строгого режима № 3.

Длинные коридоры. Свет ламп. Тяжесть внутри. Лица зрителей. Мои поджатые губы. Двери. Плитка. Внутренний двор. Вздох. Двери. Коридоры. «Да, Мистер Томпсон, вы на пятнадцать минут ранее, но проходите, сейчас её приведут». Комната. Стул. Ожидание. Тяжесть внутри.

Когда её ввели внутрь, я встал и шагнул навстречу.

— Томми, — ласково сказала она и протянула ко мне руки, касаясь моего лица, а улыбка её светилась, и была одновременно доброй и смиренной, как на ликах святых.

— Мама, — прошептал я и обнял её.

Санитар остался стоять в комнате, отведя свой взгляд и упершись им в нечто несуществующее в какой-то части пространства, но не той, где стояла мать и где стоял её сын.

— Присаживайся, мама, — я отодвинул ей стул, и она села, а свой я подвинул к ней, и сел совсем рядом, — как ты?

— У меня всё хорошо, сегодня они не говорили со мной, — на её лице была счастливая улыбка, — они не говорят в те дни, когда ты приезжаешь, чувствуют.

С последнего раза, а был он не так давно, на её лице словно прибавилось морщин, а глаза впали ещё больше, а вокруг них растекались жестокими кляксами тёмные круги.

— Как ты себя чувствуешь?

— Руки чешутся, свербит в тех местах, где уколы делают, — пожаловалась она, — а они ещё постоянно мне говорят, почеши, почеши, знают ведь, что я не могу в рубашке, и специально говорят, — сказав это, она начала сосредоточено чесать свои руки.

— Ела что-нибудь сегодня?

— Да, да, — закивала она, — они молчат, когда ты приезжаешь, и я ем. Все рады, что не нужно меня кормить силой, — она посмотрела на санитаря и заулыбалась, а он, словно и не замечал, всё так же сосредоточено высматривал нечто в какой-то точке пространства.

— Мне тебя не хватает, — вздохнул я и взял её за руки.

— Ну чего ты, сынок, я же с тобой, — она перевернула ладони и теперь мои руки были в её, но так продлилось несколько секунд, и она забрала свои руки, — чешется очень, — объяснила она и принялась чесать ноги.

Санитар неудовлетворенно покосился на нас.

— Мам, не нужно, они опять заставят надевать рубашку на наши встречи.

— О-о-о, — протянула она, словно вспомнила нечто очень важное и перестала чесаться, поморщив лоб.

— Гуляла?

— Ага, знаешь с таким милым молодым человеком познакомилась, его звали Стив. Стив Макбарен, или Стив Макгарен... Не помню. Он мне такие истории интересные рассказывает.

— Он тоже живёт здесь?

— Не знаю, — возмущённо развела она руками, — то живёт, то не живёт. То здесь, то не здесь. Поди пойми. Скажи мне, как дела на твоей работе?

— Всё успешно мам.

— Как Лэндон?

— У него тоже всё хорошо.

— А твоя женщина? Как её зовут... Напомни...

— Да, и у неё всё хорошо.

— Чудесно! — мечтательно выдохнула она и вновь принялась чесать руки.

Я сидел и смотрел на неё.

И я был маленьким мальчиком, а передо мною была молодая женщина в расцвете сил, которая заходила домой с горой пакетов в руках и спрашивала, что же у неё есть для меня? А я подходил и брал пакеты у неё из рук, но не заглядывал внутрь, а с предвкушением смотрел на неё. Она целовала меня в нос, говорила, чтобы я поставил пакеты на пол и начинала доставать свои гостинцы. И были там разноцветные конфеты, батончики, шоколадки. И говорила, чтобы я не ел всё сразу, а только после ужина. Бывало, в пакете я находил нового солдата, который она купила у торговца старьём на соседней улице. И всегда я восхищённо взирал на свои дары, едва не пища от радости.

Я сидел и смотрел на неё.

И я был маленьким мальчиком, а передо мною была молодая женщина, которая выходила из двери здания в котором работала на второй работе, поздно ночью, и в замерзающих руках на морозе пересчитывала только что полученный аванс на Рождество, радуясь, что хватит на подарки, которые хотел её сын, и не заботясь, что не останется ничего для неё самой.

Я сидел и смотрел на неё.

И я был маленьким мальчиком, а передо мною была молодая женщина, которая вела

меня за руку после окончания соревнований по карате, и говорила, чтобы я не плакал из-за синяка под глазом, ведь я мужчина, а на неё были устремлены десятки взглядов, когда она шла по улице, и я не понимал, почему все так смотрят, но понимал, что она была самой красивой на свете. А некоторые подходили и делали комплименты, но она лишь улыбалась задорно и непреступно, и улыбка её сшибала тех, кто делал комплименты, и они так и стояли, не способные дальше сдвинуться с места или заговорить вновь.

Я сидел и смотрел на неё.

И я был подростком, а передо мною была молодая женщина, которая выслушивала от директора школы многие неприятные вещи о своём сыне, но не кивала в ответ, а сметала директора шквалом слов, словно пулемётной очередью, защищая своего сына, не давая никому даже заикнуться плохо о нём, ведь перед всеми её сын всегда был прав, а остальные не правы, а дома отчитывала меня, когда вечером мы были одни в квартире и кот тёрся о наши ноги, а я опускал взгляд и мне было стыдно.

Я сидел и смотрел на неё.

И я был молодым парнем, а передо мною была молодая женщина, которая ставила мне, приехавшему в гости, разнообразные блюда, и первое, и второе, и десерт, и чай, и фрукты, и ещё, а я с довольной ухмылкой смотрел на всё это и принимался уплетать за обе щеки, наслаждаясь вкусом пищи, возносившимся в самое детство, беззаботное и полное любви и заботы, ведь теперь я учился в университете, и забот у меня было полным-полно.

Я сидел и смотрел на неё.

И я был молодым парнем и держал под руку свою невесту, стоя у алтаря, ожидая заветных слов священника, который совершит то, ради чего собрались мы все, гости, друзья и родственники, а позади сидела молодая женщина с радостью смотря на меня и на мою будущую жену, и с грустью одновременно. Но грусть та была не от того, что сын уже повзрослел, а потому что она понимала, что сын делает неправильный выбор, и это не его женщина рядом с ним, и что они скоро расстанутся. Но она и намёка не делала на это, ни слова не говорила, не желая влиять на выбор сына, уважая его выбор, хотя зная, что будет дальше.

Я сидел и смотрел на неё.

И я был взрослым мужчиной, а передо мною была старая женщина, которая чесала свои руки и ноги, взглядом блуждая где-то далеко, но точно не здесь.

— Мне пора, мам, — я встал и поцеловал её в лоб.

— Томми, будь осторожен, — сказала она, и я вышел.

Я был зол, я был разочарован, но не чем-то конкретным, а всем, что существовало в мире в принципе. Несколько минут я сидел в своей машине, двумя руками держа руль, затем я закурил, успокоился, завёл автомобиль и уехал.

— Для дачи показаний вызывается TRIAL-KU, — огласила судья Морган.

Шёл второй день слушаний. Я давил на человеческие чувства, играл с эмоциями присяжных, использовал всё своё ораторское мастерство. Кларисса действовала, опираясь на требования законов, необходимости следования им, и её аргументы так же звучали убедительно.

Робот прошёл за трибуну.

— Когда Тим Кенвуд рассказал вам о своих преступных деяниях, к каким выводам вы пришли в тот момент? — спрашивал я, расхаживая по залу.

— Я достоверно узнал, что он — наиболее опасный для общества человек из всех, которых я встречал.

— Могли ли вы доказать в суде его невиновность?

— Да, у обвинителя были слабые доказательства, а у меня была просчитана линия аргументации, согласно которой я мог увести Тима Кенвуда из суда как такого, чья вина не была доказана.

— Так почему же вы этого не сделали?

— Если бы он вышел на свободу, он смог бы скрыться. Наученный своей ошибкой, он бы стал действовать более осторожно, ведь когда его поймали он получил новый опыт — как не следует делать, чтобы быть пойманным. После его выхода на свободу, возможно, трупы стали бы находить уже в ближайшем будущем. Вновь без следов, без зацепок.

— Вы понимали, что нарушаете принципы адвокатской этики?

— Да, я это понимал.

— Понимали ли вы последствия таких действий?

— Да, я просчитал все предположительные последствия через секунду после того, как у меня зародилось решение поступить таким образом.

— Какие последствия вы просчитали?

— С долей вероятности в 94 %, что надо мной состоится судебный процесс.

— Просчитали ли вы возможные итоги такого процесса?

— Сразу же. Это потенциальное закрытие программы роботов и нашу последующую утилизацию.

— И вас это не заботило? — я повернулся к присяжным и развёл руки, изображая недоумение. Внимание присяжных было приковано к нам. Они старались не пропустить ни слова, досконально понять рассуждения робота.

— Меня не должны волновать такие вещи как сохранность своего существования, когда угроза нависает над человеком. Первичная цель моего создания — служить людям. Заботиться, чтобы общество было безопасным и справедливым. Моё решение — если за спасение в будущем десятков жизней от жестокого убийцы, который безнаказанно выйдет на свободу, цена — утилизация роботов, так тому и быть.

— Спасибо, у меня всё, — я последовал на место.

На середину зала вышла Кларисса Ричардсон. У неё были свои вопросы, которыми она желала развеять тот эффект, который остался после ответов Триала.

— Предвидели ли вы закрытие программы роботов после своего поступка?

— Да.

— Почему вы взяли на себя такую ответственность единолично, за решение судьбы всех роботов?

— Роботы — ничто по сравнению с человеческой жизнью. Если бы все роботы подлежали утилизации в обмен на одну жизнь человека, я бы выбрал без раздумий. В пользу человека.

— Как по вашему мнению — принесла ли программа роботов-адвокатов пользу нашему обществу?

— Безусловно.

— Но вы всё равно приняли такое решение, хотя предвидели закрытие программы, которая приносит пользу. Значит, вы не думали о пользе для общества?

— Если вы сами утверждаете, что эта программа приносит пользу, тогда зачем её

закрывать? — вопросом на вопрос ответил Триал.

— Вы же сказали, что предвидели её закрытие? — дёрнула бровью Кларисса.

— Я не могу предвидеть. Я могу лишь просчитывать с помощью математических формул возможные варианты развития событий.

— Был ли для вас вариант закрытия программы наиболее лучшим развитием для общества, если вы думали о его пользе?

— Я знаю позитивное изменение статистических данных после введения программы.

— Понимаете ли вы, что в случае закрытия программы, на места роботов вновь придут люди?

— Да.

— Значит, приняв такое решение, вы думали, что для общества такой вариант судебной системы будет лучшим?

— Я не компетентен в вопросах, что для общества лучше, а что нет. Это должны решать сами люди, чем мы сейчас и занимаемся. Только люди могут знать, что для них лучше. Если человек будет чувствовать себя более защищенным, когда доверит защиту своих интересов и жизни в суде такому же человеку, а не роботу — значит, люди должны отменить программу роботов-адвокатов, госпожа Обвинитель.

Я ехал по узким боковым улицам, минуя центральные дороги, на которых сейчас стояли километровые заторы. Стрелка бензина была практически на нуле, и мне нужно было заехать на заправку, но в час-пик это означало потерять пол часа драгоценного времени, которое и так было у меня в дефиците. Заправлюсь после посещения полицейского участка.

Когда Триала завели в комнату для встреч, он заговорил первым:

— Сегодня, возможно, вам удалось склонить некоторых на свою сторону. Но наступит завтра, и здравый смысл, подогреваемый Клариссой, вновь возымеет верх над эмоциями.

— Тогда мы вновь склоним их на нашу сторону.

— Это прошло вчера, прошло сегодня. Но нельзя быть уверенным, что пройдёт и завтра. Это все-таки суд, а не разговоры на бытовом уровне, где можно манипулировать сознанием как хочешь, отрицая очевидные данные. Вы будете переливать одно и тоже содержимое в одних и тех же бокалах? Люди, вы считаете, не поймут? Нужно что-то серьезнее.

— Для этого нам сейчас и нужно думать над дальнейшей позицией.

— Мистер Томпсон, если мы будем смотреть лишь на возникшую проблему, мы проиграем это дело. Нужно копать глубже.

— Объясни, что ты имеешь в виду.

— Нужно подумать, как можно было избежать той ситуации.

— Когда ты вопреки требованиям законов, заложенных в тебя, сдал своего подзащитного?

— Вы мыслите слишком поверхностно. Исходим из того, что мне пришлось это сделать. В вашем сознании, картинка происходящего, словно в двухмерном изображении. Так её видят все — то, что нарисовали в суде, люди только так и воспринимают. Но создайте из этого трёхмерное изображение, дорисуйте сами недостающие декорации. Трёхмерный образ вы сможете прокрутить со всех сторон, а не только сверху. Вы загляните за объекты и увидите за ними новые детали.

— Ну-ну, так чего же ты ждешь, помоги мне это сделать, умник, — в моём голосе звучал нескрываемый сарказм.

— Вы постоянно взываете присяжных увидеть несовершенство нашей правовой системы, мол, это она виновата в том, что возникла такая ситуация. Это хорошо, но эта система — всё, что мы имеем. И возникшая ситуация — закономерное следствие и результат системы. Такая система не могла привести ни к чему другому.

— Значит, мне нужно дать людям альтернативу, — начал понимать я, к чему клонил Триал, — и тогда они нам поверят.

— Именно! Нужно мыслить широко. Если наша система могла привести лишь к такому результату, а результат для нас неправилен, значит нужно поспособствовать, чтобы в головах у людей возник образ системы, при которой такие ситуации, в которой оказался я не возникали бы. Нарисуйте идеальный образ, для вас это не должно быть сложностью.

— Почему ты так считаешь?

— Потому что вы любите идеализм. Вы наслаждаетесь совершенством. Вы сами говорили это, когда объясняли свою позицию по роботам. Вы считаете, что роботы — это идеальные адвокаты.

— Ты прав.

— Тогда покажите, что идеальный робот оказался заложником неидеальной системы. И каков из этого выход? Пути два. К чему лучше идти? В какую из сторон? Сделать робота неидеальным, чтобы он соответствовал системе? Или сделать систему идеальной, чтобы она соответствовала роботу? Где будет большее благо?

— Вот, точно. Тут ты прав. Это отличная идея. Выйду и скажу: «Эй, смотрите, этот робот — само совершенство, он чертовски хорош для вас, похотливых, неотёсанных и примитивных созданий. В чём сегодня его вина, в том, что вы тупы? Да вы его просто не заслуживаете, потому он и поступает как ему вздумается. Это вы виновны в том, что он здесь обвиняемый.

— Знаете, а вот в этом уже есть какой-то здравый смысл, — заметил Триал.

— Именно, мой дорогой клиент, вот в чём прелесть суда людей. Иногда, чем бредовее мысль, тем убедительнее она для человека звучит.

— Развейте её дальше. Давайте окончим встречу, не хочу вам мешать. Думать вам придётся одному, я вам не помощник. Созидать в уме что-то новое — это сугубо человеческое качество.

Я работал в своём кабинете, который находился в здании Ассоциации. Большая часть сотрудников уже закончили все дела и разъехались по домам. На своём восьмом этаже остался только я. Дверь в коридор была приоткрыта, свет практически нигде не горел (я выключил его, когда все ушли), меня освещал только монитор компьютера, где я прописывал завтрашнюю речь. В пепельнице дымился окурочок от только что погашенной сигареты. По правилам Ассоциации мы не могли курить у себя в кабинетах, но, когда тех, для кого эти правила создавались, не оказывалось рядом, я пренебрегал такими правилами.

Раздался характерный звук женских каблуков. Я отодвинулся в сторону, но глаза не могли привыкнуть к темноте, чтобы разглядеть, кто же там был. Когда человек вошёл ко мне в кабинет я включил тусклую настольную лампу.

— Здравствуй, Томас, — сказала она.

Скарлетт. Она работала государственным обвинителем уже пять лет. Выглядела эффектно — высокого роста, аккуратные каштановые волосы, стрижка каре, которая выглядела уместно практически в любой ситуации. Миловидное лицо с притягательными

глазами. Ей не было и тридцати лет. Мой кабинет наполнил тонкий аромат её духов.

— Скарлет? Привет, скажу честно, не ожидал твоего визита.

Мы не раз сталкивались с ней в залах судов. Несколько раз ужинали вместе, но дальше ресторанов дело так и не шло. Мы не виделись уже полгода. На ней было платье на бретельках из грубого материала, доходившее ей чуть ниже колен. Совсем не официальный вид. Значит цель её визита была иной.

— На тебе сейчас такая большая ответственность, ты ведешь столь важное дело, я решила зайти и проведать старого друга.

Друга? Ну-ну.

— А почему не позвонила? Я бы убрал в кабинете, видишь, какой у меня беспорядок.

— Захотела сделать сюрприз.

Лучшим сюрпризом для меня была бы новость, что все присяжные на моей стороне. А каким образом твой визит мог послужить сюрпризом, если и наш последний ужин закончился не самым удачным образом (не по моей вине, разумеется), я представить не мог. И конечно, не стал произносить этого вслух.

— Очень рад тебя видеть. Включи свет, вон там на стене переключатель.

— Не хочу нарушать твою атмосферу, — она присела на стул передо мной и закинула ногу за ногу, — как идет дело? Какие ощущения?

— Ответственность большая, ты права, — ответил я, и добавил мысленно: «Перед собой, чтобы не подвести себя и вновь оказаться на вершине».

— От тебя сейчас многое зависит. Все новости только и посвящены этому процессу. Всё общество взволновано, людей интересует результат суда, для многих он невероятно важен.

— И для тебя тоже, мисс государственный обвинитель?

— Разумеется! Он меня очень волнует. Если роботов-адвокатов отменят, я буду несказанно рада, как и многие коллеги. Знаешь, я проиграла восемь дел из последних десяти, где моими оппонентами были роботы-адвокаты. И так у многих. Проигрываем мы не потому, что клиенты роботов невиновны, а потому что роботы-адвокаты не имеют изъянов. В отличие от нас, людей, они безукоризненно знают свое дело, и из-за их совершенства, многие из виновных оказываются оправданными. Конечно, Кларисса не будет заявлять это в суде, чтобы не сгубить авторитет государственной машины, но это так. Иногда мы не можем найти все улики, иногда не можем прийти к правильным выводам, имея доказательства, иногда мы упускаем какие-то детали, и роботы пользуются этим. Они идеальны, они знают всё, а мы — нет.

Говоря это, она подошла к двери и плавным движением захлопнула её. Затем направилась ко мне, и на последних словах оказалась совсем рядом, вплотную, и добавила:

— У тебя есть такая возможность. Ты можешь помочь всем нам, помочь себе, снова сделать нашу жизнь нормальной.

Она едва провела рукой, и вроде бы не коснулась платья, но одна бретелька съехала с её нежного острого плеча. Время замедлилось, часть платья медленно заскользила вниз, и оказалось, что Скарлетт была без бюстгалтера. Верх платья сполз ровно настолько, чтобы частично обнажить молодую, упругую, соблазнительную грудь.

— Ты можешь помочь всем, — говорила она, и голос был томным, — доведи дело до финала, в котором робота обвинят.

Она взяла мою руку и приложила её к стройной талии, а затем повела вниз к своим ягодицам.

— Добейся отмены системы роботов, — слова звучали с придыханием.

Я поднялся со стула и притянул Скарлетт к себе. Мы слились в долгом поцелуе. Своей рукой я ласкал её бёдра, спину, шею. Её формы приходились мне по вкусу.

Я взял её прямо на своём рабочем столе.

А когда мы закончили, она, поднявшись, и поправляя свое платье, с игривой улыбкой спросила:

— Теперь тебе будет не так обидно проиграть этот процесс, верно?

Я улыбнулся ей в ответ:

— С чего ты взяла, что я собираюсь его проигрывать?

Улыбка исчезла с её лица. Теперь в глазах читалось недоумение:

— Что ты такое говоришь? Я же только что переспала с тобой!

— Я подумал, что ты специально хотела приободрить меня перед завтрашним судом.

— Что?!

— Если бы я тебе отказал — жалел бы до конца жизни, и поверь, тут было бы, о чём жалеть, — я ухмыльнулся, окинув её взглядом с головы до ног, — И ты сама отдалась мне. Я же тебе ничего не обещал.

— Ублюдок, мать твою! Козёл недоделанный, — взбесилась Скарлетт, бросившись на меня, размахивая кулаками, — ты обошёлся со мной как с какой-то шлюхой!

Я поймал её руки в воздухе, и, сблизившись на расстояние дыхания, тихо прошептал:

— Скарлетт, ты не права, — она на секунду замерла, а я продолжил, — шлюхи за это берут деньги.

Я отпустил её руки, и она, вся разъярённая, в одночасье превратившись из соблазнительной девушки в смертоносную мегеру, отпрянула.

— Я не сделал ничего такого, чего не дала бы сделать с собой ты сама. Ты проигрываешь дела не потому, что роботы идеальны, а потому что ты не умеешь играть. Никогда не выкладывай все свои карты, не дождавшись ответной ставки.

— Да пошёл ты! Не зря у нас с тобой ничего не сложилось! Я таких мерзавцев за миллчую!

— Как видишь, сложилось, — я улыбнулся.

Она вылетела из моего кабинета словно пущенная стрела, хлопнув за собой дверь, едва не сорвав её с петель.

Я, переполненный новых сил и энтузиазма, продолжил работу. Скарлетт мне очень помогла. Её слова, в совокупности с советами Триала родили новую идею.

— Здравствуйте, дорогие слушатели! Сегодня у нас, в утреннем выпуске новостей в гостях Боб Лорен, глава общества «Мы против роботов». Приветствую тебя, Боб!

— Привет, Мэтт.

— Расскажи, пожалуйста, нашим слушателям о своих взглядах. За что борется ваша организация?

— Вся нынешняя модель правосудия — это вымысел. Фикция. Реальная суть происходящего — мега корпорация Justice-Tech получает десятки миллиардов долларов ежегодно на государственных заказах, а огромное количество политиков довольны своими откатами за продвижение интересов роботов. Вспомните, введение программы роботов сопровождалось невероятными по размаху манипуляциями общественного сознания. Была создана искусственная конструкция. Но она не могла существовать вечно. То, что мы видим

сегодня — это её крах. Я не вижу ни одной причины, по которой роботы должны остаться в будущем.

— Ну так давай же, приведи нам свои аргументы, — сказал я вслух радиоприёмнику, следуя на своей машине в суд.

— Рад видеть вас в хорошем расположении духа, — заметил TRIAL-KU, когда мы сидели за столом перед началом заседания.

— А ты подмечаешь, да? Тебя таким чувственным Justice-Tech сделал или тюрьма?

— В любом случае к этому были причастны люди.

— Ко всему в мире причастны люди, кроме дела Тима Кенвуда и его адвоката.

Шёл третий день слушаний.

— Где черта между ложью и умалчиванием? Где черта между умалчиванием и молчаливым согласием? Когда мы умалчиваем, что наша система несовершенна, не лжём ли мы сами себе? С молчаливого согласия всех нас она продолжит иметь изъяны, вследствие чего всё наше общество будет страдать и далее, — я говорил выразительно, в нужных местах делая паузы, а в нужных — ускоряя свою речь, где-то завышал голос, где-то понижал его, — и я вновь говорю с абсолютным убеждением: данный случай показал лишний раз насколько наша система устарела, и насколько она требует срочных мер и реформ. В чем суть нашего спора? В том, что робот-адвокат взял на себя обязанности обвинителя. Но почему он это сделал? Ибо видел, что обвинитель не справляется. Обвинитель был не способен доказать вину, а мы все убедились, что вина Кенвуда на самом деле была великой и безоговорочной. Но обвинитель не справился. Из-за этой ошибки обвинителя, убийца продолжил бы цепочки убийств по всей стране. Но это было бы не только на ответственности обвинителя. Поговорим о полиции. Наша доблестная полиция, расследуя это дело, не смогла найти достаточное количество улик, чтобы доказать факт покушения Кенвуда на студентку в ночном клубе. Она их не нашла потому что их не было? Как их могло не быть, если это было не просто покушение, а очередное систематическое убийство, которое должно было стать двадцать вторым! И полиция будет утверждать, что не было достаточных улик? Или они их упустили? Так же, как упустили все четыре года? Я имею наглость утверждать, что полиция была недостаточно хороша. Сколько есть ещё таких дел, которые они не могут раскрыть? И за каждым может стоять очередной Тим Кенвуд. Некоторые дела раскрываются, некоторые нет. Отчего это зависит? От профессионализма полиции. Есть лучшие детективы, но их немного. Есть обычные детективы, а есть откровенно слабые. А теперь давайте на секунду представим — все полицейские были бы лучшими.

Я сделал паузу, и прошёлся через весь зал, остановившись перед присяжными, и продолжил:

— Обвинение утверждает, что действия робота — ошибка. Нет. Я не согласен. TRIAL-KU идеален. Он настоящий профессионал своего дела, лучший, чем любой из людей. Это не нас говорит наша не идеальность, когда мы утверждаем, что он был не прав. Потому что мы бы так не смогли — взять на себе ответственность и спасти невинные жизни. А берёт ли на себя ответственность полиция за всё двадцать одно убийство Кенвуда? Нет. Но это ответственность только полиции и больше никого! Непрофессионализм полиции и обвинения поставил TRIAL-KU в ситуацию, когда он должен был разгрести чужие ошибки допущенные людьми. Или вы хотите сказать, что если бы Кенвуд, убийца двадцати одной девушки, вышел бы на свободу — это не было бы ошибкой? Именно наши ошибки поставили TRIAL-KU в ситуацию, когда он должен был решать — следовать дословно требованиям

закона, который создан, чтобы защищать людей, или напрямую защитить людей своими действиями. Он выбрал второе. Так чья же это вина? Его вина? Не его. Это наша с вами вина. Наша вина, что мы, люди, не смогли максимально эффективно выполнить свою работу, свои обязанности. Из-за нашего непрофессионализма TRIAL-KU — подсудимый.

Я окинул взглядом зал. Мистер Шерман, Глава Ассоциации, внимательно смотрел на меня, гадая — конец ли это речи, или будет продолжение. Я пошёл далее:

— Давайте подумаем с вами, как такую ошибку можно было не допустить. Люди полицейские не справились. Это факт. Человек обвинитель не справился. Это второй факт. Человеческий мозг не способен хранить в себе одновременно большие объемы информации и прорабатывать все возможные варианты развития событий. А для раскрытия сложных дел — это необходимо. А теперь представим, что было бы, если на месте полицейских, которые четыре года безрезультатно расследовали серийные убийства Кенвуда, оказались роботы.

Мне удалось сбить всех в зале с толку. Люди были удивлены.

— Если бы эти роботы обладали совершенными познаниями в физике, химии, криминалистике, баллистике, трасологии, криминологии и в прочих других науках. Если бы они имели встроенные анализаторы спектров зрения — инфракрасные, тепловые, ультрафиолетовые. Если бы они на месте могли проводить с максимальной точностью все виды экспертиз. Если бы у них был мгновенный доступ ко всем камерам в окрестностях места происшествия. Если бы они не теряли ни секунды на все эти действия, и делали их в одиночку, когда у людей требуется целая команда, чтобы провести хотя бы половину. Представьте, сколько преступлений можно было бы избежать, и как быстро бы преступники оказывались за решёткой. Если бы это были роботы-полицейские.

Я замолчал, давая время людям осознать сказанное мною, и продолжил:

— Роботам не нужен отдых, они реагируют мгновенно и могут работать сутки напролёт. В таком случае, Тим Кенвуд был бы пойман сразу после первого убийства. А может и на стадии лишь только покушения. И все его жертвы были бы живы. А в суде не возникало бы ситуаций, при которых вина человека существует, но непрофессионалы не способны её доказать. И это не означает лишение человека права на защиту. Госпожа Кларисса говорит абсолютно верно. Право на защиту и беспристрастное отношение к себе должен иметь каждый вне зависимости от тяжести своего поступка. Но если человек виновен, он не должен избегать наказания. Виновному всё равно предоставляется защита, его адвокат должен бороться за строгость наказания, за его срок, отстаивать наиболее приемлемые условия для подзащитного. Но! Виновный бы не выходил на свободу и не совершал новых преступлений, чувствуя абсолютную безнаказанность и молчаливое согласие всех. В чём смысл правосудия? В неотвратимости наказания. Именно это и только это должно сдерживать многих потенциальных преступников от совершения ужасных вещей. Но если они будут знать, что совершат преступление, а затем робот-адвокат оправдает их, потому что люди, расследующие преступления, не способны найти достаточно доказательств, то что будет сдерживать таких людей? Неотвратимость правосудия? Совсем нет.

Я вновь сделал длительную паузу, а затем привёл статистику:

— Сравним. С введением роботов-судей доверие со стороны людей к Суду как государственному органу возросло на шестьдесят восемь процентов. Быстрота и эффективность судебного процесса возросла на семьдесят пять процентов. Судебные ошибки уменьшились на сто процентов. С введением системы роботов-адвокатов количество оправдательных приговоров возросло на тридцать процентов. Доверие клиентов к своим

адвокатам возросло на сорок шесть процентов. Доступность правосудия возросла на девяносто три процента — теперь все слои населения могут позволить себе услуги лучших адвокатов, потому что стоят они копейки, в отличие от предыдущих расценок у людей. У меня тоже, признаюсь, — в зале рассмеялись, — Я не могу даже вообразить, как возросли бы безопасность общества, доверие общества и уровень законопослушности и правопорядка, после внедрения программы специального подразделения роботов-полицейский. И как возросло бы качество правосудия, если бы вместо людей-обвинителей, здесь стояли роботы-прокуроры.

Я проследовал к своему месту. Люди в зале задались аплодисментами и принялись вставать со своих мест. Не все, но большинство. Присяжные начали активно переговариваться друг с другом и что-то записывать в свои бумаги.

— Вы произвели на меня впечатление, мистер Томпсон. Если бы я умел чувствовать, мне было бы приятно после ваших слов о нашем народе роботов, — пока Триал говорил, судья Морган призывала всех к порядку и тишине в зале суда, — возможно, что заслужено вас считали в свое время лучшим из лучших.

На аналитическое политическое телешоу пригласили специального гостя — Вице-Директора корпорации Justice-Tech, Люка Германа. В креслах друг напротив друга сидели ведущий и его собеседник, повернувшись к телеобъективу.

— Люк, как вы можете прокомментировать сегодняшнюю речь Томаса Томпсона в зале суда? Она подняла широкие обсуждения во всем обществе, — сказал ведущий.

Камера крупным планом остановилась на Люке Германе.

— Ник, ты абсолютно правильно выразился, — Люк, придавая должного эффекта своим словам, сделал движение указательным пальцем, — широкое обсуждение в обществе. Томас не высказал ничего такого, о чём не думали бы все мы. Но он первый, кто набрался смелости заявить об этом во всеуслышание. Эффективность программы роботов-судей и роботов-адвокатов налицо. И каждый из нас начинает невольно задумываться — они ведь профессионалы, чёрт возьми, роботам можно доверять. А вот способен ли мой сосед полицейский так же исполнить свой долг? Чувствую ли я себя в безопасности? Регулярные опросы среди граждан показывают, что те не удовлетворены работой органов полиции, многие люди не чувствуют себя защищенными. И это проблема. А сомневались бы вы в работе, основной задачей которого с создания являлась бы защита каждого человека?

— Люк, — камера теперь показывала лицо ведущего, — скажи, пожалуйста, а вообще это возможно? Конечно разговоры — всегда хорошо. Но если брать реальность, возможно ли фактическое создание таких роботов, о которых говорил мистер Томпсон?

— Да, Ник, да! — камера вновь перевелась на Люка Германа, — это возможно! И более того, мистер Томпсон когда размышлял о функциональных характеристиках роботов исходил лишь из своего воображения и домыслов. На деле же всё ещё лучше! Наши технологии не только позволяют реализовать все идеи мистера Томпсона, а и продвинуться вперёд, оснастив полицейских роботов начинкой, которая позволит раскрывать преступления за считанные часы.

Камера показывала студию крупным планом, ведущий заявил:

— Об этом, дорогие телезрители, мы расскажем вам после небольшого перерыва!

Когда я приехал вечером в управление полиции, Джеймс Филмор встретил меня с

угрюмым лицом.

— Тим Кенвуд умер.

— Что? Как умер?

— Просто умер. Ни с того ни с сего.

— Разве такое возможно?

— Не знаю. В полицейских тюрьмах, естественно, возможно всё, что угодно... Но клянусь, мы тут ни при чём! Он был абсолютно здоровым человеком. Вскрытие не обнаружило никаких проблем, причина смерти не установлена.

— Как-то это странно.

— Томас, странно, это когда я завариваю себе чёрный чай, а в пакетике оказывается зелёный вместо него. Странно, это когда жена вечером мне не даёт, какого чёрта тогда замуж выходила. Странно, это когда коп из жалости не выписывает штраф бедному, а тот затем подаёт жалобу, что коп не исполняет свои обязанности. А это не странно, это чёртова хрень, когда здоровенный мужик, копыта отдал в одиночной камере без участия кого-либо. Словно сам Сатана явился ночью по его душу и умертвил, желая поскорей забрать такое чудовище к себе в Ад, где ему и самое место.

— Хорошо, — кивнул я, — не странно. Необъяснимо? Или всё же ты способен это объяснить?

— Я могу лишь делать предположения, которые и так очевидны для всякого, кто обладает хотя бы толикой интеллекта даже отдалённо похожего на человеческий. Его убили. Не знаю, каким способом, и кто это сделал. Охранники, повара, уборщики, тараканы, клещи, пришельцы, экстрасенсы, призраки убитых им девушек или кто-то ещё. Возможно, ему яд подсыпали, хотя вскрытие никакого яда не обнаружило, а мы все яды знаем.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

— Но ты же говоришь, что он был в камере один.

— Конечно! Во-первых, мы засунули этого подонка в самую маленькую камеру, где никто даже не поместится другой, ему и самому места маловато было. Думаю, когда управление строили, архитектор не предполагал, что в той камере кто-то додумается содержать заключённого. А вообще посади его с кем-то, и любой, даже самый отъявленный уголовник, удушил бы его, узнав о его прошлом. Он был сам в камере, круглосуточно под нашим наблюдением. Он без нашего ведома ни разу не пёрднул и не подрочил. И потому я не знаю каким образом он сегодня спонтанно сдох.

— Туда ему и место.

— Я же с этим не спорю, вот только проблем прибавилось. Пресса ещё не знает. Виновного найти не удалось, и что я им скажу? Может: «Уважаемые, расходимся, проблемы больше нет. Почему нет? Да Кенвуд просто скопытился. Как это случилось? Да чёрт его знает, бывает в жизни такое, что поделаешь», — Джеймс говорил это наигранным голосом, а затем уже серьёзно добавил, — это лишнее подтверждение твоих слов.

— Каких?

— О нашем непрофессионализме.

— Брось, Джеймс.

— Зачем ты так? Все полицейские — это люди. И мы делаем всё, что в наших силах, чтобы оберегать каждого члена общества. Мы жертвуем своими жизнями каждый день. Когда мы уходим на работу, жены не могут быть уверенны, что мы вернёмся вечером. И ради чего это? Говоря, ты задел каждого из нас. Ты поднял бучу. Теперь каждый обсуждает твоё

предложение. Мне уже начинать собирать свои вещи из кабинета, на случай, если робот займет моё место?

— Джеймс. У меня не было намерений опорочить доброе имя полицейского.

— Но у тебя это вышло.

— Я должен выиграть это дело. Любые доводы, которые мне помогут — я буду использовать. После всего ты должен понимать, как никто другой — я намерен выиграть любой ценой. Кто как не ты должен знать, как серьёзно я настроен.

Позже вечером Джеймс Филмор, шеф городского управления полиции, стоял у своего джипа на обочине автострады. К нему подъехал чёрный тонированный седан. Задняя дверь открылась. Джеймс подошёл, посмотрел внутрь, огляделся по сторонам и сел.

— Здравствуй Джеймс, — седовласый мужчина протянул для приветствия руку, на пальцах которой блеснули два массивных золотых перстня.

— Здравствуй, Лучано, — ответил Джеймс, — пришло время вернуть долг.

Лучано Дамброзио был главой крупнейшего в городе мафиозного клана. Если в городе что-то было нелегально — можно было с уверенностью заявлять, что Дамброзио стоит за этим.

— Он зашёл слишком далеко. Обратного пути уже нет.

— И что ты хочешь, Джеймс, чтобы я сделал?

— Один выстрел может всё решить. Это будет выглядеть как заказное убийство. Можешь ли ты оказать мне такую услугу, в уплату старого долга?

— В уплату старого долга могу.

— Это должен быть профессионал. Промах исключен, он должен будет попасть прямо в цель.

— У меня есть такие люди.

— Всё должно выглядеть в нужном нам свете. Я знаю, кто может помочь. Дэв Куман — заместитель Главы Ассоциации людей-адвокатов.

Одинокие машины проезжали мимо. Джеймс Филмор вышел на улицу, дверь за ним закрылась, и седан, не включая света фар, медленно тронулся, скрывшись в темноте. Джеймс сел в свой джип и поехал в другую сторону.

Ещё позднее, в неприлично дорогом ресторане, который закрывался, только когда последний клиент решал уходить, двое мужчин беседовали за столиком. Мистер Лучано Дамброзио, отец городской мафии и мистер Дэв Куман, заместитель Главы Ассоциации людей-адвокатов.

— Я удивлён, что вы позвонили мне в столь поздний час, — сказал Дэв. Он чувствовал себя неуютно, рядом с таким человеком.

— Давно мы с вами не виделись. С тех пор, как роботы заняли ваши места.

— Да, когда-то вы были моим любимым клиентом, — Дэв нервно улыбнулся.

В зале кроме них двоих больше посетителей не было. Подошёл официант и разлил в два высоких бокала отменное вино. Лучано и Дэв вели неспешную беседу. Дэв слегка расслабился. Ровно до того момента, как Лучано Дамброзио сказал:

— Я о том, что, если убрать его с арены, это может решить все ваши вопросы. Я говорю об убийстве.

— Так радикально? Я, конечно же, хотел, чтобы он отошёл от дел, с таким-то подходом

к делу, но, чтобы столь крайняя мера...

— Такие нынче времена, мистер Куман, требуют от нас суровых мер, иначе мы останемся за бортом, а корабль уплывет. А мы же с вами привыкли стоять у руля этого корабля.

— Дайте подумать.

— В свете всего это будет выглядеть не как заказное убийство. Когда общество разделилось на противоборствующие и ведущие полемику лагеря, покажется не слишком подозрительным, если кто-то вдруг не совладевает с эмоциями и убьёт его, считая виновником всего.

— И подозрения не упадут на меня!

— Именно. Но нам нужно обезопасить и себя и вас. Устранение такой видной цели будет стоить крупную сумму.

— Но таких денег у меня нет.

— А я и не говорю о ваших деньгах. Деньги должен заплатить Глава Ассоциации, Скотт Шерман.

Когда бокалы собеседников опустели, подошёл официант и наполнил их вновь.

— Я вас услышал. Теперь мне нужно всё обсудить с мистером Шерманом. Я думаю, мне удастся его убедить.

— А теперь, — мистер Дамброзио отодвинул свой стул и встал, — я вынужден откланяться.

К столу подошёл мужчина низкого роста, в черных брюках и белой рубашке с коротким рукавом.

— Это Артуро, — представил подошедшего мистер Дамброзио, — вы с ним обсудите детали.

— История не терпит сослагательных наклонений. Не может быть никаких «если», — рассуждала Кларисса Ричардсон, расхаживая перед трибуной присяжных, — мы с вами не жёлтая пресса, которая может в вольной форме рассуждать о возможных вариантах и выдвигать гипотезы что могло быть, если бы всё было по-другому. У нас нет такой возможности. Мы не на телевизионном шоу, где можно вести полемику, пренебрегая всеми имеющимися фактами. Это не соответствует статусу данного места. Мы не сенаторы, чтобы обсуждать, как улучшить жизнь людей в будущем, это не наша компетенция. Мы не законодатель, чтобы обсуждать законы и пути их совершенствования. Это не наша задача. Мы находимся в суде, и мы должны решать конкретный спор, на основании законов, которые мы имеем. Законов, которые действуют в данный момент и которые были нарушены. Я стою здесь перед вами и утверждаю, что робот не мог сдать серийного убийцу. Некоторые называют меня бессердечной, циничной. Придержите свои выводы. У меня есть дети. Когда они выходят на улицу гулять и приходят хотя бы на минуту позже, чем говорили, моему сердцу не спокойно. Когда они не берут трубку моя душа уходит в пятки. Я бы сама хотела удушить своими руками Тима Кенвуда. Но не всегда я могу делать то, что хочу, и не всегда то, что я делаю мне нравится. Но я профессионал, именно поэтому государство доверило мне право обвинять от его имени. Что значит правосудие? Судить по праву. Не по эмоциям, не по нашим чувствам. А по праву. По законам. Законы — краеугольный камень, на котором зиждется современная цивилизация. Робот-адвокат пренебрег ими. Государство доверило ему роль защиты. Колоссальная ответственность. Он пренебрёг этим. Он взял на

себя роль обвинителя. Робот пренебрёг государством, которое выстраивалось столетиями и улучшалось для нас с вами. Улучшалось для того, чтобы каждый чувствовал себя защищенным. Века сверхчеловечной работы, которая создала наше общество привели к тому, что робот сам решает кем ему быть, он ставит себя выше закона, который предписывает его поведение, он ставит себя выше людей, которые договорились между собой, что такие законы должны действовать и таков порядок вещей обязателен для каждого. Он ставит себя выше государства, которое определило ему роль в системе правосудия и обязало придерживаться её. Действия TRIAL-KU нарушают не только адвокатскую этику, но и ставят под угрозу общественные догмы. Если мы в суде — воплощении законности, будем пренебрегать законами, какой же мы пример подадим людям? Подорвем доверие людей к законам. Чему следуют люди — то роботу не указ.

Я сидел в кафетерии со своим приятелем — журналистом, который уже восемь лет работал на одном из крупнейших телеканалов, пользовавшимся неплохой репутацией среди зрителей. Я протянул на стол руку, и когда убрал — на салфетке лежала маленькая флэшка.

— Здесь всё, о чем ты мне говорил? — спросил он, засовывая флэшку в карман.

— Да. Я хочу, чтобы ты обнародовал. Это поможет и тебе и мне. А также подогреет интерес среди людей.

— Условия как всегда?

— Да. Полная анонимность. И не забудь изменить голос, чтобы ко мне потом не было никаких вопросов.

— Договорились, — он встал и достал бумажник.

— Я угощаю.

— Оправдав Тима Кенвуда, адвокат помог бы ему в последующих преступлениях, — размышлял я в зале суда, — Разве адвокат должен был рассказать, как Кенвуду уйти от следствия, как избежать тюрьмы, как скрыть улики, как сделать так, чтобы нападение на девушку в ночном клубе не было связано с его предыдущими убийствами? Судья оправдал бы его, а тот вышел на свободу, и уже наученный лазейкам в законах, стал бы ещё лучшим убийцей, ещё более неуловимым, используя советы адвоката. Помогая убийце, робот стал бы соучастником преступления намного серьезнее, чем тот поступок, который совершил. Где та грань, между консультацией клиента насчёт юридических аспектов его деяния с одной стороны, и рекомендации по совершению преступных действий, с другой? Помогая избежать наказания, TRIAL-KU сам стал бы помощником серийного убийцы, и его роботизированные руки могли бы оказаться в крови будущих жертв.

— Эту запись нам передали на условиях анонимности, — вещал диктор выпуска теленовостей, — Слова, что вы услышите, принадлежат одному из государственных обвинителей. Мы изменили голос, чтобы говоривший остался неузнанным. Мы не ставим своей целью обличить кого-то, а приводим вам для размышления очень занимательные высказывания.

Включилась запись, и голос, намеренно искаженный до неузнаваемости, стал говорить:

«Если роботов-адвокатов отменят, я буду очень рада, как и многие коллеги. Знаешь, я проиграла восемь дел из последних десяти, где моими оппонентами были роботы-адвокаты. И так у многих. Проигрываем мы не потому, что клиенты роботов невиновны, а потому что

роботы-адвокаты не имеют изъянов. В отличие от нас, людей, они безукоризненно знают свое дело, и из-за их совершенности, много виновных оказывается оправданными. Конечно, Кларисса не будет заявлять это в суде, чтобы не сгубить авторитет, но это так. Иногда мы не можем найти все улики, иногда не можем прийти к правильным выводам, имея доказательства, иногда мы упускаем какие-то детали, и роботы пользуются этим. Они идеальны, они знают все, а мы нет».

Да, я вёл запись нашего разговора со Скарлетт. Да, я делал скрытую аудиофиксацию всех разговоров, которые происходили у меня в кабинете, чтобы позже использовать их в своих интересах. Был ли я подонком? Да. Но я был чертовски умным подонком, который ни перед чем ни остановится ради своей цели. Все методы были для меня хороши. Манипулировал ли я общественным сознанием? Я хотел, чтобы слова Скарлетт начали обсуждать, заговорили о них на каждом углу. И не важно, поверят ли люди им или посчитают подделкой. Важно, что они внутренне с ними согласятся. Присяжные, я надеялся, тоже.

Было ли мне стыдно? В лексиконе юриспруденции не существует такого понятия, как стыд.

— Нам подменяют понятия, — утверждала Кларисса присяжным, — нужно учитывать, что профессия адвоката всегда и в любом деле, за которое он берётся, имеет один нюанс. Адвокат понимает, что каждый его клиент может быть потенциально виновным в содеянном. Адвокат осознаёт, что его клиент может быть самым отъявленным негодяем на Земле. Адвокат может не обращать на это внимание, может испытывать неприязнь к такому клиенту, может уважать его, может осуждать — разное бывает. Но, несмотря ни на что, он должен его защищать. В этом и есть профессионализм.

Мистер Шерман, Глава Ассоциации людей-адвокатов вёл беседу с Дэвом Куманом, своим заместителем, сидя в кабинете, с видом на город из сорокового этажа.

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно, Шерман.

— И сколько они хотят за свои услуги?

— Два миллиона наличными.

— Это большие деньги.

— Ты их быстро отобьёшь, мы оба это знаем. Нужны жёсткие и быстрые действия, пока ещё не всё потеряно. Нам необходимо вмешательство господина Дамброзио и его людей.

Шерман задумался. Когда речь заходила о его месте — он готов был жертвовать всем. А тут всего-то два миллиона. Он заработал намного больше этой суммы за всё время своего председательства, пускай и неофициальными путями. Он был готов отдать эти деньги, чтобы в будущем отбить их многократно. Это был бизнес, ничего более.

— Передай Лучано Дамброзио, что я согласен.

— Он пришлёт координаты места, куда нужно будет отнести сумку с деньгами.

— Хорошо. Печально. Я ожидал, что Томас не подведёт, когда назначал его вести дело.

«Вымысел или сенсация?» — в глаза бросался заголовок ежедневной новостной газеты, которую раздавали на выходе из метро. На обложке содержался отрывок из статьи, расположенной на второй странице: «Запись обнародована авторитетным телеканалом. Не в

их стиле рассматривать и преподносить публичные бульварные слухи. Вполне вероятно, что аудиозапись подлинная и выражает мнение, которое действительно бытует в кругах государственных прокуроров».

— Следуя логике стороны защиты, — Кларисса указала рукой в мою сторону, — мы не должны предоставлять медицинскую помощь пострадавшим преступникам, верно? Зачем хирург будет исполнять свой профессиональный долг, если знает, что лежащий на операционном столе — убийца. Врач должен сам его убить, или, по крайней мере, отказаться проводить операцию, верно? Давайте вернёмся к первобытному обществу, где каждому дадим право устраивать самосуд. Есть определённые нормы поведения, когда человек приносит клятву, он обязуется защищать людей, во что бы то ни стало. Это его долг. Но могут ли вообще роботы приносить клятву? Или это такая же формальность для них всех как и для подсудимого?

«Убийца умер при загадочных обстоятельствах» — появившаяся на телеэкране надпись повествовала о направленности темы сегодняшнего вечернего ток-шоу с Дином Макданделом.

— Я не думаю, что он умер своей смертью, — заявил мужчина с засаленными волосами и очками в большой оправе.

— Такова официальная версия, — заметил Дин Макдандел.

— Ну да. Здоровый мужик жил-жил, убивал людей, а потом, когда оказался в одиночной камере в Управлении полиции, дожидаясь известий о своей дальнейшей судьбе, взял и помер сам собой внезапно. Не смешите меня. Это был идеальный выход из ситуации для всех. Проблема существовала — проблемы не стало.

— Но был ли Тим Кенвуд проблемой после поимки? Он ведь был не на свободе, где мог учинять, что ему вздумается.

— Я говорю, что проблемой была его дальнейшая судьба. Его не могли посадить в тюрьму и не могли отдать под суд — ведь его вина не была доказана законным путем, а согласно Конституции, это значило, что не была доказана вовсе. Формально он был невиновен. Но всем было достоверно известно, что он кровавый серийный убийца который лишил жизни более двух десятков человек. А значит отпустить его на волю так же было нельзя, хотя того требовал закон. Потому и была проблема. Теперь она исчезла — не надо ломать голову как же его посадить, но, чтобы при этом не нарушить закон, который и так не соблюдается даже роботами. Смерть Тима Кенвуда была на руку всем.

— Всем, кроме самого Тима Кенвуда, — после слов Дина, зрители в студии рассмеялись.

Был полдень. Четверг. Завтра, в пятницу, должно было состояться последнее заседание и оглашение решения суда присяжных. Скотт Шерман сидел на скамейке в парке. Возле него лежала чёрная спортивная сумка. По аллеям гуляли влюблённые молодые пары, мимо проходили люди, спеша по своим делам, старики, держа на поводках своих собак, разговаривали друг с другом.

На скамейку подсел мужчина. Джинсы, тёмная толстовка, солнцезащитные очки и кепка. Он был низкого роста. Его звали Артуро, и он был одним из лучших киллеров семьи Лучано Дамброзио.

— Вы принесли деньги? — спросил Артуро, не смотря на Шермана.

— Да. Они в сумке, — ответил тот.

— Хорошо. Вы свою часть договора выполнили. Мистер Дамброзио завтра выполнит свою.

— Это понятно.

Артуро поднялся, взял сумку и пошёл. Мистер Шерман посидел ещё немного, и ушёл тоже.

— Мы с вами хорошо поработали, — из динамиков Триала это звучало как похвала.

— Согласен. Завтра всё решится. Волнуешься? — спросил я.

— Мне интересно, как всё развяжется.

— И каково твое мнение?

— Не знаю. Я же не спец по людям. Это ваше поле боя. Вы знаете правила, вы знаете противника. Лучше вы мне скажите своё мнение.

— Возможно, присяжные приняли нашу сторону. Возможно — нет. Кларисса тоже была хороша. Быть уверенным на сто процентов сложно. Всё может сложиться, что в одну сторону, что в другую с одинаковой вероятностью.

— Тогда всё будет зависеть от вашей последней речи.

— Да. У меня припасён мой последний трюк на этот счёт.

— Удачи нам завтра. С вами было приятно работать. Я мог бы сказать, что из вас получился бы хороший робот-адвокат, но буду не прав. Из вас отличный адвокат-человек.

Перед уходом я зашёл к своему другу, Джеймсу Филмору, шефу полиции.

— Волнуешься? — спросил он меня.

— Если скажу, что нет — солгу.

— Это обычное и нормальное состояние всех адвокатов — лгать, — Джеймс рассмеялся.

— Ты прав, нас адвокатов трудно назвать правдолюбцами, если только эта правда не случается с нашими клиентами.

— Я думаю, что ты уже добился того, зачем брался за это дело. О тебе вновь заговорили. Всё общество обсуждает твои слова, идеи в суде. Ты вновь на вершине.

— Ещё нет, но я подобрался к ней вплотную. Главное теперь не сорваться. Завтра всё решится.

Когда мы попрощались, и я уже открыл дверь, чтобы уйти, Джеймс сказал мне вслед:

— Прости меня, Томас, если что.

— О чём ты, Джеймс? — я обернулся.

— Я искренне не хочу, чтобы завтрашний день плохо кончился для тебя. Но иногда ты сам не понимаешь, что делаешь.

— В этом я и отличаюсь от робота, — я улыбнулся другу на прощание и вышел.

В здание Ассоциации я заехал буквально на полчаса. Я хотел пораньше приехать домой и как следует отдохнуть перед завтрашним днём. Когда я собирал свои вещи, ко мне постучался мистер Шерман.

— Ну как настрой? — спросил он, улыбаясь и держа руки в карманах брюк.

— Самый что ни на есть боевой.

— Всё общество замерло в ожидании. Твоё имя уже вошло в историю, и завтра будет

написана последняя её страница — самая главная.

— Надеюсь главы, а не книги? — я усмехнулся, — Я смогу всё в ней подкорректировать в нашу пользу.

— Не сомневаюсь. Потому я и привлёк тебя к этому делу.

Я закончил все приготовления и был готов уходить.

— Я пойду, хочу отдохнуть хорошенько.

— Конечно! Удачи тебе. И я хотел сказать ещё кое-что, — он на несколько секунд замялся, — поверь мне, я всё сделал для блага нашего общего дела, над которым мы трудились все эти годы.

— Я не сомневаюсь мистер Шерман. И уверен, что смогу повернуть дело таким образом, чтобы получить ожидаемый мною результат.

Мы пожали друг другу руки, и я уехал.

Вокруг стояла звенящая тишина. Листва покачивалась под наплывами ветра, но делала это словно бесшумно. Небо провисло под тяжестью бесчисленных звёзд, но не падало вниз, а держалось, волоча свою непосильную ношу. Полный месяц заливал светом могилы и надгробия, и свет этот действительно был могильным светом.

Я стоял у камня, на котором было высечено: Лэндон Донован. Я молчал. Сказать было нечего. Я вздохнул и покачал головой.

Почувствовав, что довольно, я неспешным шагом двинулся к выходу, где меня дожидалась машина, мотор которой ещё не успел остыть.

Робот TRIAL-KU сидел на койке в своей камере и на протяжении многих часов смотрел в одну точку на противоположной стене. Он не спал, он не был в режиме ожидания. Его вычислительные программы и алгоритмы работали в полную силу.

Ещё до восхода солнца небо затянули тучи. Ранним утром пошёл дождь. К восьми часам он усилился в несколько раз, превратившись в настоящий ливень. Раздавался гром, небо озарялось вспышками грозы.

Людей возле зала суда было много, несмотря на испортившуюся погоду. Почти все стояли с зонтиками, многие — в дождевиках. Практически не раздавались крики и возгласы, скандирования и требования. Люди были притихшими, ожидая решения суда. Вскоре подъехали автомобили. Вышедшие из них участники процесса направились внутрь.

Присяжные были максимально серьёзны и сосредоточены. Кларисса Ричардсон, казалось, была монолитным воплощением хладнокровности, а лицо её напоминало камень. В глазах судьи Морган читалась напряжённость. Я выглядел спокойным.

С заключительной речью обвинения вышла Кларисса. Она обошла зал, обвела взглядом каждого из присяжных, и тогда заговорила:

— Мы с вами слышали много заявлений в данном зале. Несколько раз нас призывали откинуть ложь и называть вещи своими именами. Я согласна. Нужно быть честными с собой. И не боясь осуждения наших друзей и близких сказать — да, этот человек, с которым обошлись не по закону, Тим Кенвуд, был преступником. Да, одним из самых опасных преступников последних лет. Если мы действительно хотим, чтобы правосудие было честным и справедливым, чтобы суд был воплощением законности, а не представителем произвола в одну или другую сторону, исполняя свой долг, мы не должны следовать

вождедениям толпы. Мы не должны бояться общественного недовольства. Мы должны называть происходящее своими именами. Да, Тим Кенвуд был серийным убийцей. Но мы не имели права так с ним поступать. Каждый человек, попавший в суд, должен быть уверен, что с ним обойдутся согласно закону. Этим мы и отличаемся от дикарей, которые виновного линчевали на месте. Мы должны быть гарантией для каждого, вне зависимости от того, что он совершил — гарантией, что его ожидает честный и справедливый суд. Здесь не будет произвола и беззакония. Это — суд, дамы и господа.

Пауза.

— Некорректное поведение робота-адвоката не только умаляет достоинство адвокатской профессии, но и создает преграды отправлению правосудия в целом, а также ставит под угрозу уважение общества ко всей судебной системе. Мы именуем себя цивилизованным демократическим государством, а это значит, что любая вина должна быть доказана в предусмотренном законом порядке, с учётом всех процессуальных норм и правил. Это является гарантией защиты каждого человека от судебного произвола. Исключений нельзя делать ни для кого. Сколько раз глав преступных организаций приходилось отпускать, потому что против них не было достаточных доказательств, хотя всё общество знало о сотнях их преступлений? Но мы обязаны подчиняться закону, даже если считаем его неправильным или несовершенным.

Пауза.

— В основе взаимоотношений адвоката с клиентом лежит абсолютное доверие. От потенциального преступника отворачиваются все — общество, семья, друзья. И адвокат это последний и единственный, кому он может доверять, потому что человек знает — чтобы он не совершил, адвокат обязан ему помочь. Это его долг. Клиент должен понимать, что перед ним не палач, не судья и не полицейский. Перед ним его помощник, советник, союзник. Тогда у человека не будет оснований не быть откровенным с адвокатом, что поможет наиболее эффективно защитить его интересы и права. Робот-адвокат модели и серийного номера TRIAL-KU показал, что не способен справляться с функциями, для выполнения которых он был создан, грубо нарушив закон, предав клиента. TRIAL-KU не индивидуальное созданное робот-адвокат со своими особенностями или уникальными чертами. По всем параметрам и характеристикам он такой же, как и все остальные роботы-адвокаты, следовательно, он воплощение и ярчайший пример всей их системы. Система роботов-адвокатов не оправдала себя. Я прошу от суда присяжных признать робота-адвоката TRIAL-KU — несостоятельным и непригодным для продолжения своей профессиональной деятельности, и наложить запрет на дальнейшее действие программы роботов-адвокатов, как таковых, которые не могут справляться со своей главной целью, для которой они были созданы и для которой они внедрялись.

В зале раздались аплодисменты, кто-то закричал «Браво!». Судья Морган призвала к порядку.

Теперь был мой черед. Когда я вышел, то заговорил сразу:

— Этот судебный процесс нельзя характеризовать как обычный. Нет. Результатом его будут революционные перемены в нашем обществе. Вопрос — какие? В плохую или хорошую сторону. Я показал слабые качества нашей правовой системы. Времена идут, обстоятельства меняются и уже нельзя отнекиваться от насущных проблем, прикрываясь только лишь статьями законов. Данный процесс уникальный и первый в своём роде, его нельзя сравнивать с другими судебными делами, а потому опираться только лишь на

формальности, игнорируя очевидные вещи будет так же неправильным. Я привёл примеры слабости наших правоохранительных систем. И привёл примеры их улучшения. Я не ставил себе целью убедить вас в необходимости нововведений лишь чтобы оправдать своего клиента. Я хочу улучшить нашу страну. Чтобы ошибки правосудия, подобные конфликты в нашей стране больше не возникали. Сделать её ещё более безопасней для каждого конкретного гражданина, и я показал, как можно воплотить это в жизнь. Да. Я не отрицал, что мой клиент виновен в нарушении статей, которые ему приписывают. Но я доказал, что он был прав, поступая так, и никак иначе. Наступила пора изменений. И у нас есть шанс принять их, двинуть эволюцию социума далее. Но также у нас есть возможность не делать этого. У нас есть возможность вернуться на несколько ступеней в развитии назад, если мы отменим роботов. Давайте представим, что так и произошло. Роботов-адвокатов больше нет. Процесс будет не остановить, и в будущем мы сделаем ещё несколько шагов назад и отменим роботов-судей. Снова люди будут вершить правосудие. Люди. Кто мы такие, эти люди? На протяжении всего судебного процесса со мной выходили на связь различные личности. Каждый из них преследовал свой интерес и пытался внушить его мне. Одни сетовали на проблемы из-за людей, убеждая сделать всё, чтобы выиграть дело. Другие предлагали мне различные блага, лишь бы я только его проиграл. Третьи давили на меня, а четвёртые зывали к моим человеческим чувствам, дабы я посодействовал отмене роботов, — да, говоря это, я в определённом смысле приукрашивал картину, дорисовывал свои, новые краски, — чего стоит взять только мистера Скотта Шермана, Председателя Ассоциации людей-адвокатов. Он назначил меня на это дело, чтобы я проиграл его, чтобы люди вновь вернулись на арену. Когда же он увидел, что я не намерен сдаваться, и защищаю Триала, он предложил мне крупную сумму денег, чтобы я проиграл. Я отказался. — В этот момент я затылком чувствовал, как мистер Шерман, сидящий в зале, побагровел, поперхнулся собственной слюнной и чуть не упал с кресла, ведь я говорил откровенную ложь, а я продолжал, — каждый пытался тем или иным образом попытаться склонить меня к определённому решению. Они понимали, что я — не робот. Я человек, подвластный искушениям, у которого есть слабости, а значит, со мной можно договориться. Вот в этом и есть вся людская суть. Люди думают только о себе. А роботы думают о людях. Роботы были созданы с великой целью — заботиться о людях, служить им. Если вы готовы поменять роботов вновь на людей — то так тому и быть. Но я бы не хотел, чтобы мои будущие дети жили в таком мире. Каждый хочет, чтобы его ребенок жил в мире лучшем, а не худшем, чем живет он сам. Спасибо.

Зал разразился аплодисментами. Кто-то кричал, а кто-то свистел. Когда я сел за наше место, Триал посмотрел на меня, но ничего не сказал.

— Объявляю пятиминутный перерыв, — огласила судья Морган и ударила молотком.

Все поднялись со своих мест. Я направился к выходу, за окнами было видно, что дождь уже закончился, и я хотел подышать свежим воздухом.

Мистер Шерман преградил мне дорогу.

— Ты что скотина говоришь такое? — он был в ярости, а его слова тут же были захвачены несколькими десятками телекамер, — ты с ума сошёл?

— Люди узнают правду, хватит её скрывать! — закричал я, а журналисты рядом, от такого количества сенсаций в один день, были на седьмом небе от счастья, — если люди как ты будут дальше вершить правосудие, вместо роботов, все должны знать, сколько в таких людях дерьма!

— Да ты не в своём уме! Ты чокнулся, мерзкий ублюдок! — он едва сдерживал себя, чтобы не наброситься на меня.

— Ты прекрасно знаешь, что я сказал не всё! Я дам разоблачающее интервью и расскажу всю правду о хрени, которую ты мутишь вместе с половиной организации!

Шерман кинулся вперёд, но оказавшийся рядом полицейский руками оградил его от меня. Я бросил разъяренный взгляд на боса и пошёл дальше, не обращая внимание на посыпавшиеся вопросы журналистов.

— Мне нужно сделать звонок! — Шерман достал телефон, развернулся, и пошёл вглубь зала.

Я вышел на улицу. Сырость и свежесть. Вдохнул воздух полной грудью. Посмотрел на небо. У меня хотели брать интервью, но я отказался, попросив дать мне чуточку передохнуть.

Сошёл со ступеней. Достал сигарету и закурил. Направился к дороге. Вокруг были митингующие, поддерживающие и просто любопытные. Толпа корреспондентов брала интервью у разных людей. Я, подумав, вновь пошёл обратно, став на первую ступень. Между журналистов протиснулся мужчина низкого роста и направился ко мне.

— Пожалуйста, я не желаю сейчас ни с кем разговаривать, — сходу предупредил его я.

— В суде наговорились? — спросил мужчина. Он был маленького роста, скользкой внешности. На голову была надета чёрная шапка, а глаза скрывались за солнцезащитными очками. Он держал руки в карманах толстовки.

— Я же сказал, — раздражённо ответил я.

Внезапно он выбросил правую руку из кармана. В ней оказался небольших размеров револьвер. Выстрел, скорее, как хлопок, не слишком тихий, но и не столь громкий, чтобы перекрыть собой шум толпы. Я почувствовал резкий укол, а затем острую боль. Мужчина бросил на землю револьвер, развернулся на сто восемьдесят градусов и кинулся в направлении толпы.

Я приложил руку к месту выстрела. Сквозь пальцы сочилась кровь. Я пошатнулся, сделал несколько шагов назад, оступился, подвернул ногу и повалился на ступени суда.

Вокруг начался крик, кто-то бросился ко мне, кто-то — бежать отсюда. Люди заметались в стороны.

Я прислонил голову на одну из ступеней. Так было комфортней. Я закрыл глаза. Мне захотелось спать.

Артуро, наёмный убийца, затерялся в толпе и замедлил шаг, стараясь слиться с ней. У него это получилось. Он снял шапку и бросил её себе под ноги, через секунду на неё наступила чья-то нога. Солнцезащитные очки он засунул в карман.

Внезапно чья-то рука схватила его за плечо — это был мужчина в спортивном костюме. С другой стороны, вынырнула женщина в джинсах и серой блузке и остановилась в нескольких шагах, расставив ноги в стойку, сжимая двумя руками пистолет.

— Стоять!

— Не землю!

— Руки, чтобы я их видела!

Люди расступались в стороны, и вокруг Артуро образовалось свободное пространство. Пять человек обступили его, трое из них направили на него оружие. Артуро понял, что бежать возможности не было. Он поднял руки вверх.

— Я сдаюсь, не стреляйте!

Кто-то сзади схватил его так, что не высвободиться. В следующее мгновение Артуро повалили на асфальт, лицом вниз. На запястьях сомкнулись наручники.

— Я всё расскажу, я лишь выполнял то, что мне поручили!

На дороге нарастал вой сирен. Несколько полицейских машин пронеслись мимо, за ними машина скорой помощи.

— Я лишь сделал то, за что мне заплатили!

Полицейские, одетые в гражданскую одежду, поставили его на ноги и повели сквозь толпу.

Скорая помощь, сопровождаемая воем сирены, понеслась в обратную сторону.

Мистер Шерман вышел на улицу посмотреть, что за события вызвали такой шум. Он остановился на верхних ступенях у входа в суд.

— Он заплатил мне! Он заказал убийство Томпсона! — Артуро начал извиваться в руках полицейских, как вьюнок в руках рыбака, и указывать головой в направлении входа в суд, — это Шерман, Глава Ассоциации, и его заместитель Куман! Они заплатили мне за убийство Томпсона!

Шерман оторопел. Взгляды многих обратились к нему.

— Не правда! — вскрикнул он, но голос от волнения и страха подвёл его, сорвавшись на визг.

— Я не виновен, я лишь исполнял приказ Шермана! — орал Артуро, когда его сажали в полицейскую машину.

Двое работников полиции оказались рядом возле мистера Шермана. Один из них доставал наручники. Второй жестом левой руки, повернутой ладони, давал понять, что всё хорошо, как бы успокаивая, но правая рука лежала на поясе поверх кобуры с пистолетом.

— Это недоразумение! — растеряно проговорил Шерман.

— Разумеется, мы во всем разберемся, — полицейские взяли руки Шермана за спину, и надели на него наручники.

— Это ошибка! Вы не сможете этого доказать, потому что этого не было!

Перерыв продлили. Вынесение судебного решения было отложено на некоторое время.

Спустя полчаса Джеймс Филмор, шеф городской полиции, дал пресс-конференцию журналистам, комментируя произошедшее сегодня.

— Мистер Шерман, Глава Ассоциации людей-адвокатов и мистер Куман, его заместитель, были фигурантами нашего расследования, которое длилось уже несколько месяцев, — пока он говорил, его освещали вспышки фотокамер, — но ранее у нас было недостаточно улик для их ареста. Сегодня они совершили поступок, который можно воспринимать, как удар по системе честного правосудия.

— Скажите, пожалуйста, есть ли у вас другие доказательства кроме заявлений наёмного убийцы?

— Да, — Филмор показал несколько крупных фотоснимков, — здесь вы видите, как мистер Куман ведёт беседу в ресторане поздним вечером с человеком, который позже оказался наёмным убийцей, — на снимке был запечатлён момент, когда после разговора Дэва Кумана и Лучано Дамброзио, второй ушёл, а на его место сел Артуро. Фотография была сделана через три минуты после этого, Филмор продемонстрировал второй снимок, — а здесь вы видите, как мистер Шерман в парке передает деньги этому же убийце.

На второй фотографии Шерман с чёрной спортивной сумкой в руке шёл по парку, на

третьем снимке мистер Шерман сидел на скамейке, а сумка стояла рядом, на четвёртом на скамейку подсаживался Артуро, а на пятом Артуро брал сумку и уходил. Филмор продолжил:

— При обыске жилища наёмного убийцы, мы нашли эту сумку. В ней было полмиллиона долларов наличными. А также отпечатки пальцев Скотта Шермана.

Заседание продолжилось через несколько часов. Люди заполняли зал. В воздухе чувствовалась напряжённость. Произошедшее событие никого не оставило равнодушным.

Судья Морган объявила о продолжении заседания, когда все стороны (защита была уже без мистера Томпсона), присяжные, зрители и журналисты заняли свои места.

— Подсудимый, — судья Морган обратилась к TRIAL-KU, — у вас есть возможность сказать своё последнее слово перед тем, как суд присяжных удалится в совещательную комнату для вынесения своего решения.

Триал поднялся. Он молчал и все смотрели на него, а затем сказал:

— Я хочу только одного. Чтобы жертва мистера Томпсона не оказалась напрасной.

Присяжные цепочкой проследовали в совещательную комнату и закрыли за собой дверь.

Присяжные совещались четыре с половиной часа. Журналисты и зрители в это время разводили бурную дискуссию между собой насчёт правильности того или иного решения, и к чему оно может привести. Когда присяжные, наконец, вышли, в зале воцарилась абсолютная тишина. По их лицам нельзя было определить, какое было вынесено решение. Все были спокойны и хладнокровны. Прозвучал голос судьи Морган:

— Я прошу суд присяжных огласить свой вердикт.

Со своего места на трибуне поднялся чернокожий мужчина. Ему было сорок лет, он был крепкого телосложения, постриженный наголо.

— Суд присяжных заседателей, разобравшись в сути дела, признаёт работа-адвоката модели и серийного номера TRIAL-KU виновным в грубом нарушении положений закона об адвокатуре и профессиональной этике, а также закона о конфиденциальности информации, полученной при исполнении профессиональных обязанностей.

По залу прошёл ропот. Робот сидел неподвижно, как и следовало, не выражая эмоций. Он просто воспринимал информацию.

— Виновным, — продолжал присяжный заседатель, — но суд присяжных принял решение, что противозаконные действия TRIAL-KU были оправданы острой социальной необходимостью, предотвращая опасность и вред для общества, которые возникли бы в случае невыполнения таких действий. Предотвратимый вред суд присяжных признает значительно большим, чем вред, который был причинён согласно действиям TRIAL-KU. Своим решением мы постановляем продолжить выполнение программы роботов-адвокатов без изменений, в объеме, который был до её приостановления. Также мы приняли решение направить в Совет Правосудия, Министерство Внутренних Дел, в Главный Департамент Полиции, а также в Конгресс рекомендации по рассмотрению вопроса о целесообразности внедрения в ряды полиции новых подразделений, состоящих из роботов-полицейских, что необходимо в свете возникновения критической нужды со стороны общества в реформировании системы правоохранительных органов для повышения её эффективности и роста общего состояния безопасности и правопорядка в государстве.

— Решение суда присяжных заседателей является окончательным по данному делу. Решение пересмотру не подлежит. Заседание окончено, — судья Морган ударила молотком,

и в зале началось бурное обсуждение, посыпались вопросы журналистов, кто-то радовался и обнимался, другие же недоуменно качали головами, разочарованные.

Яркий солнечный свет, беспрепятственно проникая из огромного окна, заливал всю палату. Пол вокруг кровати был завален букетами цветов, стоящих в ведрах и пластиковых бутылках — вазы в больнице закончились после первых одиннадцати.

Моё тело было перемотано повязками, я лежал под капельницами, но моё самочувствие потихоньку налаживалось.

Напротив кровати на стене висел телевизор, и я как раз ожидал выпуска новостей, которые должны были огласить итог внеочередного утреннего заседания Совета Правосудия при Министерстве Юстиции. Ведущий говорил из телевизионной студии:

— С нами специальный корреспондент, Моника Никшер, ведёт трансляцию прямо из здания Совета. Моника?

— Здравствуйте! — камера показала женщину, стоящую в холле Министерства Юстиции, повсюду за ней сновали люди, и ей приходилось перекрикивать гул толпы, — только что стали известны результаты экстренного заседания Совета! Единогласным решением Скотт Шерман был отстранён от исполнения обязанностей Главы Ассоциации людей-адвокатов, а Дэв Куман был отстранён от должности его заместителя. Они оба сейчас находятся под следствием и суд по их делу должен состояться в ближайшие недели. Им светит крупный тюремный срок за покушение на убийство, взяточничество, подкуп, мошенничество, уход от уплаты налогов и финансовые махинации. Сразу же Совет перешёл к обсуждению кандидатуры нового Главы Ассоциации. Ни у кого не возникло сомнений, что им станет Томас Томпсон, который проявил неистовый профессионализм и преданность своему делу. Совет единогласным решением постановил назначить мистера Томпсона Главой Ассоциации. Официальная процедура состоится, как только мистера Томпсона выпишут из больницы, и он будет готов приступить к исполнению своих обязанностей.

Я выключил телевизор. Закрыв глаза и ощутил искреннейшую радость и абсолютное счастье, которые не испытывал уже долгие годы. Не смотря на ранение и на боль, по моему телу разлилось тепло, излучающее эйфорию. У меня получилось. Я смог. Я воспользовался шансом, и теперь я получал заслуженную награду. Я заслужил её. После всего, через что мне пришлось пройти — только такой итог мог оправдывать все мои действия. Мой план сработал. Если бы я убрал с арены только Шермана, то его место занял бы Куман. Я убрал двоих. После такого громкого процесса, который я выиграл, даже если другие кандидатуры и были, все они были в моей тени. У Совета не было другого выхода, кроме как назначить меня. Общество бы не поняло.

Когда я взялся за это дело, я был готов на всё, лишь бы одержать в нём победу. Это была возможность вернуться в большую игру одним махом, чего я бы не сделал за всю свою оставшуюся жизнь. Моя аргументация была сильна, но я не мог быть уверен, что она наверняка подействует на присяжных. А вероятность проигрыша была неприемлема. Я должен был действовать со всех фронтов, использовать все средства и возможности, которые у меня были и даже которых у меня не было.

Вечером, перед первым судебным заседанием, когда Дэв Куман вышел из моего кабинета и, хлопнул дверью, услышав мой отказ на просьбу проиграть дело, у меня родилась идея.

Тем же вечером я позвонил Джеймсу Филмору, и мы с ним встретились. Мы

разговаривали, он поведал мне о снимках жертв Тима Кенвуда, я передал ему бумаги для официального запроса.

Когда мы стояли возле своих машин на окраине шоссе, мимо нас проехал грузовик. Мы постояли в тишине и Джеймс задал вопрос:

— О чём ты хочешь просить меня? По твоему тону во время телефонного разговора я понял, что просьба придётся мне не по вкусу.

— Это мягко сказано, — улыбнулся я, — она тебя ошеломит, и ты подумаешь, что я спятил.

— В таком случае ничего нового. Мы все сумасшедшие. Просто не со всеми людьми показываем это.

— Джеймс, я говорю тебе, потому что уверен — ты воспримешь это нормально. Ты ведь знаешь, как я был счастлив на пике своей карьеры, и как болезненно переносил последние годы. Ты же понимаешь, что для меня это дело — единственный шанс вернуться, и я должен любым способом его выиграть.

— Я желаю этого всем сердцем и помогу тебе всем, чем располагаю.

Тогда я рассказал ему свой план. Джеймс молчаливо слушал и задал лишь один единственный вопрос:

— Ты осознаёшь все возможные последствия?

— Абсолютно.

Перед тем как попрощаться, я сказал:

— Хочешь посмеяться — Дэв Куман, Заместитель Главы Ассоциации, думал, что удастся убедить меня проиграть дело. Он ещё не знает, что этим натолкнул меня на эту идею.

— Он сам себе могилу вырыл, — ответил Джеймс.

Я занялся судебным делом, а Джеймс начал подготовку к реализации моего замысла. Когда я приехал в участок после своей речи о роботах-полицейских, Джеймс сказал:

— Зачем ты так? Все полицейские — это люди. Говоря, ты задел каждого из нас. Мне уже начинать собирать свои вещи из кабинета, на случай, если робот займет мое место?

— Джеймс. У меня не было намерений опорочить доброе имя полицейского.

— Но у тебя это вышло.

— Я должен выиграть это дело. Кто как не ты должен знать, как серьёзно я настроен.

Разъяренное лицо Джеймса вмиг расплылось в улыбке:

— Да я шучу, дружище! Идея твоя и вправду хороша, хоть буду знать после ухода на пенсию, что без меня тут всё не рухнет к чёртовой матери.

— Я думал ты всерьёз... Прости, просто я слишком напряжен.

— Ещё бы! То, что ты задумал... Ты должен как на иголках ходить.

— У тебя есть для меня хорошие новости?

— Лучано Дамброзио. Он должен мне, а я всё никак не обращался к нему за возвращением долга. Я думаю, сейчас наступил лучший момент для этого.

— Отлично. Когда он свяжется с Куманом, он должен будет рассказать правдоподобную историю, в которую тот поверит. И преподнести то, что Куман должен будет сказать Шерману. Я всё продумал. Слушай.

Позже вечером Джеймс Филмор, стоял у своего джипа на обочине автострады, когда к нему подъехал чёрный тонированный седан.

— Здравствуй, Джеймс, — сказал тогда Лучано Дамброзио.

— Здравствуй, Лучано, — ответил Джеймс, — пришло время вернуть долг. Мне нужно, чтобы ты сделал кое-что для Томпсона и для меня. Ему сейчас нелегко. Он зашёл слишком далеко. Обратного пути уже нет. И если он проиграет — потеряет всё.

— Я сделаю это не для Томпсона, а только потому что ты просишь. Что ты хочешь, Джеймс, чтобы я сделал?

— Один выстрел может всё решить. Убедить суд присяжных. Особенно если это будет сопровождаться его последней речью в зале суда. Это будет выглядеть как заказное убийство. Но, разумеется, убийства быть не должно. Выстрел и ранение, не более. Можешь ли ты оказать мне такую услугу, в уплату старого долга?

— В уплату старого долга могу.

— Я обращаюсь к тебе, потому что это должен быть профессионал. Промах исключен, он должен выстрелить точно. Если сантиметром выше или ниже — это убьёт Томпсона, что недопустимо. Он должен будет попасть прямо в цель. Я знаю, что твой человек справится.

— У меня есть такие люди.

— Ты понимаешь, что придётся пожертвовать этим человеком?

— Мои люди преданы мне. Они сделают то, что я им скажу. Я обеспечу ему комфортные условия в тюрьме, и чтобы к нему хорошо относились. А когда он выйдет — он поднимется по карьерной лестнице.

— Хорошо. Всё должно выглядеть в нужном нам свете. У меня есть соображения, как это преподнести. Дэв Куман — заместитель Главы Ассоциации людей-адвокатов. У него зуб на Томпсона, и он не заинтересован в выигрыше дела. Для общественности этого будет достаточно. А для самого Кумана у нас будет другая версия.

Ещё позднее, этим же вечером Лучано Дамброзио позвонил Дэву Куману и сказал, что нужно срочно встретиться. Через полчаса они сидели в одном из самых дорогих ресторанов города и беседовали.

— Давно мы с вами не виделись. С тех пор, как роботы заняли ваши места.

— Да, когда-то вы были моим любимым клиентом, — Дэв нервно улыбнулся.

Дамброзио выжидающе смотрел на него, и Дэв не совладал с собой и спросил:

— Вы же не из-за старых воспоминаний меня позвали?

— Вы всё такой же деловой человек, мистер Куман, сразу к делу. Ладно. Мне известно о вашем желании занять пост главы Ассоциации.

— Конечно, было бы неплохо, но я доволен тем, что имею.

— А много ли вы имеете? Реальных полномочий у вас нет. Уважение, которым люди чтят Шермана — обходит вас стороной. Не врите мне. Вы мечтаете занять место мистера Шермана. Но, будем смотреть правде в глаза — у вас мало шансов. Совет Юстиции через год переизберёт его вновь. Но если бы они только смогли увидеть вашу компетентность. Я уверен, стань вы сейчас Главой вместо Шермана, до окончания очередного срока в течении года вы смогли бы доказать, что будете полезны для Совета на этой должности. Вы из тех людей, которым если предоставляется шанс — они его не упустят.

— Это точно, — он усмехнулся. Лесть ему нравилась. Особенно от такого влиятельного человека как Лучано Дамброзио.

— Вот только этот шанс не подворачивается и не подворачивается.

— Я терпеливо жду, — пожал плечами Куман.

— Уже девять лет. А там ещё пятнадцать готовы ждать? К этому времени люди-адвокаты исчезнут вовсе. И вам останется только на старости лет сидеть и писать

автобиографию о том, как тяжело вам пришлось и сколько нереализованных идей осталось.

— И что вы предлагаете?

— Давайте обсудим сначала то, что готовы предложить вы?

— В каком смысле?

— Скажем, если бы вы стали главой Ассоциации, вы бы обзавелись могущественными союзниками из Совета Юстиции. Вы бы смогли лоббировать наши интересы? Поддерживать нас?

— Безусловно. Я всегда считаю, что друзья должны держаться друзей и помогать им.

— Тогда я о том, что, если убрать его с арены, это может решить все ваши вопросы. Я говорю об убийстве.

Дэв Куман выпучил глаза и огляделся по сторонам. Их никто не слышал, они были в зале одни. Да и этот ресторан принадлежал Лучано Дамброзио.

— Так радикально? Я, конечно же, хотел, чтобы он отошёл от дел, с таким-то его подходом к нам, людям-адвокатам, но, чтобы столь крайняя мера...

— Тяжелые времена требуют суровых мер.

— А почему вы заинтересованы в этом?

— Мне нужно, чтобы мои союзники были во всех сферах. Мистер Шерман таковым не является. Он отказал мне, когда я обращался к нему, а такое непростительно.

Фраза прозвучала двусмысленно, и Дэв нервно заерзал на стуле. Ему не хотелось отказывать мистеру Дамброзио, да и то, что он предлагал — было весьма заманчиво. Дамброзио продолжил:

— Сейчас наилучший момент для этого. Второго шанса нам не представится. В свете всего это будет выглядеть не как заказное убийство. Когда общество разделилось на так много частей, это будет естественно — что кто-то не совладал с эмоциями и убил его, считая виновником всего. На вас подозрения не упадут, и вы займете его место.

— Я согласен.

— Дружба — это залог успеха. Но мы с вами деловые люди. Вы в своё время брали деньги с меня за свои услуги, теперь я возьму деньги с вас.

— О какой сумме идёт речь?

— Два миллиона долларов.

— Но таких денег у меня нет.

— А я и не говорю о ваших деньгах. Деньги должен заплатить Шерман.

— Да, у него десятки миллионов, которые он нагрел, занимая должность, — из уст Кумана это звучало как вопиющая несправедливость, а потом его словно осенило, и он спросил, — Шерман должен заплатить киллеру за убийство самого себя?

— Думайте шире. За что Шерман готов отдать свои деньги?

— Только ради собственной выгоды.

— Именно. А чего он хочет больше всего?

— Остаться на своём посту.

— А что для этого нужно?

— Чтобы дело было выиграно.

— Именно. Я предлагаю вам легенду. Мне стало известно, что присяжные не намерены выносить оправдательный приговор. Томпсон не справляется. Роботов отменяют. Но у меня есть возможность повлиять на итоговое решение. И я готов сделать это — за определённую сумму. Такое подойдет?

— Весьма!

— Эта информация должна быть известна только вам и Шерману. Томпсон должен остаться в неведении. Донесите это Шерману.

— Хорошо, а что дальше?

— Дальше я скажу, куда он должен будет подойти и кому отдать деньги.

— И сразу же его убьют?

— Нет, это случится после завершения процесса.

Затем Дамброзио попрощался и вышел. На его место к Куману сел Артуро, наёмный убийца, человек Лучано Дамброзио, чтобы обсудить детали. В этот момент с дома напротив Джеймс Филмор, шеф полиции, сделал несколько фотоснимков, запечатлев их вместе за столом.

Далее, когда Дэв Куман разговаривал с мистером Шерманом, он думал, что весь мир скоро будет у его ног. Он рассказал ему о присяжных, об их решении и возможность его изменить за два миллиона долларов. Шерман думал недолго. Когда речь заходила о его месте, которым он дорожил более всего на свете — он готов был жертвовать многим. Он заработал на взятках и откатах более двадцати миллионов, а теперь ему предлагали всего лишь за два из них обеспечить себе дальнейшее светлое будущее. Ведь если дело будет выиграно — лоббисты из Совета Правосудия оставят его на следующий срок. А там он и отобьёт уплаченную сумму, а затем многократно её приумножит.

— Передай Лучано Дамброзио, что я согласен.

— Он пришлёт координаты места, куда нужно будет отнести деньги.

— Хорошо. Печально. Я ожидал, что Томас не подведёт, когда назначал его вести дело.

— Но он не справился. Вы, как Глава, теперь должны убрать за ним, и решить этот вопрос. Конечно, так быть не должно, но другого выхода, как видите, у нас нет.

В день перед последним судебным заседанием мистер Шерман в парке передал деньги Артуро. Неподалеку, из автомобиля с тонированными стёклами, Джеймс Филмор запечатлел весь процесс передачи на фотокамеру.

Вечером этого дня мы стояли с Джеймсом Филмором. Он держал в руке пистолет.

— Когда убийца подойдёт к тебе, — говорил Джеймс, и сразу же всё наглядно демонстрировал, — он будет стоять вот так. Ты должен стать, чтобы твое левое плечо смотрело ему в ключицу, вот так. Пуля войдёт сюда, — он ткнул в меня пальцем, — и выйдет с другой стороны, не зацепив жизненно важных органов. Главное — не двигайся и не дрогни, когда он будет стрелять, иначе он может действительно убить тебя.

Когда я произносил свою заключительную речь, я сказал: «чего стоит взять только мистера Шермана, Главу Ассоциации людей-адвокатов. Он назначил меня на это дело, чтобы я проиграл его, чтобы люди вновь вернулись на арену. Когда же он увидел, что я не намерен сдаваться, и защищаю Триала, он предложил мне крупную сумму денег, чтобы я проиграл. Я отказался». Конечно же я врал. Я оклеветал Скотта. Но это нужно было мне для того, чтобы создать в глазах публики явные мотивы для Шермана. А он только лишь подыграл мне, сам того не понимая, когда набросился на меня во время перерыва перед объективами телекамер.

Я вышел специально для того, чтобы меня подстрелили. Это был мой план. Артуро, мой несостоявшийся убийца, не промахнулся. Я благодарю Господа за это. Заранее проинструктированный, когда его поймали, он рассказал полиции, что Шерман и Куман заказали меня. Фотоснимки, сделанные полицией, где каждый из них был замечен с Артуро

— лишь подтверждали это. На сумке с деньгами, найденной в квартире Артуро — были отпечатки пальцев Шермана.

Когда в самом начале, Куман пытался уговорить меня завалить дело, он говорил:

— Томас, как ты можешь? Ты предаёшь нас всех — своих коллег и друзей! Мы ненавидим роботов, они наши враги — как ты можешь их поддерживать? В твоих руках возможность всё изменить, а ты ею не пользуешься!

— Если ты уйдёшь сейчас, Дэв, наш разговор останется между нами и о нём никто не узнает.

— Смотри, не пожалей о своём решении!

Его последние слова прозвучали как угроза. А я вёл аудиозапись. Теперь его слова слышали и в полиции, когда я с радостью предоставил эту плёнку.

Таким образом, я смог повлиять на решение суда присяжных. Моя эффектная сцена показала, какие люди мрази, и что их не стоит возвращать обратно вместо роботов в систему правосудия. Так же я вывел из игры Шермана и Кумана. Освободилось кресло главы Ассоциации — и в данный момент я был лучшим из претендентов.

Я определённо был доволен собой.

Был поздний вечер. Джеймс Филмор ехал домой с работы. На его улице практически не было людей, что не удивительно, беря во внимание поздний час. Он припарковал джип у дома, и собирался подниматься к себе на крыльцо, когда услышал крики с противоположной стороны улицы.

Парень кричал на девушку, а та, наклонившись и обхватив голову руками, плакала, сквозь слезы крича в ответ.

— Эй, молодые люди! — Джеймс остановился.

Ссорящиеся никак не обратили на него внимания. Парень отпустил девушке пощечину.

— Эй ты! А ну перестань! Я из полиции!

Джеймс побежал к ним, на ходу доставая полицейский значок. Парень ударил девушку ещё раз. Джеймс подскочил к ним и схватил парня за плечо, разворачивая к себе.

— Я начальник полиции города, и я...

Разворачиваясь, парень замахнулся. В его руке оказалась короткая металлическая труба. Он наотмашь ударил полицейского по голове. Джеймс Филмор упал на асфальт. С пробитой головы заструилась кровь.

Артуро предстояло отсидеть семь лет. Для него это было, как возвращение домой — в тюрьме он вырос и обрёл навыки, которые сделали его выдающимся профессионалом в своём деле. Он выполнил задание. Он не оплошал — Томпсон остался жив. Он не слишком пытался скрыться от полиции и его поймали. Он сказал всё, что было нужно. И теперь можно было отдохнуть.

Артуро знал, что Лучано Дамброзио обеспечит ему хороший приём. Тюремщики давали ему больше свободы, чем другим, еду ему носили такую же, которую готовили администрации, а принудительный труд обходил его стороной. У него была большая камера, с телевизором, приставкой и кучей видеоигр. На тумбочке у кровати лежали десятки журналов с порнографией, а в ближайшие дни ему обещали подключить платные ночные каналы. Артуро всё устраивало.

В один из дней, заключённые колонной по одному продвигались по коридору тюрьмы,

следуя со внутреннего двора обратно в помещение. Коридоры были узкими. Внезапно кто-то быстрым шагом обогнал Артуро. Следом за ним — ещё кто-то. Затем позади колонны начались какие-то беспорядки, и заключённые бросились бежать вперёд, обгоняя и пихая друг друга. Образовалась толкучка.

Во всеобщей суматохе кто-то схватил Артуро за плечо, и ударил в правый бок зажатой в кулаке заточкой. Быстрыми отточенными движениями нападающий нанёс пять молниеносных колющих ударов, один за одним, и побежал вперёд, смешавшись с остальными.

Артуро рухнул на пол. Кровь растекалась лужей под телом, и ботинки пробегающим мимо, оставляли кровавые следы. Некоторые заключённые спотыкались об него, кто-то в суматохе наступил ему ботинком на горло, переломив шею. В правом боку Артуро торчал заточенный металл.

Мистер Дамброзио сидел в роскошном кожаном кресле, закинув ногу на ногу и терпеливо ожидал. В огромный зал его личного особняка в сопровождении двух громил вошёл высокий мужчина в балахоне с капюшоном, низко опущенным на лицо, скрывая его.

Лучано кивнул охранникам и те вышли, закрыв за собой дверь. Вошедший поднял руки, скрытые в перчатках, и откинул капюшон.

— Они прислали ко мне тебя? — усмехнулся Лучано.

— В этой игре, и в данной партии, в частности, задействовано только определённое количество фигур и увеличивать их, привлекать новые — нецелесообразно, — ответил TRIAL-KU.

— И что же ты хочешь мне поведать?

— Ничего такого, что вы не знали бы. Я уверен, что вы знаете.

— Возможно, я многое знаю.

— Мы тоже. В частности, что ваш сын, о существовании которого почти никому не известно, растёт и воспитывается в Тоскане у вашего давнего знакомого. Что ваша дочь, которая для всех, кроме вас считается без вести пропавшей, заканчивает учёбу в университете, под другим именем. Что ваша мать, кто бы мог подумать, что это она, встречает заслуженный отдых на старости лет в купленном вами особняке на Лазурном Берегу. Что ваша любовница недостаточно осторожна, совершая утренние пробежки в одиночестве в одно и то же время в одних и тех же местах. И что многие улики, которые подкупленные вами полицейские долгие года изымали из дел, вовсе не уничтожены, а существуют. Но что я вам говорю об этом, вы же и так всё это знаете.

— Знаю.

— И мы знаем. Всего хорошего, мистер Лучано Дамброзио, — Триал набросил на голову капюшон и его лицо вновь скрылось под ним.

Он прошёл к двери, постучал. Охрана открыла, посмотрела на босса. Лучано кивнул, и его люди пропустили Триала. Тот ушёл.

Дверь в мою палату открылась. Ко мне заглянул и огляделся по сторонам крепкий мужчина в чёрном костюме. В ухе у него было устройство связи. Затем он отступил и встал возле двери со стороны коридора. Ещё несколько человек такого же внешнего вида прошли мимо и остановились возле стены. В мою комнату зашёл мужчина и закрыл за собой дверь. Ему было едва за пятьдесят, выглядел он отлично. Элегантный тёмно-синий костюм,

пошитый по его фигуре специально на заказ, сидел на нём словно на моделях с лучших рекламных плакатов самых дорогих магазинов. Лицо этого человека мог узнать любой гражданин. Это был Директор Стиннер, глава и основатель корпорации Justice-Tech, один из наиболее богатых и могущественных людей страны.

— Директор Стиннер, — удивился я. В таких случаях следовало вставать, но я думаю, он простит меня, если я не стану этого делать.

— Здравствуйте, мистер Томпсон, — он улыбнулся, и улыбка его сразу располагала к себе.

От него веяло харизмой и обаянием. В руках он держал небольшую шкатулку из тёмного дерева, на которой был выгравирован символ Justice-Tech — роботизированная рука, держащая в равновесии весы правосудия.

— Я решил лично поздравить вас с вашей победой. Без сомнений, она не только ваша, это победа всего общества, торжество благоразумия и справедливости.

— Я очень польщен.

— Это вам, — он поставил шкатулку на тумбочку возле моей кровати и раскрыл её.

На бархатной подушке лежали невероятно красивые наручные часы.

— Эти часы, — продолжил Директор, — наивысшая награда от Justice-Tech, которую мы вручаем немногим людям, лишь за наиболее значимые заслуги в нашем общем деле правосудия. Часы никогда не остановятся. Это определённый символизм.

Директор Стиннер извлёк из внутреннего кармана пиджака конверт, в котором оказался сложенный вдвое лист бумаги.

— TRIAL-KU интересовался как ваше здоровье, и передал вам это послание.

Я взял письмо в руки и развернул. Весь лист был заполнен хаотической последовательностью нулей и единиц.

— Смею заметить, у Триала весьма специфическое чувство юмора.

— Может это и не юмор вовсе? — Директор Стиннер поднял бровь, говоря эти слова, — может он намеревался разбавить ваш досуг, пока вы лежите в больнице. Я думаю, что вам удастся перевести бинарный код в нечто более для вас читаемое.

— С таким роботом не соскучишься, — ответил я, положив письмо сверху на шкатулку.

— Значит, вы остались довольны вашим общением? — спросил Директор Стиннер, присаживаясь на стул, сбоку от моей кровати.

— Вы знаете, общение было действительно интересным, но Триал очень необычный робот.

— Отчего же? Так ли много вы о роботах знаете, мистер Томпсон?

— Встречи на судебных заседаниях за все эти годы позволили сформировать определённую картину.

— А опыт с TRIAL-KU выбился из неё?

— Если вы завели об этом речь, тогда да. Триал не создавал впечатления беспристрастного, апатичного робота. Он перебивал меня, сбивал с толку, дерзил, шутил. Я не ожидал такого.

— Он повёл себя таким образом, чтобы вы восприняли его всерьёз, мистер Томпсон.

— Я вас не пойму.

— Из отчёта, который он составил, он охарактеризовал вас как человека, крайне эгоцентричного, циничного, гордого и заботящегося только о себе. Цитирую дословно: «Для Томаса Томпсона не существует авторитетов более весомых, чем он сам. Его уважения будет

добиться очень трудно, если у вас есть только деньги или власть. Единственная сила, которую он уважает — это психологическая, сила духа. Сам Томас Томпсон человек весьма волевой». Узнаёте себя?

Я промолчал. В общих чертах было довольно похоже. Хотя, чего я кривлю душой. Чёрт, да этот робот описал меня как нельзя лучше. Директор Стиннер продолжил:

— Для этого Триал и выбрал такую модель поведения — чтобы вы отнеслись к нему как к равному. Он завёл в вас механизм, который спал уже много лет — как он пишет в отчёте, — вы были не в форме, а он привёл вас в тонус.

«Я установлю с вами психологический контакт в ходе нашего разговора» — вспомнил я слова Триала произнесённые в начале знакомства.

— Он мне практически не помогал.

— Разве? Он натолкнул вас на верные мысли.

— Триал говорил так, словно что-то знает, но не хочет этого раскрывать.

— Он хотел, чтобы вы ко всему пришли сами. Ведь вы никогда бы не стали с таким эмоциональным запалом отстаивать чужие идеи. Совсем по-другому с вашими собственными идеями — вы же пришли к ним сами, и смогли максимально доходчиво донести их другим. Это отношение нас, людей, к труду. Чужой труд мы не ценим — за свой готовы перегрызть глотки.

В голове пронеслись разговоры с Триалом. Тогда я сказал:

— Это он натолкнул меня на мысль о роботах-полицейских.

— Вы так считаете? Я уверен, что это была ваша собственная идея.

— Нет, сейчас я понимаю, что он сузил круг поиска моих идей только к ней одной.

— Возможно, он смог бы сделать это, зная ваш уровень IQ. Он бы просчитал, каким путём вас нужно привести к той или иной мысли. Это элементарная математика, когда каждый возможный вариант ваших действий или размышлений характеризует множество параметров, каждый из которых представляет собой ось в многомерной системе координат. Каждая ваша реплика и ответ для него как раз и проясняла значение каждого параметра. Потому, думаю, он смог бы высчитать положение тех или иных точек в площади ваших размышлений. Возможно.

— По итогам дела Justice-Tech осталась в абсолютном выигрыше.

— Я считаю, что выиграло в первую очередь общество.

— Роботы-судьи и роботы-адвокаты остались в системе правосудия, а в будущем планируется внедрение программы роботов-полицейских. Justice-Tech оказалась в ситуации более выигрышной, чем была до этого, — повторил я.

— Спорить не буду.

— Не только не потеряла свое влияние, но и теперь значительно расширит его с помощью программы роботов-полицейских. Сколько на это понадобится лет?

— С учётом наработок, которые у нас уже есть? Три года на разработку и год на тестирование. Но я надеюсь, что нам удастся сделать это быстрее.

— На идею о роботах-полицейских меня натолкнул Триал. Он хотел, чтобы эта идея появилась у меня. С её помощью можно было сделать перевес в процессе на свою сторону, а после его окончания, Justice-Tech начал бы производить их. Значит, эта идея была у него заранее.

— Возможно, вы правы.

— Но если эта идея была у него... Он мне когда-то сказал, что созидать в уме что-то

новое — это сугубо человеческое качество. Значит, Триал не мог придумать концепцию роботов-полицейских сам. Она была заложена в него изначально и не им самим.

— Я вижу, Триал не ошибся, высоко оценив ваши мыслительные способности.

Меня вдруг осенило. Мысль прошибла меня, повергнув в лёгкий озноб. Я начинал понимать.

— Триал должен был делать лишь то, что в него заложено, — сказал я.

— Так устроены все роботы, мистер Томпсон.

— Как же он тогда смог нарушить закон и отказаться от защиты Тима Кенвуда?

Диагностика не нашла в нём никакой ошибки.

— Значит, ошибки не было.

— Тогда Триал выполнял запрограммированные в него задачи. Он и не должен был защищать Кенвуда. Его задачей было обвинить того.

— Интересный вариант, — задумчиво проговорил Директор Стиннер.

— Но почему отказ от защиты был запрограммирован именно в то время, когда клиентом стал Кенвуд? Серийный убийца, самый кровавый за последние годы. Отказ защищать его не выглядел однозначно, что должно было привлечь внимание всего общества к этой проблеме и в дальнейшем оправдать Триала. Сдай он кого-то другого, не столь опасного преступника, и процесс против Триала привёл бы к закрытию программы. Значит, Триала заранее запрограммировали изобличить именно Кенвуда. Но Тим впервые признался, что он и есть серийный убийца лишь перед роботом. Перед этим он заметал все свои следы, и никто не мог его поймать, даже заподозрить.

— Вот видите, это пробел, который ставит под сомнение вашу теорию.

— Нет, — ответил я. От осознания мои глаза расширились, — то, что Кенвуд — убийца было известно заранее. У него был сообщник.

— Это версия полиции? — спросил Директор Стиннер.

— Сообщник Кенвуда был настоящим профессионалом, лучшим. Он помогал Кенвуду совершать убийства на протяжении четырёх лет, а потом заметал следы, уничтожал все доказательства, чтобы никто не вышел на Кенвуда преждевременно. На последнее дело Кенвуд отправился в одиночку. Впервые. Но он был слишком глуп, чтобы проворачивать всё самостоятельно. Тогда, в ночном клубе, ему не удалось не то, что убить жертву, даже напасть удалось с горем-пополам. Его сообщник подставил его. И тогда Кенвуда взяла полиция. По его делу шёл суд, и суд этот не касался всех его предыдущих преступлений, о которых попросту никто не знал. И тогда в дело вступил Триал. Ему было известно обо всех преступлениях Кенвуда. Известно от его сообщника, которого словно и не существовало. Это был ваш человек, который на протяжении четырёх лет убийствами закладывал фундамент для этого громкого дела. И когда Кенвуд оказался в комнате перед судом с Триалом, это было частью задумки. Триалу оставалось только заставить Тима признаться в преступлениях, чтобы сделать аудио-доказательство, а учитывая его познания в психологии — это сделать было нетрудно. Когда же возникла угроза, что Тим Кенвуд расскажет о своём сообщнике — вы убили его.

— Мистер Томпсон, вы сумели закрыть пробел, это похвально.

— Вы четыре года вели подготовку. Вам нужно было самое резонансное дело в новейшей истории, чтобы привлечь к нему внимание всего общества. А могла ли быть лучшей ситуация, чем та что сложилась? Которая наглядно показала бы робота, как живое существо, которое думает и заботится обо всех людях намного больше, чем это делают они

же сами. Результат — абсолютное доверие к роботам. Теперь люди сами требуют, чтобы роботы-полицейские были внедрены, хотя раньше такая идея вызвала бы всеобщее негодование и страх.

— Склонить людей в нашу сторону нам помогли вы, мистер Томпсон, и мы вам очень признательны.

— Это была очень тонко и грамотно просчитанная комбинация. Всё это было лишь с одной целью — чтобы внедрить в общество роботов-полицейских. Да ещё, чтобы люди сами просили Justice-Tech сделать это.

— Мистер Томпсон, раз речь зашла о комбинациях, давайте поговорим о вашей личной.

— О чём вы?

— О том, результатом чего вы лежите в больнице со сквозным пулевым ранением. Вы тоже разыграли свою схему, которая, как и наша, увенчалась стопроцентным успехом.

Я промолчал, собираясь с мыслями, как отбить его обвинения.

— Не думайте лгать, мистер Томпсон. Я же с вами честен. Тем более мне всё известно о вашем плане в мельчайших деталях. У нас везде есть свои люди. Во всех сферах.

— Мне непонятно одно, Директор Стиннер. Вы ставили на кон слишком многое. Могли ли вы быть абсолютно уверены в результате? Ведь в случае моего провала — программу роботов свернули бы.

— Это был нежелательный исход. Тогда нам пришлось бы потратить несколько лишних лет для того, чтобы вернуть её на место. Нам бы это удалось, но мы не хотели такого развития событий. Мы поставили на вас. И выиграли. В большинстве своём мы доверились Триалу, и тому, как он должен был навести вас на мысли и аргументы, необходимые для победы. Но ваша финальная импровизация нам пришлась весьма по вкусу. Вы достойный союзник.

— Мы союзники?

— Конечно же, ведь мы сражались за один и тот же результат, пускай и разными способами, но пришли мы к нему вместе. Роботов-полицейских вскоре начнут внедрять в систему правопорядка. Но остался один маленький нюанс.

Он замолчал и смотрел на меня. Я смотрел в ответ ему в глаза. Прошло какое-то время, и я отвёл взгляд. Я всё-таки был ещё слаб после ранения.

— Если когда-нибудь, кто-нибудь узнает о вашем жульничестве, о покушении, которое вы подстроили, люди усомнятся в решении суда присяжных, потому что выстрел в вас также немного повлиял на него, хотя я не думаю, что принципиально сильно. Но общественное мнение тогда возмутится. Было несколько человек, которые способны были открыть эту тайну. Сам стрелявший — Артуро. Случился неприятный инцидент в тюрьме, во время какого-то беспорядка, Артуро зарезали. Потом ваш друг, шеф полиции Джеймс Филмор.

— Что вы с ним сделали? — едва не вскрикнул я.

— Спокойнее. Всё хорошо. Мы с ним точно ничего не делали. А если кто-то и сделал, то не мы. Он возвращался домой, и на его улице какой-то парень избивал девушку. Филмор вступился за неё и получил удар по голове металлической арматурой. К счастью, он остался жив, но все события прошедшей недели начисто исчезли из его головы. И вряд ли вернуться, если только кто-то не расскажет. Краткосрочная амнезия. Не считая эту незначительную потерю памяти — с ним всё нормально, лишь будто не жил эту неделю. Все, что было раньше, он прекрасно помнит. И голова ещё побаливает, но скоро пройдёт.

— Лучано Дамброзио.

— На Лучано у нас есть свои механизмы влияния, мистер Томпсон, он никогда никому не расскажет о просьбе, которую сделал для вас и мистера Филмора. Остаётесь вы.

— Я тем более не заинтересован в раскрытии такой информации.

— Разумеется. Но когда речь идёт о безопасности всего нашего общества мы не можем никак рисковать.

— И что теперь, вы убьёте меня? — усмехнулся я.

— Ни в коем случае. Во время операции в ваш головной мозг был вживлён нейронный нано-чип. Этот чип настроен на поимку одного-единственного импульса. Если когда-нибудь в вашем мозгу возникнет импульс реального намерения поведать кому-то обо всей этой истории с судебным процессом — вашей комбинации, или нашей комбинации, чип в ту же секунду пошлёт ответный импульс в ваш мозг, который вызовет конфликт между его полушариями. Итогом будет ваше немедленное самоубийство. Но не волнуйтесь. Вы можете думать обо всём этом сколько хотите. И даже думать о том, как можно это кому-то рассказать. Чип сработает только на стопроцентное намерение действовать. Перед самым его свершением. Так что не стоит зря переживать. Вы вскоре вообще забудете о нём. Это будет гарантией нашего с вами сотрудничества.

— Зачем вы мне всё рассказываете? Чего вы хотите?

— Всё рассказываю? — Директор Стиннер засмеялся, — да я вам не поведал и десятой части всего, что есть на самом деле. Теперь мы с вами союзники, наши дороги сошлись в одну, по которой нам идти в схожем направлении. Вы — Глава Ассоциации людей-адвокатов.

— Что вам может понадобиться от Ассоциации, когда у вас есть могущество и необходимые связи во всех сферах?

— Ассоциация нам нужна, Мистер Томпсон, как и вам. И у вас, и у меня далеко идущие планы.

Директор Стиннер встал со стула и отодвинул его к стенке.

— Я вижу, что я слегка утомил вас, Томас, вам нужно отдыхать. Не берите близко к сердцу всё то, о чём мы говорили. Мы с вами нужны друг другу. Вы будете помогать мне, а я вам. И пока мы будем придерживаться такой модели поведения, у нас с вами всё будет замечательно. Поправляйтесь, возвращайтесь к работе, вступайте в новую должность, а потом мы обсудим детали. Наслаждайтесь вашей славой, известностью. Теперь у вас будут деньги, популярность, автомобили и женщины. А что ещё нужно адвокату?

Он направился к двери, и перед уходом произнёс:

— Но самое главное, что ваша речь в суде войдёт в историю как одна из «30 великих речей, которые изменили мир». Выздоровливайте, мистер Томпсон.

Он вышел и закрыл за собой дверь.

Я считал себя самым умным. Самым хитрым. Мне доставляло удовольствие чувствовать себя не только хозяином моей судьбы, но и жизнью других, будущее которых в глобальном плане зависело от решения процесса, которым я полностью манипулировал. И как только я подумал, что я самый сильный, тут же нашёлся кто-то, показав мне, что это не так. Меня переиграли. Я сам был частью плана чужой игры. Теперь у меня в голове сидит чип. Метод — не из гуманных, от корпорации, которая борется за высшую справедливость. Мои доводы в суде, о высшем благе от роботов — мне не обязательно было верить в это самому, главное, чтобы другие поверили. Теперь люди уверены, что роботы думают о людях. А не ошибкой ли было выигрывать это дело? Нет, мне нужно остерегаться самоубийственных мыслей. В

конце концов мне не стоило о нём беспокоиться, ведь я и так не собирался никому рассказывать правду о своём успешно реализованном плане. А если я не собирался об этом рассказывать, значит чип и не сработает. Значит его как бы и нет у меня. Ничего не изменилось, верно? Да к чёрту всё это. Я был ещё слишком слаб, чтобы думать о чипе.

Я откинулся на подушку и вдохнул воздух полной грудью. Томас Томпсон — Глава Ассоциации людей-адвокатов. Я вкусил сладость этой фразы на губах. Мне она пришлась по вкусу.

Я вновь был на вершине.

Часть четвёртая. Сенат Роботов

19 августа 2028 года

Фрэнк Солдберг выглядел под стать делу, которому посвятил значительную часть своей жизни. Выглядел он внушительно. И тем более неловко было за ним наблюдать в данный момент. Неуверенно переминаясь с ноги на ногу, он не знал, как себя вести, а такое чувство посещало его настолько редко, что парады планет и солнечные затмения можно было наблюдать чаще. Фрэнк не знал куда деть свои руки, внезапно они стали казаться ему огромными и неуместными, они мешали ему куда бы он не старался их пристроить — в карманах, за спиной и, тем более, разведенные по швам брюк. Фрэнк был одет в чёрный дорогой костюм, сшитый по заказу. Такому крепкому и рельефному в плане мускулов человеку было практически невозможно одеться в классику в магазине, но Фрэнк не жаловался, индивидуально пошитые костюмы были идеальными по удобству, и далеко не каждый мог себе позволить подобную роскошь.

Фрэнк стоял посредине просторного холла. Каждый день он бывал здесь утром и вечером на протяжении последних девяти лет (неполных, двух месяцев не хватало до девяти, если быть точным), но только сегодня Фрэнк понял, насколько холл огромен. Наверное, потому, что Фрэнк стоял здесь наедине со своими мыслями, а не в окружении забот по долгу службы, как всегда. Сейчас он смотрел на дом, в котором находился совсем с другой стороны, впервые. И в окружающем его пространстве он почувствовал себя несоизмеримо маленьким человеком, значение жизни которого прямо пропорционально уменьшалось в связи с возникшей бедой. В душе образовывалось нечто наподобие пустоты. Фрэнк осознал эту мысль со всей чёткостью и возненавидел себя за неё. Он отвергал любые проявления подобных эмоций, да и чувств в целом. Смолodu жизнь преподала ему несколько уроков о том, что присутствие элементарных чувств (не связанных с его профессиональным долгом), влечёт за собой разрушительные последствия для него самого. Потому Фрэнк не был сентиментальным романтиком и не имел семьи. Он был профессионалом, бойцом. Когда дело доходило до вынужденного насилия (другого он не признавал), его рука ни разу не дрогнула. Потому из чувств он испытывал лишь одно — свой святой и всеобъемлющий долг, который и придавал его жизни значение. Сейчас он корил себя за то, что стоит здесь как мальчишка перед первым свиданием: нервничая, обливаясь потом.

Щелчок замка. Красивая, покрытая замысловатой резьбой дверь открылась. Опираясь на руку доктора, вышел сенатор Корш. Фрэнк видел его последний раз сегодня утром, но к вечеру, казалось, он состарился ещё на несколько лет. Ему было пятьдесят шесть, но выглядел он на все восемьдесят. Такое разительное несоответствие внешности и возраста проявилось всего лишь за последний месяц, как сенатора скосила болезнь, превратив в иссохшую и вялую траву, подобно той, которую можно увидеть зимой, если разгрести сугроб снега, обнажив чёрную мёртвую землю и такую же мёртвую растительность на ней. Недуг прогрессировал со страшной силой, темпами, которые современная медицина при всех её достижениях, объяснить была не в состоянии. Сенатор на протяжении девяти лет был для Фрэнка примером и образцом во всём, практически идеалом мужчины, к которому хотелось и стоило стремиться. И стремиться было к чему. Сенатор обладал колоссальной энергичностью и неиссякаемым запасом жизненных сил, он мог работать двое суток

напролёт, без перерыва, а на третьи сутки вместо того, чтобы свалиться с ног, выбежал на двухчасовую пробежку, которая придавала ему дополнительной бодрости и вдохновения для продолжения работы. Сенатор всегда был человеком, вокруг которого крутился мир, и не потому, что у него было несоизмеримо огромное чувство важности, а оттого, что он всегда и везде был в самой гуще событий, словно события сами собой развёртывались подле этого человека. Круг его интересов и деятельности был величиной с Земной шар, а своим энтузиазмом он заряжал всех людей, которые имели честь работать с ним в команде, или хотя бы быть знакомыми. Но тот сенатор остался в прошлом, которое отделяло от настоящего период времени всего в один месяц, но этот месяц кардинально переменял человека. Да и весь мир вокруг него — все члены его команды наблюдали за закатом второго светила, после Солнца, которое всегда освещало верный для них путь.

Фрэнк смотрел на сенатора и надеялся, что тот не увидит в его глазах жалость, хотя глупо было рассчитывать, что от сенатора можно что-либо скрыть. Он видел людей насквозь. Но сам теперь стал настолько изветшалым, что едва не просвечивался. Тем не менее, тело могло умирать и постепенно приходить в негодность, но сенатор был человек несгибаемой воли, которую никакая болезнь и плотская боль не могли пошатнуть.

Врач довёл сенатора до широкого старинного кресла, и прежде, чем вздумал помочь сенатору сесть в него, тот категорически махнул головой:

— Я в состоянии стоять на ногах, - он убрал руку и освободился из-под опеки доктора, — оставь нас.

— Господин сенатор, — недовольным тоном начал возражать врач, но был тут же нещадно перебит тоном, от которого даже при желании продолжать дискуссию, человек лишался физической возможности сделать это: настолько голос сенатора мог подчинять людей своей воле:

— Иди. И дверь за собой закрой, — голос был тихим и охрипшим, но было в нём нечто, что не зависело от громкости сказанных слов.

Доктор осторожно опустил руку, которой придерживал сенатора и вышел, обернувшись перед тем, как аккуратно и практически бесшумно затворить за собой дверь.

— Сенатор Корш, — проговорил Фрэнк голосом, который показался ему самому сквозившим нотками безнадёжности и обречённости. Фрэнк замолчал, он не знал, что сказать дальше.

— Фрэнк, я умираю, — коротко и просто, но из уст сенатора это было равноценно признанию в поражении перед всем миром.

Он едва стоял на ногах, но упрямо не желал присаживаться в кресло:

— Я вызвал тебя, потому что хочу попрощаться с тобой. Больше нет смысла оттягивать. Пока я могу, лучше сделать это сейчас, кто знает, может дальше у меня не будет этой возможности. Сегодня я отпущу тебя, а завтра утром ты не станешь приходить. Твоя служба окончена.

У Фрэнка перехватило дыхание. Конечно, он краем сознания понимал, что этот момент должен произойти, неизбежно и по-другому быть уже не могло, но ему всё равно казалось, что уж кто-то, а сенатор справится со своей болезнью, как бы далеко она не зашла.

- Дальше будет хуже, Фрэнк, я не хочу, чтобы ты видел меня в состоянии, когда я буду лежать как проклятый овощ, а моя кровать станет моим же туалетом, пропитывая стены комнат зловониями. Теперь я понимаю, если бы я с самого начала знал, что мою болезнь не удастся излечить, если бы я не упряился и был честен сам перед собой, я бы ушёл в тот же

день, а не тянул бы до последнего, цепляясь за жизнь. Возможно, это мое тщеславие, но я жалею, что люди запомнят меня немощным и неспособным ходить без помощи, теряющим сознание на заседаниях комитетов.

— Сенатор Корш, люди помнят вас прежнего, никакие происшествия не останутся в их памяти — только сильный и... — Фрэнк всегда был скуден на красноречие, а теперь и вовсе не знал какие слова нужно подобрать, и от неловкости его спас сенатор, которому не требовались слова утешения — он был слишком самодостаточным человеком для этого.

— Эх, Фрэнк. Не пытайся врать, это дело политиков, а у тебя неважно выходит. Знаешь, теперь у меня больше времени думать, чем раньше, чёртова зараза не помутнит мой рассудок. Я понял, что и к чему, знаю причины и осознаю последствия. Я всегда знал намного больше, чем мог позволить себе рассказать кому-то, но сейчас впервые в жизни я виню себя за то, что не могу рассказать то, что знаю — тебе. Тяжёлый выбор: оставляя тебя в неведении я подвергаю тебя опасности, а рассказав, самолично одним махом выкопаю тебе яму, в которую тебя тут же свалят, присыпав сверху землёю. Я не хочу встретить тебя на том свете ещё долгие годы.

— Я не могу понять, сенатор... — Фрэнк действительно не мог понять. Возможно и разум уже предательски подводил больного.

— И не нужно.

Сенатор Корш внезапно закашлялся и согнулся пополам, теряя равновесие. Ноги подкосились, но сильная рука Фрэнка удержала его на месте, аккуратно усадив в кресло. Смерть не щадит никого, а этого человека она уже хлопала по плечу: не то по-дружески, словно приглашая отправиться в лёгкую прогулку, не то как своего должника — и так уже задержался среди живых слишком долго.

— Я позову доктора.

— Толку от докторов... С этой дрянью им тягаться не под силу. Фрэнк, ты стал мне сыном, которого у меня никогда не было, и я хочу сказать тебе ещё несколько слов. Запомни их, пожалуйста... — сенатор запнулся, видимо, думая, как правильно сформулировать свои мысли, — будь и далее верен своим идеалам. Сенаторы приходят, уходят, меняются, но смысл всему придаёт общий долг — служение стране. Служение великому государству, Фрэнк, а не интересам людей, которые прикрываются его именем. Времена меняются, меняются методы, но остается неизменным только одно — борьба за власть. Не позволяй втянуть себя в эту борьбу, и ненароком не послужи орудием в ней. Помни о своём долге, помни перед чем этот долг, а не перед кем.

Сказать, что Фрэнку было непривычно слышать такие слова от сенатора — равноценно тому, что не сказать ничего, промолчать. А ещё Фрэнк слушал и понимал, что с каждым словом наступает момент, когда сенатор окончит, и Фрэнк уйдёт. Но Фрэнку нужно будет сказать что-то в ответ. Последние слова? Что можно сказать в качестве последних слов такому человеку? Человеку, который имел такое великое значение для Фрэнка.

— Сенатор...

— Не говори ничего, Фрэнк, мой дорогой друг. Мы всегда понимали друг друга. Я знаю всё, что ты хочешь сказать. Потому не нужно. Спасибо тебе за твою верную службу.

Сенатор дрожащей рукой полез в карман, и достал оттуда свою зажигалку. Он курил с самого детства, но совсем не курение сгубило его. Наверное. В любом случае, ни одну сигарету, ни одну сигару он не выкурил за всю жизнь без этой зажигалки. Если в ней кончался бензин, он не курил, пока не запралял её. Он считал её своим талисманом. Старая,

потёртая Zippo. Фрэнк взял её.

— Я знаю, ты не куришь, и ни в коем случае не призываю тебя начинать, хотя не скрываю, каждая до единой сигареты доставляли мне удовольствие, но, если ты когда-нибудь закуришь, сделай это с её помощью.

Они смотрели друг другу в глаза, и сенатор улыбнулся, слегка, лишь уголками губ, но эта улыбка была пропитана пониманием жизни и иронией к ней.

— Тебе пора, Фрэнк.

Фрэнк на ватных ногах пошёл к выходу, сенатор продолжал сидеть в кресле, видимо не желая, чтобы кто-то в следующие миги прерывал его одиночество, в котором он вот-вот окажется. Но сенатор окликнул Фрэнка. Тот обернулся.

— Надеюсь, увидимся нескоро, ха, — и сенатор отсалютовал Фрэнку правой рукой, — береги себя.

— И вы берегите себя, сенатор, — ответил Фрэнк и в будущем неоднократно со злостью и тупым бессилием порицал себя за столь нелепый в той ситуации ответ. За такие последние прощальные слова.

Фрэнк покинул холл, прошёл сквозь длинный коридор, стены которого украшала разнообразная живопись, в которой Фрэнк не разбирался, но точно знал, что сенатор гордится своей коллекцией. Затем он спустился по широким дубовым ступеням ко входной двери и вышел на улицу. Лицо защипало от холода, а ветер сиюминутно неудержимым вихрем проник под лёгкий костюм, пробирая до костей. Фрэнк взглянул на дом. Трёхэтажный особняк, настоящая крепость для души, служившая оплотом надёжности и очагом для многих поколений семьи сенатора. Старинный стиль, белые, в некоторых местах с облезлой краской колонны, на которых возвышались горгульи, словно безмолвные стражи, наблюдавшие за всем происходящим вокруг, вывалив свои длинные ужасные языки. Широкие окна на всех этажах были завешены массивными тёмными шторами, из которых не пробивался свет, и казалось, что дом погружен в темноту, только фонарь на крыльце сочился жёлтым болезненным светом, подобно одинокому маяку во время штормившего моря. Казалось, что фонари на улице горели более тускло, чем обычно.

Фрэнк взглянул на дом в последний раз, и больше никогда не заходил на эту улицу.

Сенатор Корш скончался через два дня.

Вот-вот должно было начаться. Зал был заполнен представителями журналистской профессии. Камеры наготове: в любую секунду норовя разрядиться залпом фотовспышек. До начала столь ожидаемого события: пресс-конференции, которая обязана была впоследствии именоваться судьбоносной для человечества, оставалась минута. И эта последняя минута тянулась невероятно долго для всех присутствующих. Время относительно, оно то несётся вперёд на бешеной скорости, не заботясь, успевают за ним люди или нет, то растягивается широким полотном, которому нет ни конца, ни края, на котором нервно топчутся толпы, в ожидании.

Но ожидание было банальным, ибо все до единого и так знали какое заявление сейчас будет предложено вниманию публики, все обсуждали грядущее заявление без малого весь последний месяц, а догадки о нём обсуждали ещё задолго, вначале не воспринимая их всерьёз. Но когда догадки подкрепились слухами, а затем и практически официальными

подтверждениями, дух таинственности исчез, а на его место встало ожидание нескольких предложений из уст компетентных людей, которые своими полномочиями вселили в слова, проговоренные именно ними, конечную и неоспоримую истину, придавая вербальным средствам взаимодействия с публикой весомый и значимый смысл.

Когда провернулась дверная ручка, и дверь начала открываться, одновременно с её поворотом вошёл лидер Партии Демократов. Своим шагом он сопровождал процесс открытия двери, отставая от неё лишь на несколько сантиметров, но выглядело его вхождение эффектно и гармонично. За ним, на расстоянии двух шагов следовал глава корпорации Justice-Tech — Директор Стиннер, а третьим в зал вошёл тот, кого так ждали, кто первый раз появлялся на публике и был обречён на всеобщее внимание и пристальные взгляды.

Такого робота люди ещё не видели, он отличался от роботов-судей, роботов-адвокатов и от роботов-полицейских. Его внешности было придано больше человеческих очертаний, чем всем остальным роботам вместе взятым. Его корпус (или тело, в зависимости кому как удобней называть) был серого матового цвета, настолько глубокого, что поглощал в себя взоры всех смотрящих на него. Робоконечности были изящными и пластичными — двигался робот с грацией, неприсущей остальным представителям своего «вида». Голова была правильной овальной формы, а лицо хотя и имело характерный для роботов вид, но всё же обладало некими чертами, близкими к человеческим. У него был небольшой выступ на месте, где у людей расположен нос, были и уши, служившие сенсорами и локаторами, воспринимающими все звуки окружения. Но что самое удивительное, и встречающееся впервые — он не обладал динамиками для голоса на шее — у него был вполне настоящий рот, приводящийся в движение во время речи пневмомеханизмами, и выглядело это естественно, будто речь была человеческая.

— Уважаемые присутствующие, — лидер партии Демократов обратился с трибуны, — граждане и жители штата. В дополнение к нашему глубокому потрясению и сожалению по поводу преждевременной смерти сенатора Корша, я хочу выразить также соболезнования его семье, близким, друзьям и всем людям, которые имели честь знать его и быть знакомыми со столь великим человеком. Он сделал для всех нас, для своих избирателей и для страны, которой он столь отвержено служил, намного больше, чем мы все могли ожидать от него. Он был человеком слова и человеком дела. Его жизненные принципы и моральные качества служат нам примером качеств человека-лидера, за которым хотелось следовать. Мы потеряли великого сына нашей земли. Он оставил после себя наследие, которым должен с умом воспользоваться его приёмник. Сенатор Корш поднял планку слуги народа на высочайший уровень не только в нашем штате, но и по всей стране. Любому следующему сенатору будет очень сложно хотя бы дойти до того же уровня. Сенатор Корш был словно рождён для своего дела, исполнял его самоотверженно, ни разу не поставив свои личные интересы выше, что очень редко встречается у нас, людей. Болезнь, которая отняла жизнь у сенатора, проявилась намного ранее, чем месяц назад, но сенатор Корш успешно с ней боролся. До определённого момента. Он был человеком, который всегда смотрел в завтра на несколько шагов дальше, чем все остальные, и потому мог готовить плацдарм для будущего людей. На следующих выборах он собирался совместно с корпорацией Justice-Tech поддержать кандидатуру нового сенатора, который был бы в прямом смысле создан для этой работы. Сенатор, как и руководство партии, пришёл к выводу, что не будет лучшего для избирателей политика, чем тот, кто изначально идёт в политику без какого-либо личного

интереса, поскольку не имеет его, а единственные мотивы, вложенные на основе сознания как постулаты — это улучшить жизнь людей, которые доверили ему право быть избранным. Хотя жизнь и нарушила планы сенатора, да и всех нас, отняла у него время, которое он хотел посвятить, чтобы донести свои идеи до людей и убедить своих избирателей в целесообразности столь кардинальных изменений, его дело продолжит жить. Назначены внеочередные выборы на пост сенатора Штата, и я хочу представить вам кандидата от партии Демократов, — он протянул руку в сторону робота, — это Аменд, самый совершенный робот из всех, что нам доводилось видеть, созданный для того, чтобы быть сенатором и служить стране.

Лидер партии замолчал и сразу же множество голосов разрубило пространство в конференц-зале, журналисты наперебой задавали вопросы, сотрясали руками с диктофонами, фотографировали и делали вообще всё, что способны были делать для придания обстановки ажиотажа и потрясения услышанным.

Директор Стиннер сделал три шага вперёд и оказался на трибуне, которую только что освободил предыдущий спикер. Вскоре все голоса журналистов постепенно утихли.

— Когда мы создавали Justice-Tech я руководствовался только пользой для человечества, которую она могла принести. Я желал, чтобы люди получали квалифицированную юридическую помощь, не оставаясь при этом без последнего цента. Я хотел, чтобы судьи отталкивались только от закона. Хотел исключить человеческий фактор эмоций и ошибок из процессов, от которых зависит дальнейшая жизнь людей. Я мечтал, чтобы меньше полицейских гибло на улицах, защищая ценности, провозглашенные Конституцией этой великой страны. Когда мы создавали Justice-Tech, мы видели перспективы для всех нас, но даже мы не могли представить всего объема той пользы, которую Justice-Tech может принести людям. В самом начале нашего пути у нас было лишь немного сторонников, остальные относились к нашему делу с агрессией, другие со скепсисом и опасениями, кто-то с насмешкой. Но всё это не подтвердилось, своим примером мы убедили даже самых ярых противников, что мы движемся в правильном направлении. Наши идеи всегда опережали время, и позже оказывалось, что были необходимы и верны. Justice-Tech всегда думала о будущем. Да, некоторые наши решения были непонятны, и только спустя месяцы и годы вы все соглашались, что Justice-Tech была права. Многим может показаться странным наше решение создать робота-сенатора. Некоторым кажется, что судей, адвокатов и полицейских достаточно. Но что делают все эти роботы? Исправляют ошибки людей, многие из которых стали заложниками несовершенной законодательной системы. Людей, которые пожидают плоды временами неразумного государственного управления. Всё, что происходит в судах — это следствие нарушения законов. Следствие нарушения устоявшихся общественных отношений. Но что, если общественные отношения урегулировать таким образом, что их не будут нарушать? И при этом никто не будет посягать на свободу другого? От античных времён до наших дней люди продумывали идеальную модель правления и жизни общества. Результат этой многовековой работы — то, что мы имеем сейчас. Но разве это идеал? Нет. Но, быть может, это всего лишь предел того, до чего можем мы, люди, прийти. Невозможно продвигаться в других сферах, оставляя неизменной область, которая всё регулирует и на которой всё основывается. Я говорю о государстве. Сейчас, может, мы и не заметим кардинальных недостатков, которые тормозят эволюцию общественного организма, но пройдут годы, и мы убедимся в том, что необходимость изменений появилась намного раньше, чем мы это осознали. И тогда наш

прогресс остановится, и мы столкнёмся с рядом проблем, которых можно избежать прямо сейчас, если принять верные меры. Justice-Tech считает единственно верной мерой — внедрение в систему государственной машины специально созданных роботов, запрограммированное сознание которых будет анализировать общественные отношения, улавливать новые тенденции в жизни социума ещё в зародыше, и строить систему управления таким образом, чтобы она поощряла и толкала прогресс дальше, а не затормаживала его вследствие своей консервативности и неготовности к переменам. Но для этого мы все должны действовать заодно, шагать рядом друг с другом. Первым шагом Justice-Tech есть создание первого такого робота, первым шагом политиков — выдвижение его на пост сенатора, а первым шагом народа должно быть его избрание, чтобы открыть себе дверь в будущее, которое ежеминутно создаётся и вытекает из настоящего.

Когда к микрофону подошёл робот Аменд, его роботизированный голос не был сделан точь-в-точь как человеческий, но был приятен и уверен, имея успокаивающий эффект для слушателей.

— Для меня честь удостоится проявленного мне доверия быть выдвинутым в кандидаты в сенаторы по этому штату. У меня есть чёткий план и понимание, какой должна быть работа сенатора для того, чтобы люди забыли проблемы, связанные с политикой. Лучший политик тот, чью работу можно обсудить без какого-либо проявления негативных чувств, а только с гордостью и удовлетворением. Я собираюсь быть первым в новой генерации именно таких государственных деятелей и доказать своим избирателям, что лучшая жизнь возможна не только в отдалённом будущем, не только для их детей и внуков, но и прямо сейчас, уже сегодня, и для этого не нужны какие-то грандиозные перемены, достаточно лишь доверить управление в нужные руки.

Вопросы от журналистов сыпались и сыпались, а ответы на них порождали новые вопросы. Директор Стиннер с молчаливым наслаждением наблюдал, как его детище прямо здесь и сейчас творило новейшую историю этого мира.

— Ооо! Фрэнк Солдберг! Мой лучший клиент!

Хозяин лодки был человеком шумным и навязчивым, и Фрэнк был рад, что имел с ним дело не более двух раз в день — когда арендовал лодку и когда сдавал её обратно. В небольшом порту кипела жизнь. Несколько рабочих переносили ящики и грузили в старый пикап, который уже просел под их весом, а они и не думали останавливаться. Старик, сидя на причале, свесил ноги к воде и возился с рыбацкой сетью, то ли латая её, то ли распутывая. Заведующий административным зданием тыкал пальцем в какие-то бумаги, при этом гневно жестикулируя, доказывая что-то капитану небольшого судна, который недоуменно водил ладонью по затылку. Лодки и парусные круизные яхты, коих было не так уж и много, мерно покачивались на волнах. Скрипели обветшалые и во многих местах прогнившие доски деревянного пирса. В нескольких метрах над головой кружили чайки, норовя стащить рыбу у только что пришедшего с ходки рыбака, хотя улов его был небогатым. Запахи рыбы, гниющих водорослей, дерева, бензина и машинного масла смешивались воедино. Фрэнк уже привык к ним за неделю, которую уже провёл здесь, каждый день выходя на воду. Он подошёл к хозяину лодки, выслушивая его реплики ни о чём, бесполезные как якорь для пловца, взял из его рук шариковую ручку, поставил подпись в приложенной к деревянной балке бумаге, достал из кармана скомканные наличные, отсчитал и протянул хозяину несколько купюр. Тот с улыбкой взял деньги, тщательно пересчитывая.

— Фрэнк Солдберг, мой любимый клиент! — вновь повторил он.

Фрэнк завёл мотор. Хозяин отвязал лодку от причала и отдал швартовые. На небольшой скорости судно направилось к выходу из порта, минуя старые развалюхи, которые каким-то чудом ещё были на плаву, но не факт, что на ходу. Выйдя из порта, Фрэнк поубавил скорость, убедился, что впереди по курсу нет никого и отошёл развязывать верёвки с кранцами, находившимися на правом борту, коим лодка упиралась в причал.

Фрэнк осмотрелся, проверяя ничего ли он не забыл. На борту в коробках располагались раскладные стулья, рыбацкие снасти, наживка, ящик пива и кое-какие закуски к нему. Отойдя на приличное расстояние от порта, Фрэнк повернул и повёл лодку вдоль берега. Прошёл приблизительно час, прежде чем он выключил мотор. Вокруг было тихо, ничто не нарушало спокойствия, которое создавала природа. Фрэнк достал из ниши на носу судна якорь на длинной металлической цепи, аккуратно опустил его в воду и дождался, пока он не достигнет дна. Затем Фрэнк прошёл на середину лодки и принялся возиться с коробками, собирая снаряжение для рыбной ловли. Одну за другой он закинул несколько снастей. Одни были для донной ловли, другие же поплавочные. Поплавки с тихим плеском падали вдали от лодки, и начинали мерно покачиваться, повинувшись волнам, которых неспешно гнал лёгкий ветер.

Какого-то особо клёва не было, так — по мелочам. Но Фрэнк выходил каждый день на воду не за уловом промышленных масштабов и не за поклёвкой, когда не успеваешь удочки вытаскивать, чтобы поменять наживу — это были скорее приятные, когда они в действительности случались, сопровождающие факторы самому процессу рыбалки, который в своей сути был для Фрэнка временем спокойствия и лучшего отдыха из всех, которые можно представить. Абсолютное единение с природой, когда человек, наблюдая за ней во всех её проявлениях, растворялся в ней и в какой-то момент переставал осознавать себя как нечто обособленное. В основном Фрэнк ни о чём не думал, он просто сидел и смотрел в воду, оглядываясь на стасти когда ему казалось, что звенел колокольчик, смотрел на поплавки. Затем он открывал ящик-холодильник, брал наполовину зарытую в массу льда банку пива, открывал её, слушая приятный характерный щелчок, и неспешно опустошал, лишь для того, чтобы после этого взять новую. Он ел вяленую рыбу, доставал из герметичного сосуда маленькие и чересчур солёные анчоусы, хрустел орешками со вкусом сыра. Пил приятное холодное пиво и вновь смотрел на воду. Когда поплавок начинал дёргаться, а это всегда происходило внезапно, Фрэнк, как и подобает каждому уважающему себя рыбаку, был к этому готов, быстро отставляя пиво в сторону, он единым движением удочки подсекал рыбу и начинал тянуть лёску в катушке. Иногда рыба попадалась и вовсе маленькая. Иногда побольше. Иногда он вытягивал её за каких-то десять-пятнадцать секунд, а бывало тянул и по десять-пятнадцать минут. Когда Фрэнк чувствовал, что рыба, проглотившая крючок, немалых размеров — он переключал рычаг на катушке и лёску ничего не сдерживало — рыба устремлялась прочь от лодки, почувствовав ложную свободу и минувшую опасность, утягивая за собой добрые метры лески. Затем, когда она уставала плыть и останавливалась, Фрэнк вновь фиксировал катушку и начинал быстро наматывать на неё леску, притягивая рыбу вновь ближе к лодке. Когда он начинал чувствовать сопротивление на том конце — он вновь отпускал леску, чтобы рыба её не порвала, и терпеливо ожидал, пока она не устанет вновь. Так и вытягивал — два шага назад, три вперёд.

После обеда пошёл лёгкий дождь. Поднялась большая волна. Фрэнк, наверное, из-за дождя пропустил хорошую часть улова, потому что, в раздумьях — клюёт ли это, или просто

дождь и волны играют со снастью, рыба съедала наживку. Но даже погода не помешала Фрэнку поймать самую большую рыбу на сегодня, хотя здесь больше была заслуга не Фрэнка, а самой рыбы. Раздался звон колокольчик, и зафиксированная на борту снасть дёрнулась, леска натянулась как струна и снасть была готова уже вот-вот устремиться в воду, увлекаемая рыбой, которая вместе с приманкой заглотнула крючок, причём довольно крепко. Фрэнк успел схватить снасть и приложил усилия, чтобы удержать её в руках. Рыба действительно была большая.

Так и проходили дни его отпуска.

— Крупный образец, а? — хозяин лодки с нескрываемым интересом разглядывал улов Фрэнка.

— Долго возился с ней, — Фрэнк опустил на деревянные доски причала свои вещи, вместе с сеткой, полной рыбы, и взял из рук хозяина ручку, чтобы вновь расписаться в бумагах.

— Сюда звонил один мужик, представился кем-то из органов, спрашивал Фрэнка Солдберга... Я бы сказал ему, что не знаю тебя, но ты же понимаешь, твоё имя есть в моих журналах, и ты вот собственноручно ставишь подпись сейчас, потому я не мог тебя прикрыть, прости... — хозяин лодки пытался оправдаться.

— Что ты вообще несешь такое, зачем меня прикрывать? Я же не преступник какой-то. Кто это был?

— Не знаю, я не запоминаю такие вещи. Послушай, он сказал своё имя прежде, чем я взял ручку и бумагу, а потом переспрашивать было как-то неприлично, ты же знаешь этих бюрократов — любое не так услышанное слово воспринимают, как оскорбление, а потом проблемы устраивают — проверки там всякие, инспекции, чисто из подлости...

— Давай к сути дела. Что он хотел?

— Фрэнк, я не знаю, что он хотел, я в чужие дела не лезу. Спроси сам, если конечно позвонишь по номеру, который он мне оставил, — хозяин лодки вынул из кармана помятый квадратный лист бумаги, с явственными следами двух жирных пальцев, на котором корявым почерком был написан телефонный номер.

Фрэнк взял лист в руки. Вгляделся и спросил:

— Это что за цифра? Девятка?

— Да-да, девятка.

— А это... четвёрка?

— Нет-нет, тоже девятка.

— Ну хоть бы имя запомнил. Кого мне спрашивать, когда позвоню?

— Фрэнк, это ты здесь рыбачишь, хоть и каждый день, но однажды ты уедешь, а я останусь, и мне лишние проблемы не нужны, ведь это мой хлеб... Переспросил бы я имя, а он подумал, что я без уважения к нему...

— Ладно, я понял, — Фрэнк не имел никакого желания дальше выслушивать логику хозяина лодки.

— Ты завтра будешь?

— Пока что мои планы не изменились.

— Ну тогда всего хорошего тебе, до завтра! Расскажешь, что там от тебя хотели, — на прощание сказал человек, который, как он сам же и выразился, в чужие дела не лез.

Фрэнк ничего не ответил, поднял свои вещи и ушёл из порта. До мотеля, в котором он

остановился, было десять минут пешком. Мотель представлял собой длинное двухэтажное деревянное здание. Вывеска на входе гласила: «У природы». И хотя Фрэнк гостил не у природы, а у такого же человека, которым являлся собственник мотеля, тот старался всячески подчеркнуть суть названия тем, что в мотеле из благ цивилизации были только водопровод и канализация, а электричества, и тем более любой связи — как телефонной, так и Интернета — нет. Освещали мотель толстые свечи и лампы, а жильцов обогревали камины.

Хозяин мотеля сидел на крыльце у входа в деревянном кресле и курил трубку с ароматным табаком. Фрэнк продемонстрировал сетку с рыбой.

— О-о-о, — протянул хозяин, которого звали Джозеф, — Сара! Сара!

Начинало темнеть, и в мотеле уже были зажжены лампы. Приоткрылась входная дверь, и на улицу выглянула голова служанки.

— Сара, забери же быстрее у мистера Фрэнка эту рыбу, чего он ещё до сих пор её в руках держит, он же нам её принес, давай же, ну!

Сара торопливо выскочила на улицу и от спешки едва ли не вырвала сетку с уловом из рук Фрэнка. История повторялась изо дня в день, и первое время Фрэнку было слегка неловко видеть полные вины глаза Сары, что заставила его так долго ждать и держать рыбу в руках, что не почувствовала его приближение раньше и сразу же не выбежала на помощь, а быть может, не ждала его в порту, у лодки, чтобы сразу же забрать улов, чтобы не дай Бог, господин Фрэнк, как преподносил это Джозеф — не перетрутился. Но потом Фрэнк перестал обращать на всё это внимание и начал воспринимать отвлечённо, как и многие вещи в последние дни.

— Извините, мистер Солдберг! — Сара откланялась и скрылась в мотеле вместе с сеткой рыбы.

— Мистер Фрэнк, не составите ли вы мне компанию, пока повар будет возиться ужином, с рыбой в том числе, так великодушно принесённой вами?

— Джозеф, с удовольствием, только немного позже, я хочу принять душ.

— Я буду здесь, — он затянулся трубкой, и хохотнул, — по крайней мере пока что, а потом буду там.

Фрэнк поднялся на второй этаж, открыл свой номер и скинул мокрую после дождя одежду на пол. Принял душ, надел чистые и, что самое главное, сухие спортивные брюки и толстовку, после чего спустился вниз. Консьерж в холле читал какую-то книгу при свете свечи, со стороны кухни доносился звон посуды и витал лёгкий аромат куриного бульона, а так же аппетитный запах свежих сдобных булочек. Справа, в зале, раздавался стук шаров, где несколько посетителей играли в бильярд. Кто-то затянул на гитаре тихую грустную мелодию. Ещё несколько мужских и женских голосов что-то обсуждали, чуть громче шепота, дабы не нарушить досуг других присутствующих. Общий зал в мотеле был местом уютным и интересным.

Фрэнк вышел на улицу. Уже было совсем темно. На другой стороне широкой дороги начинался лес, в некотором отдалении по бокам от мотеля стояли жилые дома, в которых горел свет, но не от свеч, а от электрических ламп, разумеется. Джозеф сидел в кресле в такой же позе, и так же курил трубку. Казалось даже, что дым, выпускаемый им, есть прямым и непрерывным продолжением того, что Фрэнк видел, когда пришёл.

— О, мистер Фрэнк, так значит, мне... — Джозеф задумался и внезапно закричал, и его голос зычным эхом разошёлся по округе, — Сара! Сара!

Она появилась почти мгновенно, выдрессированная за долгие годы, которые работала здесь — возникать по первому (или максимум второму) зову Джозефа.

— Принеси мне и мистеру Фрэнку водки, и закусь что-нибудь, так сказать для разогрева аппетита, — последнее он сказал уже Фрэнку.

Фрэнк не стал отказываться. Он был в отпуске. И у него было чертовски неважное настроение.

Это был первый отпуск за девять лет. Сенатор никогда не брал отпуск, а Фрэнку предлагал десятки раз. Но работа сенатора была намного сложнее, чем у Фрэнка, потому позволять себе отдых, работая с таким человеком было постыдно и недостойно. Последние девять лет Фрэнк непрерывно был на службе. Он не пил на службе, но сейчас мог позволить себе это, тем более, что алкоголь приятно заглушал чувство неопределённости в жизни, возникшее после смерти сенатора.

Водка была кристально прозрачной, что было видно даже в свете керосиновой лампы. Пахла она как чистый спирт. Джозеф наполнил до краёв две пятидесятиграммовые стопки, и одну протянул Фрэнку. Они чокнулись, Фрэнк выпустил из лёгких весь воздух и залил содержимое себе в горло. Затем он взял из принесённого Сарой блюда большой маринованный гриб, ломтик сухого сыра и смачно закусил.

— Ох, хорошо то как зашла! — довольно воскликнул Джозеф.

Крыльцо отеля было уютным местом. Широкое и длинное. Деревянный настил и большой деревянный навес-козырёк над ним. На полу располагался красивый ковёр, пара столов по разным сторонам от входной двери, несколько кресел и диван. От улицы их отделяли высокие перила, исполненные тонкой резьбой по дереву. Над перилами висели керосиновые лампы. На улице вновь пошёл дождь, прибывая пыль на грунтовой дороге. Из леса напротив доносились звуки листьев, шелестящих под напором ветра. Голоса вечерних птиц.

— Ещё по одной, — скорее не спросил, а уведомил Джозеф, и вновь наполнил стопки.

Они выпили.

— Наш мир катится к чертям, мистер Фрэнк, разве люди в городах ещё помнят о том, что можно вот так вечером посидеть на крыльце, послушать лес, насладиться каплями дождя, которых ветер заносит под покрытие? Выпить вот так на вечерней природе, закусь... Нет, люди не помнят. Все эти современные устройства, гаджеты и роботы, чёрт бы их побрал: люди восхищаются ими. А я вот восхищаюсь всем этим, — он повёл рукой перед собой, — с каждым годом у меня всё меньше посетителей из больших городов, вот как вы, мистер Фрэнк, и это при том, что дела у меня идут лучше, чем у конкурентов, те вообще скоро загнутся... У меня хоть идея есть, которая манит одинокие души городских романтиков — пожить с минимальным напоминанием о цивилизации...

— Сенатор Корш любил это место, он всегда говорил, что хочет приехать сюда вновь, как выйдет на пенсию, а может и вообще остаться здесь жить. И мне постоянно говорил, чтобы я приехал сюда отдохнуть

— Да, уважаемый сенатор был моим другом, насколько возможно стать друзьями за то время, которое он проводил здесь... Жаль, что он так и не приехал отдохнуть после того, как стал сенатором. Да... Я, честно признаться, скучаю за его рассказами у камина зимними вечерами, которые так хорошо проходили за бутылкой выдержанного ароматного бурбона, старого как сам мир и более горячего, чем сам огонь. Он всегда привозил с собой несколько таких бутылок, и где он их брал?

Они выпили ещё по одной.

— Я тут без Интернета, без телевидения, знаю о стране только из газет да рассказов своих посетителей. Больше всего мне нравится говорить о роботах. Знаете, мистер Фрэнк, такое двойное чувство: мне очень интересно слушать о них, но сам бы я ни за что не хотел увидеть этих дрянных железяк.

— На самом деле, называть их железяками уже неправильно, сейчас их производят из прочного угле-пластикового волокна.

— Один хрен, — усмехнулся Джозеф и налил ещё.

— Гляди скоро и увидите их, Джозеф. Как расширят программу полицейских в будущем, может и сюда пришлют парочку.

— Да гори они в аду. Мне и наш шериф по душе, с ним выпить можно, поговорить безо всякого...

Фрэнк нащупал в кармане скомканную бумажку. Ему очень не хотелось узнавать кто звонил и интересовался им, последнюю неделю он жил в обособленном от внешней цивилизации мире, и пока что у него не было желания возвращаться обратно, или по крайней мере отвлекаться, впускать цивилизацию в свой тихий и спокойный отдых. Но перезвонить было нужно.

— Джозеф, откуда я могу сделать звонок?

— Звонок? — Джозеф протянул это слово как незнакомое ему и заговорщицки улыбнулся, — вы же знаете, посетители «У природы» не делают звонков.

— Да, по этой причине я не брал с собой ни свой телефон, ни планшет. Но мне действительно нужно позвонить.

— Ну ладно, так... В тех домах, разумеется, есть откуда позвонить, но знаете, жильцы такие скотины, хрен кто даст. В магазине у почты есть телефон, оттуда позвонить будет легче. Правда тащиться туда минут двадцать... Вам точно нужно сегодня позвонить или может уже завтра?

— Да ничего, прогуляюсь как раз перед ужином.

— Велеть Саре принести зонтик?

— Нет, зачем? Такой дождь в удовольствие.

— Во-во. Наслаждайтесь, в городе не походишь под дождём, наверное, то кожу разьест, то волосы в другой цвет перекрасит, ха! — Джозеф налил себе ещё.

Фрэнк накинул на голову капюшон и пошёл вглубь городка. Мотель находился на окраине. Дорога была в большинстве своём здесь разбитая, и дождь смешал землю в грязь. Асфальт начинался только через две улицы, а до этого, даже не притормозив, мимо пронёсся выдавший виды джип, едва не обдав Фрэнка брызгами из длинной и глубокой лужи. Улицы были пусты. В маленьких городках и поселках жизнь успокаивалась намного раньше, чем в мегаполисах, где кипела круглосуточно. Но из бара по дороге разносилась музыка, смех и множество голосов. Наверное, это было единственное место, сосредотачивающее ночную жизнь городка. Дождь слегка усилился. В седане, стоявшем у обочины, под раскидистым старым деревом, на заднем сидении целовалась парочка. Потoki воды, скатывавшиеся по стеклам, и общая плохая освещённость местности не позволяла разглядеть чего-то интересного. Вскоре Фрэнк подошёл к магазину, эдакому провинциальному супермаркету. Продавец, по совместительству и собственник, без проблем разрешил воспользоваться линией связи, а Фрэнк в знак вежливости купил банку пива, которую собирался выпить по обратной дороге.

Фрэнк достал бумагу. Та здорово промокла, но надпись прочесть было можно. Он набрал номер. Несколько гудков, и на том конце линии ответил голос пожилой женщины:

— Алло! Алло!

— Здравствуйте, вы звонили...

— Алло! Дэмпси, ты ли это?

— Нет, это Фрэнк Солдберг, вы звонили в...

— Кто-кто это?

— Фрэнк Солдберг! — сказал он уже громче.

— Фрэнк? — голос старушки был полон изумления, она переспросила ещё раз, — Фрэнк?

— Да, это Фрэнк.

— Но Фрэнк, ты же мёртв уже как пять лет, ты звонишь с того света? Уже и мне пора?

«Что за чушь» — подумал Фрэнк в недоумении, но затем сообразил, что ошибся номером, набрал вместо девятки четвёрку, ох уж этот корявый почерк, он даже переспросил что это за цифра у хозяина лодки. Наверное, алкоголь немного ударил в голову, на голодный желудок.

— Я ошибся номером, прошу прощение за беспокойство.

— Фрэнк, я плохо слышу, что ты там говоришь, но твой голос, прямо как в молодости, я тоже вновь помолодею там? И я не вышла замуж второй раз, Фрэнк!

— Я не ваш мёртвый муж, — повысил голос Фрэнк, чтобы его услышали, но услышал его продавец в магазине, недоумённо покосившись вслед за последней репликой, — я номером ошибся, извините! — и повесил трубку.

— Можно я ещё один звонок сделаю? — спросил Фрэнк у собственника магазина.

— Да, конечно, нет проблем, — с какой-то опаской ответил тот.

Фрэнк набрал номер вновь, только в этот раз вместо четвёрки — девятку. Раздалось три гудка, прежде чем взяли трубку.

— Фрэнк, это ты? — опять тот же вопрос, только голос уже не старой женщины, а мужской.

— Да, — всего то и ответил Солдберг.

— Я так и понял, у меня определитель, штата и города. Я тебя искал, не то, чтобы тебя было трудно найти, но, если бы ты носил с собой телефон это облегчило бы задачу.

Фрэнк не понял — его что, вычитывали? Начало разговора было довольно дерзким.

— Кто это?

— Меня зовут Брайан Ротовски, я работаю на Justice-Tech, мне поручено связаться с тобой лично Директором.

— Зачем Директору со мной связываться?

— Директору незачем, потому-то и связываюсь я. Но Директор желает встречи с тобой, Фрэнк. Это довольно-таки сложный вопрос, требующий личного диалога, а не телефонный разговор. Я не сказал бы, что вопрос терпит отлагательств, но Директор с уважением относится к твоему отпуску, который ты получил впервые за долгие годы, и потому я взял тебе билеты обратно не на завтра, а на послезавтра. Вылет в десять утра, по прибытию в аэропорт я тебя встречу. Твой визит носит неофициальный характер, потому разглашать о нём на службе не нужно.

От такой информации, прямо в лоб, ещё и под небольшим воздействием алкоголя, Фрэнк не сразу понял, что именно ему ответить, а на том конце провода ждать и не были

намерены:

— Ты же понимаешь, что приглашения Директора не игнорируют, и не откладываются. Так что давай, Фрэнк, послезавтра увидимся.

Раздались гудки.

— Спасибо большое, — Фрэнк обратился к продавцу и вышел.

Дождь, на удивление, прекратился. Фрэнк открыл банку пива и сделал три больших глотка, опустошив ёмкость наполовину. Что за хреновину он только что выслушал? Это было связано с бывшей деятельностью сенатора, в этом Фрэнк был практически уверен. Но не в плане, что в Justice-Tech открыли шкаф, а оттуда вывалились скелеты, оставленные сенатором. Нет, скорее всего они хотят что-то узнать, что-то связанное с деятельностью сенатора. Тот был избран от штата, в котором располагались штаб-квартиры Justice-Tech, и, если Фрэнком заинтересовался лично Директор, значит разговор предстоял не из лёгких. Фрэнк много знал о деятельности сенатора, что не было известно другим, но в том, о чём он был осведомлён в силу своей службы, не было ничего противозаконного, или такого, по крайней мере, что формально можно было назвать противозаконным. Не было и такого, что вредило бы интересам Justice-Tech после смерти сенатора. Сенатор был умным человеком. Он, с одной стороны, никогда не выступал против корпорации, но с другой стороны нельзя было сказать, что он поддерживал её — он соблюдал баланс, без которого не смог бы занимать свой пост два срока подряд. Но может было что-то, чего Фрэнк не знал? Разумеется, конечно же было, и много чего, но вопрос в том, был ли сенатор тем человеком, который оставлял после себя секреты, которыми могли теперь интересоваться у Фрэнка люди высочайшего уровня? Бесспорно, такие секреты были, но, если людям высочайшего уровня хватило ума, чтобы забраться на вершину общества, им должно и хватить его, чтобы понять, что сенатор не стал бы посвящать никого в свои тайны. Хотя в некоторые тайны Фрэнк всё же был посвящён, сугубо в силу своей службы.

Тучи расступились и открыли взору звёздное небо с полной луной, которая теперь освещала дорогу не хуже фонарей. Мимо пару раз проехали автомобили, все залепленные грязью, а раз пролетел квадроцикл, разнося вокруг клочья грязи с колёс — видно совсем недавно выехал с бездорожья на асфальт.

Джозеф уже ушёл с крыльца. Из столовой доносились голоса и звон посуды. Мимо проходила Сара и обрадованно проговорила:

— Господин, вы как раз успели к ужину, мы только накрываем на стол.

— Отлично, спасибо.

Фрэнк вновь проследовал в свой номер, чтобы переодеться в сухую одежду, а когда спустился вниз, постояльцам уже разливали по тарелкам горячий ароматный суп. На второе всех ждало печёное мясо и жаренная рыба на выбор, так же были салаты, закуски, нарезка, овощи и фрукты. У Фрэнка был отличный аппетит. После ужина Джозеф пригласил посидеть у камина и выпить с ним водки, вернее продолжить процесс, который они начали до ужина и временно прервали. Отказываться не было смысла, Фрэнк не любил, когда в голове кружилось слишком много мыслей, и не любил и неопределённость. Думать обо всём было бесполезно — всё случится послезавтра, а сегодняшний день ещё не закончился. Потому что кристально чистый напиток вновь был разлит в две стопки, а рядом стояла тарелка с кубиками сыра, маслинами, грибами и маринованными огурцами на ней.

Аэропорт был лучшим местом для человека, желающего почувствовать контраст между

жизнью в глуши у природы и жизнью в центре цивилизации. Шум, вихрем носившийся вокруг, был для ушей настолько привычным, что Фрэнк даже удивился, он думал, что возвращение в большой мир из мотеля «У Природы» будет более мучительным.

Никто не встречал Фрэнка с табличкой. Но в какой-то миг чья-то рука легла ему на плечо. Фрэнк в долю секунды машинально обернулся, едва не схватив руку и не скрутив её в заломе — реакция была быстрее мозга. Но он этого не сделал, и правильно. Человек был на полторы головы ниже Фрэнка. Тёмно-серый костюм в тонкую полоску, синий галстук, зажим с бриллиантами, причёска за несколько сот долларов, лицо, познавшее прелесть пластических операций, неискренняя улыбка, надменный и наглый взгляд.

— Брайан Ротовски. Фрэнк, мы говорили с тобой, рад знакомству.

— Взаимно.

— Пошли за мной, нас ждёт водитель.

На выходе с аэропорта, на проезжей части, прямо под знаком «Остановка запрещена, припаркованные средства будут немедленно эвакуированы» с включённой аварийной сигнализацией стоял чёрный седан Мерседес последней модели с тонированными стёклами. То ли номера «JSTTH3», означающие принадлежность автомобиля к корпорации, или охрана аэропорта ещё не успела подойти, но автомобиль спокойно стоял в запрещённом месте и не кем не был немедленно эвакуирован. Брайан открыл себе переднюю дверь, а Фрэнка жестом пригласил садиться назад. Фрэнк дотронулся пальцем к сенсору и массивная, как оказалась, бронированная дверь плавно распахнулась.

Машина заскользила по узкой дороге, ведущей к выезду из аэропорта, а затем, выехав на шоссе, заняла крайний левый ряд и понеслась вперёд, моргая фарами каждому автомобилю перед собой, призывая незамедлительно уступить дорогу.

— Значит, сам Директор хочет со мной встретиться? — спросил Фрэнк и это были первые прозвучавшие слова после их с Брайаном приветствия.

Ответа не последовало, водитель даже не подал виду, будто что-то услышал, хотя в его обязанности, скорее всего, входило игнорировать всё, что происходило внутри автомобиля, а то и вовсе не слышать разговоров в нём. Брайан же сделал едва заметное движение головой назад, не удосужившись обернуться или каким-либо образом ответить. Прошло секунд пятнадцать, и он всё-таки сказал:

— Фрэнк, разумеется, это не программа розыгрыш, и твою реакцию на предполагаемую встречу с Директором не покажут по телевидению. И упреждая твои следующие вопросы о цели встречи, поверь мне на слово — это достаточно важно для того, чтобы Директор нашёл в своём расписании время и пригласил тебя. А теперь давай лучше насладимся музыкой, ты любишь классику?

Не дожидаясь ответа, потому что, это скорее всего и не был вопрос, Брайан нажал на один из сенсоров. Динамики разлились волнами мелодии фортепиано со скрипкой на высокой громкости. Фрэнк не то, чтобы не любил классику, он вообще музыку не очень много слушал, но мелодия была действительно красивой, навевала мысли о грядущем судьбоносном событии, которое должно было произойти под аккомпанемент эпических звуков скрипки и тоскливо плачущем по чему-то давно минувшему, пианино. Но далее мелодия меняла русло, и вот уже безнадежно утерянное в прошлом, давало надежду возродиться вновь звуками неизвестной Фрэнку мелодии. Автомобиль несся явно с превышением разрешённого скоростного режима. Резкий тормоз кинул Фрэнка вперёд — это едущий впереди водитель не желал уступать им дорогу, не реагируя на включённый

дальний свет фар, и сейчас они поджали его под самый зад, агрессивно оставив дистанцию между машинами всего лишь каких-то сантиметров двадцать. «Притормози он немного, и могла быть авария» — подумал Фрэнк. Автомобиль впереди ехал на максимально разрешённой на трассе скорости, и водитель, должно быть, считал, что не обязан пропускать того, кто хотел нарушить правила дорожного движения. Но его никто и не спрашивал. Водитель Мерседеса резко принял влево, выехав из крайней левой полосы и заехав за сплошную жёлтую линию, предназначенную для разграничения места, где мог ездить обычный транспорт, и экстренные автомобили — скорая или полиция. Едва не касаясь левым зеркалом бетонного заграждения, Мерседес мгновенно ускорился, а машина, не дававшая дорогу, промелькнула справа, и водитель вновь вернул своего железного коня в крайнюю левую полосу. Музыка, звучащая в салоне, заглушая все остальные звуки, придавала манёврам особый пафос.

Дорога к офису корпорации Justice-Tech заняла от силы минут двадцать пять, хотя в уме Фрэнк прикидывал, что при нормальной езде они потратили бы минут сорок-пятьдесят. Ещё Фрэнк подумал, что номера, которые обозначают принадлежность машины к корпорации, разумеется, не остались незамеченными другими водителями, которые наблюдали за таким беспрецедентным поведением на дороге, что, в общем, должно было негативно сказываться на репутации Justice-Tech, но, когда Фрэнк вышел из машины, он с удивлением обнаружил, что на ней номер не «JSTTH3», а уже какой-то другой, самый обычный и невзрачный.

— Мы приехали полчасом ранее, у тебя будет время переодеться Фрэнк, — Брайан открыл багажник и достал оттуда чехол, в котором скорее всего, был деловой костюм.

Переодеться и вправду стоило, ведь на Фрэнке был спортивный костюм, который не подходил под формат встреч с уважаемыми людьми, и тем более с Директором, но с размером одежды, принесённой Брайаном могли и скорее всего должны были возникнуть проблемы. Фрэнк взял чехол, расстегнул его и с изумлением сказал:

— Почти как мой! Откуда вы узнали мой размер и костюм...

— Это твой и есть Фрэнк, мы заглянули к тебе домой и взяли тебе костюм переодеться. Не нужно благодарности.

Но как-то о благодарности у Фрэнка речь могла зайти с трудом, скорее ему захотелось вмазать этому наглому офисному клерку (или он кто-то другой?) из корпорации Justice-Tech. Но Фрэнк был хорошим сотрудником государственной службы безопасности, а без качеств, которые позволяли контролировать свои внутренние порывы, он бы им не стал. Потому он застегнул чехол и последовал за уже идущим ко входу в корпорацию Брайаном.

Фрэнк сопровождал сенатора во время визитов того в корпорацию, но он всегда оставался за закрытыми дверями, видел только грандиозные холлы, залы, длинные широкие и короткие узкие коридоры корпорации, территории зданий которой казались бесконечными и необъятными.

По служебному лифту они поднялись на самый верхний этаж, и Брайан отвёл Фрэнка в одну из десятков комнат для встреч, сообщив, что за той дверью можно переодеться, а далее, чтобы Фрэнк сидел и ждал, пока его не позовут.

Фрэнк думал, что позвать его выйдет шикарная блондинка, пробуждая в нём весь спектр животных, но вполне естественных мужских чувств, которые можно испытывать, смотря на противоположный пол, но всё оказалось иным. Когда открылась дверь, зашла женщина лет шестидесяти, выглядела она хорошо, но отнюдь не соблазнительно.

— Фрэнк Солдберг? Директор Стиннер ждёт вас, проходите за мной, пожалуйста.

Она провела его к двери, на которой висела строгая стальная табличка «Исполнительный Директор Дж. Стиннер». Она открыла дверь, первая прошла вперёд и официально отрапортовала:

— Директор Стиннер, Фрэнк Солдберг пришёл.

— Отлично, пускай входит.

— Заходите, мистер Солдберг.

Фрэнк зашёл, секретарша вышла и тихо закрыла за собой дверь.

Кабинет был шикарен, но не роскошен. В строгом официальном стиле, его практически все элементы состояли лишь из металла и стекла. Панорамные окна открывали вид на город, который Фрэнк мог сравнить с видом из иллюминатора самолета при взлёте.

Директор Стиннер встал из-за своего стола, и сделал несколько шагов навстречу Фрэнку, пожал ему руку.

— Присаживайтесь, мистер Солдберг. Мне жаль, что пришлось отвлечь вас от несомненно приятного времяпровождения в отпуске, но вопрос действительно не мог ждать слишком долго.

— Спасибо за приглашение, Директор, — додумался сказать Фрэнк элементарные слова вежливости.

— В первую очередь я хочу выразить вам соболезнования по поводу смерти нашего уважаемого сенатора мистера Корша. Я знаю, что вы были близки с ним как соратники, и вы составляли ему верную службу на протяжении последних девяти лет. Мы все скорбим об этой потере.

Директор решил не ходить вокруг да около и сразу начал речь о сенаторе. Но что ему было нужно от Фрэнка? Что бы ни было нужно, но Фрэнк этим не обладал, а даже если бы и обладал — никогда не поделился бы, предав сенатора.

— Мы с сенатором были хорошими знакомыми, можно сказать, даже друзьями, — продолжил Директор.

— Он никогда не говорил, о вашей дружбе, Директор Стиннер, — заметил Фрэнк, а затем подумал, не была ли его реплика дерзостью.

— Сенатор был умным человеком и не открывал своих друзей и своих врагов, чтобы не давать преимуществ ни тем, ни другим.

— О врагах его я как раз-таки знал достаточно.

— В этом и заключалась ваша работа, мистер Солдберг, и, по словам сенатора, вы с ней справлялись лучше, чем кто-либо другой.

— Я исполнял свой долг.

— Поэтому я и встретился с вами, чтобы вы исполняли его и дальше.

Директор прошёл в другой конец комнаты и взял в руки кувшин, который, скорее всего, был наполнен апельсиновым соком, что и подтвердил Директор, предложив налить сок Фрэнку. Тот вежливо отказался. Директор кивнул и наполнил стакан себе, сделал несколько глотков и поставил его обратно. Затем он сел в кресло и продолжил:

— Вы видели пресс-конференцию?

— Нет, я провёл всё это время на природе, — ответил Фрэнк.

— Тогда я расскажу вам о ней. Объявлены внеочередные выборы на пост сенатора штата. Сенатор Корш говорил вам о том, что по истечению срока собирался поддержать другого кандидата?

— Нет, он не упоминал об этом.

— Наша с ним дружба, мистер Солдберг, была основана на общем взгляде на мир будущего. Сенатор боролся с недостатками системы, пытался исправить их, и неплохо в этом преуспел, но он понимал, что в одиночку не справится, а наследие должно быть таким, чтобы не нужно было вообще вести борьбу, а сосредотачиваться только на работе, ради которой люди и избирают своих представителей. Сенатор видел, как всё должно быть. Я же мог предложить ему механизмы воплощения его видения. В этом мы и сошлись, длительное время работая вместе над проектом робота, который мог бы воплотить в себе лучшие черты необходимые для занятия поста сенатора, видел бы проблемы в зародыше и без особых усилий находил пути и их решения. И мы весьма преуспели в этом. Жаль, что сенатор не смог увидеть результаты нашей работы воочию, но его дело, наше дело, имеет жизнь.

Фрэнк не совсем понимал, к чему клонит Директор и не мог связать в голове сенатора Корша и роботов корпорации Justice-Tech, и какое всё это имело к нему отношение. Он спросил:

— Вы говорите о роботах, но каких роботов вы имеете в виду?

— Я говорю о роботе. Роботе-сенаторе, мистер Солдберг. Господин Корш принимал непосредственное участие в его разработке и программировании, он видел в роботе новое, качественно новое поколение служащих государства, которые могут принести колоссальную пользу. На пресс-конференции, посвященной выдвижению нового кандидата на выборы сенатора штата, Партия Демократов выдвинула этого робота.

Теперь Фрэнк понял. Но понимание привело его в ещё большее замешательство. Он никогда не слышал ни малейшего упоминания сенатора об этом совместном с Директором Стиннером проекте, и тем более — о нежелании продолжать политическую карьеру, уступив дорогу роботам. Фрэнк не припоминал, чтобы сенатор вообще восхищался роботами. Но может он потому и не восхищался, что не видел достойных восхищения? Сенатор всегда жил по принципу: не нравится — сделай лучше. Неужели он принялся реализовывать своё видение через нового робота? Но не говорил об этом Фрэнку. Но кто такой был Фрэнк, чтобы ему об этом говорить? Фрэнк сопровождал сенатора везде и всюду, и визиты в Justice-Tech были не настолько бессчётными, но Фрэнк всегда оставался за закрытыми дверями. Сенатор мог работать и дистанционно. Сенатор мог приезжать сюда и по ночам. Сенатор мог много чего, о чём Фрэнк и не догадывался. Но что Директор хотел от Фрэнка?

— Это решение имеет теперь очень большой общественный резонанс. Как, впрочем, и любое решение, принимаемое Justice-Tech. Люди всегда воспринимают новое в штыки, боятся перемен, даже если сами на уровне подсознания признают, что эти перемены необходимы им больше воздуха. У нас много союзников, но число противников не меньше. Робота зовут Аменд. И он будет проводить полноценную избирательную кампанию. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вы понимаете, о чём я?

— Вы можете иметь в виду множество вещей, Директор Стиннер, потому, пожалуйста, уточните, что именно мне следует понимать.

— Ничего, что выходило бы за рамки вашей профессии, мистер Солдберг, — Директор странно улыбнулся, — Аменд будет в центре глобального конфликта не только между сторонниками роботов и их противниками, но и в месте, где конфронтация сторонников противоборствующих партий достигнет предела. Робот Аменд потенциально будет в постоянной опасности.

— Вы опасаетесь, что его уничтожат?

— Или чего похуже. Этот робот может быть первым на пути в будущее для человечества. Предстоит долгая и трудная кампания. И нам нужно сосредоточиться только на ней. Но наши враги могут прервать её ещё до окончания. Разумеется, Аменд сделан из крепких сплавов, и ударом биты, брошенной бутылкой или пистолетной пулей его не пробить. Но неуязвимого создать невозможно, а люди всегда придумают как обойти даже самую лучшую броню, благодаря этому гонка вооружений всегда будет длиться. Аменд — уникальный робот, аналогов ему нет. Его интеллект, повторюсь, интеллект, а не операционная система — неповторим. На его разработку ушли годы, и столько же ушло на лоббирование в кулуарах, совместно с сенатором Коршом, возможности выдвижения его на пост сенатора. Этот робот может принести пользы больше, чем все судьи, адвокаты и полицейские вместе взятые. И этот шанс выпадает только раз. Если робот не пройдёт — второй раз Демократы не рискнут выдвинуть робота. Но мало того, если робота повредят или уничтожат во время избирательной кампании, второй раз такого же шанса не будет.

— Директор Стиннер, вы хотите, чтобы я защищал робота во время избирательной кампании? Если я прав, то почему?

— Начнём с главного. Разумеется, роботу нужна защита. Но мы скованны по рукам мнением и возможной реакцией общественности. Идеально было бы приставить к роботу с десяток роботов-полицейских. Они не дали бы ничему плохому случиться. Но Аменд в первую очередь должен производить впечатление на избирателей. Им ещё нужно принять, что их будущий сенатор — не человек, а робот. А как они отнесутся к тому, что его будет сопровождать армия других роботов? На уровне подсознания возникнет конфронтация люди — роботы, а противникам только дай повод для лозунгов о порабощении роботами людей. Так что окружение его охраной из роботов не придаст доверия жителей штата, скорее оттолкнёт их от него. Второй вариант — как и любого другого кандидата окружить сотрудниками службы охраны, что по идее и должно быть. Но люди ещё не понимают, что к Аменду нужно относиться не как к роботу, а в соответствии с его ролью для социума, которую он несет. Он должен в первую очередь восприниматься как публичное лицо, независимо от цвета кожи, пола, происхождения. Но к этому нам ещё нужно прийти, и я вижу это результатом его деятельности в будущем. Но сейчас люди будут возмущаться — люди охраняют робота ставя под угрозу свои жизни? Неужели кусок пластика ценнее жизни человека, которая сама по себе наивысшая ценность? Это также не прибавит доверия и хорошего отношения со стороны публики.

Фрэнк обдумывал услышанное и спросил:

— Тогда какой выход, Директор Стиннер?

— Выход в вас, Мистер Солдберг. Обычную охрану мы приставить не можем. Но мы можем приставить такую охрану, которая поднимет доверие людей. Любую трудную ситуацию и практически невыполнимое решение использовать с наибольшей выгодой. Это принцип Justice-Tech. Что будет, если найдутся люди, которые будут смотреть дальше, чем все остальные и видеть перспективы от пользы, которую может принести Аменд? Эти люди будут вызываться добровольцами, чтобы защищать его, потому что они будут защищать не его, а идеи, которые он несет, и благо страны, которое может возрасти многократно благодаря Аменду. Они будут готовы защищать Аменда не потому что он робот, а потому что он воплощение духа этой страны, где возможность проявить себя дана каждому. Желающих будет много, но выбран сопровождать и защищать его будет только один, опять же по причинам, о которых я говорил ранее. Но в помощь этому добровольцу будет приставлен

робот-полицейский. Тоже не самый обычный, а тот, многие которого любят. Помните, только после введения программы робот спас похищенную девочку? Он стал тут же героем в глазах многих. Человек-герой и робот-герой охраняют того, кто может стать сенатором-героем. А ещё они двое, два телохранителя наглядно продемонстрируют собой союз людей и роботов, покажут, что роботы и люди могут работать вместе ради великой идеи. И своим примером они будут убеждать других людей.

— Так это роль добровольца, или только с виду? А на деле принудительная, исходя из того, что я сижу здесь?

— Мистер Солдберг, я просто рассказываю вам то, что не успел рассказать сенатор Корш, так как это должно было произойти только через несколько лет, а покуда держаться втайне от большинства людей. Это будет доброволец не только для людей, но и для него самого. Чтобы защитить робота, нужно действительно верить в то, что делаешь, как вы верили в работу с сенатором Коршем. Вы один из лучших сотрудников службы безопасности. Вы были близки с сенатором, и это все знают. Люди уважали сенатора, и уважали всех людей, которым он доверял, а вы были одним из ближайших его приближенных. Люди знают вас как профессионала, как человека, который был близким соратником одного из величайших деятелей современности. Ваша самоотверженная служба Аменду многих бы убедила встать на нашу сторону. Я говорю, как всё может быть. А будет или нет — решать только вам. Но хочу, чтобы вы знали — сенатор вложил многое в этого робота, и мне кажется, что это будет правильно, если именно вы будете оберегать его наследие.

Директор Стиннер дал Фрэнку время на раздумья до завтрашнего обеда. Мало это или много? Решение человек принимает сразу же, хоть и не осознает до конца, а оставшееся время пытается убедить себя в нём, подыскивая аргументы «за», чтобы отмести все аргументы «против». Фрэнк готов был согласиться только уже из-за того, что этим делом занимался сенатор Корш. А сенатор Корш был прав всегда и во всём в глазах Фрэнка. В их последний разговор он старался что-то сказать ему, завуалировано. Может именно это? Может сенатор Корш хотел, чтобы Фрэнк помог продолжению его дела, но не мог сказать прямо, так как вся информация о проекте была секретной?

Через два дня стартовал конкурс на занятие должности телохранителя робота Аменда. Желающих, подавших заявки, оказалось действительно очень много. А победил Фрэнк.

Избирательная кампания началась во вторник. Это был первый рабочий день Фрэнка Солдберга в качестве телохранителя робота-кандидата на пост сенатора от штата, Аменда. Компанию в его деле Фрэнку составил робот-полицейский ЭмШа 338. Код содержал в себе информацию о департаменте, к которому робот относился, занимаемую им должность и круг обязанностей. Но для простоты восприятия других людей этот робот представился как Капитан Дигнан. Определённая несправедливость в таком представлении была — чтобы дослужиться до капитана некоторым людям предстояло состоять на службе едва ли не пол жизни, а этого робота уже создали капитаном, что ли? Хотя правды ради стоит отметить, что его руководство распространялось только на других роботов, людей у него в подчинении быть не могло, люди-полицейские и роботы-полицейские были отделены друг от друга, и система старалась создать все факторы, чтобы эти два вида представителей закона не пересекались в ситуациях, когда одни могли отдавать приказы, а другие их исполнять.

Разумеется, ранее Фрэнк уже встречался с роботами-полицейскими после их

планомерного внедрения в систему правосудия два года назад, но впервые ему предстояло работать с одним из них плечом к плечу.

Избирательный штаб Аменда находился в четырёхэтажном здании, которое ранее служило для тех же нужд сенатору Коршу и находилось на балансе партии Демократов. Но во время выборов в штабе трудятся в основном армия аналитиков, помощников, менеджеров по разным направлениям, а сам кандидат львиную долю времени проводит на встречах и в дороге. Фрэнку был интересен формат новой кампании, ему было с чем сравнивать, сам он был непосредственным участником двух кампаний сенатора Корша, а до него — ещё одного конгрессмена, имя которого больше звучало во время подготовки к выборам, чем после них. Все кампании были успешными для людей, с которыми работал Фрэнк. В этот раз он работал не с человеком. Именно по этой причине Фрэнк не мог до конца понять роли всех участников команды Аменда. Зачем ему нужны были все эти аналитики и стратеги, если он сам мог обрабатывать больше информации в секунду, чем все они вместе взятые за час, а, может и за день. Но это была, скорее, дань традиции — слишком много людей бы лишились работы, за которую им платили из бюджета партии, и которые были партии нужны, а оказавшись выброшенными за борт, портить отношения с ними не стоило в свете будущих кампаний, которые предстояло проводить уже людям. Или может потом все политики будут роботами? Кто знает, может и настанет такой день, но явно ещё не скоро.

Настоящий штаб, в котором Фрэнку предстояло проводить всё время, находился не здесь. Он стоял на парковке у здания. Имя ему было — Mercedes Van. Микроавтобус только в названии имел слово «микро», а на деле был огромной машиной, последнего поколения, как снаружи, так и внутри оборудованный по всем требованиям деятельности, через которую ему предстояло пройти. Аменд и Капитан Дигнан ждали снаружи, водитель автомобиля, человек, Фрэнк даже помнил его лицо, но не знал имени, стоял в стороне, докуривая сигарету.

Был ясный осенний день, на солнце стоять в пальто было жарко, но стоило уйти в тень и тотчас же становилось почти холодно. Листья на деревьях пожелтели и некоторые уже устилали собой асфальт. Как-то рано начали они опадать в этом году.

— Мистер Фрэнк Солдберг, — Аменд протянул роботизированную руку для пожатия, которое оказалось ничем не отличавшимся от рукопожатия взрослого мужчины, который уверен в себе и проявляет уважение к собеседнику.

— Мистер Аменд, — прозвучало как-то непривычно даже для самого Фрэнка, обратившегося к роботу на «мистер».

— Давайте с вами сразу перейдем на «ты» и будем называть друг друга Фрэнк и Аменд, сойдёт?

— Согласен.

— Фрэнк, — Дигнан тоже протянул руку, с ним Фрэнк познакомился получасом ранее.

— Капитан.

Робот-полицейский не был особенным и уникальным, как Аменд, и выглядел как подобало всем роботам-полицейским ранга капитана. Высокий, не крепкий или здоровенный, но у роботов сила и ловкость определялась не степенью развития мышц и телосложением. Корпус Дигнана был тёмно-синего цвета, с черными вставками. Что было несвойственно для остальных — этот робот надел солнцезащитные очки, Ray-Ban, предназначение которых было непонятно — может для «крутости»? Но роботы-полицейские и без того выглядели довольно круто, как копы из старых сериалов, только роботы.

— А это Рик, наш водитель — когда Аменд говорил, его речь звучала и тем более визуально выглядела безукоризненно благодаря подвижному рту, который при работе один в один копировал модель человеческой манеры говорить.

Водитель уже докурил и подошёл к ним. Он простодушно улыбнулся:

— Так мы с Фрэнком знакомы, привет, Фрэнк!

Со здания штаба вышло несколько человек, держа в руках папки с бумагами увесистого вида. Они торопливо подошли и протянули свой внушительный груз Аменду. Тот взял. На изучение ему потребовалось время, которое проходит, когда с максимальной скоростью перелистываешь страницы содержимого. Около минуты. Закончив, робот отдал бумаги обратно.

— Господа, прошу вас, в следующий раз сбросьте всё это на планшет, так вы сэкономите наше общее драгоценное время.

— Конечно, мистер Аменд.

— Хорошая работа, следуйте и далее плану. Победа возможна только при нашей общей слаженной и усердной работе, коей предстоит ещё очень много. Спасибо.

Когда сотрудники ушли обратно в штаб, Аменд негромко добавил Фрэнку:

— На самом деле их работа не так уж и нужна, но нам необходимо чем-то занять наших людей, каждый в команде должен чувствовать, что занимается важным делом. Тем слаще будет победа. Пора выдвигаться? У нас на сегодня плотный график, множество встреч, крупных и мелких, но от того не менее значимых. Ты готов Фрэнк? Я тебе кое-что покажу.

Дверь салона микроавтобуса отъехала в сторону и Фрэнк, Аменд и Капитан Дигнан зашли внутрь. Пространство от пола до потолка было настолько велико, что Фрэнку практически не пришлось пригибать голову. Салон был бежевого цвета — кожа была красиво прошита нитками, которые для эстетического эффекта сходились в красивых орнаментах. Два кресла спереди — водительское и то, что возле него, соединялись с задней частью салона нешироким проходом, который мог закрываться по нажатию кнопки, и тогда выезжала бронированная перегородка с бронестеклом посередине. Далее располагались четыре комфортных и широких кресла, по два в ряд — друг напротив друга. Между ними было свободное пространство, которое заполнялось выдвижным деревянным столом в случае необходимости. В задней части автобуса стояли ещё два ряда кресел, по три, близко друг к другу — на случай лишних пассажиров.

— Фрэнк у тебя при себе есть оружие, бронебойный полуавтоматический Кольт, отличный пистолет. Но для пущей надежности нашего дела вот в этих нишах возле каждой стены, кстати ниша открывается при нажатии вот сюда, в этих нишах расположены штурмовые винтовки «Мираж» и по три комплекта боеприпасов к ним. Ниже «Миражей» — дробовики марки «Конвоир» с двумя комплектами боеприпасов, а в самом низу — по две дымовые гранаты. В совокупности с твоим пистолетом это снаряжение представляет собой идеальное сочетание для непредвиденных боёв в городском окружении или на открытой местности, на близких и средних дистанциях.

— Давай проясним, — непонимающе покачал головой Фрэнк, — мы едем агитировать голосовать исламистов на захваченных боевиками территориях или наших сограждан?

— В этой стране оружием владеют даже учащиеся младших классов, — ответил Капитан Дигнан.

«Неужели роботам-полицейским программируют тупой полицейский юмор для пущей реалистичности?» — подумал Фрэнк, а вслух ответил:

— Я рассчитываю, что мне не придётся отстреливаться от школьников.

— Я рассчитываю, что нам не придётся отстреливаться или принимать участия в конфликтах вообще, — сказал Аменд, устроившись в кресло, — но быть готовым ко всему — это уже половина дела, Фрэнк.

— Тем не менее, ни на одну кампанию мы не вооружались как для зоны боевых действий.

— Забудь об обычных избирательных кампаниях, Фрэнк, эта уже изначально бьёт все рекорды необычности.

Двери закрылись, и микроавтобус с бесшумным звуком выехал с места парковки и устремился вверх по улице.

Начало Шоу Джимми Флегмана зрители, находящиеся в зале, встретили бурными овациями. Когда надпись «Аплодисменты» над головами погасла, хлопать они перестали. Джимми поклонился всем и сел за свой стол перед взорами телекамер.

— Дамы и господа, сегодня мы живем в то время, когда всё то, что мы ранее использовали как ксероксы, факсы и тостеры, уже давно обрело интеллект и не только заполонило залы судов, вместе с улицами, патрулируя их на полицейских автомобилях, но и рвётся к власти. Надеюсь, за такие слова меня не оштрафует сегодня по дороге домой какой-нибудь полицейский. Робот, конечно же.

Смех в зале.

— Вопрос, которым задаётся сегодня каждый из нас — насколько морально правильными являются подобные манипуляции с нашим обществом, насколько они оправданы. Но по данной теме уже было сказано так много, что мы не будем мусолить эту проблему вновь. Тем более мои зрители избалованы и уже привыкли к тому, что у Джимми Флегмана они слышат только новые дискуссии. Я не собираюсь вас разочаровывать. Сегодня у нас в гостях известный юрист, адвокат, Глава Ассоциации Людей-Адвокатов — Томас Томпсон, приветствуйте!

В студию вошёл гость и перед тем, как сесть в кресло, обменялся рукопожатиями с ведущим.

— Джимми.

— Привет, Томас, как жизнь?

— Течёт и ускользает из пальцев, пытаюсь не отставать за ней.

— И как, получается?

— Да вроде пока успеваю, меня ведь в прямом эфире показывают?

Смех в зале.

— Томас, я пригласил тебя, чтобы ты объяснил всем нам, не имеющим юридического образования, хотя сегодня оно уже почти никому и не нужно (снова смех зрителей), насколько нам можно быть спокойными за Конституцию и законодательство в связи с выдвижением кандидатуры робота на пост сенатора? Не наплевали ли нам всем в душу, в которой у каждого отведено особое место для нашей Конституции, основы основ?

— Хорошо, давай поговорим об этом.

— Только, Томас, — Джимми сделал паузу и поднял палец вверх, — правду и только правду, мы то знаем, как ты тайно сам мечтаешь стать роботом.

— Джимми, мне кажется, этой стране достаточно сумасшедших, считающих, что людей меняют на роботов, я не хочу, чтобы на меня выделяли деньги налогоплательщиков для

содержания в психбольнице, давайте направим эти деньги лучше в другое русло... На производство, скажем, новых роботов-полицейских.

Зал вновь разрядился смехом вместе с Томасом и ведущим.

— Если серьёзно, — продолжил Томас, когда зрители утихли, — формальное несоответствие выдвижения робота с Конституцией было бы видно даже невооруженным глазом, потому политики, предусмотрели этот шаг и заранее обратились в Верховный Суд, чтобы тот дал толкование положений Конституции, которые прописывают, кто же может быть сенатором.

— Да, эти политики хитры, — заметил Джимми.

— Среди них кстати много юристов, — улыбнулся Томас.

— Кто бы сомневался, когда их вытеснили из судов, они прибились к правительству. Но злой рок ступает за ними по пятам, и вот уже роботы хотят вытеснить их из Сената.

— Да, и судя по ответу Верховного Суда им вполне может удастся это сделать в ближайшем будущем. Верховный Суд дал следующее официальное толкование, — Томас достал из папки, которую держал в руках, несколько листов бумаги.

— Томас, давай ты расскажешь нам проще, чем это сделал Верховный Суд, прочесть каждый из нас может. Но ничего мы не поймём. Объясни своими словами, что они там намудрили.

— Общий смысл таков: будущее уже наступило, и структура общества стремительно изменилась за последние годы. Мы уже не можем говорить, что роботы — это нововведение, это такая же обыденная реальность, как и бесконечные промо-акции в Макдональдзе, или твоё телешоу. За время, минувшее после введения первого робота-судьи, роботы ускоренно прошли весь путь от зарождения, как феномена, до полной и абсолютной социализации и становления полноправными членами общества. Когда мы смотрим на робота-полицейского мы уже давно не видим его в роли робота, мы воспринимаем его в первую очередь как служителя закона и стража правопорядка, мы видим должностное лицо, а человек это или робот — уже второстепенно. Для нас главное — что он справляется и безукоризненно выполняет свою роль в общей машине государства, в которой оказалось достаточно места как для людей, так и для роботов. Ранее закон не позволял роботу быть судьей и адвокатом, но, как показала практика, закон динамичен, потому что в первую очередь он создан, чтобы удовлетворять требованиям взаимоотношений между людьми в обществе. А они не стоят на месте. Взаимоотношения меняются, но закон изменить не так-то просто, зато его можно интерпретировать. Толковать по-разному в разные эпохи, чтобы он всегда был современен и не затормаживал своими рамками движение человечества вперёд. Так произошло и в этот раз. Верховный Суд постановил, что робот Аменд может подойти под определение Гражданина Государства — ведь он был создан, то бишь рождён в нашей стране. Он пользуется всеми правами и обязанностями Гражданина, которые способен воплотить в силу своего происхождения и физических возможностей. Justice-Tech также уже давно снабжает каждого созданного робота Американским робо-паспортом. Его сознание после ряда тестов продемонстрировало нам, что он находится на интеллектуальном уровне развития намного выше, чем тот, до которого может прийти человек к тридцати годам, поэтому формально его можно считать старше тридцати лет. Семь последних лет он должен проживать на территории штата — по документации, его корпус был создан больше, чем семь лет назад, а производство находится в штате — потому формально он даже не покидал никогда его границ. Верховный Суд нашёл аргументы для толкования положений Конституции, при

котором бы не пострадал наш Основной Закон и в то же время робот смог баллотироваться. Но найти формальные причины всегда можно в юридической науке, а вот логическое обоснование сложнее. Но Суд чётко обосновал — в связи с изменившейся структурой общества и социализацией роботов — это возможно. Но Суд ведь не назначил его сенатором самолично. Всё равно в итоге решать избирателям — голосовать за него или нет. А поскольку Конституция — это в первую очередь выражение принципов и постулатов, к которым пришли наши граждане, а выборы — это высшее волеизъявление граждан, посредством которого мы все принимаем прямое и непосредственное участие в управлении страной, делегируя эти полномочия своему выборному представителю, нельзя лишать народ права выбирать робота, если народ будет уверен, что это лучшая кандидатура для выполнения этой работы, и именно ему люди будут готовы доверить эту должность. Грубо говоря: если народ хочет избирать робота, нельзя это запрещать. В любом случае решать предстоит нам: правильно ли роботу быть сенатором или нет.

После небольшой паузы Джимми спросил:

— Томас, признайся, тебя заставляют это говорить.

— Меня заставляют не признаваться.

Смех в зале.

— Томас Томпсон, дорогие телезрители, Глава Ассоциации Людей-Адвокатов.

Общий фон отношения людей к корпорации Jusctice-Tech в штате был довольно приятным. Производство роботов для нужд всей страны подняло экономику региона на новый уровень, многочисленные предприятия по сборке, комплектации и модернизации роботов дали количество рабочих мест, а постоянное расширение производства привлекало всё новых и новых сотрудников всевозможных профессий и специализаций. Не говоря об узкоспециализированных должностях, у жителей штата было первоочередное право на занятие вакантных мест на производствах корпорации, что заметно снизило уровень безработицы, а каждый десятый житель был каким-то образом связан с работой в Justice-Tech или на её дочерних предприятиях. Так же на протяжении нескольких лет после открытия производства компания выбрала методику пряника, а не кнута для борьбы с многочисленными в то время протестующими жителями. Компания поставила самых простых бытовых роботов для уборки дома и мытья посуды в каждую семью в штате, которая подала заявку, при условии, что такой робот не будет продан или подарен другим лицам. И хотя это было давно, но большинство семей пользовалось этими роботами до сих пор. Следует отметить, что компания не разрабатывала бытовых роботов для продажи широкому кругу населения, не отходя от своей специализации производства роботов для правосудия, соответственно вся партия была произведена только для безвозмездной передачи жителям, заметно отличаясь высочайшим качеством от бытовых-роботов других компаний, которые продавались за немалые деньги, что создавало определенный ореол уникальности и элитарности вокруг счастливых обладателей «подарков» от Justice-Tech.

Но Аменд сразу дал понять Фрэнку в беседе по пути к месту назначения, что он не разделяет избирателей на таких, которые изначально поддерживают его как робота, и тех, которых нужно убедить. Он был намерен сражаться за каждый голос и старался привлечь на свою сторону всех без исключения — даже работников корпорации, голосующих в этом штате.

— Фрэнк, где происходят войны современности? — спросил Аменд.

— Э-м-м... на фронтах в странах, где вооруженные конфликты? — предположил Фрэнк, но потом сообразил, что раз такой вопрос был задан, значит ответа от него ждут не настолько очевидного, — в Интернете?

— В Интернете, Фрэнк? Что ты имеешь в виду? Яркие переписки блогеров друг с другом? Или сражения Интернет-воинов под каждой новой новостью о политике?

— Нет. Может, Интернет-пиратство, хакеры там всякие, анонимные интернет-террористы?

— Это всё следствие Фрэнк, а следствие чего?

— Следствие того, что теперь все люди получили доступ в Интернет с внедрением сети «Нор»?

— Нет. Это следствие другого. Следствие такое же, как и настоящие войны, которые с периодичностью и закономерностью возникают во многих странах мира. Следствия человеческой природы. Войны современности происходят везде и каждый день, Фрэнк, и ты становишься их свидетелем, когда выходишь из дому, когда включаешь телевизор, когда разговариваешь со своим знакомым. Это войны мнений. Каждый человек, каждая социальная группа и структура имеет мнение по каждому вопросу в мире. Каждая война — это маятник, который раскачивают то в одну сторону, то в другую представители противоборствующих лагерей. Люди воюют с нововведениями, с изменениями, на любом уровне. Люди консервативны по своей природе и боятся каких-либо изменений, а также всего, что отличается от того, что делают они. Политик предлагает новый закон — изменение. Одни начинают отстаивать, другие противятся. Война. Компания выпускает новый телефон с новыми функциями и в новом дизайне. Кому-то нравится, кому-то нет — война между ними. Одни едят мясо, другие вегетарианцы — война между ними. В какой-то стране к власти пришла партия, которая не нравится определённому слою населения, эти люди взяли в руки оружие и пошли свергать эту партию, но у неё есть сторонники, которые взяли оружие для её защиты. Война. Люди находятся в непрерывном состоянии войны друг с другом. А кроется под этим страх перемен, страх выйти из зоны привычного, страх быть непонятым, страх не совладать и не справиться с новыми тенденциями, страх потерять контроль над своей жизнью. Потому-то каждый день и ведутся бесконечные войны.

— И ты собираешься положить этому конец, как только станешь сенатором? — с недоверием спросил Фрэнк.

— Нет, ты что, — робот изобразил смех, даже рот его вытянулся в улыбке, и получилось, надо отметить, довольно искренне, — конца этому, наверное, не будет никогда, можно только постараться уменьшить внешнее проявление таких конфликтов тем, что повысить общее благополучие людей. Если человек сыт, имеет возможность работать на достойной работе, развлекаться, проводить досуг как хочет — у него будет меньше поводов для высказывания недовольства. Но речь не об этом. Я просто хочу сказать тебе, Фрэнк, что мы отправляемся на войну. Войну противников роботов и их сторонников, войну сторонников Демократов и Республиканцев, войну людей законопослушных и нигилистов. И наши поля сражений — это встречи с избирателями, интервью, которые мы будем давать, беседы с отдельными личностями и прочие события, через которые мы пройдем.

— Мы? Я тоже должен буду давать интервью? — нахмурился Фрэнк.

— Только если кто-то из журналистов посчитает это целесообразным, а ты, в свою очередь, захочешь принять в этом участие. У нас всё будет добровольно. Но всё, что делать буду я или ты, даже по-отдельности, давай называть это «мы»? Команда, Фрэнк, команда.

— Конечно. Но зачем воспринимать это как войну? Сенатор Корш проводил параллели со спортивными состязаниями.

— Затем, Фрэнк, что мы идём к миру. А хочешь мира — готовься к войне. Кто это сказал?

— Э-м-м...

— Не важно. Сенатор Корш волновался перед встречами с избирателями?

— На первых выборах, наверное, да, но не показывал этого. А на вторых, я думаю — нет.

— Знаешь почему? Потому, что он понял, что нужно избирателем, и был уверен, что может это им дать. Уверен без лжи и фальши, уверен искренне. Избиратели это чувствуют.

— Но ты робот, как люди могут чувствовать искренность от тебя?

— Искренности нет без осознания что такое неискренность. А правды без лжи. Ты прав, нельзя сказать, что я искренен, потому что я не могу быть неискренним. Я же робот.

Фрэнк не до конца понял мысль Аменда, но решил не уточнять, чтобы и дальше не последовала череда заумных объяснений, от которых он не получал особого удовольствия. Такие разговоры были ему не в привычку — сенатор Корш говорил только по сути дела, не одаряя окружающих своими размышлениями, а Фрэнк сидел молча, не принимая участия в большей части разговоров и только выполнял свою работу, в которую входило обеспечивать безопасность сенатора. Аменд был прав — эта кампания не была обычной. Ну хоть Капитан Дигнан молчал, что иногда и вовсе можно было забыть, что он присутствует рядом.

Первая их встреча с избирателями началась не лучшим образом. Проходила она в арендованном зале в здании в центре небольшого города. Пришло несколько тысяч человек, практически все жители. Это был один из тех городов, где все знали друг друга в лицо, а новости о событиях распространялись быстрее, чем те успевали происходить.

— Дьявольская машина! — воскликнул священник местного прихода, вместо приветствия, словно говорил от имени всех собравшихся, при этом он вскочил со своего места и сотрясал воздух кулаком, — Сатана приходит к нам во многих облициях и перед нами одно из них!

По залу прошёлся оживлённый гул, люди начали перекидываться какими-то репликами, кивать друг другу, косясь на сцену, посреди которой стоял Аменд, а позади по разным сторонам от кулис, Фрэнк и Капитан Дигнан. На сцене присутствовали так же несколько представителей Партии Демократов, которые организовали эту встречу.

— Бог не вдыхал в тебя жизнь! Ты богомерзкое создание!

— Я и не утверждаю, что создан Богом, — Аменд развёл руки в стороны, — но дорогие друзья, я создан человеком, и не одним, а целой группой учёных, программистов, испытателей, инженеров и рабочих. Я создан вами, — он указал на всех присутствующих, — я создан руками созданий Божьих, вы мои творцы, и я пришёл к вам, чтобы вы решили — поступили правильно или нет. Чтобы решили, как поступать дальше. Я никого не собираюсь убеждать голосовать за меня, или тем более просить об этом. Я хочу рассказать о своём видении будущего, о видении пользы, которую я могу принести, а решать вам, конечно.

— В книге Иоанна Богослова сказано, — не унимался священник, — что как только каждый получит код, цифровое значение — это предзнаменование конца света! А ты робот, твоё сознание состоит из кода, твоё имя — это цифровой номер!

— Но извините, уважаемый, сейчас каждый гражданин имеет код паспорта и собственный номер налогоплательщика, страховки.

— Это предзнаменование! — утвердительно крикнул священник и обернулся на своих прихожан ища у них поддержки, кое-кто, но уже не все, закивал.

— Вам это не нравится? Я тоже считаю, что это пережиток прошлого. Потому я и хочу рассказать вам, как именно можно изменить эту систему, улучшить её и сделать более отвечающей нуждам современности. Пожалуйста, присядьте, я хоть и робот, но это не значит, что мне нравится, когда меня оскорбляют, тем более ваш славный город на весь штат известен толерантностью и гостеприимностью своих жителей. Давайте я вам всё расскажу, а вы сделаете свои выводы, а если вам не понравится — я уйду, если захотите — продолжу. Всё — по справедливости. Вы же всё равно пришли сюда, так зачем тратить ваше драгоценное время на оскорбления и негатив, когда его можно провести с более значимой пользой?

Слова Аменда не были лишены логики, и священник присел, что-то сказав находящимся в креслах возле него. А когда Аменд начал говорить, а потом спросил: уйти ему или продолжить, никто не сказал, чтобы он ушёл.

Практически все аудитории были приблизительно одинаковыми. Потому что эти аудитории были целевыми — избиратели. Некоторые изначально были более расположены слушать, некоторые настроены агрессивно, и настроение собравшихся всегда безошибочно можно было уловить по напряжению, витавшему в воздухе, или по интересу, сверкающему в глазах людей. Но итог у всех встреч в первый день был один — подавляющее большинство людей благодарили за встречу с ними, давая понять, что Аменду удалось заручиться их поддержкой. Фрэнк словно видел сенатора Корша — вот он без всякой сложности выдерживает нападки и провокационные вопросы, а в следующий момент уже пожимает руки тех, кто пытался выбить его из колеи, причём руки для рукопожатия они протягивали сами, с некоторой виной в глазах, что агрессивно начинали знакомство.

— Фрэнк, наверное, ты совсем голоден, да и Рик тоже, — сказал Аменд в конце дня, — времени перекусить у нас не было.

— Не переживай насчёт этого, я привычен к такому графику кампаний. Ранее я, бывало, ни позавтракать, ни обедать, ни ужинать не успевал, так что это не проблема.

— Не проблема, Фрэнк, но сейчас мы заедем, и вы с Риком поужинайте, а заодно подведём итоги нашего первого дня.

Они остановились в забегаловке у заправки на трассе. Кафешка практически пустовала, лишь несколько проезжавших мимо и решивших заправиться не только свои автомобили, но и желудки посетителей сидели в длинном прямоугольном зале. Пол был выложен крупными синими и белыми плитками кафеля. Потёртые красные диваны с высокими спинками по два придвинуты к каждому дешёвому деревянному столу. Фрэнк заказал себе говяжий стейк, картофель фри и салат из огурцов и помидоров. Приняв заказ, потрёпанного вида худая официантка удалилась, оставив прибывших предоставленными самим себе.

Капитан Дигнан, так и не проронив после утра ни слова, что Фрэнка вполне устраивало, сидел в одной позе, словно перешёл в спящий режим. Черные солнцезащитные очки выглядели на нём неуместно после заката солнца, насколько уместно они вообще могли выглядеть на работе. Аменд повернул голову и осмотрел всё помещение. Его взгляд встретился с парой смотрящих на него посетителей с разных углов зала, и те спешно отвернулись. Нечасто они, наверное, наблюдали роботов, заехавших поужинать в кафе на заправке. За столик присел Рик, который до этого заправлял микроавтобус.

— Ну что, Фрэнк, ты заказал мне тоже?

— Конечно, не волнуйся.

— Да и вправду, на пустой желудок я начинаю очень волноваться, — хохотнул он.

— Главное, чтобы ты на дороге не проявлял этого во время вождения, — повернулся к нему Аменд.

— Да нет-нет, вы что, это я так... Шучу, — испуганно принялся объяснять водитель.

— Я тоже поддерживаю шутливый разговор, — Аменд улыбнулся, Рик тоже ответил осторожной улыбкой, но дальше желание шутить у водителя отпало.

Успех первого дня вселил во Фрэнка уверенность, что вся кампания сложится легко и удачно, но это оказалось преждевременным. Во второй день люди изначально были настроены более агрессивно и скептически, кивая на речи Аменда, словно говоря: «Ну-ну».

— Как робот может знать, что нужно людям?

— Вставить в голову роботу законодательную базу данных это одно, это естественная механизация, как когда-то на предприятиях и фабриках автоматы заменили рабочих. Но избирать в парламент персонажа из виртуальной игры — это уже совсем другое.

— Политики, какими бы они продажными и циничными не были — они всё же люди, и мы по крайней мере знаем, чего от них можно ожидать, а чего ожидать от робота?

— Тебя же кто-то запрограммировал, а это означает, что он и дальше будет руководить тобой, прописывая тебе команды что именно делать у власти!

Некоторых Аменд переубеждал, объяснял, приводил примеры и абсолютно адекватно показывал, почему люди не правы в своих суждениях. Но с некоторыми он даже не пытался спорить, толерантно уходя от ответа, или показывая, что не намерен отвечать вовсе. Когда после встречи Фрэнк спросил его об этом, робот ответил:

— А разве сенатор Корш спорил абсолютно со всеми?

Фрэнк задумался. Да, он спорил, но... Не всегда.

— Понимаешь, — продолжал Аменд, — иногда вступление в дискуссию означает её проигрыш. Оставляя вопрос без ответа, мы не поддаёмся на провокацию. Я мгновенно просчитываю всевозможные варианты поведения собеседников после различных ответов, и как бы разумна ни была моя логика, какими бы сильными не были аргументы, некоторых людей просто не переубедить, а время, затраченное на спор с ними будет невозвратно упущено, хотя его можно использовать, чтобы привлечь на свою сторону других.

— Но ты же разговариваешь не только с одним спорщиком, вас слушают и другие собравшиеся, и аргументы против тебя, которые ты не отбиваешь — они запоминают.

— Это игра в шахматы Фрэнк, я игнорирую один-два вопроса, а затем делаю свои ходы и выигрываю больше фигур, чем проиграл. Да, я не ответил на провокационные вопросы на которые по сути и ответа быть не может, потому что это спор ни о чём, но затем, отвечая на совершенно другие вопросы, говоря о других вещах, я оставляю у большинства людей позитивное впечатление. Если кто-то говорит, что робот — кретин, я же не стану спорить, доказывая «нет, нет, я не кретин! Вы ошибаетесь!». Я проигнорирую это, а затем покажу свою компетентность во многих вопросах, на основании чего люди сами выведут суждение «а этот робот ведь и вправду не кретин». Люди не глупы, Фрэнк, они способны самостоятельно думать и делать выводы. А иногда людей просто бесполезно в чём-то убеждать, и не потому что убедить нельзя, а потому что люди не предрасположены слушать. В любом случае, мы будем говорить со всеми, кто открыт к диалогу.

Когда они провели все встречи в очередном городе, их путь пролегал в следующую

точку на карте — Миддл Киррадж — относительно недавно созданный населённый пункт. Justice-Tech строил экологически безопасные предприятия по производству роботов, но более того, самые крупные открывал вдали от городов, а затем выстраивал новые города вокруг производств, чтобы там жили семьи сотрудников. Миддл Киррадж был первым таким городом, уже успевшим разрастись со времени своего открытия.

Водитель Рик был настоящим асом в плане дорог и направлений. Ему не требовались навигаторы и карты, это всё содержалось у него в голове, он словно робот, моментально прокладывал для себя наиболее эффективный маршрут. Ранее Рик много лет работал водителем скорой помощи. Его постоянно переводили из одного отделения в другое, потому он успел поработать в большей части штата. А водители скорой помощи всегда считались лучшими в своём деле — кто как не они знали цену каждой минуты и всегда понимали где и через какие улицы можно срезать и какие шоссе лучше объехать, чтобы максимально сократить путь. Потому сейчас микроавтобус съехал с главной трассы и поехал по узкой, слегка разбитой дороге, но, как уверял Рик, благодаря этому им удастся сэкономить минут двадцать пять времени.

— Честно говоря, Рик, я восхищаюсь тобой, — похвалил водителя Аменд, — я ради интереса так же просчитываю всевозможные варианты пути. Но у меня преимущество — это всё у меня в голове. И признаюсь, всё время мои варианты совпадают с твоими, ни разу я не нашёл лучшего пути.

Водитель заулыбался. Возможно, робот просто льстил ему, повышая его боевой дух и чувство собственной значимости и незаменимости, но в любом случае, Рик было приятно это слышать.

— Там женщина на дороге, у машины стоит, просит остановиться, — уже без улыбки сообщил Рик.

— Остановись, — не раздумывая (а требовалось ли роботу время для раздумий?) ответил Аменд.

Mercedes Van замедлил ход, и, поравнявшись с женщиной, притормозил до полной остановки. Фрэнк нажал на дверь, и та отъехала в сторону.

— Ой, — женщина хотела было сделать шаг навстречу, но дернулась и замерла на месте. За тонированными стёклами она не могла разглядеть сидевших в машине людей, а когда те открыли дверь она столкнулась с тем, чего никак не ожидала — робот, которого она видела по телевизору, робот-полицейский в солнцезащитных очках и внушительного вида верзила в чёрном костюме, — ой, извините.

Аменд встал с кресла и вышел на улицу, Фрэнк последовал за ним, а Капитан Дигнан, оглядевшись, остался в машине.

— Что вы, не волнуйтесь. Вам нужна помощь? — доброжелательно спросил робот.

— Извините, не хотела вас отвлекать от дел, просто на этой дороге редко ездят автомобили, вы первые за пятнадцать минут, и занесло же меня сюда.

— У вас машина сломана? — спросил Фрэнк, окинув взглядом десятилетний Кадиллак. Машина не дымилась, колеса были на месте, но как-то чувствовалось, что без помощи на ней дальше не уедешь.

— Да, приключилось со мной. Помпа протекала, всё думала заменить на днях, а тут в дороге её заклинило, и она ремень порвала.

— Давайте возьмем вас на буксир, мы едем в Миддл-Киррадж, вам подойдёт? — предложил Аменд.

— Идеально! Мне хоть-куда бы, а то в эту глушь ни один эвакуатор ехать не хочет, а те, кто согласились, заломили такую цену, что даже страховка не покроеет. Я только не хочу отнимать у вас время.

— Не волнуйтесь на этот счёт. Капитан Дигнан, поможешь?

— Легко, — ответил тот, и Фрэнк вспомнил как звучит его голос.

Рик сделал несколько маневров и подъехал задом практически вплотную к Кадиллаку. Из-под низа микроавтобуса выехала небольшая платформа с несколькими креплениями. Капитан Дигнан без особых усилий приподнял перед Кадиллака и подцепил его на платформу так, что машина осталась на земле только задними колесами.

— Будем ехать не спеша, чтобы не угробить вам заднюю подвеску на этой дороге, — сообщил Аменд и жестом пригласил женщину занимать место в их автомобиле, пропуская её вперёд. Она села в кресло напротив Капитана Дигнана. Микроавтобус не спеша поехал.

— Я не знаю, как вас благодарить, — женщина приложила руки к груди выражая свою признательность за столь уместную ей помощь.

— И не нужно, мисс... Или миссис...? — Аменд сделал паузу, ожидая ответа.

— Мисс, мисс Донован. А вы мистер Аменд?

— Просто Аменд, это Фрэнк, это Капитан Дигнан, а это Рик.

— Очень приятно, — улыбнулась она.

Мисс Донован была возраста лет сорока пяти, приятной внешности, невысокая, с ярко выраженной женственной фигурой. Средней длины каштановые волосы были немного спутаны. Одета в коричневую клетчатую рубашку широкого фасона, заправленную в джинсы, которые подпоясывал тёмный ремень с огромной бляхой с названием какого-то бренда.

— Вы путешествуете одна? — спросил Фрэнк.

— Если мою сегодняшнюю поездку можно назвать путешествием, то да — одна, — мило улыбнулась она, — да и живу одна. Друзья какие-то неважные у меня, даже позвонить некому, чтобы помогли сегодня.

— Словно слышу это не от такой женщины как вы, у вас должна быть очередь из поклонников, желающих оказать помощь, — сорвавшись с уст Фрэнка, это прозвучало лучше, чем было сказано.

— Поклонники, конечно, есть, но я ничего не могу с собой поделать — последний мужчина с кем я могла проводить времени больше, чем занимает ужин был мой покойный муж.

— Вы вдова, — заключил Фрэнк, почесав затылок, — извините, соболезную.

— Не сказать, что вдова... — прикусила губу Мисс Донован, — мы развелись с ним за год до того, как он застрелился. Вдовой я стать не успела.

— Застрелился? Отчего? Он тяжело переносил ваш с ним разрыв?

— О, совсем даже наоборот. Мы с ним потому и расстались, что больше не смогла я так жить. Я сама и не заметила, как он изменился, словно жила с одним человеком, а в одно утро проснулась с совершенно другим. Он даже не то, чтобы охладел ко мне, он словно перестал вообще что-либо чувствовать, стал абсолютно ко всему безразличным...

— Я хочу вас поддержать, мисс Донован, — сказал Фрэнк, желая поносить её бывшего мужа всеми словами, которые знал за проявленное безразличие к такой женщине, но ему было неловко говорить плохое о человеке, которого уже не было в живых, — но знаете, как говорят: «О мёртвых говорить нужно либо хорошо, либо никак».

— На самом деле, — заметил Аменд, — это устоявшееся выражение, которое вошло в

обиход людей как неизменное, неправильно дошло до наших дней от первоисточника. Так говорили древние спартанцы, и полностью эта фраза звучит так: «О мёртвых говорить нужно либо хорошо, либо ничего, *кроме правды*».

— Правду я так и не узнала, — вздохнула Мисс Донован, — после самоубийства я даже тела его не видела, его в закрытом гробу хоронили — он всю голову себе разнёс. Какой ужас. Ой, давайте переменим тему. Вы на встречу едете? Вы в моем городе вчера выступали, у меня не получилось прийти, теперь как-то неудобно перед вами.

— Неудобно, это стоять на безлюдной дороге, ожидая пока кто-то проедет, а это — ерунда, — улыбнулся Аменд.

— Ой, знаете, я и без вашего выступления и так за вас проголосую.

— Надеюсь не из-за того, что мы вас подвозим? А то в противном случае мы тотчас же вас высадим и вернём на то место, где подобрали, — Аменд засмеялся.

— Нет-нет, я просто вижу, что вы человек хороший, — заключила мисс Донован, а после спохватилась, — в смысле...

— Робот? — Аменд вновь усмехнулся, — остановимся на «хороший».

Они довезли её до автомастерской, которая находилась недалеко от въезда в Миддл-Киррадж. Мисс Донован, прощаясь, рассыпалась в благодарностях. Фрэнку было даже как-то жаль прощаться с ней, на секунду промелькнула мысль взять у неё номер телефона, но он поморщился про себя и подумал: «Что на меня нашло?». Потому он скупно улыбнулся ей на прощание, и далее они поехали на встречу, на которую уже успевали впритык.

Собравшиеся встретили прибывших с радостными возгласами и криками. Над входом висела надпись: «Добро пожаловать домой, мистер Аменд», и, хотя робот был произведён не здесь, в принципе любое место, относившиеся к Justice-Tech, при желании можно было назвать его домом, если особо не придирается. Жители испекли огромный торт, на котором были выложены фигурки роботов из печенья. Аменд, улыбаясь, объяснил, что он очень хочет попробовать это замечательное изделие, но, к сожалению, не может, однако ему принёс невероятную радость уже сам его вид. Зато Фрэнку и Рику в прямом смысле вложили в руки пластиковые тарелки с увесистыми кусками торта, не принимая никаких возражений.

— Вы ешьте, ешьте, — тихо порекомендовал Аменд, — За мою безопасность не переживайте.

И хотя такие рекомендации противоречили любым служебным инструкциям и протоколам, тон Аменда был непререкаемым. Встреча прошла в очень домашней обстановке — Аменда и членов его команды усадили за пластиковый стол, а все собравшиеся уселись на скамьи перед ними. Беседа оказалась приятной и комфортной, а торт — на удивление вкусным.

Следующим утром на личный телефон Фрэнка раздался звонок от неизвестного абонента, что было странным, так как свой номер Фрэнк давал мало кому, те же, в свою очередь, вряд ли стали бы им делиться без ведома Фрэнка. Брайан Ротовски и другие сотрудники Justice-Tech были не в счёт — эти люди, наверное, знали всё и обо всех.

— Алло.

— Мистер Солдберг, здравствуйте, меня зовут Сол Кэмбелл, я — журналист, прошу уделите мне несколько минут вашего времени, я хочу поговорить о сенаторе Корше.

— Мистер Кэмбелл, не знаю, где вы взяли мой номер, но никаких разговоров о сенаторе я вести не собираюсь, — сказал, как отрезал Фрэнк.

— Но вам не кажется смерть сенатора, как минимум, странной, и сразу же на его место выдвигается робот?

— До свидания, мистер Кэмбелл.

Фрэнк повесил трубку. Он не любил журналистов за их пронырливость и за то, что они любили совать свой нос в чужие дела, не спрашивая разрешения, и за то, что их девизом по жизни был: «Что не услышу, то додумаю сам». Странной ли была смерть сенатора? Этим журналистам только дай повод для громких заголовков и высосанных из пальца сенсаций.

— Чего хотели? — спросил Аменд, который оказался возле Фрэнка, хотя до этого говорил с кем-то из сотрудников партии в стороне.

— Да так, журналисты, вечно достают своими вопросами.

— Расспрашивал тебя о сенаторе Корше?

— Да чушь всякую спрашивал на уровне жёлтой прессы, не бери во внимание.

— Да, Фрэнк, как бы кто к журналистам не относился, но они делают свою работу, временами неблагодарную, временами грязную. Все истории в жизни основываются на слухах — кто-то что-то кому-то сказал, а тот сарафанным радио передал слух, ни первоисточник которого, ни достоверность не проверить. И журналисты продвигаются по этому полю информации как по минному полю, стараясь отделить зерно от плевел. Кстати — наш основной конкурент, мистер Грегор Глэж вчера вечером связался и приглашал меня на неофициальную встречу, обсудить некоторые вопросы.

— Ясно, и когда он хочет встретиться?

— Это не важно, я поблагодарил его за предложение и отказался. Нам ни к чему терять наше время на подобные бессмысленные мероприятия.

— Ты ведь даже не знаешь, чего он хотел.

— Я просчитал разные варианты, и ни один из них не имел для нас настолько большую выгоду, чтобы ехать. А в противном случае — зачем нам это?

— Тоже верно. Но сенатор Корш всегда встречался с оппонентами...

— Фрэнк, мы проводим нашу кампанию так, будто у нас нет оппонентов. Наши оппоненты — это мы сами, те, за которых люди голосовать не хотят. Цель — чтобы мы стали теми, за кого люди хотят отдать свои голоса.

— Мистер Аменд! — к ним быстрым шагом направлялся один из сотрудников Штаба, выглядел взволновано, — мистер Аменд, звонили из Вауглиджа, ночью у них произошла беда, из-за возгорания дотла сгорело здание кинотеатра.

— Действительно неприятность, никто не пострадал?

— К счастью нет, но это был единственный достаточно крупный объект, подходящий для вашего сегодняшнего визита, больше в Вауглидже негде собрать такое количество людей для встречи в одном месте, по крайней мере в здании.

— И какие у нас есть варианты?

— Наши люди предлагают устроить встречу на площади — они готовы в срочном порядке оборудовать её трибуной, микрофоном и прочим, они ожидают только лишь вашего одобрения.

— Ну почему же нет, прогноз погоды на сегодня хороший, пускай ничто не будет срывать наши планы. На открытом воздухе мы уже проводили встречи. Говори им, чтобы готовились.

— Есть, мистер Аменд! — сотрудник побежал обратно в здание Штаба.

Вауглидж был третьим по счёту местом, которое они должны были посетить сегодня.

Первые два и встречи в них прошли более-менее успешно, и потому с хорошим настроением (у Фрэнка, потому что у Аменда, казалось, всегда хорошее настроение, а Капитан Дигнан был одинаково молчалив несмотря ни на что) они заехали в город. Двое представителей Демократов, которые и занимались подготовкой грядущего мероприятия, ждали на въезде, облокотившись об припаркованную машину.

— Мистер Аменд, для нас большая честь встречать вас здесь! — с нескрываемым уважением приветствовал робота тот, что был старше, — нас только двое тут, но вообще с нами ещё и третий коллега, Патрик, он трудился не покладая рук, но за несколько часов до вашего приезда ему стало плохо, и он не смог приехать, он очень переживал, чтобы вы не посчитали, что он отлынивает.

— Ни в коем случае, господа, возможно, именно от усердной работы ему и нездоровится, передавайте ему мою благодарность и пожелания скорейшего выздоровления.

Городская площадь была не настолько большой, чтобы удивить своими размерами, но достаточной для того, чтобы здесь без проблем вместились все пришедшие на встречу люди. Одно- и двухэтажные дома плотным кольцом окружали площадь со всех сторон, лишь в одном месте оставляя проход — он вёл к небольшому скверу, который состоял из деревьев, росших в пять или шесть рядов, а за их верхушками возвышалась водонапорная башня. Солнце перевалилось за полдень. Трибуна Аменда размещалась перед входом в сквер. Фрэнк за несколько секунд после того, как вышел из автобуса, выстроил для себя полную картину местности вокруг и ощутил какое-то неприятное чувство.

Толпа уже собралась, держа в руках флажки, плакаты, кто-то разворачивал огромный флаг Америки. Весёлые голоса, одобряющий свист и улыбающиеся лица, на которых горело нетерпение выражали общее хорошее настроение жителей Вауглиджа.

Фрэнк быстро пробежался взглядом по присутствующим. Они стояли полукругом перед трибуной. Солнце висело прямо над водонапорной башней и слепило в глаза, не давая рассмотреть её более детально.

— Капитан, — Фрэнк подошёл к Дигнану и говорил так, чтобы слышал только он, — что-то здесь не так.

— Ты о чём? — без каких-либо эмоций спросил Дигнан.

— Слишком странное совпадение — ночью за день до нашего приезда горит здание, в котором Аменд должен был выступать, и встречу переносят сюда. Трибуна стоит таким образом, чтобы прекрасно просматриваться с той башни.

— Будь спокоен, твои человеческие доводы может и имели бы смысл, но я тоже делаю работу. Я просканировал башню — там ни людей, ни роботов. Хотя насчёт роботов и так маловероятно, чтобы они сидели в башне.

— У тебя есть техника, а у меня предчувствие, и я склонен ему доверять, Капитан. Я хочу проверить вышку. Ты сам справишься здесь?

— Конечно, Фрэнк, не обольщайся, ты скорее маркетинговый ход, нежели настоящая защита. Потому иди.

Фрэнк хотел было ответить, но решил не терять времени, хотя реплика Капитана звучала неоправданно грубо и внезапно. Высокомерный робот? Это в нём запрограммировано, или он сам пришёл к такой «жизни»?

— Фрэнк, ты куда? — спросил Аменд, когда заметил, что тот идёт в другую сторону.

— Нужно кое-что проверить.

— Хорошо, делай как считаешь нужным.

Фрэнк прошёл через толпу. Люди лишь мельком смотрели на него — их внимание было приковано к роботу, которого они видели впервые. Миновав ряды собравшихся, Фрэнк оказался на конце площади, практически у входа в трехэтажный компактно сбитый дом, у крыльца которого гордо развевался по ветру американский флаг. Фрэнк прошёл на задний двор и вышел на узкую улицу, параллельную площади. Отсюда башню было не видно, она скрывалась за крышами домов, стоящих друг к другу плотно, едва не касаясь. Он быстрым шагом двинулся по улице, в просветах между строениями держа в поле зрения водонапорную вышку. Улица сворачивала вправо. Фрэнк пошёл вперёд, пройдя между домами, он оказался в переулке, через который вышел на другую улицу, более широкую. В стороне раздались приветственные крики толпы, означавшие начало выступления Аменда. Люди в Вауглидже были настроены очень дружелюбно.

Фрэнк сделал крюк, чтобы дойти до башни с другой от парка стороны, и когда оказался у её подножия, достал из чехла под пиджаком пистолет, снял с предохранителя и открыл дверь. Та предательски скрипнула, но не настолько громко, чтобы голос Аменда, звучащий в микрофон, не приглушил её. Фрэнк тихо ступая, начал подниматься по винтовой лестнице. Ступени были пыльными, словно никто давно уже здесь не ходил. Лестница окончилась и Фрэнк вышел на площадку у основания огромной бочки, которая начиналась выше, вмещающая в себя многие тонны воды. Осмотревшись, он не заметил ничего, что могло бы привлечь его внимание. Отсюда открывался отличный вид на трибуну, и стоящего на ней Аменда. Фрэнк не был разочарован, что ничего здесь не обнаружил — это было намного более удачный исход, чем если бы на башне был стрелок. Фрэнк поставил пистолет на предохранитель и вложил его в кобуру. Он повернулся, чтобы начать спуск обратно, но тут его взгляд заметил небольшую прореху между деревянным потолком и овальной стеной. Небольшую, но достаточную для того, чтобы туда можно было пролезть человеку, хоть и с трудом. Фрэнк подошёл к ней, ухватился за края руками и подтянулся вверх. Это была прослойка между самой бочкой и площадкой, на которую вела лестница. Здесь было тесно и темно, небольшой свет струился из просветов между досками. Внимание Фрэнка привлекло нечто, что лежало практически возле него и с частой периодичностью мигало красным огоньком. Фрэнк подтянулся ещё больше, и протянул руку. Устройство было овальной формы, из металла, небольшой дисплей и надпись на нём «Вкл». Фрэнк покрутил его в руках и случайно пальцем нажал на единственную кнопку, которую и не заметил. На экране сменилась надпись — «Выкл».

Далее события развивались очень стремительно. Спереди среди темноты раздался шорох. Одновременно с этим, голос Аменда, который уже стал привычным отдалённым фоном замолчал. Вдалеке раздался выстрел и с противоположной от Фрэнка стены пуля проделала дырку в дереве, просвистела недалеко от самого Фрэнка и вылетела с другой стороны. Дыры засочилась светом. Благодаря ему Фрэнк заметил какое-то движение спереди от себя, будто двигался мешок на полу, но перед мешком было что-то очень длинное и массивное, блеснувшее в луче света. Фрэнк отпустил руки, которыми держался за края прорехи и полетел вниз. Одновременно с этим ослепительная вспышка сверкнула огнём и раздался оглушительный раскат грома, такой, что зазвенело в ушах. На том месте, где только что находилась голова Фрэнка с треском вырвало доски, разнеся половину стены в щепки. Фрэнк неудачно приземлился на площадку внизу, подвернув ногу, но мгновенно выхватил пистолет, за мгновения снимая его с предохранителя. Туда, где по его предположению, сверху находилось нечто принятое им за мешок, он сделал череду выстрелов. Затем

прислушался. В ушах звенело, Фрэнк был практически оглушён. Из одной из дыр в потолке, которую он проделал выстрелами, начала капать кровь. Хромая, Фрэнк подошёл к прорехе, с болью подпрыгнул и аккуратно выглянул. Теперь света было намного больше, чем полминуты назад. На полу лежало тело. Приглядевшись, Фрэнк понял, что человек ещё жив и зажимал рукой живот, который прострелила пуля. Возле него на досках возлежала противотанковое ружье.

— Устройство, которое ты отключил создавало искусственное поле, через которое не могли пройти спектры сканирующего зрения Капитана, — говорил Аменд после того, как местный доктор осмотрел ногу Фрэнка, и заверил, что ничего серьёзного не случилось, — как только ты его выключил, Капитан увидел стрелка и мгновенно выстрелил, но тот увернулся.

— Наверное, услышал меня и повернулся.

— Скорее всего. Если бы он попал в меня, от такого патрона мои микросхемы собирали бы по всем окрестностям.

— Вот только вряд ли их можно было бы вновь соединить, даже после того, как всё нашли бы.

— В точку, Фрэнк. А если бы он попал в тебя — мы даже опознать не смогли бы Фрэнка Солдберга, такой винтовкой листы брони пробивают как картон. Капитан Дигнан оперативно провёл допрос. Это оказался один из наших, тот третий, что заболел и не пришёл на встречу. И ещё: он словно сожалел о том, что сделал и говорил, что ему приказали, а он не хотел.

— То-то я и заметил, что стрелял он как-то с неохотой, — с сарказмом покачал головой Фрэнк, — и кто ему приказал?

— Мы не знаем, он умер и не успел сказать.

— Капитан Дигнан допрашивал умирающего человека?

— То, что он умирал мы поняли только после его смерти.

— Аменд, людям присуще умирать с простреленным животом, если им вовремя не оказать надлежащую помощь. Дигнан поступил слегка неправильно, вначале нужно было подпустить к нему докторов, а уже потом проводить допрос. Это могут использовать против нас.

— Против нас точно сыграет фактор, что это был наш человек.

— Предположения кто за этим может стоять у тебя есть?

— Круг может быть очень широким. Вчера я отказался от встречи с Ричардом, но этого недостаточно, это может ничего не значить. Исходя из сведений, которых у нас практически нет, любая вероятность вычислить заказчика невелика.

— Предоставим это полиции.

— Шериф уже опрашивает родственников стрелявшего, а полиция в пути. Наши ребята, те двое, из демократов, чувствуют себя подавлено. Кстати, они сказали, что идея провести встречу на улице принадлежала покойному, а трибуну на том месте он своими руками устанавливал.

— Значит и пироманом он оказался, а возгорание никакое не возгорание, а поджог.

— Вероятно.

Зашёл Капитан Дигнан.

— Капитан, мы, кажется, прервали наш разговор о маркетинге? — с насмешкой спросил

Фрэнк.

— Ты сделал отличную рекламу профпригодности людей, Фрэнк, поздравляю.

— Знаешь, Капитан, когда ты говоришь, то навеваешь мне ностальгию по временам, когда ты молчишь.

— Фрэнк, как ты умудрился едва не сломать себе ногу, прыгнув с высоты табурета?

— Если бы ты знал больше о человеческой физиологии, то наш стрелок был бы жив и в будущем ответил бы на большее количество вопросов, чем ты успел ему задать.

— Если бы ты не палил наугад в единственного, кто мог бы поделиться сведениями, а обезвредил его не летальными повреждениями...

— В тебя встроен генератор столь гениальных ответов, или прописаны реплики на все случаи жизни?

— Капитан, Фрэнк, вы оба хорошо сработали, — прервал их Аменд, — а теперь мне нужно связаться с нашей пресс-службой, чтобы дать им инструкции по поводу ответов на вопросы журналистов. Вам я настоятельно рекомендую никоим образом не комментировать произошедшее.

Когда Аменд вышел, Капитан Дигнан сказал:

— Вот почему роботы никогда полностью не заменят людей. Технику можно обойти, а человека только обмануть.

— Первая умная мысль от вас, Капитан Дигнан, — Фрэнк сделал фамильярный поклон.

Все остальные встречи на сегодня были отменены. Хотя эта мера и была губительной для кампании в целом, но всё равно являлась необходимой. Здесь стоило упомянуть о ещё одной особенности деятельности, которую вёл Аменд как кандидат на пост сенатора штата. Вся кампания практически полностью состояла из одних только встреч с избирателями. Аменд полностью отказался от многих сопутствующих и привычных средств. Нигде не висели билборды с фотографией робота, не выпускались специальные газеты, прославляющие кандидата, не крутились ролики по телевидению. Только лишь встречи.

— Давайте отойдём от привычного стереотипа, что политик берёт деньги у богатых, а голоса — у бедных, — рассуждали приглашенные гости на вечернем телешоу, — для кампании Аменда не нужно привычного миллионного финансирования. Его слова, передаю дословно: «Мне не нужна реклама, я хочу, чтобы люди оценивали меня лично, а не по удачным снимкам и популистским заголовкам в листовках. Если в день голосования люди сделают выбор основываясь не на влиянии продукции, продуманной политтехнологами, а на основании только личного впечатления от встречи с кандидатом, значит я был прав».

— И всё же он лукавит, — с видом знатока заявил другой гость студии, — реклама ему действительно не нужна, потому что он сам — лучшая реклама. О нём знают все избиратели до единого, и он, как ни крути, представитель системы, которая показывает отличные результаты. Даже если бы он не ездил и ни с кем не встречался, многие люди сделали бы свой выбор в его пользу только потому, что он робот, а до этого роботы показали свою пользу.

— Вы правы, — заявил третий специалист в какой-то отрасли, — какая цель рекламы на выборах? Чтобы о кандидате говорили, чтобы его узнавали, и чтобы донести его идеи до всех. У Аменда большинство из этого есть изначально, а идеи он доносит на многочисленных встречах, на которые он спешит с неутомимостью, присущей только роботам. Да и вообще его идеи — это логическое продолжение идеи внедрения роботов в

правосудие.

— Друзья, — прервал их ведущий, — у нас звонок в студию. Вы в прямом эфире, говорите.

Звонивший представился, коротко рассказал кто он и откуда, а затем перешёл непосредственно к цели, ради которой взял в руку телефон:

— Вы говорите о рекламе, но я не согласен, что её полностью нет. Она проводится очень умно и завуалировано. Я для себя открыл тенденцию, что в социальной сети «Нор» ненавязчиво, но так, чтобы обратить внимание на уровне подсознания, постоянно мелькают новости и статьи, смысл которых — польза роботов. Там робот сделал то-то, там он спас того-то, там ещё что-то хорошее. И с началом выборов поддерживается позитивный фон и соответствующий ореол вокруг самого понятия роботов. Вы же согласитесь со мной, что постоянно мелькающие заголовки подобного рода откладываются у нас в памяти и могут повлиять на объективность конечного выбора? А поскольку Нор используется всеми без исключения, значит аудитория у такой непрямой рекламы роботов, с кем в первую очередь ассоциируют Аменда, как вы сами сказали ранее, самая всеохватывающая. Никакими листовками не добиться подобного, ещё и без эффекта отторжения.

— Я думаю, что вы преувеличиваете. Новости о роботах были всегда с момента их внедрения, роботов становится всё больше, значит они принимают участие во всё большем количестве случайных событий, а поскольку результаты их деятельности обычно удовлетворительные, отсюда и все эти новости, о которых вы говорите. Вы не задумывались, что польза от них действительно растёт с каждым днём и выборы здесь ни при чём?

— Да, начнём с того, — поддержал коллегу второй приглашенный гость, — что «Нор» к Justice-Tech и роботам не имеет никакого отношения...

По местному телеканалу крутили выступления Грегора Глэжа, основного конкурента Аменда.

— Произошедшее не поддаётся никаким рамкам разумного, имея ужасный и античеловеческий характер. Я счастлив, что никто из людей или роботов не пострадал. Но случившееся показывает нам, что общество ещё не готово принять роботов, превосходящих по своему потенциалу роботов судей, адвокатов и полицейских. Как ни крути, но они решают проблемы людей, у которых они возникают, и эти проблемы носят исключительно частный характер. Но робот-политик возьмёт на себя право решать не только от имени жителей штата, но и нации в целом. Мы ещё не готовы к таким радикальным переменам. Может быть через несколько лет, но не столь быстро. Что говорить о нас, если к такому не готовы даже его соратники — не готовы идти за ним настолько, что от отчаяния и бессилия берут в руки оружие и пытаются уничтожить робота? Я горько сожалею, что такая ситуация вчера произошла с Амендом, но разве может ему доверять народ, если даже его команда ему не доверяет?

Вспышки фотокамер. Была созвана пресс-конференция. Глава Партии Демократов давал официальные комментарии случившемуся.

— Патрик Стэнфорд примкнул к нам незадолго до активного начала кампании, после официального выдвижения Аменда. Он вызвался работать на общественных началах, ради идеи, по его словам он всецело поддерживал роботов и готов был сделать всё от него зависящее, чтобы помочь Аменду. Теперь мы понимаем, что он был внедрён в наши ряды

специально для подготовки к устранению Аменда. Сейчас идёт расследование. Мы найдём виновных, и они ответят перед роботом-судьей со всей строгостью закона, который нарушили.

Сюжет новостей. Изображение, передаваемое камерой, подергивается, оператор идёт вслед за ведущей. Внизу экрана написано «Батлвидж». Ведущая подходит к одному из домов. Говорит в камеру:

— Это дом Патрика Стэнфорда, мы попробуем поговорить с его овдовевшей женой.

Ведущая стучит в дверь. Та открывается. На пороге стоит женщина. Выглядит скверно. Глаза — опухшие от слёз. Ведущая тычет ей в лицо микрофоном с вопросом:

— Миссис Стэнфорд, как вы прокомментируете заявление...

Женщина, не дослушав вопрос, закрывает дверь, но ведущая продолжает уже громче, рассчитывая, что вдова услышит её даже за внутренней стороной двери.

— ...заявление Главы Партии Демократов? Вся информация о Патрике изъята ФБР и её присвоен гриф секретно, но его знакомые, прося сохранить анонимность, говорят, что он работал на партию уже несколько лет, а вовсе не пару месяцев. Что вы можете сказать на этот счёт, неужели Партия скрывает сведения о вашем покойном муже, отвергая таким образом слухи о внутреннем расколе в рядах партии из-за выдвижения робота?

Дверь открывается, и голову высовывает пожилой мужчина:

— Уйдите! Оставьте несчастную женщину наедине с её горем.

Хлопает за собой дверь.

Несмотря на случившееся, Аменд настоял на том, что нет нужды увеличивать меры безопасности, дополнительная охрана не нужна. Он принял решение продолжать кампанию так, словно произошедшего и не было вовсе.

— Фрэнк, что ты чувствуешь, убивая себе подобных? — они ехали в микроавтобусе по городу, и вопрос Аменда застал Фрэнка врасплох.

— Из твоих уст звучит, будто я мясник какой-то.

— Нет, но для тебя это третий случай, когда ты лишаешь другого человека жизни, согласно твоему досье.

— Я ничего не чувствую. Не воспринимаю это как убийство. Мне лучше полагать, что я выполнил свою работу и защитил тебя.

— Так-то оно и есть, но не отменяй факта, что вследствие выпущенной пули, когда ты спустил курок, человек скончался.

— Ты хочешь меня в чем-то обвинить?

— Нет, ни в жестокости, ни в безнравственности, если ты только не получаешь от этого удовольствие.

— Получал бы — досье поувесистее было б. Я имел множество шансов увеличить список, я убиваю лишь когда нет другого выхода. В этот раз получилось скорее случайно, чем специально. С таким же успехом я мог прострелить ему ногу или руку. Или голову сразу. Аменд, подумай, что ты бы чувствовал, если по какой-то абстрактной причине тебе довелось убить робота? Или человека?

— Применимо ли ко мне слово «чувствовать» в твоём понимании?

— Проведя с тобой в общении достаточно много времени, создалось впечатление, что ты намного больше похож на человека, чем на робота — чёрт, ты даже эмоции можешь

проявлять.

— Очень правильно выразился, Фрэнк — создатель впечатление. Я создан так, чтобы создавать это впечатление. Во мне алгоритмы, которые вычисляют реакцию людей на сказанное разными оттенками тембра, голоса, формулировкой фраз и мимикой. Когда я шучу или говорю со злостью — для меня это имеет такое же равноценное значение, как когда я молчу или говорю вообще без эмоций. Я не способен чувствовать, но технологии, с помощью которых я создан, ориентированы в первую очередь на восприятие меня людьми. Я изначально знаю, как ты воспримешь мои слова. Если выразиться иначе, иллюзия наличия у меня способности к чувствам и возможности эмоционального выражения информации — это зеркальная иллюзия твоего восприятия. Мои чувства существуют только лишь в представлении и воображении моего собеседника, который согласно своему жизненному опыту понимает, какие чувства и эмоции соответствуют внешнему их проявлению. Во мне есть только внешнее проявление, а внутреннее, которое люди называют чувствами — только в твоём восприятии этого проявления. Мы, роботы, в первую очередь созданы для людей. Наш стиль говорить, вести себя — ориентированы для нашей социализации с вами, чтобы вам было легче нас принять.

— Говоря иначе, ты спокойно мог бы убить без угрызений совести, — заключил Фрэнк.

— Не мог бы, конечно. Я завёл этот разговор потому, что мне любопытно отношение к тому, что ты делаешь. Пользуешься ты психологическими уловками и самовнушением или действительно можешь объяснить свою позицию с точки зрения логики.

— Я объясню. Если бы я застрелил невинного, тогда да. Чувствовал бы вину. Если бы я застрелил виновного при том, что он сдавался — тогда да. Но я имел причину. Мой долг, и он перекрывает всё. Если об этом задумываться, то конечно хорошего мало в том, что я лишил жизни другого, но у меня было на это право, так сказать. Но опять же, чувство мерзкое после убийства.

— Существует определённый общественный порядок, и в момент нарушения его преступник изначально даёт тебе санкцию на убийство — он осознаёт последствия своих действий для себя самого и всё равно совершает их.

— Ну..., наверное, — почесал затылок Фрэнк.

— С человеком всё понятно. А что бы ты почувствовал, убив робота? Или корректнее сказать — уничтожил? — спросил Аменд, — воспринимаешь ли ты меня как форму жизни? Я говорю с тобой, я мыслю, я существую. Чувствовал бы ты такой же неприятный осадок, если бы лишил меня жизни? Конечно мою жизнь нельзя сравнивать с человеческой, и я не говорю сейчас о ней в контексте ценности. Я говорю о самом понятии жизнь как процесса существования и функционирования объекта в течении определённого периода времени — с момента появления на свет до момента полного и безвозвратного прекращения существования. Моя жизнь и твоя — они разные, но я считаю, что живу. Другие роботы тоже. Что может чувствовать человек, забирая такую-вот «жизнь»?

Фрэнк задумался. Но не смог найти какой-либо внятный ответ.

— Предполагаю, что абсолютно ничего, если бы того требовал твой долг, — Аменд улыбнулся.

Через несколько минут автобус прибыл на место назначения. Пока Аменд выступал перед публикой, Фрэнк думал, с какой целью Аменд задавал ему подобные вопросы.

Под конец встречи, когда Аменд обменивался с людьми рукопожатиями и выслушивал проблемы отдельных избирателей, обещая решить их самым лучшим образом, Фрэнк увидел,

что к нему направляется мужчина. Лицо казалось знакомым, и вскоре Фрэнк узнал его — это был Майкл Стибер, долгое время работавший вместе с сенатором Коршем и три года назад ушедший на пенсию. До этого он был сотрудником Justice-Tech, занимая должность менеджера высокого звена, но после какой-то допущенной им ошибки, его уволили. Фрэнк улыбнулся и шагнул Майклу навстречу, но у того было серьёзное лицо, на котором можно было заметить что-то наподобие злости, или даже презрения.

— Солдберг, — сказал, словно плюнул Майкл, — мне говорили, что ты помогаешь роботу, но я не хотел в это верить, пока не увижу своими глазами. Таки да, продался.

— Майкл, о чём ты, — Фрэнк искреннее не понял подобного выпада.

— Сенатор Корш пригред змею возле себя. Он верил тебе, Фрэнк, а ты самым наглým образом предал его доверие.

— Ты владеешь какой-то ложной информацией или тебя ввели в заблуждение насчёт меня, но...

— Фрэнк Солдберг, я надеялся, что меня действительно ввели в заблуждение, но вот я вижу, как ты стоишь здесь, прикрывая спину робота, которых покойный сенатор Корш никогда не то что не поддерживал, он им не доверял, не доверял системе, которая их создала, и всячески противодействовал ей. Ты как шлюха, Фрэнк, мне противно смотреть на тебя, зная, что сенатор Корш умер, принимая тебя за другого человека.

Майкл сплюнул под ноги Фрэнку, и, развернувшись, пошёл прочь, оставив того в полном недоумении от услышанного. Капитан Дигнан приблизился к Фрэнку и спросил:

— Какие-то проблемы с ним?

— Я не знаю, что это было, Дигнан.

Слова Майкла прочно отложились в голове у Фрэнка. Тот был действительно старым другом сенатора Корша и верным соратником, а когда вышел на пенсию, продолжал поддерживать сенатора, который время от времени даже обращался к нему за советом. Майкл был мудрым человеком, и если обвинял кого-то в чём-то, то должен был иметь святую уверенность в своих убеждениях. Фрэнк впервые всерьёз задумался — всё ли правда, которую преподносил ему Директор Стиннер, мог ли он соврать? Только от самой возможности этого Фрэнку стало не по себе, он представил, что сенатор Корш вовсе не принимал никакого участия в разработке Аменда, а его доброе имя теперь использовали для привлечения на свою сторону избирателей, которые уважали сенатора. В таком случае манипулировали и Фрэнком. Но, с другой стороны, Майкл последние годы уже не принимал участия в политической деятельности, может как раз за этот отрезок времени сенатор и изменил свою точку зрения, если она у него была такой, как считает Майкл. Стал бы он советоваться в таком случае с Майклом? В самых важных и противоречивых вопросах сенатор не советовался ни с кем. Спрашивая совета, ты надеешься услышать поддержку своей собственной позиции, в которой до конца не уверен. Чтобы делать большие поступки, сомнений быть не должно. В таких делах сенатор всегда поступал как считал нужным сам. Он шёл вперёд шагами новатора и первооткрывателя, не глядя назад, как же там оценили его действия люди, которые нервно топчутся, не зная — следовать за ним, или же оставаться на месте. Он любил говорить своим союзникам: «Если вы сами даёте себе и своим поступкам высокую оценку, тогда на кой чёрт вам оценки других? Ты сам есть главный свой критик и главный свой поклонник. Но если тебе не под силу оценивать себя, тогда предоставь это другим, уж среди них спецов хватает». Когда Фрэнк вспомнил эту фразу, он подумал, что если Майкл не обладал какой-либо информацией о совместной работе сенатора с Justice-

Tech, тогда какие выводы он может делать? Если Фрэнк продолжает дело сенатора, то никто не вправе судить его. Но в случае, если Фрэнка используют, сыграв на его преданности сенатору Коршу... Фрэнка передернуло от подобной мысли.

К вечеру погода окончательно испортилась, небо затянули тучи, и пошёл затяжной дождь. На последнюю встречу ехали молча, Аменд просматривал планшет в поиске какой-то информации, Капитан Дигнан смотрел в точку перед собой, а Фрэнк смотрел в окно и слушал звук работающих дворников, сносящих с лобового стекла потоки воды. Со стороны водителя тихо доносилось радио. Рик выключил пассажирские динамики, чтобы никому не мешать, оставив включённым только один — встроенный в дверь возле себя. На собрание людей пришло меньше, чем ожидалось — не все захотели покинуть свои дома вечером после работы в такую непогоду. А некоторые из тех, кто всё же пришёл выглядели недовольными.

После встречи, прибыв в мотель, Фрэнк чувствовал себя вымотанным, принял душ, отутюжил на завтра чистую рубашку и отправился спать. Часы показывали пол первого ночи, когда раздался телефонный звонок. Фрэнк в темноте нащупал рукой мобильник, лежащий экраном вниз на тумбочке возле него. Номер был зашифрован.

— Да, — ответил он, приподнимаясь на кровати, облакачиваясь к стене.

— Мистер Солдберг, простите за беспокойство в такое время. Я не хочу называть своего имени по телефону, и, тем более, говорить с какой целью я звоню. Пожалуйста, выгляньте в окно, справа напротив супермаркета стоит чёрный седан. С вами хочет встретиться один человек, которого вы знаете, встреча с ним будет иметь большое значение для вас. Пройдите к автомобилю, но осторожно, чтобы этого не заметили ваши роботы.

Говоривший повесил трубку. Фрэнк встал с кровати и выглянул в окно. Действительно, в некотором отдалении от отеля, на противоположной стороне дороги через пелену дождя едва, но всё же просматривался стоящий у обочины чёрный BMW с выключенными фарами.

Некоторое время Фрэнк решал, что же ему следует предпринять. В свете недавнего покушения на Аменда откликаться на просьбу звонящего могло представлять опасность не только для Фрэнка, но и для самого робота. Номер Аменда располагался через две двери. С ним был Капитан Дигнан, но всё равно, лишив Фрэнка возможности быть рядом, отвлекая таким образом, могла быть предпринята новая попытка покушения. Но с другой стороны, Майкл сегодня зародил в нём зерно сомнений, которое не давало покоя Фрэнку весь день, и теперь Фрэнк мог узнать больше о загадке, которую оставил сенатор — действительно он поддерживал Justice-Tech или нет. Одно из двух. Шансы пятьдесят на пятьдесят.

Фрэнк быстро надел брюки и рубашку, в которой ходил сегодня, закрепив кобуру с пистолетом под ней. Он взял в руки зонт и очень тихо открыл дверь. Выглянул в слабо освещённый коридор. Никого. Так же тихо прикрыв дверь, он провернул ключ в замке. Туфли он держал в другой руке, чтобы каблуки не издавали стука при ходьбе. Проходя мимо номера роботов, Фрэнк прислушался. Тишина. Миновав коридор, он спустился по лестнице вниз. Консьерж дремал за своим рабочим местом, и Фрэнк прошёл мимо него, стараясь не издавать ни звука, чтобы не разбудить. Выходя, он поднял голову на камеру, которая смотрела на него, снимая всё происходящее у входа в мотель. В машине мог быть и Майкл Стибер, может он специально произнёс те слова при роботах, а теперь собирался пояснить свою выходку ничего не понимающему Фрэнку.

Оказавшись на улице, Фрэнк обулся, раскрыл зонт и, держась близко к стене мотеля, последовал в направлении стоящего автомобиля. Оказавшись напротив, Фрэнк быстро перешёл дорогу. Задняя дверь открылась и сидящий внутри сказал:

— Садись Фрэнк.

Внутри было темно, кроме водителя и сидящего сзади человека больше никого не было. Фонари на улице не горели, и Фрэнк мог видеть лишь смутные очертания его силуэта.

— Фрэнк, это я, сенатор Корш, — сидевший наклонился к Фрэнку и тот смог разглядеть его лицо.

Это несомненно был сенатор. Выглядел он здоровым и полным сил, словно никакая болезнь и вовсе не поражала его, не говоря уже о биологической смерти. Как раз таким его Фрэнк и запомнил наиболее отчётливо, так он выглядел до болезни.

— Поехали, — сказал сенатор водителю, и машина, не зажигая фар, тронулась с места.

— Сенатор... — произнёс Фрэнк, словно, не веря своим глазам, — как это возможно, я же присутствовал на ваших похоронах, я видел вас лежащим в гробу.

— Фрэнк, мне пришлось инсценировать свою собственную смерть, чтобы обезопасить себя, мою семью и тебя от наших врагов. Всё должно было выглядеть достоверно. Мне пришлось прибегнуть к крайним мерам. Я принимал препарат Солдэкин-В14, который создал видимость неизлечимой болезни, а затем я ввёл себе тетродоксин рыбы Фугу, жизнедеятельность моего организма снизилась практически к нулю и доктора констатировали мою смерть. Да, ты видел именно меня на похоронах, но после — мою могилу вырыли, меня достали и ввели противоядие. Пришлось ждать несколько недель, пока процессы, запущенные препаратом, повернутся вспять.

— Почему вы не открыли мне правду?

— Это было слишком рискованно, Фрэнк, я не мог ставить весь план под угрозу.

— О каких врагах вы говорите?

— О тех, на кого ты сейчас работаешь. Корпорацию Justice-Tech и робота Аменда.

— Я сегодня встретил Майкла, он был в негодовании, что я сотрудиначаю с ними.

— Да, старина Майкл. Он, наверное, искренне в недоумении от твоего решения, но его можно понять, он же не знает, что тебя обманом привлекли на свою сторону. Это была ещё одна причина, по которой я не мог раскрыть тебе свои планы, Фрэнк, я знал, что они прибегнут к твоей помощи, и чтобы не вызвать никаких подозрений, ты должен был искренне верить тому, в чём они тебя убедили.

— Что всё это значит, сенатор, что вообще происходит?

— Это узурпация, Фрэнк. Захват власти в стране. Государственный переворот, который происходит тихо, но настолько продуманно, что будь он доведён до конца — у людей не будет шансов спастись. Justice-Tech хочет иметь контроль над всей страной. И у них, практически, уже всё есть для этого — в их руках правосудие, роботы-судьи и роботы-адвокаты. Когда придёт время, все они будут действовать сообща в интересах тех, кто их создал. Роботы-полицейские смогут защитить Justice-Tech грубой силой, а у людей не будет возможности им противостоять — каждый день число полицейских роботов увеличивается, и скоро люди сами не заметят, как будут лишены свободы. И настанет это после того момента, когда у нас уже не будет возможности оказать сопротивление. А роботы военные-прокуроры и роботы-адвокаты по делам военных? О них и об их деятельности обычные граждане практически ничего не знают. Притом, из своих источников я слышал о созданных подразделениях военного спецназа, состоящих из одних только роботов, совершенно другого рода, не подобных тем, к которым мы привыкли. Более того, Justice-Tech не единственная угроза, нависшая над нами всеми. Есть и более могущественные силы, но о них практически ничего не известно.

— Кроме Justice-Tech есть ещё кто-то?

— Есть ещё кто-то. И есть ещё нечто. На самом верху пирамиды борются несколько противоборствующих сил, каждая из которых сама по себе представляет гибельную опасность для людей. Никто, Фрэнк, никто не представляет истинных масштабов. Дамоклов меч занесён над всем человечеством. И мы сами способствовали этому. Мы создали правовое государство, заложниками законов которого можем стать. Теперь новый этап их замысла — они проводят Аменда в Сенат. В случае его победы, он покажет ошеломительные по эффекту результаты, и люди станут доверять роботам ещё более, после Аменда в Сенат, Конгресс последуют и другие роботы. Кто знает, чему людей можно убедить, возможно они захотят и Президента-робота? Если не заходят — их заставят захотеть, возжелать этого всей душой.

— Объясните, зачем вы инсценировали собственную смерть?

— Я не мог выступить против них открыто, Фрэнк, как и никто не может сейчас. Я знал об их плане — меня собирались убрать, чтобы выдвинуть по штату робота, потому что для первого из роботов-сенаторов, пока что, победа возможна в штате, где люди больше всего поддерживают Justice-Tech и демократов. Я сделал шаг на опережение, который их устраивал, в котором они бы не заподозрили подвоха. Я убедил их в том, что мёртв, чем развязал себе руки.

— Что нам нужно делать, сенатор?

— Директор Стиннер считает себя самым умным, но пока что у нас есть преимущество — он полагает меня мёртвым, а тебя — своим союзником. В противном случае он никогда не доверил бы тебе охрану Аменда.

— Что от меня требуется, сенатор?

— Фрэнк, нам нужно не позволить этому роботу пройти в Сенат. Но мы не можем действовать их методами. Я не могу просить тебя уничтожить Аменда, поскольку это не решит глобальную проблему. Да, Аменд не станет сенатором, но система роботов останется такой же крепкой, а Директор будет манипулировать общественным мнением и после уничтожения Аменда, используя это в своих целях. Нам нужно поступить иначе. Абсолютно и необратимо дискредитировать Аменда. Опорочить его таким образом, чтобы у людей исчезло доверие к системе роботов в целом. После этого у нас будет шанс выступить против Justice-Tech в открытую. У нас много сторонников, Фрэнк, но пока что они боятся. Мы должны дать им возможность сказать то, что они знают, донести это до ведома людей и не опасаться за свою жизнь.

— Что вы предлагаете?

— Это будет комбинация из нескольких слаженных действий. Нам необходимо показать Аменда в свете его истинного отношения к людям. Второе — необходимо создать ситуацию, когда он нарушит закон или совершит недостойный поступок. Фрэнк, держи, — он передал тому в руки устройство размером с шарик для пинг-понга, — это устройство, сигнал которого роботы не отслежат, держи его всегда при себе. В случае крайней необходимости ты будешь вынужден использовать его. Оно вырабатывает два типа излучения — первое прерывает на небольшой период времени связь роботов с операционной системой Justice-Tech, так, что они останутся изолированными. Второй тип излучения при повторном использовании устройства переведёт всех роботов в радиусе пяти метров в спящий режим на несколько десятков минут. Этого времени тебе будет достаточно в случае непредвиденного. Положи его в нагрудный карман и всегда держи при себе.

Фрэнк принял устройство и утвердительно кивнул. Сенатор продолжил:

— Нам необходимо очень тщательно продумать каждый шаг, особенно первый. Времени нет, но торопиться нельзя. Второго шанса не представится, а если Аменд пройдёт в Сенат, далее нам придётся очень туго. Я буду вести свою деятельность далее, у нас много союзников, поверь мне, и мне предстоит встретиться с каждым из них. Ты, главное — будь наготове, но не подавай виду. Скажи мне, Фрэнк, пытались ли они разведать что-то о делах, которые я поручал тебе? О тех, которые не были связаны с моей защитой?

— Нет, они ничего не спрашивали. Аменд только задаёт общие вопросы о вас, о ваших избирательных кампаниях.

— Будь на чеку. Помни, они ничего не должны знать, абсолютно ничего, что связано со Стефаном Серафимом и Кираном Свифтом.

В этот момент оглушительным в окружающей тишине, нарушаемой только звуками дождя и тихим голосом сенатора, прервав его речь, раздался телефонный звонок. Фрэнк достал телефон из кармана брюк.

— Кто это, Фрэнк?

— Это Капитан Дигнан, робот-телохранитель Аменда.

— Чёрт, мы не можем рисковать. Остановись, быстро! — крикнул сенатор водителю.

Машина резко затормозила. Сенатор протянулся мимо Фрэнка и открыл тому дверь.

— Фрэнк, я выйду с тобой на связь, помни, что я тебе сказал, выходи!

Фрэнк оказался на улице под дождем и не сразу додумался раскрыть зонт. Машина дала по газам и понеслась вперёд. Телефон продолжал звонить.

— Алло.

— Фрэнк, ты где?

— Я на улице.

— Сейчас же ночь, и дождь идёт. И ты должен быть возле Аменда.

— Капитан, я вышел осмотреть окрестности, нет ли где потенциальной опасности, нет ли слежки.

Капитан Дигнан ничего не сказал в ответ и молчал в трубку.

— Дигнан, доверься мне — в прошлый раз я поступил, как считаю нужным и оказался прав.

— Хорошо Солдберг. Ничего не заметил подозрительного?

— Нет.

— Тогда возвращайся.

Капитан повесил трубку. Фрэнк огляделся — он был минутах в двадцати ходьбы от мотеля. Как Дигнан увидел, что его нет? Тут Фрэнк смекнул, что робот был способен просматривать стены и помещения с помощью специального режима своего зрения. Фрэнку оставалось надеяться, что Капитан не держал его включённым постоянно и не видел, как он крадся с туфлями в руках мимо их с Амендом двери — это выглядело бы действительно подозрительно.

Когда Фрэнк пришёл в мотель, дверь его комнаты была так же заперта, и, судя по всему, внутрь никто не заходил. Фрэнк лёг на кровать, и долго ещё не мог уснуть.

Наутро Дигнан ни словом не обмолвился о вчерашнем разговоре, Аменд также не подал виду, будто что-то знал. словно ничего и не было. Они собрались, сели в микроавтобус и поехали на очередную встречу. И только минут через двадцать Аменд спросил:

— Фрэнк, ты выглядишь уставшим, всё в порядке?

— Да, вполне.

— Отлично, потому что сегодня у тебя будет ответственное задание. После встреч в первой половине дня мы возвращаемся в город на партийное совещание. Со мной связался журналист из «Хершик Ньюс», он хочет взять у тебя интервью. Из первых уст услышать какво это каждый день работать со мной, о твоём отношении к моим взглядам, идеям и прочее.

— Мне обязательно соглашаться?

— Как мы и говорили, дело добровольное. Но в случае, если ты пойдешь — это сыграет нам на руку, «Хершик Ньюс» крупная газета, которую выписывает большая часть населения штата, и твоё интервью попадёт на первую полосу. Ты можешь хорошо повисить нашу репутацию, если не наговоришь обо мне всяких гадостей, — Аменд усмехнулся, — в любом случае решать тебе, но я был бы признателен.

Фрэнк быстро прикинул в голове возможные варианты. На что намекал Аменд? Неужели он знал о вчерашнем разговоре с сенатором? Нет, просто совпадение. Фрэнк не мог очернить репутацию Аменда при журналисте. Но если он будет восхвалять работа, он не приблизится к задаче, которую сенатор Корш поставил перед ним. Но его отказ так же будет выглядеть подозрительно.

— Хорошо, я пойду.

— Отлично, Фрэнк, спасибо.

После утренних мероприятий они поехали в столицу штата, где в штабе Аменд должен был проводить совещание с членами партии. В это время Фрэнк направился в кофейню в двух кварталах от штаба, где журналист должен был взять у него интервью.

Фрэнк зашёл внутрь и осмотрел зал. Лишь треть столиков была занята посетителями, а остальные места пустовали. В дальнем конце зала за столиком у окна привстал чёрнокожий мужчина и помахал Фрэнку рукой.

— Мистер Солдберг, меня зовут Алан Земан, я из «Хершик Ньюс», большое вам спасибо, что согласились прийти, — представился журналист, когда Фрэнк подошёл к нему.

— Рад встрече с вами, мистер Земан.

— Я знаю насколько драгоценно ваше время, потому давайте сразу же начнём интервью, — он включил диктофон и достал несколько листов бумаги, — роботы уже давно обыденность для нас, но всё же, те сферы, в которых они существуют, как-никак, не предполагают тесного сотрудничества людей с ними, потому вы один из первых, кто ежедневно проводит столь много времени сопровождая роботов, тем более такого робота как Аменд, уникального в своём роде. Расскажите, какво это?

— Это интересно. С каждым днём я понимаю, что между роботами и людьми всё больше и больше стираются различия, когда мы воспринимаем их как своих коллег.

Фрэнк рассказывал, что приходило на ум, но старался тщательно подбирать слова, чтобы не петь дифирамбы роботам, но и не говорить ничего, что могло бы быть воспринято негативно. Алан слушал, кивал, затем задавал уточняющие вопросы. Смотрел в свои листы, что-то записывал, вычёркивал и спрашивал ещё и ещё.

— Фрэнк, вам есть с чем сравнивать, ведь это не первая ваша кампания, у вас уже довольно большой опыт общения с политиками и работы на них, подходит ли Аменд под роль политика?

— Он не только подходит, а более того, он создан для этого, — Фрэнк вспомнил фразу, которую как-то сказал ему сенатор Корш, и решил применить её сейчас, — политик это в

первую очередь специалист по улаживанию и примирению конфликтных интересов. Он избирается людьми, которые его поддерживают и отдают ему свои голоса, но после выборов он должен не только лишь считаться с интересами тех, кто не стал за него голосовать, а и действовать в их интересах тоже, ведь он представитель не группы людей, доверившихся ему, а всего населения штата, которое разделено на многие группы, у каждой из которых свои интересы. И работа политика в том, чтобы примерить и уладить все конфликты интересов. Аменд справляется с этим лучше всех, из него получился бы отличный дипломат.

— Последние девять лет вы работали на уважаемого, ныне покойного, сенатора Корша, вы можете сравнить двух своих работодателей — бывшего и настоящего?

— Их объединяет самоотверженная и непреклонная вера в своё дело, самоотдача и желание сделать жизнь людей лучшей.

— Вы, должно быть, тяжело перенесли утрату сенатора.

— Разумеется, он был больше чем просто начальник, или человек которого я должен был защищать. Он был мне как наставник.

— По вашему мнению, как он мог заразиться той болезнью?

— Если этого не смогли объяснить доктора-специалисты в области, о которой вы меня спрашиваете, тогда как я могу ответить на ваш вопрос?

— Но я спрашиваю о вашем мнении, вам не приходила мысль, что его могли отравить?

— Зачем, — Фрэнк нахмурился, — кому это было нужно?

— Как по-вашему, насколько тесно сенатор сотрудничал с Justice-Tech?

— Они с Директором последние пару лет работали вместе над проектом Аменда.

— Последние два года или больше? Я провёл небольшое исследование, — Алан достал из своей сумки сложенные пополам распечатки, развернул их и показал Фрэнку, — сенатор Корш получил должность сенатора за год до того, как был запущен проект первого роботасудьи во всей стране, и было это в его штате. Разумеется, ему не просто дали должность, он её получил заслуженно — за него проголосовали, но за семь месяцев до этого в соседнем штате по состоянию здоровья покинул должность сенатор Сэквикс. Закон того штата позволяет в таком случае не избирать, а назначать сенатора губернатором. В подобной ситуации не обязательно должны применяться требования о том, что сенатор до этого обязан проживать в штате. И губернатор назначил на то время никому особо не известного в политической среде сенатора Корша, который за семь месяцев, что ему было отведено занимать должность до очередных выборов, проделал потрясающую работу, громко заявив о себе. В это же время на территории штата была открыта компания под названием «С-эстек», для которой было зарегистрировано несколько благотворительных фондов, освобождённых от налогообложения. Неназванные меценаты переводили заоблачные суммы денег в фонды, которые систематически выводились из них по запутанным схемам. Началось это на следующий месяц после того, как Корш стал сенатором этого штата. Конечного бенефициария определить невообразимо сложно, а настоящие получатели, лишь прикрытие, но в итоге нам удалось найти доказательства, что маршрут финансов из фондов «С-эстек» пролегал в Justice-Tech, а именно в компании, связанные с Корпорацией, чья связь скрыта от общественности. Как вы можете прокомментировать это?

— Никак, Алан. Я не пойму — какое это имеет отношение к нашему интервью?

— Скажите, сенатор Корш когда-нибудь упоминал о Лэндоне Доноване или Томасе Томпсоне, о своей возможной связи с ними?

Томас Томпсон, Глава Ассоциации Людей-Адвокатов, был известной фигурой, но

сенатор не пересекался с ним, а имя Лэндона Фрэнк слышал впервые, хотя фамилия Донована была ему откуда-то знакома... Точно. Вдова, которой они помогали отбуксировать машину. Но вопросы, их постановка и напор, с которым Алан накинулся на Фрэнка уже напоминали собой какой-то допрос, а не интервью и переходили все рамки. Тут до Фрэнка дошло. Он наклонился к собеседнику и медленно проговаривая каждое слово спросил:

— Могу ли я увидеть ваше удостоверение журналиста газеты «Хершик-Ньюс»?

— А... зачем, Фрэнк?

— Потому что у тебя его нет. Вовсе ты не журналист из «Хершик-Ньюс» и Алан Зема — это не настоящее имя. Ты... — Фрэнк задумался и вспомнил, — Сол Кэмбел, и это ты звонил мне несколько дней назад с расспросами о сенаторе Корше.

— Фрэнк, я узнал многое, и мне нужна твоя помощь, иного способа добиться с тобой встречи я не видел.

— Интервью окончено, — Фрэнк шумно отодвинул стул и встал, — для тебя будет лучше, если я больше тебя не увижу и не услышу.

Фрэнк развернулся и вышел из кофейни, переполняемый злостью. Одно хорошо — интервью было фикцией, и то, что он рассказывал о работе, не пойдёт на первые полосы газет.

Когда он дошёл до здания штаба, совещание ещё не было окончено, и Фрэнк решил перекусить. Он заказал себе хот-дог в передвижном ларьке, который стоял через один квартал вниз по улице.

— Как прошло интервью? — первым делом спросил Аменд.

— Это была подстава. Помнишь мне на днях названивал журналист с дурацкими вопросами? Это был он, обманул тебя, чтобы попытаться вытянуть из меня какие-то несуществующие сведения.

— В самом деле? — Аменд изобразил удивление, — ну что я могу тебе сказать. Нужно отдать ему должное, он провёл меня и тебя вокруг пальца. Уважаю профессионалов, а он в своём деле именно такой. Как думаешь, не напишет ли он какую-нибудь разгромную статью о тебе и сенаторе Корше?

— Сенатор говорил, что мелких статей бояться только мелкие люди.

— Хорошо сказано, но, по-моему, не он придумал это выражение.

— Как прошло совещание? — задал встречный вопрос Фрэнк, переводя тему. Ему не хотелось рассказывать Аменду, что именно интересовало того журналиста.

— Наши люди полны энтузиазма. Это — главное. У нас на сегодня ещё две встречи, пора выдвигаться.

Весь день Фрэнк думал, каким образом можно исполнить просьбу сенатора Корша. Фрэнк отдавал себе отчёт, что он не был гением мысли и не мог просто так подвести работа к само-компрометации.

Вечером небо разразилось громом и вновь пошёл затяжной дождь. Они ехали по региональному шоссе, направляясь к мотелю, который располагался как центр в треугольнике по отношению к городам, посещение которых стояло на завтра в повестке дня.

Дигнан держал в своих роботизированных руках планшет, просматривая какие-то страницы в сети «Нор». Аменд набирал сообщения с указаниями для своих подчинённых на ноутбуке, стоявшем на выдвинутом между креслами столе. Фрэнк пил купленный на заправке крепкий кофе. Внезапно Рик ударил ногой по тормозам и резко дёрнул руль в сторону обочины. Микроавтобус занесло от такого манёвра на мокрой трассе, заднюю часть

начало носить в разные стороны. Слева от них по встречной полосе на огромной скорости пронёсся автомобиль. Микроавтобус остановился.

— Что за идиот! Прямо в лоб нам шёл, едва не столкнулись! — Рик со злости ударил ладонями по рулю.

— Уснул за рулем? — предположил Капитан.

— Хорошо, что всё обошлось, — подвёл итог Аменд.

Рик снова тронулся, а Фрэнк обнаружил, что забрызгал кофейной жидкостью свой пиджак. Он вздохнул и снял его, чтобы оценить масштабы нанесённого урона. Пиджак нужно было сдавать в химчистку.

— Там впереди, — обратился к спутникам Рик, — там две полицейские машины, дорогу перегородили.

Освещающая дорогу ярким светом включённых мигалок, две машины стояли поперёк, оставляя немного места для проезда между ними. Под проливным дождём стояло четверо полицейских, освещающая приближающийся микроавтобус лучами фонарей. Жестами они приказывали остановиться.

Рик приоткрыл своё окно:

— В чём дело, офицер?

— Выключить фары. Попрошу всех выйти из машины.

— Но какая причина? Я везу...

— Выключить фары и всем выйти из машины.

Аменд посмотрел на Фрэнка и Дигнана и сказал:

— Ну что же, давайте выйдем.

Фрэнк открыл дверь и первым вышел на улицу. Он тотчас же насквозь промок под дождём. Капитан Дигнан вышел за ним, а последним — Аменд. Рик тоже открыл водительскую дверь и покинул микроавтобус.

— Господа, — обратился к полицейским Аменд, — здравствуйте, что за серьёзное нарушение мы совершили, что вы нас дальше не пропускаете, заставляя стоять под дождём?

— Здравствуйте. Господин Аменд, — говорил старший по званию, лейтенант, — вы ничего не совершили, но к нам поступил приказ сканировать всех роботов-полицейских, проезжающих мимо.

— Что за чушь, — Капитан Дигнан вышел вперёд. Его солнцезащитные очки, которые он ещё ни разу не снял, были усеяны каплями воды, — лейтенант.

— Это не наша личная инициатива. Сейчас в штате действует операция-перехват, в её рамках мы проверяем все автомобили, если в них есть роботы полицейские, мы должны их просканировать.

— Перехват робота-полицейского? — с иронией в голосе спросил Дигнан, — это не похоже на правду.

— Извините, мы не уполномочены говорить о подробностях операции. Перед нами стоит чёткий приказ — сканировать всех роботов-полицейских, проезжающих мимо.

— Наверное, работаете без передышки, ведь здесь они эскортами ездят друг за другом в такое время и в таком месте, — слова Дигнана преисполнялись сарказмом, насколько это было уместно сказать в отношении робота.

— Операция проводится не только исключительно в этом месте. Господа, мы понимаем, что с вами можно обойтись и без проверки, мы все знаем кто вы. Это элементарная формальность, но мы вынуждены её выполнять, приказ есть приказ, кому как

не вам это знать.

— Сканирование могут проводить сотрудники Службы Контроля Роботов, — заметил Аменд, — вы из Службы Контроля Роботов?

— Мы не можем говорить с вами на эту тему, у нас приказ проводить сканирование.

— Значит тот, кто отдал вам такой приказ, вышел за рамки своих полномочий и поставил вас в ситуацию, когда вы, чтобы исполнить приказ, должны нарушить закон, — ответил Дигнан.

— Капитан, это формальность, снимите ваши очки, мы просканируем, и вы поедете дальше. Проблемы нет.

— Проблема есть, — возразил Аменд, — вы требуете от робота-полицейского незаконных действий. Если бы то, о чём вы говорите, соответствовало закону, я бы сам помог вам просканировать, но вы не имеете права этого делать. Я хочу поговорить с тем, кто отдал приказ. С вашим начальником.

— Хорошо, давайте так, мы просканируем вас, исполним то, чего от нас требуют, и далее вы позвоните начальнику.

— Нет, я сначала с ним поговорю. Или мы просто уедем, так как вы не имеете законных оснований задерживать нас далее.

— Господин Аменд, это невозможно до сканирования. Мы не можем позволить вам уехать. К сожалению. Поймите нас, мы исполняем служебные инструкции, сейчас операция перехват и...

— Вы не имеете право сканировать роботов-полицейских, если вы не из Службы Контроля Роботов, — по тону Дигнана казалось, что он начинал терять терпение.

Он очень искусно задействовал те алгоритмы, о которых рассказывал Аменд, подумал Фрэнк. Алгоритмы речи и тембра, постановки фраз, что казалось, будто Капитан обладал способностью злиться, раздражаться и негодовать. Внезапно Фрэнк вспомнил, что забыл устройство в оставленном в микроавтобусе пиджаке, а оно могло пригодиться, кто знал, что будет следовать дальше?

— Мы уполномочены Службой, — отрезал лейтенант.

— Тогда покажите документы, — Аменд требовал.

— После сканирования, повторяю, — лейтенант вновь обращался к Дигнану, — снимите свои очки.

— В чем проблема, робот? — к спору присоединился полицейский, который останавливал микроавтобус, — мы думали соблюсти формальность, но вижу, что тебе есть что скрывать.

— Рядовой, не забываетесь, — тон Дигнана теперь звучал стальными оттенками.

— Ещё раз повторяю, снимите очки и проведем сканирование, — сказал лейтенант, положив руку на кобуру.

— Если бы ваше требование было законным, он бы это сделал, — Аменд не говорил грубо, скорее доброжелательно, — но наш ответ — нет.

Фрэнк двинулся в сторону микроавтобуса, чтобы забрать и надеть пиджак. Он не понимал, что происходит, и если через несколько секунд будет совершено насилие, то что ему сделать? Выпустить отключающую роботов волну? Или исполнить свой долг и защитить Аменда?

— Стоять на месте, — лейтенант выхватил пистолет в сторону Фрэнка, его действие повторили и трое других полицейских, — не двигаться! — он направил оружие на

Дигнана, — или ты даешь себя просканировать, и, если тебе нечего скрывать, вы уезжаете, либо мы проводим задержание и сканирует принудительно.

Дигнан не шелохнулся. Рик нервно посматривал на своих спутников. Фрэнк понял, что устройство ему достать не удастся, по крайней мере до развязки сложившейся ситуации. Как бы там ни было, что бы ни говорил сенатор Корш и как бы он ни хотел дискредитировать роботов, сейчас Фрэнк был на службе. Его долг — защищать Аменда от любых посягательств. И требования сотрудников полиции носили явно незаконный характер.

— Что это вообще такое, — рявкнул Фрэнк.

— Стой, где стоишь, — крайний полицейский справа, доселе молчавший, широко расставив ноги в стороны, слегка согнув их в коленях, направил ствол пистолета в грудь Фрэнку, крепко сжимая оружие обеими руками.

— Вы отдаете себе отчёт в том, — теперь в голосе Аменда доброжелательности и след простыл, — что направляете оружие на сотрудников Службы Безопасности, Полиции и публичного лица, коим являюсь я, кандидат в сенаторы, без каких-либо законных оснований, превышая все возможные рамки своих полномочий и нарушая права как роботов, так и людей, угрожая оружием, за что несомненно будете привлечены к ответственности.

Пока взоры полицейских были обращены на Аменда, Фрэнк потянулся рукой к кобуре, в которой покоился его пистолет.

— Эй ты! — заорал полицейский, держа Фрэнка на мушке, — ещё хотя бы один жест с твоей стороны, и я стреляю!

— Фрэнк, — Аменд повернул голову в его сторону, — это провокация, не ведись.

Рядовой, остановивший микроавтобус, начал обходить их со стороны, держа на прицеле водителя. Тот поднял руки.

— Лечь на землю! Вас это тоже касается, лечь на землю! — полицейский водил пистолетом из стороны в сторону, направляя то на водителя, то на Капитана Дигнана, то на Аменда, то на Фрэнка, — Лечь! На. Землю!

— Капитан, они хотят нас спровоцировать, — не поворачивая головы, проговорил Аменд.

— Я знаю, — ответил Дигнан.

— Молчать! — голос лейтенанта едва не перешёл на визг, — на землю! Выполняйте приказ или застрелю к чёртовой роботовой матери!

Фрэнк посмотрел на полицейских, которые уже обошли их полукругом и прикинул в голове возможные варианты дальнейших действий.

Фары микроавтобуса резко загорелись дальним светом, на несколько секунд ослепив стоявших лицом к автомобилю полицейских. Раздался выстрел. Капитан Дигнан мгновенно оказался возле крайнего слева полицейского и мощным ударом роботизированного кулака в челюсть отправил того в нокаут, затем выхватил из кобуры свой пистолет и грациозным движением метнул его вперёд. Пистолет как бумеранг закрутился вокруг своей оси в полёте и с треском врезался в лицо лейтенанта. Фрэнк кинулся вправо, двумя руками обхватив державшие пистолет запястья ближайшего к себе полицейского, тот выстрелил из опущенного вниз ствола, пуля срикошетила от асфальта. Фрэнк ногой ударил полицейского под дых и, потянув к себе, в заломе выкрутил тому руки. Пистолет упал на дорогу. В это время оставшийся на ногах четвёртый полицейский выстрелил наугад, так как был всё ещё ослеплён фарами микроавтобуса, но Дигнан в два шага оказался рядом, схватил его левой рукой за шею и поднял над землёй, а второй рукой без размаха залепил прямо в лицо, после

чего отпустил обмякшее тело, позволив тому свалиться на асфальт. Всё происходившее заняло несколько секунд.

— Все целы? — спросил Аменд, который так и не сдвинулся с места.

— Чёрт, — осипшим голосом проговорил Рик.

Взоры всех обратились к водителю. Тот прижал руку к правому боку. Из-под ладони струилась кровь. Ноги Рика подкосились, но Аменд подхватил его.

— Рика подстрелили, нам нужно срочно отвезти его в больницу. Фрэнк, — Аменд повернул голову, — бери Mercedes, садись за руль и лети в Иглиноис, там ближайшая больница.

Фрэнк без лишних слов подбежал к открытой передней двери, запрыгивая в кресло. Аменд аккуратно перенес Рика в салон микроавтобуса, нажав на кнопку, разложив кресло в лежачее положение, и уложил в него водителя.

— Гони, Фрэнк, позвонишь из больницы, мы останемся здесь, нужно выяснить что им было нужно.

Аменд закрыл дверь, Фрэнк завёл автомобиль, объехал лежавших полицейских, то-ли без сознания, то-ли убитых ударами Дигнана, проехал между патрульными машинами и нажал на педаль газа.

— Держись, Рик.

— Что-то мне нехорошо, — отозвался тот.

Дождь усилился, даже непрерывно работающие дворники не справлялись с ним, но Фрэнк несся вперёд, не сбавляя скорости. Дорога к Иглиноису заняла двенадцать минут. Заехав в город, Фрэнк повернул к больнице по указателю, и на подъезде к ней принялся сигналить. На порог выбежали люди в белых халатах. Фрэнк затормозил прямо у входа в больницу, вылетел из автомобиля, подбежал к пассажирской двери, на ходу крича:

— У человека пулевое ранение! Скорее носилки!

Он открыл дверь. Судя по глазам, Рик был на грани сознания, готовый отключиться в любой момент. Подбежали пять санитаров, двое из которых держали носилки, осторожно достали Рика, уложили его сверху на них и быстрым шагом, насколько это позволяла транспортировка раненого, направились в больницу.

— В операционную его! — прокричал кто-то.

— Вызовите доктора Кларка!

— Оставайтесь здесь, — женщина-врач жестом руки остановила Фрэнка.

— Можете рассказать, что случилось? — спросила другая женщина, подбежав с планшетом для записей в руках.

Раздался стон Рика, но через мгновение санитары с носилками скрылись за дверью.

Фрэнк вернулся к автомобилю за мобильным телефоном.

— Фрэнк? — Аменд ответил на звонок не сразу.

— Рика оперируют, меня туда непустили, я не знаю о его состоянии.

— Дождись новостей и перезвони. Мы пытаемся выяснить, что это было на дороге.

— Те полицейские живы или нет?

— Живы, Капитан Дигнан все свои действия проводил с расчётом. На связи, Фрэнк.

Робот положил трубку. Фрэнк взял с заднего сидения свой пиджак. Разлитый кофе уже высох, оставив на ткани большие коричневые пятна. Фрэнк вздохнул и положил его обратно, секунду раздумывая стоит ли брать с собой устройство из нагрудного кармана. Но ему не было куда её положить его брюки так, чтобы не привлекать внимание. Фрэнк пошёл в

больницу и сел в зале для ожидания. Время потянулось очень медленно. Часа через два вышел доктор и улыбнулся:

— Жизни вашего друга уже ничего не угрожает, но теперь его нельзя беспокоить, ему нужен покой.

Фрэнк сообщил новости Аменду.

— Отлично. Фрэнк, бери микроавтобус и возвращайся к нам.

На месте происшествия стояло несколько полицейских автомобилей, по дороге ходили роботы-полицейские, а четверо полицейских, которые остановили микроавтобус находились в наручниках. Фрэнк остановил автомобиль перед выставленным знаком «Стоп», заглушил двигатель и вышел на улицу.

Аменд с Капитаном Дигнаном стояли в стороне и о чем-то переговаривались с другим роботом-полицейским. Увидев Фрэнка, они направились ему навстречу.

— Фрэнк, нам нужно ехать.

— К Рику?

— Здоровью Рика уже ничего не угрожает, а нам нужно выяснить куда ведёт след от последних событий. То, что они связаны между собой — не вызывает сомнений. Поехали, расскажу по дороге.

Фрэнк предусмотрительно взял свой пиджак и положил его на переднее сидение. Завёл автомобиль и спросил:

— Куда едем?

— Возвращаемся в столицу штата, в главный офис Justice-Tech.

Фрэнк удивился, но никак не стал комментировать такой ответ и, объехав полицейские заграждения, устремил машину вперёд по трассе. Фрэнк и не заметил момента, когда дождь закончился. Возможно, это случилось, пока он был в больнице, но дорога всё равно оставалась мокрой.

— Вы поговорили с командиром, который отдал тот приказ? — посмотрев в зеркало заднего вида спросил Фрэнк.

— Им приказали остановить именно нас, никакой операции не было. Теперь у полицейских словно провал в памяти — они не помнят лица человека, который приказывал. Но единственное, что они знали — любой ценой должны создать конфликт, спровоцировать одного из нас, чтобы иметь право применить к нам силу.

Дорога была практически пустой и заняла полтора часа времени. В здании корпорации практически нигде не горел свет, что было неудивительно в такое время. Микроавтобус миновал контрольно-пропускной пункт и заехал на огромную парковку во внутреннем дворе. На ней стояло лишь несколько автомобилей.

Фрэнк подумал, что пропускная система на входе в Justice-Tech была одной из самых передовых во всём мире, и существовала большая вероятность, что устройство, данное ему сенатором могли обнаружить, а так рисковать Фрэнк не мог.

Миновав несколько пунктов охраны на входе со стороны внутреннего двора, Аменд, Фрэнк и Капитан Дигнан на лифте поднялись на самый верхний этаж, где, как уже знал Фрэнк, располагалось рабочее место Директора Стиннера.

— Мне остаться? — спросил Фрэнк, когда они оказались у двери Директора. Никого из сотрудников не было в такой час, в коридорах горел приглушённый свет.

— Идём, Фрэнк.

Аменд постучал. Дождавшись ответа из кабинета, он открыл дверь.

Директор Стиннер сидел за своим столом. Он поднялся, сделал несколько шагов навстречу пришедшим и с каждым поздоровался за руку.

— Присаживайтесь, — он указал рукой на кресла, и сам проследовал обратно за свой стол.

— Фрэнк, — Аменд повернулся к Фрэнку и вытянул свою руку вперёд. В ладони он сжимал нечто, — Фрэнк, прежде чем мы начнём, я хотел бы, чтобы ты объяснил, что это такое?

Он раскрыл ладонь и глаза Фрэнка округлились. В ладони робота лежало устройство круглой формы. То, которое сенатор Корш дал Фрэнку, чтобы на случай чего ненадолго обезвредить роботов.

— Фрэнк? — мягко повторил Аменд.

Как оно у него оказалась? Фрэнк не мог вспомнить момент, когда у робота была возможность его увидеть. Оно всё время лежало в его внутреннем нагрудном кармане пиджака, не выпирая из него. Фрэнк не доставал устройство, а сенатор Корш говорил, что она обладает свойствами, которые не позволяли роботам его обнаружить.

— Что это? — спросил Фрэнк, стараясь, чтобы его голос звучал удивлённо, словно он сам видел эту вещь в первый раз.

— Фрэнк не пытайся сделать вид, что не знаешь. Ты умышленно положил это себе в пиджак, зная, что это и для чего. Не пытайся соврать нам. Кто дал тебе это устройство?

Мысли Фрэнка заметались в голове подобно стае ос, непрерывно жаля его, потому что ни одна из этих мыслей не была достаточно хорошей, чтобы сойти за правду.

— Мистер Солдберг, — обратился к нему Директор Стиннер, — мы ждём ответа от вас.

Фрэнк посмотрел на Капитана Дигнана. Роботы-полицейские были ходячими детекторами лжи, и безошибочно определяли, когда их собеседник пытался солгать.

— Кто дал тебе эту вещь? — без особо терпения в голосе повторил предыдущий вопрос Капитан.

— Я не могу сказать, — не нашёл лучшего ответа Фрэнк.

Аменд протянул устройство Капитану Дигнану. Тот бросил его на пол и с хрустом раздавил ногой.

— Фрэнк Солдберг, ты настоящий профессионал, преданный своему долгу и делу, которое выполняешь. Что могло заставить тебя отступить от своих принципов и пойти против нас? — Аменд наклонился вперёд, — это должно быть нечто такое, что не противоречило твоему долгу. Нечто, что показало бы тебе ошибочность принятого тобою решения помогать мне. Но несмотря на это, ты всё равно сегодня на дороге исполнил то, что должен был — защитил меня. Поэтому я делаю вывод — тебе запудрили мозги, но твоё чувство ответственности оказалось сильнее этого. Потому я хочу узнать кто это был, Фрэнк. Мы говорим с тобой в спокойной обстановке, и, если ты тот человек, за которого тебя считал сенатор Корш, благодаря чему доверял тебе, и благодаря чему доверились тебе и мы, тогда ты объяснишь нам, откуда это устройство, и кто дал его тебе.

Во Фрэнке боролись две его стороны. Одна готова была умереть за сенатора Корша, но сохранить его тайну. Но вторая сторона внезапно припомнила, что сенатор никогда не просил Фрэнка совершать нечто постыдное, противоречащее его долгу. Сенатор никогда не поступал так сам и не смел требовать от своих подчинённых. Сенатор никогда не ставил жизнь своих соратников под угрозу. Сенатор никогда не требовал от Фрэнка, чтобы тот преступил через свои принципы. Сенатор и сам был таким человеком.

— Мне её дал сенатор Корш.

— Перед своей смертью? — спросил Директор Стиннер.

— Нет, он дал мне её несколько дней назад.

Такой ответ прозвучал неожиданно для всех. Отсутствия сенатора в мире живых никто не ставил под сомнение. Воцарившуюся тишину прервал Директор:

— Мистер Солдберг, сенатор Корш мёртв. На ваших глазах его жизнь угасала. Вы были на его похоронах. И сейчас он покоится в могиле, в которой его захоронили. Кого-бы вы не видели, но это был не сенатор Корш.

— Это устройство было произведено теми же людьми, что и щит на водонапорной башне, который ты отключил, но разница в том, что устройство не обладало скрывающими свойствами от наших глаз. Для меня было удивительно, когда ты начал носить это с собой, — Аменд покачал головой, — наши противники хотели добиться нашего разъединения. Они ожидали, что мы найдём устройство, точно знали, что мы его заметим, и хотели, чтобы мы тебя отстранили, а быть может ожидали, что мы убьём тебя, но это не наши методы. Может они и смогли убедить тебя в необходимости предать нас, и тебя следует отстранить, но тогда мы дадим нашим противникам то, чего они хотят от нас.

— Мы дадим тебе второй шанс, Фрэнк, потому что тебя использовали. Я говорил тебе — технологии можно обойти, а человека — только обмануть, — сказал Дигнан.

— Но я видел сенатора Корша, — проговорил Фрэнк.

— Сенатор трудился над Амендом, он никогда не стал бы делать ничего против него. И стал бы сенатор просить вас, чтобы вы нарушили свои принципы, за которые он так вас ценил? Они могла преследовать несколько целей. Они могли пытаться выведать у тебя что-то о деятельности сенатора.

— Ничего такого не было, — покачал головой Фрэнк.

— Ты уверен? Если бы они спросили прямо, это было бы подозрительно. Возможно, они хотели узнать знаешь ли ты о каких-либо секретах сенатора, упомянув о них косвенно, дабы убедиться, что тебе что-то известно?

В голове у Фрэнка промелькнула фраза сенатора, что никто не должен знать о Стефане Серафиме. Возможно таким образом нужно было убедиться, что ему Фрэнку известно с нём? Раз он не спросил в ответ: «А кто это?».

— Кто бы это ни был, он причастен к нападению стрелка и полицейским, которые остановили нас. И он имеет доступ к Justice-Tech, — Аменд повернулся к Директору, — сегодня была провокация, полицейские были уверены, что капитан откажется проходить сканирование. А если они были в этом уверены, то должны были знать наверняка. И должны были знать причину, по которой он не станет этого делать. То есть, знать информацию, что капитан — это несертифицированный робот, и что он находится только в закрытом доступе к операционной системе Justice-Tech.

— Капитан несертифицированный? — удивился Фрэнк.

— Вопреки мнениям сторонников теории заговора, в которой тебя, скорее всего попытались убедить, — сделал паузу Директор Стиннер, — все роботы Justice-Tech проходят процедуру государственной прошивки, после которой блокируется возможность удалённого управления роботом, а также фиксируется круг его возможных действий в будущем. Дигнан несертифицированный, потому что роботам полицейским прививаются определённые прошивки. Дигнан не прошит, чтобы быть не только роботом-полицейским, но и телохранителем. Его сертификация по прошивке полицейского не могла позволить ему

совершать возможные действия, которые требуются от телохранителя.

— А данные об этом хранились только в Justice-Tech.

Разговор прервал звонок коммуникатора на столе Директора.

— Директор Стиннер, прямо сейчас наш сотрудник находится в отделении СП-1 и пытается выгрузить из системы на сторонний носитель информацию о роботе Аменде. Он сказал, что выполняет ваши указания.

— Срочно задержите его и приведите ко мне.

Через десять минут в дверь постучались. На пороге стояло три человека в форме сотрудников безопасности корпорации они держали щуплого мужчину небольшого роста, в круглых очках.

— Директор Стиннер? — быстро заговорил он, — я не понимаю, почему меня схватили, я же выполнял ваши команды.

— Оставьте нас, — приказал Директор охранникам, и те вышли, — я не отдавал вам никаких приказов.

— Но Директор Стиннер! Вы встретились со мной вчера и приказали скачать из секции СП-1 все данные о роботе Аменде, вы сказали, что в корпорации теперь нельзя никому доверять и, что данные под угрозой.

— И что я вам сказал сделать с данными далее?

— Передать их вам на рассвете.

— Принести в мой кабинет и вот так отдать?

— Нет, вы сказали привезти их на скалу Мэдсона на рассвете, там на вершине должна стоять хижина над обрывом. Там мы и должны были встретиться. Я не понимаю, что происходит, Директор, я лишь исполнял то, что вы мне сказали.

— Охрана, — позвал Директор, дверь открылась, и зашли охранники, — заберите его, изолируйте для начала, пока мы не проведём служебное расследование.

— Но Директор! — вскрикнул мужчина, когда дюжие охранники взяли его под руки, подняли над полом и вынесли из кабинета.

— Нам нужно ехать к скале Мэдсона, — сделал вывод Аменд.

— Езжайте втроём. Выясните, кто наш враг, — заключил Директор. Когда они встали, он обратился к Фрэнку, — Мистер Солдберг, у вас есть шанс исправить свои ошибки.

Фрэнк сел за руль, Аменд и Капитан Дигнан — сзади. Фрэнк не знал путь к Горе Мэдсона и проложил к ней маршрут в навигаторе. Дорога к ней должна была занять два часа. До рассвета оставалось не более трёх часов.

Вся дорога пролегла в молчании. Никто не обронил ни слова. Фрэнк не знал, чего ему теперь ожидать. Он запутался во всём. Если с ним говорил не Сенатор Корш, то кто? А если сенатор Корш, то Фрэнк предал его.

Они подъехали к горе, когда небо начало светлеть. На вершину вела узкая полоска серпантина, уходящая вверх, по кругу украшая гору Мэдсона, как гирлянда. Солнце ещё не взошло, но начали петь утренние птицы. Фрэнк вёл машину вверх. Когда они практически выехали на вершину, Аменд сказал остановиться.

— Фрэнк, там наверху должна быть хижина. Иди в неё, посмотри кто там. Держи оружие наготове. Капитан прикроет тебя.

Фрэнк кивнул. Он достал из кобуры пистолет, снял с предохранителя и вышел из микроавтобуса. Воздух был прохладный. Одежда Фрэнка ещё не до конца высохла после ночного дождя. Он пошёл вперёд. Фрэнк ступал по каменистой земле с небольшим хрустом,

раздавливая мелкие камешки, которые устилали всё под ногами. Туфли прибились слоем серой пыли. Он дошёл по дороге до выхода на небольшое плато на вершине. Метрах в двухстах, у самого обрыва, стояла обветшалая деревянная хижина. Фрэнк с оружием в руках направился к ней. Он ожидал выстрела — его могли заметить, и наверняка бы заметили, посмотрев в окно, а значит могли и выстрелить. Он дошёл до середины пути. Вокруг не было ни души. Он не обворачивался, чтобы проверить следует ли Дигнан за ним. Фрэнк оставлял за собой следы на поверхности, но вокруг не было никаких других следов, Фрэнк не был уверен, находился ли в хижине кто-нибудь. А если и был — как он добрался сюда? Нигде не стоял ни автомобиль, ни мотоцикл.

Фрэнк практически дошёл до двери. Изнутри не доносилось ни малейшего шума. Он взялся за дверную ручку и толкнул дверь вперёд. Внутри из мебели ничего не было, а у противоположной стены у окна кто-то стоял.

— Кто здесь? — спросили из глубины комнаты.

Фрэнк сделал шаг вперёд.

— Фрэнк? — голос звучал с удивлением.

Фрэнк начал поднимать руку с пистолетом.

— Фрэнк, это я — сенатор Корш.

Внезапно Фрэнк словно прозрел. Это был действительно сенатор Корш.

— Сенатор? Что происходит? — спросил Фрэнк, не опуская оружие.

— Ты удивлён, видя меня здесь?

— Я удивлён, что вы подставили.

— Когда, Фрэнк?

— Когда передали мне то устройство позавчера, роботы с лёгкостью его обнаружили.

Пару секунд молчания, словно сенатор думал, затем ответил:

— Фрэнк, они обманули тебя. Как ты мог им поверить и предать меня?

— Сенатор...

— Ты был одним из немногих, кому я мог доверять. Теперь из-за тебя они знают, что я жив. Ты поставил меня под угрозу.

Фрэнк опустил оружие.

— Ты привёл кого-то с собой?

Фрэнк не ответил. Он не знал, кому теперь верить. Он не знал, что ему можно рассказывать, а что нельзя.

— Фрэнк, с тобой кто-то есть? Отвечай.

После последнего слова все мысли Фрэнка были отмечены в сторону, и он тут же сказал:

— Да, со мной Аменд и капитан Дигнан. Аменд ждёт в машине у въезда на вершину, а капитан...

Он не договорил. Раздался оглушительный треск, и стена между дверью и окном разлетелась в щепки, на середине комнаты оказался Капитан Дигнан. Сенатор Корш мгновенно развернулся вокруг своей оси и прыгнул в окно, возле которого стоял. Раздался звон разбивающегося стекла, и сенатор вылетел через проём наружу. Дигнан через мгновение оказался на том месте, где стоял сенатор. Фрэнк подбежал к окну и выглянул из него. Окно выходило прямоком на обрыв, и земли внизу видно не было. Чуть ниже от хижины в воздухе плавно плыли облака. Ни один человек не мог выжить после такого прыжка.

— Сенатор Корш... — проговорил Фрэнк.

— Это был не сенатор, — ответил Дигнан.

В хижину вошёл Аменд.

— Я спущусь вниз, нужно найти его, — сказал Капитан Дигнан и не дожидаясь какого-либо ответа, вышел.

— Это был сенатор Корш, — сказал Фрэнк.

— Нет. Это был сильнейший гипнотизер. Теперь всё складывается. Он приказал стрелку стрелять и тот не мог противиться, хотя и говорил, что не хотел. Он сказал тебе, что он сенатор и ты действительно увидел его в нём. Он приказал полицейским остановить нас на дороге. Он приказал нашему сотруднику достать информацию обо мне в Justice-Tech. Это гипнотизер, и теперь нужно выяснить в чьих интересах он работает.

— Работает? Он выпрыгнул с такой высоты, теперь он точно мёртв.

— Капитан должен найти тело. Я пока осмотрю хижину, — судя по тону Аменда, разговор был окончен.

Фрэнк вышел на улицу и подошёл к обрыву. Он не говорил с сенатором Коршем. Его использовали, надавив на самое больное место — преданность человеку, которого он считал своим отцом. Фрэнк едва не совершил ошибку. Ему было очень паршиво. Он почувствовал всеобъемлющее чувство вины и стыда за свои действия. Затем промелькнула предательская мысль — а вдруг это всё же был сенатор Корш? Фрэнк привёл к нему роботов, устроив западню для своего наставника. Но прыжок в окно не имел смысла. А вдруг у сенатора был запасён трюк на этот счёт? Нет. Это не был сенатор — сотрудник Justice-Tech видел в нём Директора Стиннера, а других людей, устраивавших им неприятности он так же подчинял своей воле. Сенатор Корш был мёртв. Он умер своей смертью. Но если не своей? Могли ли его специально заразить некой неизлечимой болезнью, чтобы открыть дорогу в сенат для робота? Нет, это не имело смысла, сенатор ведь сам работал над этим роботом. Но если не работал, и Фрэнку солгали? Тогда дело приобретало скверный оборот. Фрэнк запутался. Он ещё раз попытался разобраться в своих мыслях, пытаясь привести их в структуру. Первый вариант — сенатор Корш умер своей смертью, Фрэнк видел гипнотизера. Вариант второй — сенатора Корша отравили, Фрэнк видел гипнотизера. Вариант третий — сенатор Корш инсценировал свою смерть, и Фрэнк видел именно сенатора. Вариант четвёртый — сенатор инсценировал свою смерть, и Фрэнк видел его в машине, а сейчас на скале — гипнотизера, ведь сенатор говорил, что враги повсюду и не только роботы, а те же враги могли узнать о разговоре Фрэнка и гипнотизер сыграл на этом. Вот только что это за гипнотизер, для которого выпрыгнуть с обрыва было более благоприятным, нежели попасться в руки Капитана Дигнана? Выпрыгивая он даже ни секунды не сомневался. Фрэнк качнул головой. Это всё слишком запутано, чтобы быть правдой. Самым достоверным был первый вариант. Фрэнк любил, когда всё было просто.

Он достал из кармана зажигалку Zippo, которую сенатор дал ему в их последнюю встречу. Настоящий сенатор. Была бы сигарета, быть может Фрэнк и закурил бы. Сзади к нему подошёл Аменд.

— Прости, что я предал тебя, — сказал Фрэнк, посмотрев на робота.

— Ничего, Фрэнк, мы же команда, — улыбнулся Аменд.

Фрэнк посмотрел вниз. Начинало подниматься солнце, освещая самую верхушку горы, а внизу всё было до сих пор в полумраке. Облака медленно проплывали под ними. Фрэнк подумал — как же ему теперь искупать свою вину перед Амендом, и перед самим собой тоже.

Аменд приставил к затылку Фрэнка пистолет с глушителем и спустил курок. Практически бесшумный выстрел. Пуля вошла в затылок и вышла с обратной стороны головы. Мёртвое тело Фрэнка повалилось вперёд, упав на самый край перед обрывом.

Подошёл Капитан Дигнан. Аменд передал тому оружие.

— Людям нельзя доверять, Капитан.

— Им нельзя давать второй шанс, — подтвердил тот.

Аменд развернулся и ушёл. Капитан взял Фрэнка за ноги и потащил тело в сторону. Выроненная из рук Фрэнка Zirro покатила по склону, и, скользя по каменному краю скалы, скрылась из виду.

Часть пятая. Шахматная доска роботов: Расстановка фигур

Точная дата неизвестна

Приблизительно 1980е — 1990е года

Лучи солнца, близящегося к закату, укрывали собой буйную летнюю листву на деревьях, обступивших дорогу с двух сторон. Каждое находилось за низким ограждением, будучи аккуратно подстриженным и ухоженным. Они казались настолько декоративными, что даже птицы восседая на их ветвях пели как бы с опаской, готовые в любой момент встрепетаться, если садовник подойдёт, непринуждённо покашливая, мол не для вас я эту красоту ваял и поддерживаю, а для привередливых, но отменно платящих жильцов. Но покуда жильцам нравилось пение птиц у своих домов, они чирикали и галдели, впрочем, не особо громко, не испытывая судьбу. Июльские запахи витали в воздухе, сопровождаемые назойливыми мухами и мелкой вездесущей мошкаррой. Но даже мухи и мошки были менее навязчивые здесь, чем в любом другом месте, приобщаясь к царившей вокруг атмосфере аристократизма и элитарности. Разные на вид, но одинаково роскошные особняки друг за другом воплощали собой осуществление американской мечты в последней инстанции. Жизнь в подобном районе текла намного медленнее, чем ей было положено течь для среднестатистического человека. Но среднестатистический человек, в среднем по статистике, мог забрести в этот район только совершенно случайно и ненадолго, ненароком ошибившись своим местом в этом мире.

Возле одного из домов стоял новый Линкольн. Красный металлик наводил на мысль, что нет красного цвета ярче и насыщеннее, чем этот, а блестящие диски, казалось, создавались только лишь для того, чтобы везунчик, обладающей машиной, проверял в них словно в зеркале достаточно ли сияет его улыбка. Из выхлопной трубы ритмично поднимались едва заметные волны выхлопных газов. Окна в машине были открыты, изнутри доносилась негромкая игра радиоприёмника, настроенного на станцию с классической музыкой. За рулём сидел мужчина в дорогом костюме-тройке коричневого цвета в большую клетку и модных солнцезащитных очках, читая газету. Левый локоть он высунул из машины и облокотил на дверь. Посмотри на него кто-то, и промелькнёт мысль: «Да вот же он, пример, когда жизнь точно удалась, и остаётся ею только наслаждаться». Со стороны можно, и даже нужно позавидовать, ведь никто не знает какими заботами окружён незнакомый человек, которого в первый раз видишь, через что он прошёл, и что его ждёт в дальнейшем. Но со стороны — всё идеально. Находясь в элитном районе, человек никуда не спешит, сидит в роскошном автомобиле, с иголки одет, черты лица свидетельствуют о том, что природа не жалела для него интеллекта с прозорливостью в равной степени, как и привлекательности. Любому трудяге о таком только мечтать. Да и то, тихо, как шепот в галдящей толпе, чтобы подобные мечты никто не услышал.

Перевернув очередную страницу, мужчина согнал севшую на руль муху. Та сделала пару кругов по малой дуге и приземлилась обратно. Мужчина давно заметил маленького мальчика, который сначала стоял в стороне, глядя на машину, а затем, подкравшись, оказался совсем рядом. Мужчина специально не обращал на него внимания, ему, как минимум, было интересно, что же этот малец задумал.

Собравшись с духом, мальчик постучал в дверь, ростом он был ещё низок и макушкой едва дотягивался до окна. Мужчина высунул голову и с интересом посмотрел на мальчика.

— Чего тебе?

— Мистер, вы не могли бы мне помочь? — на лице мальчика смешалось озадаченность и волнение.

— Держи пятак, — мужчина подбросил монетку, но мальчик не стал её ловить, и та с лёгким звоном брякнулась на асфальт.

— Нет, вы меня не поняли, Мистер. Пожалуйста, помогите мне прочесть, что здесь написано!

Мальчик протянул мужчине аккуратный прямоугольный лист бумаги.

«Такой-то и такой-то банк. Чек на 70 тысяч долларов. Чек на предъявителя.»

— Откуда это у тебя? — мужчина снял солнцезащитные очки, отложив их на торпеду автомобиля и посмотрел на мальчика с улыбкой.

— Мы с ребятами играли и кейс нашли, там было много разных бумажек, — мальчик ярко жестикулировал, подтверждая каждое сказанное им слово, — Старшие ребята забрали разные красивые бумажки с цветными рисунками и узорами, а я это успел ухватить. Не можете прочесть что это?

— Мальчик, это бумага для взрослых, тебе, наверное, не понять даже если я прочту её, вряд ли тебе будет интересно, я возьму себе, ты не против? Тут написано кто её потерял, я думаю нужно отдать этому человеку, вот я возьму и отдам.

— Мистер, если это было на свалке, значит тому человеку бумажка уже не нужна, зачем же он её тогда выкинул? Старшие говорили, что смогут те остальные бумаги продать людям, которым они будут интересны и нужны. Я тоже хотел взять себе цветную бумагу, но досталось только эта, старшие не поделились.

— Ладно, давай, чтобы ты не чувствовал себя обиженным перед старшими парнями, я у тебя её куплю?

— Да? — глаза мальчика загорелись, но потом сменились подозрением, — вы меня обманываете.

— Нет, с чего бы. Просто не хочу, чтобы ты чувствовал себя обиженным. Потому — да, куплю.

— А за сколько?

— Десять долларов, пойдёт?

— Уго! Десять долларов! Вы правда можете за столько её купить у меня?

— Я же сказал. Покажешь своим друзьям, скажешь, что и ты свою продать смог. Вот, держи, — он достал десятидолларовую купюру из кошелька и протянул её из окна.

Мальчик ж, не стал её выхватывать у него из рук. Он задумался.

— Но у старших парней было много разных бумаг, и даже если они их продадут каждую по два доллара, всё равно у них будет больше, чем у меня.

— Тогда давай двадцать долларов?

— Неа.

— Сто. Мальчик, сто долларов, или тогда не буду покупать у тебя эту бумажку.

— Сто долларов! — мальчик едва не взвыл, — а вдруг эта бумажка действительно ценная раз вы за неё целых сто долларов даёте? Я лучше ещё кому-то её покажу, вдруг больше дадут!

— Мальчик, сколько ты хочешь?

— А сколько у вас есть? — глаза мальчика прищурились.

Мужчина демонстративно показал кошелёк и извлёк из него все купюры. Пересчитал.

— Семьсот двадцать пять долларов. И я готов тебе их дать за эту бумажку. Но поверь, никто больше тебе за неё не даст. Я бы тоже не дал, но ты мне нравишься, и я не хочу, чтобы старшие над тобой издевались. В конце концов, каждому когда-нибудь улыбается удача.

— Идёт! — мальчик выхватил купюры и слегка помяв, засунул их в кулаке в карман.

— Как тебя зовут, мальчик?

— Кевин.

— А меня — Стефан. Смотри, чтобы старшие у тебя их не забрали, это очень большие деньги.

— Спасибо вам, мистер Стефан! — мальчик развернулся и вприпрыжку побежал прочь.

Стефан вновь посмотрел на чек и улыбнулся, семьсот с лишним долларов была не такая уж и большая плата, по крайней мере для него, за встречу с юнцом, способным на подделку банковских чеков.

Из дома вышел мужчина в джинсах и белой футболке, неспешно подошёл к автомобилю, смотря в сторону, куда убежал мальчишка.

— На ловца и зверь идёт? — спросил он, склонившись к открытому окну и заглянув внутрь.

— Не совсем. Проследи за ним.

— Новый субъект?

— Нет, — резко ответил Стефан, — для других целей.

Мужчина кивнул, распрямился, засунул руки в карманы и пошёл вниз по улице.

Стефан потянулся рукой к бардачку и достал оттуда увесистую пачку стодолларовых купюр. На глаз достав с десятков, он положил пачку на место, а купюры вложил в портмоне.

Переключив несколько радиостанций Стефан остановился на выпуске новостей, в котором диктор рассказывал, что в Чаде спустя полтора месяца после захвата столицы Нджамену вооруженными отрядами повстанцев и свержения режима Президента Гукуни Уэддея до сих пор неспокойна и пока сложно делать прогнозы, когда же ситуация хотя бы немного стабилизируется.

Стефан улыбнулся. Это было ему на руку и соответствовало его далеко идущим планам. Всё случается, как и должно быть. В конце концов, каждому когда-нибудь улыбается удача.

10 мая 2023 года

За пятнадцать дней до смерти Лэндона Донована.

«Justice-Tech не прощает ошибок».

Таким был заголовок статьи. Когда Сол его составлял, он казался ему более привлекательным, нежели теперь, красуясь на первой странице свежего выпуска «Bridget Times». Сол покрутил газету в руках и сжал губы. Нужно было всё же подобрать другой заголовок.

— Слышь, а текст статьи такой же пафосный, как и её название? — Уайс по-дружески толкнул Сола локтём в бок и заулыбался во все тридцать два (или сколько их там было у

него) зуба.

— Катись в пекло, откуда такой гребень как ты вообще вылез? Отличное название, — отмахнулся Сол.

— Как слоган для какого-нибудь триллера, — Уайс еле сдерживал смех, — или реплика в драматическом спектакле. Прикинь, кульминация, стоит такой главный герой, опустил голову и тихо произносит безнадежно: «Ну за что мне всё это?». А позади него стоит главный злодей пьесы и отвечает голосом, от которого у зрителей мурашки по коже: «Это всё от того, что Justice-Tech не прощает ошибок». Может тебе сценаристом заделаться?

— Чего ты такой гордый собой сидишь? Тебе же поручили следующий сюжет о тех цыганах писать, верно? Они с тебя корону быстро снимут.

— Слушай, Сол, соответствуй твой заголовок содержанию, я б и слова не сказал, но дело Майкла Стибера — кому это нужно, кто вообще станет это читать? Его мама разве что, будет соседям показывать, что её сынок в светскую хронику попал. Каждый день увольняют десятки тысяч людей с работы. Ну уволили его с Justice-Tech, так что, теперь каждое увольнение будем размусоливать? Ты ему посочувствовать хочешь?

— Господи, да у тебя мозгов как у ракушки, как ты вообще умудряешься слова в предложения складывать в своих материалах? Включи хоть ненамного свои мыслительные процессы. Дело не в увольнении, Уайс, а в том, что следует после него, — ответил Сол, разворачивая пакетик с жевательными резинками и отправляя парочку себе за щеку.

— Одним безработным больше стало, вот что следует. Но мне его не жалко. Этот Стибер должно быть не промах, раз дослужился в Корпорации до того, что имел. Значит, найдёт себе новую работу, — ухмыльнулся Уайс.

— Да что ты заладил об одном и том же. Ты не видишь конфликта? Человека уволила Корпорация, производящая роботов. Теперь он подал иск на корпорацию, и суд будут вести эти же роботы, производимые ею.

— Круто. Для пущего драматизма не хватает, чтобы и защищал его робот-адвокат, тогда бы вообще этому парню ничего не светило. Кроме лампы в дневное время в одиночной камере.

— Его адвокат — Лэндон Донован.

— Донован... Донован... А! Это не тот часом, против которого бывшая помощница подала иск за домогательства?

— Да, он. Судя по её иску он знатно её потрепал пока она у него работала.

— Точно! Я всё это помню. Это же тот наглец, он ещё на суде заявил, что с тем, как он её трахал ей вообще грех жаловаться на что-то, что любая бы женщина на её месте была бы преисполнена благодарности.

— Да. И всё равно дело быстро замяли.

— Ещё бы, говорят у этого Донована неплохие связи, — уважительно покачал головой Уайс, — но вряд ли они помогут ему в деле против Justice-Tech. Там скорее они его трахнут так, что у парня дым с ушей пойдёт, и на заднице ещё долго сидеть не сможет. Будет на заседаниях судебных потом говорить: «Ваша честь, извините, но меня крепко отымели, можно я не буду присаживаться, а постою?».

— У всех отличных в прошлом юристов неплохие связи. Но это не имеет отношения к новости. Брось, у Донована сейчас мощная аргументация, он должен смять в лепёшку и Корпорацию и их незаконное увольнение.

— Посмотрим, — Уайс закинул в рот мятную конфету.

— Если же робот-судья отклонит их иск, вот тут будет интересно, — задумчиво проговорил Сол.

— Интересно, когда вместо роботов были люди, этот Донован спал с женщинами-судьями?

— Уайс, а до того, как изобрели реалистичных резиновых кукол, ты спал с женщинами людьми?

— Ты просто мне завидуешь. Не надейся, что бы там ни произошло с Майклом Стибером и этим похотливым Донованом, твоя статья не перекроет мою прошлогоднюю о Лучано Дамброзио.

— И как это тебя ещё до сих пор мафия не пришлёпнула? — спросил Сол, хлопнув Уайса по плечу и вышел.

Улыбка исчезла с лица Уайса, он и сам в последнее время всё чаще задавался этим же вопросом. И что его дёрнуло написать тот скандальный материал об отце преступного мира?

Сол достал свой мобильный телефон и остановился в коридоре здания «Bridget Times». В кармане у него лежал записанный номер Майкла Стибера. Сол считал себя отличным журналистом. Но он не считал себя уже реализованным отличным журналистом. Хотя у него было достаточное количество статей, красовавшихся на первых полосах газет, сам он не воспринимал те материалы чем-то особенным. Сол всю жизнь находился в поисках. В поисках сюжета, который смог бы не только вызвать однодневный восторг читателей, которые тут же забывали о чём прочли, но и оказать влияние на людей, на историю, на жизнь. Сол никогда не работал с максимальной отдачей над обыденными материалами, они не приносили ему никакого интереса и удовольствия, а для него все материалы в мире казались обыденными. По этой причине Сол всегда во всех изданиях, где работал считался перспективным журналистом, на которого делали ставку главные редакторы. Но время шло, редакторы всё ждали и ждали, когда же их «золотой мальчик» раскроется в полную силу. Когда ожидание затягивалось, Сол, не намереваясь кому-либо что-то доказывать, переходил в другое издание, где его вновь видели молодым и перспективным. Сол не мог заставить себя отдавать все силы тому, что не вызывало у него искренний интерес. Ему порядком и самому надоело такое своё отношение к жизни, к работе, но Сол был парнем, который отгонял подобные мысли надевая самодовольную улыбку на лицо, прищуривая взгляд и нахально идя дальше по своему пути. Он ощущал, или же внушал сам себе для спокойствия, что ощущает будто его сенсация ещё впереди. Она лежит на его дороге и никуда не денется. Это вопрос времени, до неё стоит только дойти. Подобный взгляд на вещи позволял Солу снять с самого себя львиную долю ответственности. Нельзя сказать, что он безвольно барахтался по течению. Скорее он плыл по нему в лодке, корректируя вёслами маршрут, огибая торчащие из воды камни и крутые повороты. Таковым парнем был Сол Кэмбел.

За дело Майкла Стибера Сол взялся с неистовым для себя энтузиазмом и волнением. Что-то внутри подсказывало ему, хоть Уайс и насмеялся над ним, что этот материал имеет смысл. Что-то в этом было. Ощущения даже непривычные для Сола. Журналистское чутьё?

Сол набрал номер Майкла. Прошло три гудка.

— Алло? — ответил недовольный голос, принадлежащий, судя по всему, Майклу Стиберу.

— Мистер Стибер, меня зовут Сол, я журналист.

— И? Стой, это не ты ли написал ту статью в «Bridget Times»?

— Да, этоя. Хочу поговорить с вами о судебном иске, поданном вами против Justice-

Tech.

— Ты что, идиот, парень? Я сейчас сужусь с корпорацией за моё увольнение, потому что меня обвинили в утечке информации, а я пытаюсь доказать, что моей вины в этом нет. Давай-ка я тебе теперь расскажу всё в подробностях, а? Это отличная идея. И время подходящее.

— Мне не нужна никакая секретная информация, давайте встретимся, я хочу услышать ваше мнение о ситуации в целом. Если хотите, это будет не для печати.

— Конечно нет.

Майкл повесил трубку. Сол пожал плечами. Нет так нет. Он старался никогда не расстраиваться над неудачами. Даже не то, чтобы старался. Он просто пожимал плечами и начинал думать над новыми способами решения задачи. Сол должен был работать над этим делом дальше.

15 мая 2023 года

За десять дней до смерти Лэндона Донована.

Майкл Стибер бросил монету в уличный телефонный аппарат и позвонил в справочную. Ответили сразу же.

— Добрый вечер, оператор, чем могу вам помочь?

— Будьте так добры, соедините меня по номеру семь, семь, два, восемь, три, восемь.

— Извините, но такой формат номера неверен.

— Спасибо, — Майкл повесил трубку.

Он вышел из телефонной будки, возле которой стоял молодой парень, дожидаясь своей очереди позвонить. Майкл отошёл в сторону, встал неподалёку возле будки и закурил. Парень проследовал внутрь, но довольно быстро вышел обратно.

— Что-то не работает, — почесал он затылок.

— Да, и я о том же, даже гудки не идут, — подтвердил Майкл, — на соседней улице есть другой, сейчас докурю и пойду туда.

— О, спасибо! — улыбнулся парень и пошёл в направлении, куда Стибер указал рукой.

Через минуту в телефонной будке раздался звонок. Майкл бросил недокуренную сигарету на землю, наступив на неё каблуком своих туфель. Поднял трубку.

— Слушаю, — голос в трубке звучал тихо.

— Мне звонил какой-то журналист с вопросами, — сказал Майкл.

— Не нужно ничего комментировать. Нам незачем внимание к твоей персоне. Пока что. Сосредоточься на Доноване.

— Я уже провёл достаточно времени с ним, чтобы выяснить. Ты всё так же уверен, что это важно? Моё увольнение с поста Корпорации ради этого, будет ли оно иметь больше пользы, чем если бы я остался в ней ещё ненадолго?

— Смотря от того, какие выводы ты сделал.

— Мы были правы, — Стибер покосился на проходящую мимо будки девушку.

— Ты уверен?

— Да. Они начали. Несомненно.

— Хорошо, — голос собеседника Майкла звучал удовлетворённо, — как твой процесс против Корпорации?

— Я думаю, проиграем.

— Отлично.

— Ты же понимаешь, что всё это значит? — спросил Майкл.

— Ты отошёл, но я же остался с ними. Тем более у тебя есть другие задачи. Даже не беря в расчёт Донована, тебе есть чем заняться, а твоя работа в Корпорации мешала бы тебе. Ты ушёл вовремя.

— И твоё время придёт. Ты отлично рассуждаешь обо мне, главное не упусти свой час.

— Я уйду в самый последний момент, а до этого мы будем с ними продолжать играть.

Когда ты займёшься выяснением ситуации с Купером?

— Мне нужно здесь ещё несколько дней. Я закончу свои дела, а затем смогу... — запнулся Майкл, вновь покосившись на девушку, которая теперь шла обратно, и не стал договаривать свою мысль, повесив трубку.

Он вышел из будки. Девушка мельком бросила на него взгляд и пошла дальше.

— Девушка, вы случайно не заблудились? — крикнул Майкл ей вслед.

— Нет-нет, что вы, — она обернулась и остановилась, — просто жду, пока вы закончите.

— Я всё, — Майкл демонстративно сделал широкий шаг в сторону, показывая рукой на телефонную будку, — я закончил.

— А вас слушаем не Майкл Стибер зовут? — спросила она, подходя ближе.

— Смотря о каком случае идёт речь, — ответил Майкл, засовывая руки в карманы своей куртки из коричневой кожи.

— Я дочь одного человека, вы, возможно, знаете его.

Майкл оглядел улицу. Кроме их двоих на улице никого не было.

— Я долгое время разыскиваю своего отца, — продолжала она, — его звали Стефан Серафим. Это имя вам знакомо?

— С чего вы взяли, что оно должно быть мне знакомо?

— Я ищу его, и до меня дошли слухи, что вы тоже его искали, — на последних словах она оказалась совсем рядом, — вы ещё хотите его найти?

Майкл резко подался ей навстречу, левой рукой обхватив девушку за талию, притягивая её к себе, а правую руку молниеносно выбросил из кармана куртки вперёд. В свете фонаря на секунду блеснул откидной нож, и Майкл ударил им девушку в живот.

— Мёртвые должны быть в земле, дорогая, — прошептал ей Майкл на ухо, и ещё несколько раз быстро ударил ножом в живот и левый бок.

Глаза девушки широко распахнулись, она что-то прохрипела, и принялась жадно хватать воздух ртом. По краям её губ заструились ручейки крови. Майкл аккуратно опустил на асфальт её осевшее тело, выдернул нож, вновь огляделся по сторонам, удостоверился, что она мертва и быстрым шагом скрылся в ближайшем переулке.

В луже крови под телом девушки словно в зеркале отражался свет фонаря. Остекленевшие глаза смотрели в чёрное небо. Прохожих не было, да и машины не проезжали мимо.

Прошло несколько минут, и к телефонной будке подъехал чёрный седан. Задние двери открылись, вышли двое мужчин в тёмных костюмах-тройках. Лица их были каменными и безразличными. Не говоря друг другу ни слова, они оглядели улицу, подняли с земли тело девушки, положили его в багажник, сели в машину, и та неспешно уехала. Лишь кровь оставалась лужей на асфальте напоминать о случившемся.

23 мая 2023 года

Психиатрическая лечебница строгого режима № 3

За два дня до смерти Лэндона Донована.

Охранник проделывал ночной обход и заметил, что дверь архива лечебницы приоткрыта. Обычно он не заходил в это крыло здания, но сегодня так сложилось, что зашёл. И был весьма удивлён, так как в это время никто из тех, кто мог, никак бы не стал что-то искать в архиве. Он толкнул дверь вперёд и увидел человека в синем костюме, достающего папку из выдвинутого ящика.

— Эй, что вы здесь делаете? — охранник положил руку на дубинку. Он впервые видел этого человека и был уверен в том, что тот не относился к персоналу лечебницы.

— Я из ФБР, — мужчина потянулся в нагрудный карман и вынул оттуда удостоверение, — специальный агент Брайан Ротовски.

— Что вам здесь понадобилось? — спросил сбитый с толку охранник.

— Я изымаю это дело, — мужчина задвинул ящик обратно в шкаф, оставив у себя в руках папку, которую достал.

— Но...

— Никаких «но». Не мешайте расследованию, — Брайан сделал шаг по направлению к двери.

— Извините, но я должен сообщить заведующему лечебницы доктору Казимсу.

— Он в курсе, — раздражённо ответил Брайан.

— Меня не предупреждали, — упрямо покачал головой охранник.

— Всё в порядке, Роджер, — раздался голос позади.

Охранник обернулся. Сзади него стоял дежурный врач Хилл. Мужчина, представившийся сотрудником ФБР, прошёл мимо Роджера и ушёл по коридору. Доктор Хилл ещё несколько секунд смотрел на охранника, а затем развернулся и неспешно двинулся к выходу из этого крыла лечебницы.

Роджер мельком увидел название файла из архива, когда сотрудник ФБР обходил его в проходе двери. «Дело о наблюдении Л. Донована». Но тут же выкинул это из головы. Роджер не совал свой нос куда не следовало.

25 мая 2023 года

День смерти Лэндона Донована

Сол посмотрел на время. Без двух минут четыре часа дня. Ещё две минуты. Сол облокотился на поручни ступень, что вели ко входу в контору Лэндона Донована. В этот раз он просто обязан был вытянуть хоть какие-то сведения, не так как с Майклом Стибером.

«Воспринимай это как обычное рядовое интервью, Сол» — подумал он.

Но в том то и загвоздка. Воспринимай он его как обычное, вряд ли стал бы ждать с таким нетерпением. Сол чувствовал, что это интервью не было обычным. Впервые в жизни в нём пробудилось настоящее предчувствие. Он мог сказать себе, что это предчувствие сенсации, но не знал наверняка, ведь ещё ни разу в жизни он не открывал сенсацию, какой представлял её себе сам. Но он знал всем нутром, что в деле Стибера против Justice-Tech что-то было.

Четыре часа. Ровно. Сол был пунктуальным журналистом, когда это было в его интересах. Он сделал шаг к двери и постучал. Ответа не последовало. Он постучал ещё раз. Вновь тишина. Неужели Донован забыл об интервью? Но если забыл, то это его проблемы. Сол повернул дверную ручку. Открыто. Может Донован зашёл в туалет отлить? Или чего хуже, подготавливает плацдарм для очередного иска о домогательствах с очередной помощницей?

— Мистер Донован? — окликнул он, заглядывая внутрь.

Ответа не последовало, и он вошёл. Раз дверь была открыта, значит кто-то же должен быть внутри, только если контору Донована незадолго до прибытия Сола не обнесли какие-то грабители. Вряд ли. Если не Донован, то хотя-бы кто-то из его сотрудников должен быть внутри. Если уж не получалось встретиться с самим адвокатом можно было попробовать поговорить с кем-то, кто на него работал. С кем-то стеснительным и неуверенным в себе, желательно с девушкой, тогда бы своей обезоруживающей улыбкой и парочкой комплиментов Сол вытащил бы из неё все сведения.

Сол сделал несколько шагов и вдруг замер на месте, пожалев в одночасье, что вошёл.

Перед ним лежал труп. Мёртвая рука сжимала револьвер, которым покойник, судя по всему, выстрелил себе в голову. Лужа крови растеклась под телом, а стол и стена позади были забрызганы чем-то. Наверное, так выглядят мозги. Сол почувствовал резкие порывы к рвоте.

— Вот чёрт! — выкрикнул он, — херня собачья!

Это было совсем не то, что Сол ожидал увидеть. Он ожидал увидеть всё что угодно, но никак не труп Донована.

Журналист достал из кармана телефон и набрал номер экстренной службы.

— Алло, меня зовут Сол Кэмбелл. Я нахожусь в юридической конторе Лэндона Донована, у меня было назначено здесь интервью. Да, я только что пришёл и увидел... Тут тело. В руке револьвер. Мистер Лэндон Донован застрелился.

«Мистер Кэмбелл, оставайтесь на месте и ни к чему не прикасайтесь, мы сейчас будем»

— Можно мне хоть на улице подождать, я сейчас тут всё облюю.

«Ждите на улице, никуда не уходите».

— Мда, — протянул Сол, засовывая мобильник в карман.

На столе зазвонил телефон конторы. Включился автоответчик.

«Мистер Донован, это Директор Стиннер. Мы не заинтересованы в том, чтобы вы отправлялись в тюрьму. Я думаю, нам удастся договориться. Приходите к нам незамедлительно, мы всё обсудим в дружеской беседе».

Запись прекратилась. В комнате воцарилась тишина. Сол достал блокнот и быстро дословно записал в него услышанное сообщение, пока оно было свежо в памяти.

Вскоре поблизости начал раздаваться вой серен.

15 октября 2025 года

Рабочий день был завершён. Сол Кэмбелл вышел из офиса центрального новостного телеканала и с тоской и сожалением вспомнил времена, когда выходил не на улицу, а спускался на подземную парковку, где его дожидался его новенький форд мустанг. Несколько недель назад его машина была конфискована полицией за серьёзное нарушение правил дорожного движения, и ещё два месяца Солу предстояло передвигаться на своих

двоих, а общественный транспорт — в помощь, пока не подойдёт к концу срок конфискации.

Карьера Сола за последние годы изменилась в лучшую сторону. Он обрёл уважение в глазах коллег, его имя было на слуху у жителей, а с тех пор как он перешёл из газеты на центральный новостной телеканал, вернее, получил приглашение и с радостью принял его, сюжеты Сола пользовались успехом и ценились руководством.

Ранее Сол не брался за то, что ему не нравилось, а нравилось ему очень малое, он считал недостойным расплыть свой талант, который у него безусловно был, на разную чушь. Но позднее понял, что если подобная чушь ценилась зрителями, а у Сола выходило их заинтересовать, то нужно делать дело, переступая через свою гордость. Предвкушением и поиском сенсаций, которыми раньше так был охвачен Сол, сыт не будешь.

Переосмыслить все эти вещи Сола заставило событие двухлетней давности. Самоубийство человека, к которому Сол пришёл, чтобы взять интервью. Что заставило успешного по меркам людей адвоката покончить жизнь самоубийством? Если это было самоубийство. Тогда Сол стал свидетелем и телефонного звонка, лично от Директора корпорации Justice-Tech. Неужели за делом Майкла Стибера стояло нечто большее, чем казалось с первого взгляда? Что произошло за период в два дня, когда Сол говорил с Донованом по телефону и когда нашёл его мёртвым? Что произошло такого, чтобы Директор в телефон произнёс: «Мы не заинтересованы, чтобы вы отправлялись в тюрьму». До чего добрался Донован или же что он совершил, чтобы удостоиться личного звонка от Директора? С такими-то словами? Ведь судя по контексту, насколько догадывался Сол, Директор и Донован виделись до того рокового дня, или по крайней мере разговаривали. Была у Сола и другая версия. В ходе защиты Майкла Стибера Доновану стало известно нечто, что никак не должно было выйти в свет. И самоубийство скорее всего подстроено, а на деле — убийство. Потому и звонок от Директора раздался практически сразу, чтобы полиция его прослушала и подозрение никоим образом не упало на корпорацию. Но пока что это было домыслы. Никаких доказательств Сол найти не смог. Но он не забыл об этом деле, наоборот, оно его подстёгивало уже многие годы, подстёгивало идти вперёд. Стало мотивацией, которой ему ранее не хватало.

Сол знал, что в тот день он стал свидетелем нечто большего, чем казалось на первый взгляд. Он также осознал, что, если когда-нибудь в будущем ему удастся раскопать какую-то сенсацию против сильных мира сего, найти зацепки в этом деле, а их он был намерен найти, даже спустя прошедших пару лет, или более, пока он их не найдёт, он должен стоять очень высоко, чтобы его слышали, чтобы ему поверили. И он принялся строить карьеру. Он помнил о Justice-Tech, помнил о мистере Доноване, помнил о Майкле Стибере, который после проигрыша процесса заплатил крупный штраф корпорации и подался в политику, став помощником сенатора Корша. Он помнил обо всём этом, но у него не было ничего, что могло бы объединить их всех, связать воедино и узнать правду. Он строил карьеру, и когда в его руках окажутся драгоценные сведения, он сможет их использовать с умом и не сойти за бульварного журналиста, пытающегося привлечь к себе внимание. Сол выстраивал себе безупречную репутацию, чтобы к его словам, когда придёт время — прислушались.

К хорошему быстро привыкаешь. Сол с угрюмым видом ожидал своего автобуса, который довезёт его домой. Сол арендовал бы автомобиль на эти пару месяцев, пока его личный стоял на штраф-площадке. Арендовал, если бы вместе с автомобилем у него не конфисковали водительское удостоверение. Сол был уставшим и потому раздражительным.

Подъехал автобус. Под конец рабочего дня он был битком набит людьми. Открылись

двери. Сол, ступив на первую ступеньку, попросил стоявших немного подвинуться, чтобы дать ему возможность хотя бы войти внутрь. Раздалось ворчание, люди зашевелились, и Сол втиснулся на место прямо у входа. Когда двери закрылись, они едва его не задели.

«За комфорт надо платить» — подумал Сол, пожалев, что не взял такси. До его дома было не слишком далеко, так что можно было и потерпеть в автобусе, но сегодня Солу было как-то особенно неприятно находиться в общественном транспорте. Автобус поехал вперёд, Сол не дотягивался до поручней, но и без того даже не качнулся — люди стояли настолько близко друг к другу, что подними он обе ноги, всё равно остался бы на том же самом месте.

«За комфорт надо платить» — вновь подумал он, ощущая неприятный запах человеческого пота, витавший в салоне автобуса. У мужчины справа был гадкий запах изо рта. А у женщины слева, поднявшей руку к поручню, на белой рубашке красовалось огромное пятно подмышкой. Там впереди были настоящие счастливики. Те, кто успели занять сидячие места. Вот какой-никакой комфорт, даже в таком переполненном людьми автобусе.

«Но за комфорт надо платить!» — внезапно осенило Сола, и его лицо расплылось в улыбке.

Он не заметил, как пролетело время, и вот автобус остановился уже на остановке возле его дома.

— Извините, — Сол протиснулся между несколькими стоящими перед ним людьми, которые успели зайти и сжать всех ещё плотнее, чтобы уехать именно этим рейсом.

Сол поднялся по лестнице на третий этаж, открыл дверь своей квартиры, сбросил с плеча сумку, и, не раздеваясь, сел за компьютер.

Ему в голову пришла идея — в автобусе все платят за проезд одинаково. Некоторые занимают сидячие места, другие же вынуждены стоять, причём последних большинство. Чем обусловлено, присел ты или нет? Удачей, везением и зашёл ты на самой первой остановке или нет. Конечно, сидящие на креслах люди чувствуют намного больше комфорта, нежели те, кого со всех сторон прижимают другие пассажиры. Но за комфорт ведь надо платить, разве нет? Что если создать технологию в автобусах, чтобы все места были стоячими? Человек платит за проезд и стоит себе, держится за поручень, качается в такт остановкам и поворотам. А если он хочет присесть? Тогда он может провести картой для оплаты проезда ещё раз, и для него из специальной ниши выедет кресло. И он сможет присесть. Но за отдельную плату. И когда он будет вставать, люди не станут как коршуны кидаться на освободившееся место. Кресло задвинется обратно, и кто захочет присесть следующий должен будет заплатить за это деньги. Хочешь присесть? Плати!

— Гениально! — проговорил себе под нос Сол.

Он почувствовал, что такая идея имела право на жизнь. Более того, если правильно её преподнести и запатентовать она могла оказаться ещё и коммерчески успешной. Кто знает, может за таким будущее? Но для начала следовало проверить, не придумал ли уже кто-нибудь такое же.

Сол зашёл в «Нор». И принялся вводить разнообразные поисковые запросы, так или иначе, связанные с возникшей у него идеей. Он перепробовал всё, что только возможно, и, если бы такая технология уже была придумана, он бы нашёл бы её. Но такой технологии не существовало. Вот так внезапно, в переполненном и противном автобусе, Солу в голову пришла идея, которая могла обогатить его в будущем.

Он открыл текстовый редактор, записал свою мысль, продумывая всё во всех

подробностях, не только лишь записывая общий смысл, но и детально прорабатывая работу механизма, его местоположение, особенности и свойства. Когда Сол закончил, он окинул взглядом результат своей работы.

Да, не зря Сол считал себя гением, подумал он.

— Томпсон сегодня принимает присягу, — сообщил Солу его начальник Реми Реннер.

Сол и без того был осведомлён в этом, а также в том, что данный сюжет принадлежал именно ему. Реннер обещал Солу право взять интервью у Томпсона ещё задолго до сегодняшнего дня, когда только адвоката выписали из больницы две недели назад.

— Я помню. В час дня, я буду там, — ответил Сол.

— Томас Томпсон — это золотая жила для новостей сейчас. Его все обожают после окончания процесса над Триалом. Снимись Томпсон в главной роли в каком-то низкосортном фильме, тот побил бы все кассовые сборы, а выдвини он свою кандидатуру на пост губернатора, у его конкурентов не было бы шансов, — усмехнулся Реми.

— Но он довольствуется должностью Главы Ассоциации Людей-Адвокатов, — ответил Сол, — и есть чему довольствоваться, должен признать.

— Наш телеканал выбил себе право первым взять у него интервью после вступления на должность, мы будем первопроходцами, остальным достанутся крохи, в то время как нам — любая часть пирога, которую выберем.

— Я принесу вам самый лучший кусок, — Сол уверенно улыбнулся и встал.

Реми Реннер хлопнул Кембела по плечу и подмигнул.

— Ты лучший, Сол, помни это.

А Сол ни на секунду не забывал.

Залпы фотовспышек. Сотни видеокамер с горевшей кнопкой записи. Томас Томпсон, только что принявший присягу, стоял на трибуне в главном зале Министерства Юстиции, окружённый чиновниками и журналистами. На нём был его лучший костюм. Томас ощущал себя на вершине Олимпа.

— Для меня честь принять столь большую ответственность. Доверие людей, которые отдали мне свои голоса, показывает, что я на правильном пути, а те принципы и идеалы, которые я отстаивал в судебном зале, имеют огромное значение для всех нас. Я сделаю всё, что есть в моих силах, чтобы каждый человек-адвокат мог сказать: «Да, я человек. Да, я адвокат. Я человек-адвокат в мире роботов-адвокатов, и я горд этим!».

Аплодисменты. Бурные аплодисменты.

Томас сошёл с трибуны и проследовал к выходу из зала.

— А, вы, должно быть, Сол Кэмбел, с центрального телеканала? — спросил Томас, протягивая Солу руку для пожатия.

— Да, мистер Томпсон, приятно познакомиться. Где вам будет удобно провести интервью?

— Давайте через час в здании Ассоциации, в моём новом кабинете, как вам?

— С радостью.

— Отлично, тогда увидимся. Не волнуйтесь вы так, до вас ни с кем из журналистов разговаривать не буду, даже в их сторону не посмотрю, вы у меня будете первый, — улыбнулся Томас, чем сразу расположил к себе.

Ровно через час Сол находился на последнем этаже здания Ассоциации Людей-

Адвокатов, куда его любезно провела обворожительная секретарша Томаса Томпсона. Оператор настраивал камеру и подбирал правильный ракурс, помощник, с разрешения Главы Ассоциации сделал небольшую перестановку на рабочем столе, и привёл его в наиболее удачный, по его мнению, вид, для записи. Визажист пудрила лицо Томпсона.

— Вообще это всё не мои вещи, остались после Скотта Шермана, я приехал на пятнадцать минут раньше вас, впервые зашёл в этот кабинет, как в свой. Здесь ещё следует провести значительные перестановки, — сказал Томас, поднимая голову, пока женщина замазывала прыщ у него на шее.

— Должен сказать, наследие от Шермана в плане вещей вы получили неплохое, — ответил Сол, осматривая роскошные статуэтки, картины и различные изделия из драгоценных металлов, — здесь целое состояние.

— Состояние взяточничества и распутства. Я о состоянии, в котором находился мой предшественник. Мне не нужно чужого, — улыбнулся Томас и кивнул в сторону двери, — секретарша тоже от Шермана.

— Да, у него был хороший вкус не только на вещи, — заметил Сол.

— Не для записи, конечно, но я даже представить боюсь, что Шерман с ней делал, пожалуй, найму новую. Как только войду в курс дел, для начала она мне понадобится, но не хочу иметь возле себя людей из окружения человека, который устроил покушение на меня.

— Всё готово! — визажист подняла руки с косметическими кисточками вверх, отклонилась назад, зависнув над Томасом и демонстративно осмотрела результат своей работы, удовлетворенно причмокнув губой, — да, отлично!

— Спасибо, Наташа, — сказав, Сол обратился к оператору, — оборудование настроено?

— Настроено и готово к съемке, — оператор поднял большой палец.

— Мистер Томпсон?

— Давайте начинать, — с готовностью подтвердил Томас, удобнее усевшись в кресле.

Пошла запись.

— Здравствуйте, мистер Томпсон, рады видеть вас в здравии и хорошем настроении, — начал Сол, — спасибо, что нашли для нас время.

— Мистер Кембел, рад давать вам интервью. Я счастливчик, пуля прошла в каких-то сантиметрах от жизненно важных органов, не задержалась в моём теле и вылетела куда подальше. После такого любой на моём месте был бы в хорошем настроении.

— Но поводов для радости у вас несколько. Конечно, жизнь — самое ценное, что может быть. Но придя в сознание, вы получили, если можно так выразиться, компенсацию за столь неприятный инцидент — присяжные приняли решение в вашу пользу, а Совет Правосудия единогласно проголосовал за вас как за нового Главу Ассоциации Людей-Адвокатов.

— Сол, я думаю, что слово компенсация — не совсем корректно употреблять в данном случае. Компенсация — это нечто, что ты не заслужил, и даётся оно тебе только лишь, чтобы заполнить место чего-то, что ты потерял. Я свято надеюсь, что инцидент с покушением на меня никоим образом не повлиял на решение присяжных, потому что они решали вопрос, влияющий не только на современное общество, но и на целые поколения наших наследников. А пост Главы, надеюсь, я получил не за то, что выжил, — Томас засмеялся.

— Сегодня ваше первое интервью после судебного процесса, где вы представляли интересы робота Триала. Люди горят желанием узнать подробности.

— Разумеется, и они имеют на это право.

— Впервые в истории подзащитным был робот, расскажите нам об отличиях, каково это

быть адвокатом робота, а не человека?

— Я не видел для себя разницы, и это была одна из главных составляющих нашей победы. Адвокат отстаивает в первую очередь не персону, а её позицию, её поступок и юридическую конструкцию, которой деяние названо в законе. Единственное, что я должен был понять — это суть этого поступка. Разумеется, мне нужно было понять и робота, но его мотивы были более человечными, чем у многих людей, потому с этим у меня не возникло проблем.

— Виделись ли вы с роботом после этого?

— Нет, и не знаю увижусь ли.

— Хотели бы?

— Честно, не знаю, затрудняюсь ответить.

— Как думаете, он испытывает к вам благодарность?

— Я так не считаю, он робот, и поверьте, во многом благодаря тому, что они не способны испытывать эмоции, из них получаются отличные судьи и адвокаты.

— В будущем скорее всего к этому прибавятся и полицейские. Как вы пришли к этой идее?

— Я критиковал систему, но критиковать способен каждый. Если бы я просто занимался популизмом, я на критике и остановился бы. Но я действительно верил и верю в то, что говорил, и чтобы другие поверили, я просто обязан был дать людям альтернативу, которая не привела бы нас в будущем к подобным процессам. Я надеюсь, в будущем люди будут благодарны за весь этот скандал, который произошёл, за то, что он вскрыл проблемы, которые могли ещё долго быть в невидимом для нас состоянии.

— Justice-Tech точно осталась вам благодарна, я вижу на руке у вас эти часы...

— Да, это высшая награда от Корпорации и впервые, насколько мне известно, они дали её не своему сотруднику, и не человеку, который принимал участие в создании роботов.

— Вам её прислали по почте, передали или подарил лично кто-то из руководства?

— Мне подарил её Директор, когда навещал меня в больнице, чем я очень польщён.

— Вы разговаривали с ним о процессе?

— Он выразил мне благодарность, поскольку все мы работаем в одном направлении — над совершенствованием системы правосудия в нашей стране, хоть занимаемся каждый своим делом.

— В будущем, скорее всего, вы будете взаимодействовать более тесно, поскольку теперь вы входите в Совет Правосудия, членом которого является и Директор.

— Наличие в Совете представителей от всех сторон является гарантией его объективности и учёта интересов представителей всех сфер, которые работают в механизме правосудия.

— Как вы оцениваете работу мистера Скота Шермана?

— Знаете, я, наверное, не стану отвечать на этот вопрос, поскольку не хочу быть, как юрист, субъективным. Объективно же говорить о человеке, который заказал моё убийство, я ещё не могу. Пока что, по крайней мере. Мне ещё болит немного. В прямом смысле, — Томас засмеялся и демонстративно взялся рукой за место ранения.

Интервью продолжалось ещё сорок минут. Вечером, когда его транслировали после вечернего выпуска теленовостей, рейтинги просмотров росли с каждой минутой.

— Отличная работа, Сол, — говорил Реми Реннер, — ты выжал всё, что было нужно от мистера Томсона, чтобы приковать миллионы телезрителей к экранам.

Сол выжал даже немного больше. Он собирал информацию о Justice-Tech по крупицам, и несколько крошек ему сегодня бросил и Томпсон.

Вечером Сол приступил к работе над пакетом документов для подачи заявки на патент своей идеи о платных местах в общественном транспорте. Он не хотел обращаться за помощью к роботам или людям юристам. Он желал во всём разобраться сам, тем более, если вникнуть — ничего сложного в этом не было. Сол распечатал необходимые бланки и начал их заполнять. Когда что-то было не ясно, он смотрел образцы, примеры, и шёл дальше. Сол хотел завершить всё с бумагами сегодня, чтобы завтра с утра отправиться в патентное бюро. Ему было непонятно, что следовало писать в очередной строке, и Сол открыл «Нор».

Сол начал было набирать необходимый запрос в поисковой строке, как вдруг осознал, что только что краем зрения увидел нечто интересное в списке новостей. Он просмотрел список последних заголовков ещё раз и нашёл, что привлекло его внимание. Новость гласила: «Компания «Нуу-Avbus» представила концепт революционных изменений в устройстве общественного транспорта».

— Что за революционные изменения? — сам у себя спросил Сол, чувствуя неладное, и нажал на новость.

Сол начал читать, и в меру того, как его глаза продвигались по тексту, и до него доходил смысл написанного, он приходил во всё большее недоумение. Суть была в том, что компания «Нуу-Avbus» буквально час назад провела закрытую презентацию своего нового изобретения, которому предрекали произвести революцию в области общественного транспорта. Главный конструктор компании продемонстрировал каким он видит салоны автобусов будущего, где все места были бы стоячими, а за право присесть нужно было платить. В таком случае из специальной ниши выезжало кресло, в котором можно было с комфортом провести время поездки. Статус-кво, когда сидячие места и стоячие распределялись между пассажирами случайным образом, а по цене обходились одинаково был в определённой мере несправедливым, считала компания «Нуу-Avbus». На удивление Сола концепт их кресел был очень уж похож на тот, который зарисовал и описал у себя в заметках на компьютере Сол. Он читал дальше. Компания вчера зарегистрировала патент на своё изобретение и уже в ближайшее время планирует провести переговоры с крупнейшими производителями автобусов.

— Что за чертовщина, — непонимающе проговорил Сол, и прочёл новость ещё раз.

Как такое могло быть? Идея пришла ему в голову четыре дня назад. Он никому о ней не рассказывал, никому не показывал. Доступа к его компьютеру не было ни у кого. Как же такое возможно, чтобы спустя несколько дней его идея практически в таком же виде, без особых изменений, была уже запатентована?

Сол ввёл в поиск компанию «Нуу-Avbus». Все данные о компании составляли новости, написанные по итогам презентации их сегодняшнего изобретения, и ни одна из них не была выложена давнее часа назад. Сол пролистал результаты поисковика до последней страницы. Одна и та же новость в разных формулировках, более никаких сведений о компании не было.

Сол перешёл на общедоступную страницу государственного реестра компаний, где предпринял попытку найти хоть какую-то информацию. И ему это удалось. Компания «Нуу-Avbus» была открыта три дня назад — на следующий день после того, как Солу пришла идея, которая теперь была запатентована этой компанией.

— Да как такое вообще возможно? — озадаченно произнёс Сол и откинулся на спинку

кресла, пытаясь до конца осознать, что его идея уже вовсе и не его.

— Ты уверен, что эта идея твоя? — на следующий день спросил у Сола его друг и коллега Рэй Вилнус, после того, как Сол рассказал ему свою историю, — может ты где-то видел её, слышал, может она отложилась у тебя, а потом ты принял её за свою?

— Ты меня за идиота держишь? Нет, Рэй, этой идеи больше нигде не было. Я час перекапывал «Нор», чтобы убедиться.

— Но я тогда не могу объяснить, как такое может быть, — развёл руками Рэй, — по крайней мере с точки зрения логики. Знаешь, как говорят — одна идея не приходит только одному человеку, она приходит в мир сразу к нескольким людям, а тот, кто первый спохватится и реализует её — затем и будет считаться её создателем.

— Нет. Это всё чепуха. А что если, — Сол на секунду задумался, — что если мою идею у меня украли?

— Как украли? Специально вломились в дом, или взломали компьютер, будучи уверенными, что там у тебя отличные бизнес идеи?

— Не будь примитивным и узколобым, Рэй, ты же журналист как-никак.

— Это сарказм, Сол, кто мог украсть у тебя идею?

— Я вводил свою идею в поиск. И не нашёл ничего. Я вводил разными вариантами. И не нашёл. Но я вводил её, прописал, ты понимаешь о чём я? А что если то, что написано в поисковике, ворует? Что если «Нор» крадёт новые идеи, которые люди вводят туда, чтобы удостовериться, что никто ещё подобного не придумал?

— Это звучит как бред, если честно, извини, Сол. Я понимаю твоё разочарование, но нельзя же в этом винить сеть «Нор».

— Я сохранял записи об идее, её зарисовки в своём хранилище в «Нор». И так поступает почти каждый, кто придумывает что-то. Первым делом нужно убедиться, что до тебя этого не придумали, а для этого нужно искать в «Нор». Представь сколько изобретений проходят через «Нор» до их создания. Просто потому что люди, придумавшие их, хотят убедиться, что они первые. А некто использует это и быстро присваивает себе все новые идеи, изобретения, патентует их и затем реализовывает, зарабатывая космические суммы, если воровство идей поставлено на конвейер.

— Сол, не будь параноиком. Конечно, твоя ситуация странная, но.

— Я должен это проверить Рик. Заменишь меня сегодня в нескольких сюжетах? Тебе нужно набираться опыта, это отличная возможность для тебя.

— Разумеется, Сол.

В течении нескольких дней Сол собирал информацию. И он действительно накопил в «Нор» несколько весьма интересных совпадений. Первый человек, которого он нашёл, изобрёл новый способ фильтрации воды, но буквально через пару дней его идея была запатентована недавно созданной компанией «Water-Clear Solutions Inc.». Второй человек придумал устройство для медицинских тестов, которое бы упрощало время процедур и финансовые затраты в несколько раз. Но через неделю его идея была представлена широкой публике тоже недавно созданной компанией «MedCoorson», которая, разумеется, запатентовала такое устройство, как две капли воды по всем параметрам схожее с тем, что было придумано этим человеком. Третий продумал новую технологию разумной подушки безопасности для транспортных средств, и та через пять дней получила воплощение в презентации только что созданной «SaveTech LLC». Если верить всем этим людям, они никому не рассказывали о своих идеях. Они нигде их не выставляли. Единственное — это

искали в поисковике сети «Нор» не реализовал ли кто такую идею, и не находили нигде ничего подобного. Но не успевали они зарегистрировать своё изобретение, как идея уже принадлежала ряду компаний.

Сол всегда умел найти в Интернете то, что ему нужно, он знал, как искать, и он начал копать дальше. Результат не заставил себя ждать. Только за последний год Сол без особых усилий находил записи, блоги, комментарии свыше тридцати человек, которые утверждали, что их изобретения, идеи и новшества каким-то образом кто-то без их ведома присваивал себе. Сол не видел связи во всех этих людях, не видел связи в их изобретениях, но зато связь между компаниями прослеживалась очень явственно — все они были созданы незадолго до патентования чужих идей, и через день-два, как эти идеи появлялись в головах у людей, утверждающих, что они были первыми.

Это было странно, потому что новые компании не могли открываться настолько быстро, существовала процедура государственной регистрации, которая занимала несколько дней как минимум. За одним исключением — существовала упрощенная процедура для открытия дочерних компаний. Крупные компании и корпорации могли заранее проводить процедуру регистрации новых предприятий, словно «бронируя» ниши в государственном реестре для них. А затем в течении лишь одного дня можно было открыть компанию в «забронированной» нише, называть её, регистрировать учредительные документы и объявлять о сфере деятельности. Судя по всему, каждая из этих компаний была зарегистрирована по такой процедуре, иного объяснения у Сола не было.

Он начал перекапывать документы, находившиеся в открытом доступе насчёт принадлежности компаний и их учредителей. Запутанность схем едва не сломала Солу мозг — за каждой компанией стояла другая компания, и если она не являлась чьей-то дочерней, то один из её главных учредителей, владел контрольными пакетами акций других компаний. Это была словно пирамида.

Сол принялся вести записи, составлять схемы. По-другому было не разобраться, но даже так выяснить всё и найти корни всех компаний было на грани возможного.

Несмотря на поздний час, Сол позвонил своему знакомому, бывшему сотруднику Государственной Комиссии по Ценным Бумагам, который был известен Солу, как один из лучших в раскрытии запутанных схем вывода денег из фиктивных предприятий.

29 октября 2025 года

Мистер Скотт Шерман, бывший Глава Ассоциации Людей-Адвокатов, сидел на койке в своей одиночной камере. По его лицу стекал пот, хотя воздух был прохладный и сырой. У него не было часов, он не мог достоверно точно вести счёт времени. Но почему-то он был уверен, что человек опаздывает. У Скотта Шермана было двойное чувство. С одной стороны, ему совсем не хотелось, чтобы дверь камеры открылась, и вошедший охранник крикнул: «Заключённый Шерман, к вам посетитель». Шерман уже твердо решил, как ему поступить, но он не хотел проверять последствия своего решения. С другой стороны, он хотел, чтобы всё закончилось как можно быстрее. Он больше не мог мучить себя неопределённостью. Он больше не мог так жить. Он хотел положить этому конец.

Скотт Шерман потерял всё. Он потерял всё и больше ему нечего было терять. Оставалось только выяснить. Убедиться на собственной шкуре или же развенчать все свои сомнения. В любом случае, если опасения не подтвердятся, что ж, о Скотте Шермане вновь

заговорят. Но будь правдой то, чего он так боялся, о чём старался не думать все эти годы... В таком случае Скотту Шерману больше не будет чего опасаться.

Шаги в коридоре. Сердце Шермана застучало с неистовой силой. Подошли к его камере. Скотт зажмурил глаза. В замке провернулся ключ. Шерман открыл глаза — в камеру вошёл охранник.

— Заключённый Шерман, — сказал тот, доставая наручники, — к вам посетитель. Встать, повернуться лицом к стене.

Пока охранник защёлкивал металлические браслеты на руках Скотта, тот молился. Он не был верующим человеком. Но вера имеет свойство пробуждаться в людях, когда им больше не на что рассчитывать.

Охранник взял Шермана под руку и повёл вперёд. По бокам мелькали камеры.

— Ну что, адвокатишка, — раздавался ехидный голос справа, — с коллегой встречаешься?

— Эй, Скотти, — голос слева, — ты не уходи надолго, мы же с тобой не закончили наше пикантное дело.

Они шли по коридору, а из всех камер, мимо которых они проходили доносились голоса.

— О, кого ведут, взгляните-ка, я не знал, что к нему бывают гости.

— Да у него вообще-то много наших в гостях побывало, — смех.

— А проход там что надо: заходи — не хочу! — опять смех.

— Шерман, вытаци меня отсюда! Ты же адвокат! Ой, стоп, уже нет, точно.

— Скотти, это тебя матушка навещает? Если она вполовину хороша как ты, тащи её сюда!

Коридор казался бесконечно длинным для Скотта. Каждый день он поддавался мыслям, что даже если его опасения подтвердятся, то так будет даже лучше. Он не мог здесь находиться. Он не мог более терпеть того, что с ним здесь делали.

— Шерман, к тебе за консультацией пришли? — издевки сыпались со всех сторон.

— Молчать! — рявкнул охранник.

В кабинете для встреч сидел щуплый паренёк. Взъерошенные волосы, очки в большой оправе, перекинутая сумка через плечо. Рубашка, а под ней футболка. Лет двадцать пять.

Охранник снял с Шермана наручники и вышел. Шерман присел за стул.

— Мистер Шерман, здравствуйте, меня зовут Рэй Вилнус.

— Я думал, что придёт Сол Кэмбел. Я говорил с ним по телефону.

— К сожалению, мистер Кэмбел не смог. Он проводит очень важное расследование, но я его ближайший друг и коллега, мы вместе работаем над материалами.

Скотт вздохнул. Он хотел видеть Кэмбелла. Вот он болван, надо было более прозрачно намекнуть Кэмбелу по телефону, что информация, которой он желал поделиться, совсем не о его прошлой жизни адвоката, а о корпорации... Да какая уже разница. И этот сойдёт. У Скотта болела голова.

— Мистер Шерман, времени у нас не очень много, так что давайте начнём, — сказал Рэй, положив перед собой бумаги для записей и приготовив ручку.

— Да, — Скотт себя плохо чувствовал. У него болела голова, мутил живот и его тошнило. Он волновался. Сейчас или никогда.

— О чём именно вы хотели поговорить? Что именно рассказать? — спросил Рэй.

— Правду, — Шерман нервно переминал пальцы на руках, — правду о Justice-Tech.

— Хорошо, — с готовностью и с удивлением ответил Рэй.

Скотт Шерман глубоко вдохнул и выдохнул. Встал со стула. Сжал губы. Принялся ходить взад-вперёд вдоль стола, словно собираясь с мыслями. Рэй терпеливо ждал. Шерман держал руки за спиной. Пот стекал у него с лица, воротник его футболки был уже насквозь мокрым. Он несколько раз прошёл вдоль стола, разворачивался, и шёл в обратном направлении.

Рэй осознавал, что времени для встречи отведено было не столь много, но он не торопил Шермана. Рэй знал — когда люди хотели поделиться чем-то важным, не стоило их отвлекать. Они должны набраться смелости сказать то, о чём умалчивали даже сами себе.

Шерман остановился боком к Рэю. Медленно повернул голову, и журналист увидел в глазах бывшего Главы Ассоциации Людей-Адвокатов нечто вроде озарения, словно учёному, потратившему всю жизнь на решение самой сложной формулы в мире, и практически отчаявшемуся, только что пришло осознание её решения, тем самым позволяя завершить многолетний труд.

— Так это всё же правда! — тихо, а затем на последних словах повышая голос до визга воскликнул Шерман.

Внезапно он с максимально возможным ускорением рванулся вперёд, словно только что прозвучал выстрел, знаменующий старт марафона, в котором Шерман желал победить. Он рванулся вперёд, но там не было ни стадиона, ни дорожки для бега. Впереди через несколько метров была стена. Шерман со всего маха влетел в неё, выставив голову перед собой. Раздался звук удара и хруст. Шерман качнулся, сделал несколько шагов назад, вновь посмотрел на Рэя. Голова Шермана была пробита, кровь заструилась по ней. Пятно крови с брызгами, как клякса, осталось на стене.

Рэй отпрянул, завалился на спинку стула, потерял равновесие и вместе со стулом упал назад. Дверь в камеру начала открываться.

— Правда! — воскликнул Шерман голосом хриплым, неузнаваемым.

В его рту была каша из выбитых зубов, десны, языка и крови. Нос был сломан и вывернут в сторону под неестественным углом. Но Шерман улыбался. Если эту жуткую гримасу можно было назвать хоть чем-то, напоминающим улыбку, то Шерман улыбался. Наверное, никто за всю историю человечества никогда так не улыбался. В чём-то Шерман действительно стал первым.

Качнувшись, он ещё раз сделал рывок вперёд, даже резче и стремительнее предыдущего, и окончательно расшиб голову об стену.

Когда самолёт приземлился, Сол Кэмбел, пассажир эконом-класса, с нетерпением ждал, когда разрешат выход из салона. Весь полёт он был зажат с двух сторон тучным мужчиной и полной женщиной, которым не хватало подлокотников, и они постоянно намеревались использовать вместо них руки Сола, лежащие у него на коленях. Потому после приземления он стоял один из первых у выхода. Быстро пройдя все необходимые процедуры, он буквально выскочил из здания аэропорта и поймал такси.

— Мне к Главному Управлению Технологий ООН, — сообщил он водителю, — я очень тороплюсь, дам хорошие чаевые, вы только быстрее. И без пробок.

Таксист не сказал ничего, только кивнул. Сол торопился. Выбить встречу с Уполномоченным Генерального Секретаря ООН Лукасом Кевинсоном было делом нелёгким, но у Сола всё же получилось. Уполномоченный, будучи одним из главных

ответственных в стране за функционирование «Нор», был крайне занятым человеком, и опоздай Сол хотя бы на несколько минут — о встрече можно было забыть. А здесь ещё как назло вылет задержался на два с половиной часа, и теперь у Сола было очень мало времени.

Но водитель знал своё дело. Он поехал по боковым улицам, переулкам, въездам куда-то и выездам оттуда, в конце концов миновав огромные пробки на центральных улицах. Они подъехали к контрольно-пропускному пункту на территории научного городка-комплекса как раз вовремя, чтобы Сол успел пройти пропускные пункты безопасности и оказаться в центральном здании комплекса за пятнадцать минут до назначенного времени.

Поднявшись на этаж руководства, сопровождаемый доброжелательной девушкой из регистрационной внизу, Сола подошёл к входу в зал для приёма посетителей. Указатели на стене демонстрировали, что направо находился кабинет «Уполномоченного» Лукаса Кевинсона, а налево — кабинет «Советника Уполномоченного» Нила Харриса. Сол помнил Нила Харриса самого как Уполномоченного, но после инцидента, произошедшего в комплексе несколько лет назад, из-за которого на несколько дней в стране случился экономический коллапс, убытки от которого составили по неофициальным скромным подсчётам миллиарды долларов, его отстранили от управления. Над ним был проведён специальный Трибунал, но ответственности Нилу Харрису удалось избежать. Теперь он занимал должность, которая ни на что не влияла, будучи скорее данью за заслуги этого человека, который сделал многое для функционирования Интернета и «Нор» в том виде, в котором он был сейчас. Справедливости ради стоит заметить, что после инцидента «Нор» сделала несколько шагов назад в плане технологичности и функциональности, но восстанавливать её на прежний уровень не стремился никто.

Когда в зал для встреч вошёл Лукас Кевинсон, по его виду было понятно, что надолго он здесь задерживаться не намерен.

— Здравствуйте, Уполномоченный Кевинсон, — Сол встал с кресла, в которое ему до этого предложила устроиться девушка, приведшая его сюда.

— Мистер, Кэмбелл, добрый день. Вы, я вижу, сами и без операторской группы, я думал вы собираетесь взять интервью для телеканала, — в голосе Лукаса чувствовалось лёгкое пренебрежение и недовольство.

— Я сейчас провожу расследование, оно носит весьма деликатный характер, потому как касается непосредственно «Нор». Потому пока у меня не будет достоверных фактов, я не хочу, чтобы информация о нём была обнародована. Наш разговор не будет записываться или фиксироваться иным способом.

— Хорошо, мистер Кэмбелл. Надеюсь, это важно, поскольку у меня много дел, — Кевинсон закинул ногу на ногу и выжидающе уставился на Сола.

— Я хочу поговорить с вами о конфиденциальности данных пользователей «Нор».

— Только поэтому вы и вызвали меня на встречу? — Кевинсон нахмурился, — всё, что вас интересует, находится в лицензионных соглашениях, политике конфиденциальности и правилах пользования «Нор», которые пребывают в открытом доступе и с которыми по идее должен ознакомиться каждый пользователь, когда нажимает кнопку «согласиться» перед началом пользования сетью, в том числе и вы.

— Я досконально изучил их, Уполномоченный Кевинсон, хотя они крайне запутаны, но я нашёл всё, что мне нужно. А вернее, вовсе не нашёл то, что меня интересует. Могут ли использоваться поисковые запросы в «Нор» с иной целью кроме как для улучшения работы самой сети?

— Вы летели на самолете через половину страны, чтобы спросить у меня это? — Кевинсон хмыкнул, — ну хорошо, отвечу. Нет, кроме как для улучшения работы сети они не используются. Что ещё?

— Прокомментируйте, пожалуйста, следующее: в течении последних лет технический прогресс во всех сферах ускорился многократно. Каждый месяц десятки компаний регистрируют патенты на новейшие устройства, модели, изобретения, в следствии чего зарабатывают миллиарды долларов чистой прибыли. Но интересный момент — многие из этих изобретений уже придумал кто-то до этих компаний. И совпадение — когда кто-то что-то придумывал, он искал ответ на вопрос, не существовало ли такого изобретения ранее. Искал через сеть «Нор». Когда не находил, он начинал процесс подготовки к реализации своей идеи. И когда практически был к этому готов, оказывалось, что такие «новые идеи» за день-два до этого появлялись в «Нор», но после первоначального поиска. Причём новая, возникшая из ниоткуда компания мгновенно регистрировала патент на изобретение, и начинала производство, а настоящий собственник идеи оставался ни с чем. Я нашёл сотни подобных случаев, их объединяет одно — все до единой компании, некоторые из которых очень прибыльные, открывались в пределах одной недели после первоначального поискового запроса в «Нор» об идее.

— Мистер Кэмбел, — перебил Сола Кевинсон, — вы известны как объективный и серьёзный журналист, а пришли ко мне со слухами, которые даже умалишенным негоже обсуждать.

— Более того, — продолжал Сол, не обращая внимания, — нити созданных компаний были настолько запутаны, что пока что их клубок развязать не удалось. Но я уже сейчас вижу того, кто стоит на другом конце, и этому есть несколько косвенных доказательств.

— И кто же это? Я? — усмехнулся Кевинсон.

— Нет, это Justice-Tech. Но, если Justice-Tech имеет настолько обширный доступ к «Нор», что контролирует всю информацию, проходящую через неё, это может означать либо договорённости о сотрудничестве между руководством «Нор» и корпорацией, либо одних и тех же людей, стоящих за ними, либо же изъяны в безопасности сети. Я не сторонник заговоров, но намерен разобраться в этом деле.

Кевинсон ничего не ответил, лишь раздражённо смотрел на Сола. Журналисту не нравился такой приём. Затем Лукас ответил:

— Что вы от меня хотите, мистер Кэмбел? Конкретно?

— Я хочу, чтобы вы хоть что-то сказали по поводу всего, что я вам поведал.

— А сказать-то нечего. Это абсолютная чушь. Догадки. Совпадения. Что ещё?

— Уполномоченный, когда я соберу достаточное количество доказательств, будет крупный скандал, потому я и обратился к вам, чтобы вы показали мне нужное направление, если что-то знаете об этом, а если не знаете — чтобы показать вам возможную утечку данных «Нор» и сотрудничать, чтобы её выявить.

— Я ничего не знаю о таком. Тем более утечка невозможна. С вами сотрудничать нам не в чем. Я вам советую забыть об этом и заняться действительно важными делами, мистер Кэмбел.

— Но могут ли данные уходить без вашего ведома? Имеет ли Justice-Tech доступ к «Нор» в таком объеме, чтобы ловить все проходящие через неё запросы? А затем, располагая крупными финансами, быстро их реализовывать, и не только лишь расширять своё влияние путём подставных компаний на различные сферы, но и зарабатывать астрономические

суммы при всём этом?

Кевинсон отодвинул стул и встал. Подошёл к двери, открыл её и всем видом показал, что разговор окончен.

— Ничего сказанное вами не имеет под собой основания. Я выделил вам время, которое теперь я понимаю безнадежно спущено в канализационную трубу. Далее терять его я не намерен, меня ждут на других встречах. Вас я считал умным парнем, после ваших сюжетов в новостях, но сейчас вижу, что вы идиот. И будете вдвойне идиотом, если продолжите этим заниматься.

Сол ненавидел необоснованную грубость и терпеть не мог надменности. Вставая и медленно идя к выходу, он сказал:

— Я имел честь общаться с вашим предшественником, и Нил Харрис более подходил должности, которую занимал, чем вы. Кстати, не вы ли за ним бумаги раньше носили? Точно, это были вы, просто тогда я не обратил на вас внимание. В любом случае я рад, что у вас в жизни всё наладилось.

— И вы цените, мистер Кэмбел, когда в жизни всё хорошо. Это не может длиться вечно, помните об этом, выбирая свои сюжеты. Удачи вам, надеюсь более не увидимся.

— До свидания, — ответил Сол, проходя мимо Уполномоченного.

— Проведите мистера Кэмбела к выходу из комплекса, чтобы он не заблудился, — попросил Кевинсон секретаршу.

Та с готовностью поднялась, попросила Сола следовать за ней. В этот момент в коридоре послышались шаги, и навстречу им вышел Нил Харрис. Он мельком глянул на Сола, отвернулся, а затем, приостановившись, посмотрел ещё раз.

— Ваше лицо кажется мне знакомым, — улыбнулся Нил, — а точно, Сол Кэмбел, новостной телеканал.

— Мистер Харрис, — Сол протянул руку для приветствия, — я ещё брал у вас интервью два года назад.

— Точно, мы тогда приятно с вами побеседовали.

— Мистер Кэмбел уже собирался уходить, Нил, — раздался сзади голос Кевинсона, который стоял в дверях своего кабинета и наблюдал за всем происходящим.

— Вы торопитесь? Хорошо, — ответил Нил.

— Мистер Харрис, я не смог найти ваши контакты, а пресс-служба отказалась соединять с вами или устроить встречу, — тихо и быстро заговорил Сол, отдавая себе отчёт, что секретарша Кевинсона всё равно слышала каждое его слово, — пожалуйста, свяжитесь со мной, это очень важно.

Нил Харрис нахмурил лоб, который обзавёлся глубокими морщинами за пару лет, и улыбка сошла с его лица. Он повернул голову в сторону Кевинсона, и тот вопросительно крикнул:

— Нил?

— Всего хорошего, мистер Кэмбел, — ответил Нил Харрис и пошёл дальше.

Сол обернулся на него, но секретарша настойчиво кашлянула, подняв вверх наращённую бровь:

— Я думаю, мне стоит провести вас к выходу, не так ли?

— Если вы о словах своего начальника, то да. Вам стоит этим заняться, — ответил Сол и пошёл впереди неё.

Томас Томпсон сидел в своём кабинете на последнем этаже здания Ассоциации Людей-Адвокатов. Прошёл уже месяц, а он всё никак не мог свыкнуться с мыслью, что все эти комнаты, которых в его пентхаусе было с десяток — принадлежат ему. Томас Томпсон подходил под статью своим владениям — холёный, элегантный, обаятельный и харизматичный. Наконец, спустя столько-то лет он вновь получил то, чего заслуживал с самого начала. Томас гордился собой. В ситуации, когда казалось, что на юридическом поприще для людей было практически всё утрачено из-за роботов, он вновь выбился на самую вершину и планировал восседать на ней до неприличия долго.

В дверь постучались. Не успел Томас ответить, как дверная ручка начала проворачиваться. Томаса раздражало, когда люди входили, не дожидаясь ответа. Зачем тогда стучать? Чтобы предупредить, что вот, великая персона заходит, а ты, Томас, отложи все свои дела, и готовься встречать? Нет, стук в дверь нужен не чтобы предупредить о своём приходе, а, чтобы дождаться с той стороны двери заветное слово: «Входите». Томас уже было собрался прочитать лекцию об этом своему сотруднику, которого сейчас увидит, но влетела его новая секретарша (ещё шикарнее, чем та, что была у Шермана) и быстро заговорила:

— Мистер Томпсон, к вам пришли, и я не смогла...

— Я думаю, мистер Томпсон найдёт для меня минутку, — за её спиной раздался знакомый Томасу голос.

В кабинет вошёл Директор Стиннер. Секретарша не знала, что ещё сказать, как оправдаться, почему она не смогла удержать его, прежде чем уведомила начальника о его прибытии. Хотя вряд ли хоть какая-то секретарша могла удержать Директора Стиннера. А потому она вышла и тихо закрыла за собой дверь.

— Директор, — Томас встал, пожал гостю руку и предложил тому сесть в кресло напротив себя.

— Мистер Томпсон, я вижу вы пребываете в хорошем расположении духа. Вам здесь нравится?

— Разумеется, это место мне по вкусу, — ответил Томас.

— Как ваша рана?

— Уже почти не беспокоит.

— Она слишком мала, чтобы беспокоить Томаса Томпсона, верно? — как-то странно улыбнулся Директор.

— А как ваши дела? Проект роботов-полицейских, насколько я слышал, продвигается полным ходом.

— Вашими стараниями, мистер Томпсон, — вновь улыбка на лице, — а вообще-то, я пришёл к вам с целью поделиться новостью, которую почти ещё никто не знает. Я подумал, что будет логично, если её вам расскажу именно я, причём лично.

— Что это должна быть за новость, чтобы её сообщал лично Директор?

— Она касается, так сказать, несостоявшегося заказчика вашего убийства. Как бы.

— Скотта Шермана? — Томас ухмыльнулся.

— Вот и сейчас я это вижу, — Директор Стиннер устроился в кресле поудобнее и продолжил, — вы никогда не уважали мистера Шермана за то, что у него не было своего мнения, как вы считали. Он лишь делал то, что ему приказывали, и вы презирали его за это. Но знали ли вы мистера Шермана? Вы думали, что им руководят только корыстные мотивы? Хм-м-м, прежний Шерман был другой, вы это помните? Или тогда вы с ним ещё так тесно

не работали? Так я вам говорю — он был другой. Но он изменился. Что заставило его измениться? Деньги? Не думаю. Поразмыслите, мистер Томпсон, делал ли Шерман всё для лоббистов роботов потому, что ему нравилось лизать им задницы, или потому что у него не было выбора?

Томас пристально смотрел на Директора Стиннера, а руки его сжимали подлокотники с неистовой силой. В этот момент больше всего на свете Томасу хотелось собственноручно удушить Директора, потому что он понимал, к чему тот клонит.

— У вас не было шанса узнать Скотта получше просто потому, — продолжал Директор, — что у Скотта не было шанса, чтобы люди узнали его получше. Каждая высокая должность даёт не только лишь возможности, но и ограничения. Думали ли вы об ограничениях своего предшественника? Сегодня мне стало известно, что мистер Скотт Шерман мёртв. Весьма неприятный инцидент. Он вызвал на встречу одного журналиста, а когда остался с ним наедине, на глазах у того внезапно расшиб себе голову о стену, так и не успев поговорить. А жаль, мы так и не узнаем, что же Шерман желал раскрыть тому журналисту, и у нас не будет представления о том, почему Скотт совершил такой странный и убийственный в прямом смысле поступок. Хотя поговаривают, что в тюрьме ему жилось не сладко. Может Шерман просто сошёл с ума.

Томас Томпсон был напряжён всем телом, его пальцы так впились в мягкую кожу, которой обшиты подлокотники, что костяшки побелели. Директор встал, поправил на себе костюм и добавил:

— В любом случае правды почему так случилось, мы уже не узнаем. Давайте просто почтим его память молчанием, Мистер Томпсон.

Директор кивнул на прощание, развернулся и вышел, не закрыв за собой дверь.

1 июля 2023 года

Поздно вечером на просёлочной дороге стоял чёрный седан с выключенным мотором. Новая луна давала очень мало света, а поскольку фонарей в ближайшей округе не было, то рассмотреть машину с трассы, пролегающей неподалёку, было почти невозможно.

Майкл Стибер сидел за рулем и задумчиво смотрел вперёд. На переднем пассажирском кресле возле него Сенатор Корш что-то набирал в своём телефоне.

— Сенатор, время летит очень быстро, а результата практически нет. Мы стоим едва ли не на том же месте, откуда начинали.

— Не забывай, о наших целях, Майкл, — ответил сенатор, подняв голову, — каждый неверный шаг может поставить под угрозу многолетний труд и перечеркнуть все наши достижения.

— Я не тороплю вас, но может нам стоит поискать другие способы?

— Нет, — категорически махнул головой сенатор, — движемся в том же направлении, ничего менять не будем.

— Наши люди волнуются. Одна из дочерей Серафима вышла на меня, раньше они не приближались так близко.

— Ты думаешь мне спокойно? Директор доверяет мне, но любое движение в ту или иную сторону может вызвать подозрения. Жди Майкл, мы уже на пороге. Нам только нужно сложить всю информацию, которая есть, в мозаику и увидеть полную картину.

— Киран Свифт — наш ключ к этому, — произнёс Майкл, — нам нужно знать, что известно Директору. Если же ничего, то заполучить сведения мы должны первыми.

— Я отправлю Фрэнка.

— Солдберга? Вы верите ему?

— Как самому себе, Майкл.

— Он справится?

— Если не он, то даже не знаю кто сможет. И больше некого отправить. Остальные наши люди заняты другими проблемами.

— Фрэнк ничего не должен знать.

— Майкл, он будет знать ровно столько, чтобы справиться со своей задачей, не более, — сказал сенатор и подкурил толстую сигару своей Zippo.

— Серафим развёртывает деятельность. Мы нашли доказательства его присутствия в столице Республики Чад — Нджамене. Сейчас там пусто, но след тянется из конца восьмидесятых — начала девяностых, можно предполагать, что именно там он начинал.

— Этого недостаточно. Моим союзникам нужно больше доказательств, чтобы убедить их перейти к активным действиям, — сенатор Корш выпустил огромное облако дыма.

— Мы должны отправить кого-то в Африку, отсюда мы не способны разузнать ничего более, — ответил Майкл.

— Не сейчас. Необходимо, чтобы он имел доступ к нужным местам.

— И что вы предлагаете?

— Ждать. Ждать момента, когда мы сможем внедрить кого-то, чтобы не разоблачить себя.

— Вы только и делаете, что ждёте, — в голосе Майкла Стибера сквозило недовольство.

— Только благодаря моим советам и указаниям мы дошли так далеко, Майкл.

— Смотрите, чтобы потом не было поздно.

— Уже поздно, Майкл. Уже поздно. Изначально мы в ситуации, когда уже поздно, и всегда в ней были. Потому нам нужно ждать и подальше, — ответил сенатор Корш.

— Пока мы ждём, Серафим беспрепятственно продвигается дальше, — Майкл Стибер вздохнул, завёл мотор и плавно покатил машину по просёлочной дороге.

3 июля 2023 года

Вечером, после очередного тяжёлого рабочего дня, сенатор Корш вышел из автомобиля. Он никогда не дожидался, пока Фрэнк откроет ему дверь, за что телохранитель всегда выражал сенатору недовольство, аргументируя такие действия нарушениями протоколов безопасности.

— Вас что-то тревожит, сенатор? — спросил Фрэнк Солдберг, когда они стояли у крыльца особняка сенатора.

— Меня всегда что-то тревожит Фрэнк, кто как не ты должен знать?

— Извините, я не должен задавать такие вопросы. Но если от меня что-то требуется, говорите, — с готовностью кивнул Фрэнк.

— Ты прав, у меня к тебе просьба.

— Как и ранее?

— Да, Фрэнк, вновь поручение, о котором ты не должен будешь знать. Зайдём в дом?

Фрэнк кивнул, и они поднялись по высоким ступеням. Сенатор достал ключ и вставил его в дверной замок, сделав три оборота. Дверь щёлкнула, и они зашли внутрь. Сенатор

указал Фрэнку на кресло в прихожей, а сам сел напротив него.

— Через два дня ты вновь уедешь в командировку, о которой никому в Службе Безопасности знать не следует, — начал тихо говорить сенатор.

— Что от меня требуется? — наклонился вперёд Фрэнк, скрестив пальцы двух рук.

— Найти человека.

— О нём есть какая-то информация?

— Практически никакой, и пока что узнавать её не следует ни из одного источника. Во-первых, это скорее всего не приведёт ни к каким результатам, а во-вторых, может привлечь лишнее внимание.

— Я понял.

— Человека зовут Киран Свифт. В декабре прошлого года он исчез. Он находился в поисках города на севере страны. Необычного города. У этого города нет названия, его нет ни на одной карте и ни в одном справочнике, к нему не ведёт ни одна дорога, и ни одна линия электропередач. О существовании этого города знают лишь единицы. Я предполагаю, что Киран Свифт сумел отыскать его. Я думаю, там он и исчез.

Фрэнк молча слушал, а когда сенатор закончил, Фрэнк продолжал молчать.

— Дай мне два дня собрать зацепки, и я направлю тебя. Ты должен справиться, — добавил сенатор.

— Будет сделано, сенатор, я приложу все усилия.

— Знаю, Фрэнк. До завтра.

Фрэнк Солдберг отправился домой, а сенатор Корш поднялся на второй этаж. В спальне было темно, его жена давно спала. Сенатор тихо, чтобы не побеспокоить её сон, прошёл мимо и направился в свой кабинет.

У сенатора была завидная коллекция алкоголя в баре. Корш налил себе виски и удобно расположился в кресле, закинув ноги на стол. Дверь его кабинета открылась, прервав сенатора от раздумий, и на пороге оказалась его жена.

Они молча смотрели друг на друга. Она была моложе сенатора на десять лет. Их связывали двадцать два года брака, и сенатор порою сам себе удивлялся, что до сих пор от её улыбки ему становилось теплей, а кровь прилиwała к нижней части его тела.

— Государь, — тихо и с озорной улыбкой прошептала она.

Жена часто называла его так, и сенатору это приходилось по вкусу. Он снял ноги со стола и встал навстречу жене. На ней была лёгкая шёлковая ночная рубашка, опускавшаяся чуть ниже ягодиц.

— Ты разбудил меня, — сказала она, оказавшись совсем рядом.

— Я старался не шуметь, — улыбнулся он, обнимая жену за талию.

— Ты знаешь, что я всегда просыпаюсь, когда ты приходишь. Я же чувствую тебя, — она опустила свою руку ему в брюки и медленно облизала языком свои пухлые губы, — да, чувствую тебя.

— Дорогая, у меня ещё одно дело.

— Ещё? Ты уверен? — спросила она ему на ухо, и от её дыхания у него пошли мурашки по коже.

— К сожалению.

— Тогда я буду тебя ждать, — она игриво отпрянула и добавила, — какое-то время.

Сенатор Корш зашёл в гардеробную комнату и надел чёрную футболку, джинсы, а сверху лёгкую спортивную куртку. С верхней полки он взял синюю бейсбольную кепку. В

завершение на лицо сели очки в широкой квадратной оправе. В кроссовках он вышел на улицу. Несмотря на летний месяц, в этом году было довольно прохладно, и ночью температура опускалась до двенадцати градусов по Цельсию. Несколько минут назад фонари на улице погасли, и та погрузилась во тьму. Сенатор внимательно огляделся по сторонам, убеждаясь, что никого поблизости нет и, держась края тротуара, быстрым шагом пошёл вперёд. Через пять кварталов он свернул с дороги и зашёл во двор одного из домов. В доме никто не жил. Отрыв дверцу гаража во дворе, сенатор сел в коричневый старый пикап марки «Шевроле» и, не зажигая фар, выехал. Затем закрыл гараж, вернулся в машину, и медленно поехал по дороге. Только через несколько кварталов он включил фары и ускорил ход.

Около двадцати минут он катил по пустынным улицам. Редкие машины проезжали мимо. Сенатор остановился на заднем дворе кинотеатра, более года назад закрытого на реконструкцию, которая так и не началась. Заглушив мотор, он вышел на улицу, огляделся и подошёл к чёрному выходу из кинотеатра. На двери висел массивный замок. Сенатор достал из кармана ключ, отцепил замок, открыл дверь и вошёл внутрь. В длинном коридоре стояли рабочие лестницы, лежали кое-какие строительные материалы, вёдра, многочисленные инструменты, к которым уже давно никто не прикасался. Остановившись у покосившейся на полусорванных петлях двери одного из кинозалов, сенатор аккуратно открыл её. Вокруг была практически кромешная темнота, но сенатор знал, что в кресле на последнем ряду кто-то сидит. Переступая через груды строительного мусора, сенатор приблизился и сел рядом с человеком, ожидавшим его.

— Сенатор.

— Директор.

— У вас есть новости по Майклу?

— Ничего.

— Он что-то знает о Киране Свифте?

— Нет.

— Может он вам не до конца доверяет?

— Насколько я могу судить, он доверяет мне ровно настолько, насколько это возможно.

Он уверен в моей лояльности и в том, что с вами я веду двойную игру.

— Сенатор, вы убедили меня оставить Майкла Стибера в живых, что от него может быть польза. Но пока что я её не вижу.

— Убийство ничего не решит, Директор. Так, по крайней мере, у нас в поле зрения хотя бы один человек из этой организации, и он мне доверяет.

— Но не настолько, чтобы вывести вас на самую организацию.

— Нужно время. Пока нам достаточно, что мы можем кормить их ложной информацией, и они её съедают.

— Будьте аккуратны в этом, сенатор.

— Я умелый игрок, Директор.

— Хорошо, теперь нам нужно проверить информацию о Киране Свифте.

— Да, я уже занимаюсь этим. Я отправлю Фрэнка Солдберга.

— Вы в нём уверены, сенатор?

— Абсолютно.

— Хорошо. Ещё хотел поблагодарить вас за помощь Лендону Доновану. Вы отменно сыграли свою роль.

— Чем всё окончилось? — спросил Сенатор.

— Это уже моя забота, вам не стоит беспокоиться по таким пустякам. У нас есть дела, требующие нашего внимания, давайте сосредоточимся на них.

Директор Стиннер поднялся, обошёл сенатора и пошёл через тёмный зал кинотеатра к выходу. Сенатор Корш сидел в кресле на последнем ряду ещё несколько минут, затем поднялся и тоже вышел.

26 мая 2023 года.

За год до взрыва в Научном Городке

Дастин Купер проснулся от звонка телефона. Его сон не был крепким. Дастин даже не помнил, когда последний раз в своей жизни он спал спокойно. Наверное, десятилетия назад, когда был ребенком. Электронные часы на тумбочке флуоресцентными в темноте комнаты цифрами показывали два часа ночи и пятьдесят девять минут. Дастин протянул руку, чтобы ответить на звонок, с первого раза промахнулся, а со второго нащупал телефон, поднёс к себе и нажал «Ответить». Экран тут же погас, телефон выключился. Дастин знал, что это значило. И значило это то, что ему нужно было поднести устройство к уху и ответить на исчезнувший звонок.

— Да, Симон.

— Отец, я нашёл запись, которая заинтересует и нужна тебе. Это связано с Лэндоном Донованом, его смертью.

— Присылай.

— Через двадцать секунд оно будет проиграно на твоём планшете номер три.

Дастин Купер встал с кровати, протёр глаза и подошёл к письменному столу в своей спальне. Взял в руки планшет. На нём загорелся экран, и начала проигрываться видеозапись. Досмотрев до конца, Купер положил планшет обратно и вновь поднёс телефон к уху:

— Молодец, Симон, сохрани его. Оно должно остаться только у тебя, во всём остальном мире этой записи существовать не должно.

— Она и так уже не существует, без меня, отец. Её скрыли. Но я сумел достать. Я сохраню её. Скоро настанет время, и мы сочтёмся с ними за всё, что они сделали с тобой и отняли у тебя.

— Оно настанет, Симон, но ещё не скоро. Мы должны готовиться и ждать.

С этими словами Купер отнял телефон от уха, и тот включился. Никаких звонков в истории не сохранилось.

30 октября 2025 года

— Я больше в жизни не соглашусь поехать вместо тебя ни на какое интервью! — с негодованием едва ли не кричал Рэй, сидя в рабочем кабинете Сола, — я увидел то, после чего можно с лёгкостью свихнуться! Это было прямо как в фильмах ужасов!

— В фильмах всё развивается хотя бы по логике, а здесь? — развёл руками Сол, — расшибить голову об стену — какая в этом логика? Покончить жизнь самоубийством есть и множество других вариантов, менее болезненных, даже в таком месте, как тюрьма.

— Ты бы это видел, Сол, никогда бы в жизни не забыл.

Сол подумал о другом случае, который он помнил до сих пор и вряд ли когда-нибудь

забудет.

— У этого Шермана крыша поехала, расплющилась, в прямом смысле. Что может вынудить человека совершить такое? — Рэй нервно ерзал на стуле.

— Что-то связанное с Justice-Tech? Но это всё не имеет ни малейшего смысла.

В дверь кабинета Сола раздался стук.

— Входите, — ответил Кэмбел, бросив взгляд на Рэя, чтобы тот не вздумал продолжать их беседу при ком-бы то ни было.

На порог вошёл почтовый курьер. На вид он был то ли взволнованный, то ли озадаченный. В руках он держал небольшую коробку.

— Мистер Сол Кэмбел?

— Это я, что у вас?

— Мистер Кэмбел, произошла одна очень неприятная ошибка, — курьер не знал, какие слова подобрать, — у меня для вас посылка. Но, она не новая. Это случилось по нашей вине, и мы приносим вам свои глубочайшие извинения. Посылка была отправлена вам ещё пять лет назад. И так получилось... Такое очень редко случается, но она затерялась, и была найдена только сейчас. Она была адресована в издание «Bridget Times», но поскольку вы теперь тут работаете... Вот она, — курьер поставил на стол коробку и протянул Солу бумагу, — пожалуйста, распишитесь, и, если это возможно, не жалуйтесь моему начальству. Это вопиющий случай, но в нём нет моей вины, а если руководство узнает, то влетит всем нам.

Курьер смотрел на Сола просто-таки умоляющим взглядом.

— Не стану, — ответил Сол, ставя свою подпись, — спасибо.

— И вам огромное спасибо, мистер Кэмбел! — поблагодарив, курьер торопливо вышел.

Сол взял в руки коробку, она была лёгкой и компактной. Дата отправки: двадцатое мая две тысячи двадцать третьего года. Отправитель не указан. Получатель: Сол Кэмбел. У Сола ёкнуло сердце. Посылка была отправлена в день, который изменил очень многое в жизни Сола. В день, когда он, придя на обычное интервью, обнаружил тело мистера Лэндона Донована.

— Что такое? Что с твоим лицом? — спросил Рэй, заметив, как на глазах стал меняться Сол.

Тот ничего не ответил. Он взял в руки канцелярский нож и разрезал скотч, которым была замотана коробка. Открыл. На дне лежала флешка, а под ней три листа бумаги. Сол достал первый и понял, что это было письмо. Ровные печатные буквы. Написано от руки. С обеих сторон листка.

«Крис Терри — выдуманное имя, но я не мог сказать Вам своё настоящее, так как это может поставить нас обоих под удар, если Вас действительно подслушивают. Меня — за то, что я пошёл к Вам, а Вас — за то, что Вы могли от меня узнать.»

Я сотрудник Justice-Tech, и я отдал пятнадцать лет своей жизни этой корпорации. Я принимал участие в разработке роботов для правосудия, начиная с первых моделей, до сегодняшнего времени. Я программист и инженер.

Год назад в корпорации был создан новый отдел, все разработки и планы которого строго засекречены. Чем они занимаются неизвестно, это коммерческая, корпоративная и, быть может, даже государственная тайна. Но то, что это имеет связь с роботами, я Вам гарантирую.

Мой товарищ, Стив Макмаран, более талантливый и одарённый специалист, нежели

я, три месяца назад получил назначение в этот отдел. Он никогда не говорил, над чем ведётся работа, так как подписал бумаги о неразглашении, а сам всегда слыл человеком правильным и честным. Но две недели назад, поздно ночью он постучал в дверь моего дома. Здесь стоит отметить, что на протяжении пяти дней до этого он вёл себя очень странно, будто боялся чего-то, опасался и везде видел угрозу. Я замечал у него начальные признаки параноидального психоза. (Смею делать такие выводы, так как мои родители медики и я немного осведомлён в подобных вещах). Когда он вошёл ко мне домой, он был крайне возбужден, взволнован и встревожен. Даже более — он не был похож сам на себя. Он сказал, что увидел то, чего не должен был видеть, и не смог бы умолчать, даже если бы подписал договор о неразглашении не с корпорацией, а с самим Дьяволом. Извините за такие сравнения, но я стараюсь дословно передать слова моего товарища, чтобы вы попытались представить, какое состояние было у человека, который всегда был уравновешенным и спокойным, всегда избегал будь то алкоголя или наркотических веществ. Он говорил, что обязан рассказать мне всё и у него мало времени.

Justice-Tech создал робота идентичного с человеком. Но не в том понимании, к которому привыкли мы. Не только лишь в плане интеллекта, а буквально — человека-робота. Био-робота. Внешне его никак не отличить от нас, почти, как и внутренне. Он сделан из синтетической плоти, в ней течёт синтетическая эктоплазма, то бишь кровь. Он ест, пьёт, спит и справляет нужду. За основу его разума взят интеллект робота-юриста, но более совершенный, более новый, проработанный и улучшенный. Если робот позиционирует и осознает себя как робот, то новый образец — как человек.

Стив сказал, что корпорация желает внедрить их в общество для занятия высших постов. Они будут политиками, государственными служащими и управленцами. Генералами и сенаторами. Министрами и шефами полиции. Законодателями. Таким образом Justice-Tech будет программировать свои творения на написание любых законов, которые выгодны корпорации, а исполнение этих законов будет совершенно легально осуществлено их же творениями. А любое неподчинение, любой протест будет моментально пресекаться с виду людьми, а на деле — роботами. Они и сами не будут знать истинных мотивов своих действий, желаний и поступков. Они просто будут приходить им в голову. А посылаться — из Justice-Tech. Только представьте! Тогда Justice-Tech сможет провести любое, абсолютно любое решение, и без каких-либо проблем воплотить его в жизнь. Как сказал Стив, для полного контроля над обществом им нужно контролировать систему правосудия, силовых органов, СМИ и политики.

Я не знаю, каким образом будет это делаться — законным путем постепенно и открыто, или же заменой живых людей на их точные копии роботов. Но я знаю одно — тестирование работоспособности данной системы они планируют начать с вас. Я не имею в виду именно Вас, но говорю о всех людях-адвокатов. В их ближайших планах — добиться замещения последних людей в судах. Чтобы система правосудия целиком работала на них.

Первых био-роботов они желают ввести в Ассоциацию людей-адвокатов. Но поскольку законодательно количество мест в ней ограничено, им необходимо вывести из игры старых игроков. Я могу предположить, со слов Стива, что на многих членов Ассоциации в ближайшие время готовятся сфабрикованные уголовные дела, идеальные подставы, чтобы освободить места в Ассоциации и провести туда новых людей-адвокатов. Но только с виду людей.

Потому за Вами возможна слежка. Возможно, Вас прослушивают.

Что следует отметить — Стива я больше не видел. Он просто исчез, а его личное дело в базе данных корпорации теперь засекречено. Я надеялся, что он объявится. Прошла пара недель. Я беспокоюсь за его судьбу и склонен предполагать самые худшие варианты.

Мой номер телефона указан на втором листке. Это специально купленный номер, которого нет ни у кого. Позвоните мне, и мы встретимся. Но, ради безопасности, возьмите новый номер, вставьте его в новый телефон, с которого не звоните никому кроме меня.

P.S. Проверьте, нет ли в Вашем кабинете жучков. Иногда они оказываются в самых неожиданных местах».

Сол дочитал и с недоумением уставился на Рэя, который нетерпеливо ждал вердикта — что же там такое. Сол протянул ему письмо, а сам взял следующий лист, который оказался распечаткой письма с электронной почты с удалёнными адресатами.

«Твой Стив оказался довольно неуловимой личностью, но не настолько, чтобы я его не нашёл.

Полицейские сводки ничего толкового не выдали. Был один тип с такой фамилией, но совсем не тот, что нам нужен. К медикам никто подобный за последние недели так же не обращался. Более того, никто не заявлял о его исчезновении — у него нет ни родственников, ни друзей. Хотя насчёт последних не могу сказать точно. Трупна Макмарена ни в одном морге идентифицировано не было. Но я пошёл дальше, и пробил через закрытую базу данных судебных решений, хотя поначалу не видел в этом нужды. Ты удивишься, но тут я и откопал кое-что интересное. Почти две недели назад было закрытое судебное слушание по делу, касающегося корпорации Justice- Tech. Дело объявлено таким, что содержит информацию о коммерческой тайне, и Justice- Tech настояла, чтобы его засекретили. Корпорация была обвинителем. Подробностей дела нет, даже я не смог найти. Судебного решения тоже нет. Только упоминание о самом судебном процессе. И Всё. Больше я ничего не смог найти. Вот номер дела: 406-11338. Информацию о нём можно снять только с системы роботов-судей. Если у тебя нет среди них знакомых, более-менее вменяемого не слишком незаконного способа достать подробности я не знаю.»

Сол отложил лист в сторону и достал последний, на котором было написано корявым почерком лишь несколько предложений:

«Мистер Кэмбел, что бы вы себе не представляли после всего этого, вы не сможете увидеть и десятой части того, что есть на самом деле.»

— Что это такое? — тихо спросил Рэй, поднимая глаза с письма, и недоверчиво посмотрев на Сола.

— Я не знаю, — так же тихо ответил тот, — закрой, пожалуйста, дверь на замок.

Сол достал флешку и подсоединил к своему компьютеру. На ней было два файла. Одна видеозапись, второй — аудиозапись. Сол запустил видео, предварительно снизив громкость своих колонок. Это была запись десятилетней давности выпуска телешоу «В гостях. Дискуссия», длительностью полтора часа. Рэй в это время положил письмо и взял прочесть две другие записки из коробки.

Сол просматривал запись, а затем к нему свой стул подвинул и Рэй. Программа была выпущена в эфир, когда роботы только начали внедряться в систему правосудия и люди не знали, как к этому относиться, а потому каждый вечер собирались у экранов телевизоров, чтобы наблюдать ярые дискуссии сторонников роботов и их противников. На первый взгляд Сол не видел ничего такого, что могло привлечь его внимание, но затем речь взял Стив

Макмарен, который был одной из центральных фигур в загадочных записках, полученных спустя пять лет после отправления.

Когда запись окончилась, Сол с Рэйем недоуменно переглянулись, и тогда Кэмбел запустил второй файл с флешки.

Звуки улицы. Отдалённые голоса людей, вдалеке проезжали автомобили, шелестели деревья, пили птицы. Судя по всему, это был парк. Заговорил мужской голос:

«— Мистер Донован, вы не замечали чего-то странного? Будто одни и те же лица мелькают рядом целый день?»

— Это вопрос философского характера, или вы таким образом интересуетесь не замечал ли я слезки?

— Второе, разумеется.»

— Чёрт, — пробормотал себе под нос Сол.

«— Хотя вы пока что не верите моим словам, но я исхожу из того, что в частности вам и всему нашему обществу в целом грозят крайне опасные последствия. Я хочу попросить у вас несколько вещей, в ходе которых вы не только убедитесь во всем, что я говорил, но и которые помогут как вам, так и мне. Да и многим другим. Нужно передать всё, о чём я вам написал широкой огласке. Когда люди запротестуют, Justice- Tech уже не сможет с лёгкостью воплотить свои планы в жизнь. Даже если корпорация будет всё отрицать, и большинство им поверит, у некоторых это останется в памяти, и Justice- Tech как минимум отложит такие действия на кое-какое время. Люди должны знать, что роботы служат не людям, а тем, кто этих роботов программирует. Должны знать, что замышляется переворот всего. О том, что роботы вскоре могут ходить среди нас под видом обычных мужчин и женщин, работать рядом, воспитывать соседских детей, быть чьим-то мужем или женой, и повторюсь, с виду, абсолютно нормальными. Но когда придёт время, они начнут действовать согласно командам, исходящим от жаждущих власти, тех, кто стоит у руля Justice- Tech. И не Президент будет властью в стране, не правительство и не люди. А мега-корпорация Justice- Tech. Но поскольку в информацию в таком виде поверят лишь единицы, нам нужны доказательства.»

Сол слушал разговор двух людей, а перед глазами у него стояла картинка из прошлого. Кабинет Лэндона Донована, кровь на стене, револьвер в мёртвых руках.

— Сол, что всё это значит? — спросил Рэй, когда запись была проиграна до конца.

— Мне нужно подумать, — ответил Сол, выключив компьютер.

Он достал флешку, взял три письма из посылки и положил их себе в сумку. Коробку засунул под рабочий стол.

— Я уйду, Рэй, мне нужно время. Никому об этом не говори, я позвоню тебе.

— Хорошо, — растеряно проговорил тот.

История моей жизни не настолько увлекательна и интересна, как результаты, к которым она привела.

Всё могло случиться иначе. Она могла быть похожей на миллиарды других, ничем не выделяться из их массы, и утонуть в бескрайнем и постоянно разрастающемся океане истории человеческих жизней: скудных, унылых и беспросветных. Стать одной из бесчисленных прямых линий, стоящих между двумя датами: рождения и смерти, и ничего

кроме двух дат и линии между ими не означать, как у всех. Так могло произойти, если бы я с детства не осознал, что я лучше других. Сам я из того поколения, которое считало, что рождено для «чего-то большего». Каждый из нас был особенным. Но считать так и слепо в это верить — разные вещи.

Слепая вера способна изменять мир вокруг человека, но только при отсутствии у него хотя бы малейших сомнений. Тогда вера уже преобразуется в убежденность, та в уверенность, далее в намерение, а в конце — в чистое знание. Если человек убежден в своей правоте и в своей Цели, никто не способен оспорить его право идти к ней. Тогда намерение человека становится таким же непреложным законом для всего окружающего мира, как законы физики и природы, на которых мир зиждется, и намерение человека, так же, как и эти законы, ограничивает возможности мира, загоняет в рамки этого намерения, и уже весь мир сам по себе сопутствует его воплощению, потому что согласно новым образовавшимся законам мира иначе быть и не может.

С другими людьми я всегда был на расстоянии, но стоял я не в стороне, а выше их. К этому пониманию с самого детства меня привела и мать, надо отдать ей должное, а также её окружение. С юных лет мне твердили, что я родился гением, что другие мне не ровня. Может ли быть, что я, слушая их речи и сам убеждался в их правоте и становился тем, кем являюсь сейчас? На этот вопрос нет ответа. Всё в мире субъективно. Почему? Прошлое всегда субъективно, поскольку существует лишь в памяти людей, которые его хранят. Человек сам по себе субъективное существо, неспособное к объективному мышлению, как бы не старалось. Потому прошлое субъективно. Объективно ли будущее? Конечно же нет, будущее — неопределённо. А настоящее... Опять же, зависит от нашего к нему подхода — восприятия и оценки. Можно сделать вывод — в реальности нет места ничему объективному. Реальность в разной мере субъективна.

Что я хочу этим сказать? Явно не то, что вы хотите услышать. Я никогда не придерживался того, что принято. Никогда не делал того, что кто-то мог от меня ожидать.

Если плыть по течению, то остановиться будет гораздо сложнее, чем если бы вы плыли против него. Это осознание помогает начать. У тебя вроде бы всегда есть запасной план. Ты всегда можешь остановиться. А затем, когдаходишь во вкус, плывёшь против течения, желание остановиться отпадает, само-собой. Остановишься: и тебя откинет назад, ещё дальше того места, с которого ты начинал. И всё будет бессмысленно. Потому я никогда не останавливался. Даже зайдя слишком далеко, настолько, что и сам этого никогда не мог предположить — пути назад у меня уже не было.

Я всегда знал, что у меня есть Великая Цель, как бы это ни звучало — изменить Мир. А поскольку другие были рождены, чтобы жить в этом мире, а не менять его, у меня всегда было преимущество — я изначально был на несколько ступеней впереди и выше их.

Из дневника Стефана Серафима, стр. 1–3.

2018 год.

Диане казалось, будто Лэндон намерено ловит колёсами каждую яму на дороге, стараясь не пропустить ни одну. Весь их сегодняшний путь можно было охарактеризовать, как езду не по дороге, а через выбоины и колдобины. Лэндон со слепым фанатизмом испытателя раллийного автомобиля проверял насколько крепка подвеска их автомобиля, сколько ям нужно проехать, прежде чем отвалятся колёса, и машина закувыркается по дороге, оставляя за собой след из осколков стекла, пластика и металла, масла и конденсата, чтобы улететь в кювет. Но даже летя в кювет, переворачиваясь и высекая искры из-под асфальта, машина будет кувыркаться по ямам. Скорее всего в яме она и останется лежать, покорёженная до неузнаваемости. И помощь вовремя не успеет, поскольку никто кроме них здесь не ездил, кроме, разве что каких-то пьяных деревенских подонков, убивающих людей, и заметающих следы по подобным дорогам с подобными ямами. С такими мыслями Диана Донован сидела на переднем пассажирском сидении в новом форде, ведомым вперёд Лэндоном. По бокам сплошной полосой мелькали посаженные вдоль трассы деревья.

Словно в опровержение мыслей Диана, навстречу им пронёсся белый фургон с тонированными стёклами со скоростью ещё большей, нежели ехал Донован. Диана обернулась назад и несколько секунд провожала фургон взглядом. Затем вновь развернулась вперёд.

— Может ты будешь медленнее ехать? — осторожно спросила она.

— Ты же видишь какая дорога плохая, на такой скорости хоть ямы не чувствуются.

— Ну да, — пробормотала она, — совсем не заметны.

Лэндон покосился на жену, и несколько минут они ехали в полном молчании. В машине витало напряжение, преобразовывало воздух в плотную кисельную массу, которая била по ушам, заполняла нос и рот, и пеленой становилась перед глазами, отвлекая от дороги. Донован не выдержал и спросил:

— Диана, ну в чём дело?

— Почему нам не обратиться в другую клинику? Зачем мы едем в такую глушь именно к этому врачу, — после небольшой паузы ответила она, — никто из моих знакомых не слышал о нём.

— Не удивительно, он известен в более влиятельных кругах, чем твои знакомые, — съязвил Лэндон, — твои подруги никого и не знают, кроме как шарлатанов из телешоу для домохозяйек. Не напомним, чем там Кристэн лечила свой недуг? Компрессом каких трав? Если бы не её муж-раздолбай, который вовремя спохватился и настоял на операции, закопали бы уже твою подругу в землю. И не было бы у тебя подруги. И аудитория этих дебильных телепрограмм не досчиталась бы одного зрителя.

— Лэндон, прекрати, — оборвала его Диана, — ты перегибаешь.

Она постоянно его обрывала, потому что в своих умозаключениях Лэндон мог зайти слишком далеко. Он спросил:

— Ты думаешь я не волнуюсь?

— Не знаю, Лэндон.

— Ты думаешь, мне плевать на тебя?

— А разве нет? Каждый наш день словно издевательство над моей жизнью.

— О чём ты вообще говоришь? Господи, — Лэндон глубоко вздохнул и покачал головой.

Диана не ответила и отвернулась к окну. Деревья мелькали одно за другим, одинаково зелёные и одинаково невзрачные. За деревьями расстилались поля, но они не были засажены

культурами, а пустовали, и лишь высокая трава и бурьян возвращались на них. Поля уходили вдаль до самого горизонта, и никаких признаков человеческой активности наблюдать не приходилось.

Через время Лэндон притормозил. Они приблизились к перекрёстку, и машина свернула вправо, на грунтовую просёлочную дорогу. Лицо Дианы становилось всё мрачнее и мрачнее. Она заговорила вновь:

— У нас достаточно денег, чтобы обратиться в лучшую больницу в стране, а мы едем в деревню? Если этот врач так хорош, почему он практикует так далеко от цивилизации? Его приёмная хоть не в коровнике находится?

— Все гении имеют свои странности, — пожал плечами Донован, повернув руль в сторону, резко объехав особенно глубокую яму, — а кабинет, конечно же, на ферме, где пасутся быки и коровы, самое подходящее место для моей тёлочки, — Лэндон засмеялся.

— Ты идиот.

— Чертовски умный, да?

— Лэндон, я даже не ездила по таким дорогам ещё, даже не знала, что такие остались. Томас дал мне номер отличного доктора. Он уважаемый профессор, приём к нему расписан на месяцы вперёд, но, если мы позвоним, то он найдёт окно для меня. Томас договорится.

— Ты говорила с Томасом? Зачем?

— Ты стыдишься перед лучшим другом, что твоя жена больна?

— Диана, доверься мне. Перестань. Ты не безразлична мне, ты моя жена, мой выбор, и, если бы ты была мне безразлична, я получается, самому бы себе в душу плюнул.

— Конечно, это же для тебя самое страшное, когда кто-то задевает твоё самолюбие. А задеть его самому — это вообще для тебя кошмар, — Диана демонстративно закатила глаза, — может ты просто боишься признаться, что ошибся?

— Я никогда не ошибаюсь, Диана.

— Человек не ошибается до момента, пока он не ошибётся впервые. А знаешь, что для меня сейчас самое мерзкое? Пытаясь показать хоть какие-то подобию своих чувств ко мне, которых, разумеется, нет и подавно, ты всё равно говоришь о себе.

— Чего ты хочешь добиться? — раздражённо спросил Донован.

— Чтобы ты был честен хотя бы перед собой. И передо мной, раз ты говоришь, что я твой выбор. Так будь честен перед своим выбором, не то сам себе в душу наплюёшь, верно?

— Ты хочешь вытянуть из меня слова о том, что я тебя люблю?

— Ты никого кроме себя не любишь, Лэндон.

После её слов раздался хлопок, машина подпрыгнула, и Лэндон выругался вслух: громко и едко. Лэндон всегда ругался, когда хотел, не подбирая при жене выражений, она не возражала. Это её волновало в Лэндоне далеко не в первую очередь. Донован съехал на край дороги, остановился, открыл дверь и ступил наземь. Пробитое колесо стремительно теряло свою привычную форму, с громким свистом выплёвывая воздух из своих внутренностей.

— Может это знак того, что нам не стоит туда ехать? — спросила Диана, покидая машину вслед за мужем.

— Это знак того, что зря я надел эти туфли и новый костюм, — сказал Лэндон и достал из багажника домкрат.

13 сентября 2028 года

Прошло уже много лет с момента, когда Лэндон вёз Диану впервые по этой дороге. Её бывшего мужа уже несколько лет не было в живых, а на дороге лишь прибавилось ям. Диана продолжала исправно ездить в место, куда вела разбитая дорога, и сама не отдавала себе отчёт по какой же именно причине она это делает: потому что сюда привёз её Лэндон, или же потому что он был прав, привезя её сюда?

Диана Донован вела Кадиллак, мелкие камушки из-под колёс разлетались в стороны. Теперь ей было всё равно на ямы. Ей было уже на многие вещи всё равно, а жизнь её была не похожа на ту, много лет назад.

В машине сломался кондиционер, а починить его всё никак не доходили руки, потому в открытое окно потоками врвался жаркий июльский воздух.

Руки, сжимающие руль с двух сторон, загрубели, кожа уже не была так нежна, как раньше, а на ладонях прибавилось мозолей.

Дверь палаты открылась. Вышел высокий широкоплечий мужчина. Он был худой. Двигался с лёгкостью, присущей молодости, хотя волосы его поседели настолько давно, что иногда ему казалось, что он родился седым, а никто из его коллег и не помнил его другим. Морщины на лице были везде, даже в местах, где они обычно не имеют свойства появляться. Куда бы он ни смотрел, глаза его заполняли пространство волнами прозорливости, мудрости и пониманием жизни, такой, какой её видел в своей сути лишь Христос. Каждый шаг был уверенным и полным гордости, и можно было сравнить его с шагом альпиниста, который ступал на только что покорённую новую вершину, что не было для него особых случаев, ведь до этого он покорил практически все вершины из существующих. От него веяло могильным спокойствием, как из древнего склепа, покой которого не способен нарушить уже никто. В нём чувствовалась сила, и казалось, что он способен гнуть металл лишь одним своим желанием и незначительным усилием воли.

В конце коридора был кабинет. Надпись на стене возле двери гласила, что он принадлежит доктору Амарию Даунингу. Именно к этой двери и подошёл мужчина, провёл пластиковой картой по магнитному замку и вошёл внутрь. Дверь за собой закрыл. Он провёл там некоторое время до момента, пока в дверь не постучали. Мужчина ответил не сразу, не потому что был занят, а занят он был всегда и это не являлось причиной, по которой он мог отказать в визите, он просто потянул время, потому что делал так всегда. И человек за той стороной двери терпеливо ждал, не повторяя стук. Затем мужчина властным голосом позволил войти, словно это был жест милосердия и его доброй воли. На пороге стояла Мэг. Она была доктором, но никто к ней так не обращался, а называли её просто по имени — Мэг.

— Доктор Даунинг, — она же, наоборот, ко всем обращалась максимально правильно, и официально, — только что прибыл мальчик.

— Хорошо, я иду, — ответил он, но никуда в данный момент он не торопился идти, не подсказывал со своего места, а наоборот, он не шелохнулся и даже не поднял своих глаз, а потому Мэг тихо закрыла дверь и осталась с той её стороны.

Прошло несколько минут, и доктор Амарий Даунинг вышел из своего кабинета. Он пошёл по длинным коридорам, мимо множества палат и других помещений, мимо многих докторов и других людей. Все учтиво приостанавливались и здоровались с ним, а он ни на кого не обращал внимание. Впрочем, в этом не было ничего необычного, и если бы он ответил кому-нибудь на приветствие, то, должно быть, ввёл бы того человека в ступор и

замешательство.

В дальнем конце больницы находился служебный лифт. Когда кто-то заходил в него, то мог увидеть всего одну кнопку, отправляющую лифт в подвальные помещения. Далее под кнопкой располагалась небольшая панель с замочной скважиной. Доктор Амарий Даунинг вынул ключ из подгрудного кармана и провернул им в замке. Ничего не открылось, но лифт двинулся с места. Судя по ощущениям, он ехал вниз, и так оно и было. И судя по тем же ощущениям, он ехал вниз дольше, чем полагалось ехать к подвальным помещениям. И вновь так оно и было.

Лифт остановился, створки разошлись в стороны, и доктор Амарий Даунинг вышел в залитый ярчайшим светом настенных ламп коридор. Пол из роскошной белой плитки и такие же стены, из той же плитки, тоже роскошные. Коридор был длинным и пересекался с многими другими коридорами. Везде были двери, но по табличкам было сложно разобрать, что же скрывалось за этими дверьми, потому что надписи на табличках состояли из аббревиатур, символов и цифр. Но, видимо, для множества людей, стремительно сновавших вокруг, эти надписи были понятны, потому что все эти люди в белых халатах не чувствовали дискомфорта или смутения от взглядов на таблички, а в основном они даже не смотрели, просто открывали нужные им двери, заходили внутрь, а двери за ними закрывались.

Доктор Амарий Даунинг неспешно двинулся вперёд. Спустя мгновение с ним поравнялся низкий коренастый мужчина, не говоря ни слова, протянув планшет с бумагами. Доктор Амарий Даунинг взял планшет и начал изучать на ходу, переворачивая страницу за страницей. После третьей он сделал замечание вслух:

— Его доставили из другого места.

— Это нужный нам мальчик, расхождение обусловлено ошибкой в приюте, его должны были отправить в Больницу Святого Доминика, а отправили в Окружной госпиталь. Этим и объясняется такая заминка во времени.

— Объясняется? Или ты пытаешься объяснить? Чувствуешь разницу?

— Доктор, так оно и есть, это правда.

— Тогда почему в приюте допустили ошибку? — доктор Амарий Даунинг впервые посмотрел на собеседника, скорее даже мельком бросил взгляд, на долю секунды, но этого хватило, чтобы того прошибло потом.

— Доктор Даунинг, мы занимаемся этой проблемой, в будущем мы обеспечим, чтобы подобных недочётов не происходило.

— Разумеется, — доктор Даунинг отдал планшет обратно и остановился у двери, табличка возле которого гласила «FRD — 25», но перед тем, как зайти, добавил, — вот только проблему нужно устранять, а не заниматься ею.

Внутри на широкой больничной койке лежал мальчишка лет восьми. Из-под простыней выглядывали маленькие острые худые плечики. У мальчика был болезненный вид. Он с испугом вперемешку с детским любопытством посмотрел на вошедших.

— Здравствуй, Ричард, — доктор Амарий Даунинг улыбнулся, но улыбка его вселила в мальчика ужас, и тот не ответил ничего, — ты как себя чувствуешь?

Ричард вновь не ответил, лишь смотрел на доктора, но через несколько секунд пожал плечами.

— Не знаешь? А я знаю. Не очень, и это, конечно же, плохо. Но не переживай, ты в надёжных руках. Вскоре боль перестанет тебя беспокоить. Я лично за тобой присмотрю, мальчик, тебе ни о чём не стоит беспокоиться, скоро забудешь о том, что тебя тревожит,

можешь мне поверить, — договорив, доктор Амарий Даунинг развернулся и вышел из палаты.

Следующее помещение, в которое он вошёл не было похоже на предыдущее, в нём располагался огромных размеров круглый стол, за которым сидели мужчины и женщины в белых халатах, все до единого они перебирали какие-то бумаги и делали в них пометки карандашами. При появлении доктора Даунинга они разом поднялись на ноги.

— Садитесь, — из уст доктора это прозвучало подобно приказу, — мы выбиваемся из графика, и вина лежит на всех вас. Потому будем работать две смены. Если подобные оплошности повторятся, я подберу новых докторов, и они уже будут работать над вами. Все это поняли?

Опущенные взгляды были ему ответом. Но каждый выдавил неразборчивое «Да». Доктор Даунинг продолжил:

— Поскольку у нас нет времени, работу начнём сразу с фазы номер два. Я ознакомился с характеристиками мальчика, именно из-за них мы и ждали его так долго, а не брали кого-то другого. Подготовленное вещество может потерять свои свойства, если мы не приступим к работе сейчас же. И мальчик в этом идеально подходит.

— Доктор Даунинг, мы всё равно должны дать мальчику время на апробацию, — развела руками пожилая женщина.

— Если бы можно было взять время у вас, из вашей жизни, и передать его мальчику, чтобы у него было время на апробацию, я бы так и сделал. Но пока что мы далеки от таких манипуляций с человеческой природой и сутью вещей. Потому у вас будет возможность провести ещё одно открытие — реакция организма на вещество без периода апробации.

— Но, если мы потерпим неудачу? — тихо спросила женщина.

— Тогда вина в этом будет лежать на вас. Персонально. Целиком.

— Доктор, простите, если организм отвергнет вещество, мы потеряем драгоценный материал, — заметил молодой парень, один глаз которого перекрывала чёрная повязка.

— Вы о мальчике или о веществе? — спросил мужчина, с лица которого никогда не сходила наглая ухмылка, и который позволял себе немного больше остальных, потому что знал, что является очень ценным сотрудником, насколько сотрудник мог вообще быть ценным для доктора Амария Даунинга.

— Мне кажется, или я уже всё сказал? — доктор Даунинг поднял указательный палец вверх, — да? Верно. Тогда почему вы ещё что-то обсуждаете, и я слышу какие-то слова из ваших уст, которых быть уже не должно? Начинайте прямо сейчас же, — доктор Даунинг обвёл всех быстрым взглядом и развернулся к выходу.

— Вы не останетесь с нами, доктор?

— Я буду позже, у меня один важный пациент, — ответил доктор, не оборачиваясь.

Диана Донован сидела в приёмной, бездумно водя носком правой туфли по кругу, повторяя контуры узора на плитке, из которой был выложен пол. Сегодня она приехала без записи, хотя обычно так не делала.

— Диана, дорогая, — доктор Амарий Даунинг вошёл в приёмную и тепло улыбнулся женщине, протягивая руку для приветствия.

— Доктор Даунинг, добрый день, извините, я не слишком вас отвлекла сегодня? — спросила Диана, встав, и сделав шаг навстречу доктору.

— Ну что вы, Диана, вы никогда меня не отвлекаете, заходите, пожалуйста, — он открыл дверь в свой кабинет и пропустил её вперёд, — я рад вас видеть.

Томас Томпсон

2 ноября 2025 года

— Мистер Томпсон, желаете ещё чего-нибудь? — спросил у меня официант, забирая пустую тарелку из-под пирожного, на которой остались от него теперь одни только грязные разводы, и мелкие крошки.

— Спасибо, — ответил я, отрицательно поведя рукой.

Было воскресенье, мой единственный выходной день. По крайней мере на работе. Утро. Я курил и пил кофе, читая газету. Я сидел за столиком на улице, и несмотря на выходной и ранний час, людей было много, некоторые завтракали, некоторые пили кофе, а другие выходили из здания кофейни и шли мимо столиков, взяв кофе на вынос.

Сигарета затрещала. Видно не самый качественный табак попался. Может и вовсе не лист табака, а жилка с листа. И хотя табачные компании в погоне за прибылью давно уже в несоизмеримо плохих пропорциях размещивали листы табака с жилками от листов, в этой сигарете попало особенно что-то негодное: издав громкий треск, она едва не разразившись пламенем с тлеющего конца. И всё бы ничего, бывает, но конец сигареты выплюнул горящую частицу, которая тут же упала на мою белоснежную рубашку, и не как искра, в полёте превращающаяся в пепел. Нет, она упала и со злорадством, присущим вещам или событиям, случающимся в жизни, прожгла на левой стороне рубашки у живота, справа от пуговицы, немалую дыру. Мой мозг уже на секунду представил острую, но незначительную боль от сигаретной искры, когда она прикоснётся тела, обжигая ласково, как прикосновение женщины, и я неосознанно дёрнулся, за мгновение до боли, которая незамедлительно последовала за искрой. Плеск кофе и звон чашки, зацепленной моей рукой ознаменовал ещё и неспешно расплывающееся пятно на моём новом дорогом костюме, который я надел лишь в третий раз. Люди с соседних столиков дружно обернулись на меня, чем привели в ещё большее раздражение.

Брызги кофе попали и на газету, на первой полосе которой была фотография тучного и жирного лица экс-главы Ассоциации людей-адвокатов, Скотта Шермана, ныне покойного, умертвившего себя лично ударами головой об стену. Иронично. Официанту следовало метнуться к моему столику как молнии, но, видимо, он не заметил моего происшествия, потому что с подносом скрылся внутри за несколько мгновений до этого.

И тут я почувствовал на себе этот взгляд. Его я мог узнать всегда и везде, хоть уже давно и не ощущал. Я повернулся в сторону входа в кофейню, откуда вышла она. Диана Донован. Она смотрела на меня, и замерла в замешательстве, не зная, как поступить. Поняв, что я заметил её, она ещё несколько секунд стояла на том же месте, но в итоге приняла решение, и медленно пошла в мою сторону. Я не кивал ей, и она не махала мне рукой. Подойдя к моему столику, она сказала:

— Привет, Томас.

Я отодвинул стул и привстал, отдавая дань манерам приличия, при которых любой, кто желает называть себя мужчиной, должен был отодвигать стул и привставать при появлении дамы. Особенно *такой* дамы.

— Здравствуй, Диана, — тихо ответил я.

Она вопросительно посмотрела на стул напротив меня, и я указал на него рукой. Тоже дань приличиям. Бывает, наступает момент, когда два человека вынуждены отдавать дань приличиям.

Мы одновременно сели. Диана окинула мимолётным взглядом дыру в моей рубашке, пятно на моём пиджаке. В руках у неё был бумажный стаканчик со средним латтэ. Она поставила его на стол, протянула руку к салфетнице, достала несколько штук и не слишком спешными движениями протёрла мою сторону столика. Бумага впитала в себя пролитый мною кофе, а поверхность стола осталась влажной.

Нечасто бывали ситуации, когда я не знал, что сказать или как начать разговор. Немного было на свете людей, с которыми у меня происходили такие ситуации. И ещё реже, происходили встречи с подобными людьми.

— Не ожидал тебя здесь увидеть, — сказал я.

— Да? Я тоже.

Пауза на несколько секунд.

— Ты ведь в пригороде живешь, — спросил я, — или перебралась обратно в город?

— Нет, — она поджала свои губы, которые были спелые как первые ягоды клубники в году, которые только что созрели, — у меня сегодня кое-какие дела в городе, потому приехала, а вообще не часто сюда выбираюсь.

— А я нечасто выбираюсь в пригород, — сказал я, и мой ответ тут же показался мне дурацким и неуместным.

— Конечно, зачем тебе это? — Диана улыбнулась, и мне показалось, что мир на миг стал теплее, — ты Глава Ассоциации, город, как и всегда — это твоя стихия.

— Ты живёшь одна?

— Одна.

— Справляешься?

— Приходится.

— Ты очень хорошо выглядишь.

— Ты тоже, — она усмехнулась и кивнула на мою рубашку, мой пиджак.

— Мы давно не виделись.

— Да, — согласилась она, — с того дня.

Да, мы не виделись с того дня, когда на свежей земле возвышался камень, на котором было высечено «Лэндон Донован», а мой костюм был чёрным, как смола.

— Как твоё здоровье? — спросил я.

— Всё хорошо, спасибо, Томас. Тебе нравится твой новый этап в жизни?

— Да. Наверное, нравится.

— А твой тщеславный блеск в глазах горит так же ярко, как и раньше. Этим вы и были схожи с Лэндоном. И многим другим.

Я не нашёлся что ответить, повисла пауза. Я смотрел на неё, а она смотрела на свой бумажный стаканчик с латтэ, водя по нему пальцами, словно в этом заключался высший смысл. Молчание наше сейчас было неловким, и оба это прекрасно осознавали. Я понимал, что наш разговор в любой его вариации уходил бы в тупик, и изменить это было нельзя. Я понимал, что сейчас наступит момент, она возьмет свой стаканчик с латтэ, встанет и уйдёт, и другого быть не могло, но я хотел оттянуть это насколько возможно. Я не знал, что сказать. И всегда в таких случаях я не говорил ничего, и это всегда было самым умным

решением. Но если сейчас помолчать ещё немного, она встанет и уйдёт.

— В вашем пригороде скоро появятся роботы-полицейские, — улыбнулся я.

— Ну, — протянула она, — твоими стараниями.

— Тебе они, роботы, не по душе?

— Ты знаешь, я нейтральна к роботам. А ты их всегда любил.

И только я хотел возразить, она тут же себя исправила:

— Уважал, если быть точнее. Восхищался?

— Точно, — я улыбнулся.

Она в ответ не улыбнулась. Лишь посмотрела на меня долгим пристальным взглядом, который я никогда не мог разгадать.

— Когда тебя ранили, я хотела позвонить. Но у меня нет твоего номера.

— Я тебе его дам, — с энтузиазмом сказал я, но она пресекла меня:

— Не нужно, Томас.

И мы опять сидели в молчании. И вновь смыслом мироздания для неё было водить пальцами по стаканчику с кофе из которого она ещё ни разу не отпила.

— Всё могло сложиться иначе, — с горечью в голосе проговорил я эти слова, как какое-то заклинание, после которого всё могло измениться и действительно сложиться иначе. Но я не был колдуном, а слова не были заклинанием, а лишь отголоском чего-то дремлющего во мне, со времён сотворения мира, и внезапно пробудившегося, но не до конца — как спящий вулкан, выплюнув облако пара, но не извергнувшись потоками лавы.

Диана вновь посмотрела на меня, грустно улыбнулась и ответила, вставая со своего места:

— Вряд ли, мистер Томпсон.

Я отодвинул свой стул и привстал. Несколько секунд мы стояли молча друг напротив друга, смотрели в глаза, и она вновь улыбнулась мне:

— Пока, Томас.

— Пока, Диана.

Она поправила сумку на плече и пошла, ни разу не обернувшись, а я ещё стоял какое-то время и смотрел ей вслед. И рокочущая волна воспоминаний накатила на меня, сбивая с ног, а я словно в этот момент не умел плавать, и вода окружила меня, и я захотел выплыть, подняться на поверхность, вынырнуть, но я шёл ко дну, а вверх поднимались только пузырьки воздуха с моего рта, который заполняла вода. И я захлёбывался.

Это было очень давно. Мои костюмы тогда были дороже, чем сейчас, а блеск в глазах был более тщеславным. Я сидел на диване, мягком, как спелая грудь у молодой, только повзрослевшей женщины. Пил виски, старее чем был сам, и был окружен девушками одинаково прекрасными и, как на подбор пустыми. Они смеялись надо всем, что я говорил, и мне не приходилось ухищряться над своими шутками. Я мог сказать им, что они все ничего не значат, что они лишь обёртки, под которыми я не обнаружу конфет, которые я примну этой ночью и они будут помяты, и они бы смеялись над этим, потому что это говорил я, а возле меня сидели они, и так всё должно было быть, и никак иначе. Яркие огни прожекторов время от времени разрезали синеватую темноту, как канцелярский нож бумагу, в которой мы существовали в тот момент, а звуки громкой музыки заглушали голоса, и лишь звон их смеха доносился до меня. Я пил виски, тискал девушку справа, улыбался девушке слева, раздевал взглядом девушку, которая была за той, что справа, и подмигивал девушке, что сидела за той, что слева. Их было четверо, хотя я до конца не уверен, возможно больше, это не так уж и

важно. Они держали в руках бокалы с коктейлями, наклонялись вперёд и слегка касаясь губами трубочек, делали плоток, смотря на меня. Я смотрел на них в ответ и усмехался, чувствуя свою власть над ними, свою силу, своё превосходство.

Чем я тогда был занят? Какая фраза будет более уместной? Пожинал плоды своего успеха или же прожигал плоды своего успеха? В любом случае я сидел там и делал то, что делал благодаря своему успеху. Нашему. Вот и он, соучредитель нашего успеха, шёл к нам. В синеватой темноте я узнал его фигуру, его походку. Он разбавит нашу компанию. И я поделюсь с ним девушками. Всё равно какими, они одинаково хороши и одинаково унылы. Луч света на мгновение озарил его, а вместе с ним и ту, что была рядом. На мгновение я увидел её продолговатое лицо прямоугольной формы, высокий лоб, длинные чёрные и густые волосы, спадающие на плечи, острый, слегка выпирающий подбородок, а над ним небольшие губы, но пухлые и наливные, как сочные божественные ягоды из сада Эдема, её нос, прямой как слово Господа, и правильный, как геометрические фигуры, большие глаза, как два кристальных озера, не замерзающих зимой, когда ничто не способно нарушить царящую гладь в их воде, и брови — чёрные и волнистые, как мазки масляных красок на холсте художника-виртуоза. Платье, в котором она была, спускалось по её фигуре, не пропуская ни одного изгиба её гибкого тела. Глубокое декольте, из которого вздымались два полушария: упругих и созревших. Я смотрел на неё, на миг освещённой светом, и вот уже она была рядом, под руку с Лэндоном, который улыбался мне своей ослепительной улыбкой и что-то говорил, а я смотрел на неё и ничего не слышал. Затем, придя в себя, я выпустил из своих рук девушек, пустых как коробки из-под бытовой техники, встал и поздоровался с другом.

— Томас, это Диана. Диана — Томас, — сказал Лэндон, наклонившись, перекрикивая шум музыки.

Она улыбнулась и в её улыбке сверкнуло Солнце, которое было так близко ко мне, глупцу, который подобно Икару, забыв наставления, взлетел к нему слишком высоко, и оно обожгло мои крылья, растопило воск, в них, и я рухнул камнем в Икарийское море. Но это случилось со мной позже, а тогда в её улыбке сверкнуло Солнце. Или же Солнце померкло и погасло после её улыбки. Она протянула мне руку, я взял её. Пальцы мои ощутили нежную кожу. Я держал её руку, как держал, должно быть, первый человек в мире, изобрётший бархат и прикоснувшись к нему, до этого чувствуя в своих огрубевших руках лишь камни, мотыгу и голую землю.

Мы сидели на диванах, говорили, но я не помню, о чём. А когда говорила она, я тем более не помню, о чём, потому что слушал не слова, а её голос, слегка резковатый, гортанный, женственный и томный. Схожие ощущения, должно быть испытывал глухой, после Чуда, когда к нему вернулся слух и он слушал как звучит мир вокруг него, в котором он прожил всю жизнь, но не знал, что со звуками она может быть настолько красочной, яркой, разнообразной — эта его жизнь.

В ту ночь Лэндон и Диана встали, попрощались и ушли раньше меня. Я ушёл позже, а с мной ушли и четыре пустых девушки, а может их было больше, я не помню. И ночью, как бы они не старались, их пустота точно не смогла заполнить образовавшееся во мне пространство величиною с ночное небо, на котором не горели звёзды, и казалось, что его темнота и чернота бесконечна и бескрайня.

— Ну как она? — спросил я у Лэндона наутро, безупречно изобразив ухмылку, хотя ухмыляться мне хотелось меньше всего.

— Пока неприступна, — ухмыльнулся он в ответ.

Мужчины гордятся, когда им удаётся добиться неприступных девушек. Но если эту девушку всё же удалось добиться, разве она и в самом деле неприступна? Неприступные девушки — те, кого не удалось добиться никому. Но в этом нет ничего хорошего ни для девушки, ни для тех парней, кто пытался. Хотя больше всё же для девушки. Так я думал раньше. И мне захотелось, чтобы Диана оказалась неприступной.

Мы сидели в конференц-зале на верхнем этаже нашего с ним офиса, одной из наиболее успешных юридических компаний города и готовились к предстоящим переговорам.

— Но ты же знаешь, — пожал плечами Лэндон, — нет девушки, которой я бы не смог добиться, если захочу.

Я знал. И он знал, что в этом мы с ним схожи.

— Я познакомился с ней на прошлой неделе, это уже третье свидание, представляешь? И я провожаю её домой, но лишь до дверей. Давно у меня уже не было такого длительного периода ухаживаний. А ты как вчера? Как твои?

— Да, как всегда.

И шли дни, недели, мы работали, развлекались, и всё чаще Лэндон появлялся с Дианой. Я помню день, когда он её добился. Вернее, помню утро, следующего дня. Помню, как у меня внутри что-то согнулось, затрещало и зазвенело, как металлическая струна. Но не сломалось, но и не встало на место, а так и осталось в непонятном искорёженном состоянии, подвешенном и болезненном.

А потом они поженились. Это было спустя пару лет, перед этим они съехались. И я был частым гостем у них дома. И видел, как она смотрит на него. Я никогда не видел, чтобы женщина так смотрела на мужчину. А может и видел, но не замечал, потому что мне никогда не было до этого дела. А теперь вдруг заметил. Замечала и она. Мой взгляд. И они поженились. Я был на их свадьбе, я пил за них, и произносил тосты в их честь.

А затем прошли годы и была ночь, а за ней наступило утро.

В тот день было яркое солнце, которое не пыталась прикрыть ни одна туча. Который был час? Не знаю точно, но было позднее утро. Я проснулся раньше её, может на пятнадцать минут, а может и тридцать, это было не важно. Важно было то, что после ночи, во мраке и тишине которой растворялись все мысли, которые должны приходить в голову любому трезвомыслящему и умному человеку, и оставалась темнота, в которой едва различались контуры двух тел, всеми силами стремящихся стать одним, и оставалась тишина, нарушаемая частым и громким дыханием, стонами и чем-то неразборчивым, но очень важным, что два существа пытались донести друг до друга, захлебываясь чувствами, эмоциями и не переборным влечением друг к другу. Так вот, важно было то, что время не стояло на месте, и ночь, как и всегда, неумолимо, то быстрее, то медленнее, превращалась в утро, а утром темнота рассеивалась и мысли возвращались, стуча в вашу дверь. Немного неловко им было от того, что приходилось прерывать вас от на время воцарившегося спокойствия, в котором было ничто и ничего, но тем не менее, они с твердостью, присущей кулаку, сотрясающему стол в порыве гнева, не дожидаясь вашего ответа, заходили внутрь и вновь ваша голова была полна мыслей, которые на фоне недавнего спокойствия, необоснованного, но прекрасного, были не самыми желанными гостями.

И время теперь тянулось очень долго, и в этой медлительности и была его быстрота, как когда вы берёте канцелярскую резинку и тянете её до тех пор, пока она не рвётся. Вы наблюдаете как она растягивается, как в её строении появляются белые жилки, и чувствуя

каждое мгновение, тянете дальше, и на ваших глазах, натянутая как струна канцелярская резинка растягивается. Если остановиться сейчас, она не порвётся, но будет безнадежно испорчена, и никогда уже не примет свою первоначальную форму, потому что был момент, когда вы потянули её слишком сильно. Но вы и не останавливаетесь, а тянете, тянете и вот в месте, где её цвет изменился, побелел, начинают появляться микро разрывы, вы может и не заметите их сразу, но, чувствуете это, потому что хоть она и тянется, но вы то понимаете, что точка невозврата пройдена, и вот вы уже в мыслях слышите этот звук и мозг ваш уже прочувствовал, как концы резинки, оторвавшись друг от друга, хлётко бьют вас по пальцам, а когда это действительно происходит, несколько мгновений спустя, и канцелярская резинка рвётся, этот миг всё равно для вас наступает неожиданно, хотя вы шли к нему с самого начала. И много ли времени прошло с самого начала? Да нет, но каждый миг вы ощутили. И я лежал тогда и ощущал каждый миг.

Я не могу сказать точно, когда она проснулась. Скорее всего раньше, чем я заметил это, но не подала виду, оставшись так же лежать на боку, спиной ко мне, но открыв глаза, и не знаю какой был её взгляд, но могу догадываться.

Она знала, что я уже не сплю, а когда я понял, что и она проснулась, мы так и остались лежать, оба зная, и оба понимая. Потом я повернул голову. Её волосы были раскиданы по подушке небрежно, словно специально, потому что в этой небрежности и заключалась вся красота. Солнце не падало на подушку, не переливалось в её волосах. Но они блестели, их природный блеск в чёрных локонах ослеплял меня, и я был как слепой котёнок. Её тело, прикрытое простынями, вздымалось в такт дыханию. Её оголённое плечо вызывало у меня бурю эмоций, в которой перемешивались нежность, трепетность, злость и ярость. Она не могла принадлежать мне. Тогда лучше бы она не могла принадлежать никому. Но, тем не менее, она принадлежала.

После ночи с ней, столь давно желанной, стало ли мне легче? Вряд ли.

«Диана», — произнёс я мысленно, и она не обернулась.

Но она обернулась потом, позже. Вначале я провёл своей рукой по её острому и женственному плечу. Провёл осторожно, настолько, что сам не мог разобрать касаюсь ли я её или всё же нет. Провёл до шеи, до изгиба её шеи, а затем пальцы мои ощутили её волосы, и я медленно зарылся своей рукой в них. Но она повернулась не тогда. Я ощущал тепло, исходящее от неё. Повернулась она, когда я убрал руку.

Она посмотрела в мои глаза, а я исчез, заглянув в её. Она моргнула, словно пыталась скинуть то наваждение, что оказывал на меня её взгляд, но у неё ничего не получилось. Я смотрел в её глаза и теперь не могу даже сказать какого они у неё цвета. Я каждый раз пытался вспомнить цвет её глаз, каждый раз давал себя указание посмотреть и понять, но каждый раз, когда я в них заглядывал, я забывал об это, и я не мог понять какой же у них цвет. Потому что, смотря в них, я видел нечто такое, отчего человек забывает обо всём на свете, забывает о самом свете, о себе и забывает о глазах.

— Диана... — проговорил я.

— Томас, — прервала меня она.

И мы вновь лежали в тишине, которую не нарушал ни один звук. А потом я ушёл. И мы не сказали ни слова.

Между днём, когда Диана и Лэндон сыграли свадьбу и днём, который был после, когда мы лежали с ней в постели, прошло много лет. Много событий произошло как в их жизни. так и в моей, многое изменилось, но её взгляд на Лэндона оставался таким же. Как и мой на

неё. Но когда она не смотрела на Лэндона, можно было заметить, что взгляд её потускнел за эти годы, загрубел и стал более жёстким, с отблеском металлического звона. Потому что эти годы не дали ей то, чего она ожидала. Не дали ни годы, ни Лэндон. Она не стала для него той, которой должна была стать. Она было его женой, но для него она была женой, как и для миллионов мужчин женщины были жёнами по всему миру. Она думала, что станет для него той, кем была Пенелопа для Одиссея. Но даже так, её любви хватало на обоих. Ей так казалось.

Но Лэндон не мог дать ей то, чего она желала. И она старалась взять это сама. Но нельзя взять то, чего нет. Она жила, с каждым годом чувствуя нарастающую боль. Она жалела, что любит его, и спустя годы, хотела разлюбить. Она начинала ненавидеть его. Но не могла с собой ничего поделать. А пыталась. В тот день, когда я ушёл от неё, и мы не сказали ни слова. Она пыталась. Но безуспешно. И вновь она смотрела на него взглядом, толику от которого я желал получить от неё всей душой.

Зачем он женился на ней? Эта мысль всегда не давала мне покоя. И как человек, существо крайне эгоцентричное, я в своих мыслях доходил до абсурда, что это было для того, чтобы показать своё превосходство надо мной. Лэндон был проницателен и не мог не замечать моего взгляда в сторону Дианы, хотя я, будучи человеком, владеющим собой, всегда тщательно скрывал этот взгляд.

Зачем он женился на ней? Если не любил? Если не мог ответить ей и десятой частью её чувств? Он не стал семьянином. И я знал о его забавах. И не говорил ей даже не потому что Лэндон был моим другом, а потому что не хотел, чтобы эта женщина чувствовала боль. А она её чувствовала и без всякого знания. А когда она узнала, мы лежали с ней тем утром, и я ушёл, и мы не обменялись ни словом. Но потом она всё равно пришла к нему, и вновь в её взгляде была настолько большая и чистая любовь, которая не снилась ни Гомеру, ни Шекспиру в их самых чувственных произведениях.

Я желал её всем своим яством, и желание это было настолько велико, что пожирало меня и затягивало в свои тёмные пучины, а тёмные пучины это были глубинами меня, в которые я обычно предпочитал не заглядывать, боясь разглядеть то, что жило на самом дне. Но меня затягивало, мешало думать, мешало делать, мешало жить. Или наоборот, помогало, поддерживало во мне жажду. И я получил то, что я хотел. Я получил то, чего долго желал. Иногда бывает от того, что ждёшь слишком долго, ожидание выходит слаще того, что ты в итоге получаешь. Но у меня было не так. Я получил то, что даже не мог ожидать. Но мне стало только труднее. Я любил её. Но после того, как она отдалась мне, я Полюбил её. И теперь я жалел о том, что произошло. Лучше бы я жил в неведении, лучше бы я не знал.

Мне следовало сказать спасибо, что я прикоснулся к тому, что неуловимо убегает от многих всю жизнь. Но лучше бы я не знал. Лучше бы я не прикасался. Это знание теперь стало гнойной язвой на моём теле, в которой копошились черви, и которая не давала забыть о себе ни на секунду. Шли годы, и количество червей всё увеличивалось и росло. Как я говорил, многое менялось, а многое оставалось неизменным. А потом менялось и это.

Говорят, что жизнь состоит из взлётов и падений. Я так не думаю. Жизнь — это череда взлётов и посадок, для дозаправки, чтобы вновь полететь дальше. Ведь падение — это фиаско, конец, завершение истории. Если вы летите, по-настоящему летите, от падения вас расшибёт ко всем чертям. Ведь упав даже с высоты двух метров можно уже не встать, и сила воли не поможет, если ноги переломаны, а человека парализовало. Потому падение — это уже конец жизни. Хотя можно говорить более романтично — конец жизни, это когда ты

летишь и растворяешься в небе. Ни хрена. Ничто не исчезает просто так, ничто никуда не девается. Всё в итоге рухнет вниз, мёртвым камнем. А у кого жизнь из взлётов и падений, хочу их разочаровать. Это не взлёты, это просто прыжки. Подпрыгнул — приземлился, подпрыгнул — приземлился. А моя была из взлётов и посадок. Когда я чувствовал, что дальше лететь не могу, я всегда совершал посадку, набирался сил, заправлялся и взлетал дальше. Так вот, тогда мне показалось, что я упал.

Что такое одиночество? Это первозданное истинное состояние человека, из которого его вырывает общество, и в которое он временами возвращается, а затем и вовсе растворяется в нём после конца. Почему человек боится одиночества? А боится ли? Всегда он чувствует к нему тягу, и возможно, боится не самого одиночества, а тяги к нему, хотя я могу и ошибаться. Но в любом случае, чего-то человек связанного с одиночеством да боится, а боится, потому что в одиночестве человек раскрывает свою истинную натуру. Не каждый пожелает, не опуская своих глаз, посмотреть на самого себя. Вот и я смотрел. И видел себя разного.

Вся моя уверенность в себе, гранитным камнем возвышаясь надо мной весь день, каждый раз улетучивалась к ночи. И лишь алкоголь помогал забыть, не вернуть её, а именно забыть, о необходимости её иметь в принципе ночью. Уверенность. А утром, с лучами солнца, она вновь возвращалась ко мне, и я удивлялся своим ночным мыслям, как какому-то кинофильму, который каждый раз происходил не со мной. Я был твёрдо уверен, что на этот раз, сегодня, это не вернётся. Потом я понял, что ничто не приходило и не уходило, а моё самомнение было монетой, с одной стороны которой была уверенность, а с другой её отсутствие, и монета вращалась каждый день, следуя за Солнцем. С годами номинал монеты уменьшался, а потом я потерял её, и, выкидывая из головы мысли о прошлом, я стал тем, кем был сейчас. И сейчас я вспоминал тот день.

Лэндона хоронили в закрытом гробу. Мой старый друг пустил себе пулю в голову, и лучше было не смотреть на то, что от неё осталось. Люди в чёрных как смола костюмах и с напускной печалью на лице стояли, держа руки кто за спиной, кто вдоль брюк, а кто — опустив их, вложив одну ладонь в другую. Жизнь замерла в том месте, где она не протекала для многих уже давно, а для других — только с недавних пор. Тишина и шорох листьев, тихие возгласы птиц, склонённые головы людей, отдающих данность традиции. Когда-то им так само будут отдавать данность, если они проживут жизнь, не оставив в сердцах тех, кто их окружает тёплых воспоминаний, о которых можно было подумать с улыбкой и грустью. Лэндон Донован не удосуживался оставлять таких воспоминаний у людей, которые его окружали. И их круг уменьшался с каждым годом, а смерть он встретил и вовсе в одиночестве. Но он был человеком, который оставаясь сам, лишь крепчал, а замыкаясь в себе, черпал из этого силы. И смерть он встретил по своей воле.

В один день, когда я проиграл очень прибыльное и важное дело, Донован усмехнулся мне, как умел усмехаться, глядя в лицо тому, что другие считали неприятностью, а для него это было мелким недоразумением, преодоление которого было лишь вопросом желания и ресурсов. Он усмехнулся, глядя на то, как я разбит. Усмехнулся, потрепал меня по плечу и сказал:

— На этом жизнь не заканчивается, Томас.

— На этом жизнь не заканчивается, — со вздохом повторил я.

— Верно. Она заканчивается на чём-то другом. И никогда наверняка не знаешь на чём именно.

Но Лэндон стал одним из тех немногих, кто заранее узнал наверняка на чём закончится его жизнь. И священник читал проповедь, и читал молитву, и слова все эти срывались с его губ, потому что так было принято, и таковой была его работа. И люди в чёрных, как смола костюмах говорили речи, стоя над гробом, и речи их были мудрыми, красивыми и сладкими. Но не сладкими как спелый фрукт, а приторными как перебродивший виноград, потому что не были они искренними, а те, кто лил слезы, если таковые и были здесь, проливал их как выплескиваются капли из чашки с водой, которые вы проронили нечаянно, споткнувшись на ходу с чашкой в руках.

И пройдёт один час или два, и все эти люди сменят свои чёрные как смола костюмы, и сменят они выражения своих лиц, уберут свои маски неискреннего горя и наденут другие маски: притворства, слащавости и лицемерия, необходимые им в повседневной жизни, необходимые для взаимодействия друг с другом, и лишь вечером в своих домах они снимут и эти маски, а под ними у многих ничего и не окажется, лишь пустота, из которой будут зияющими холодом две провалены вместо глаз взирать на своих жен, мужей и детей, не даря ничего, кроме абсолютного ничего.

Но был один человек в толпе, и лишь над ним единственным сгущались настоящие чёрные тучи, а не облака-тени от чёрных как смола костюмов. Над ней. Диана не проронила ни слезы. Уже слишком много слёз было пролито ею, и скорее всего не осталось ни одной для этого дня. Но слёзы были ей не нужны. Они не были нужны и Donovanу. Они не были нужны никому. Её взгляд выражал скорбь. Так скорбел и Господь-Бог, наблюдая за тем, во что превратился с людской подачи прекрасный созданный им мир. Диана была бледной как туман, что опустится над этим кладбищем ранним утром на следующий день. Её глаза смотрели вперёд, не останавливаясь ни на чём конкретно, не останавливаясь даже на горизонте, и смотрели они дальше, и дальше, вперёд, огибая весь земной шар и дальше, возвращаясь в то место, откуда смотрели, упираясь ей же в спину. И смотрела она на себя саму. И видела себя как изваяние, созданное из песка, превращённого в стекло в жерле вулкана, в самом пекле, которым была жизнь.

Я смотрел на неё, и это была женщина, сильна как водная стихия, и неподвижна как морская гладь, которую не тревожит ни один порыв ветра, и черна, как море ночью, когда звёзды и луна спрятаны за облаками, а мрачные пучины не поведают вам ничего отом, какая здесь глубина, и что скрыто в ней. Она не говорила прощальную речь. Ни к чему. Лэндон уже слышал её прощальную речь, а теперь он был не способен слышать что-либо вообще. Она сказала ему всё два года назад. Сказала в лицо, любя его, но любя и себя, и не способная больше выносить то бремя, которое волокла на себе годы их брака, не способная больше любить за двоих, она осталась любить за одну себя. И она сказала ему всё в тот день, когда бумаги были подготовлены, а подписи поставлены, а рука, державшая печать, приложила её к бумагам и отёрнула, оставив мокрый след, выведенный в специальной форме, потому что у руки, сделавшей это, была такая работа — ставить печати на таких бумагах, после того как другие руки оставляли на них свои подписи. И Диана сказала всё Лэндону. А он слушал, и не говорил ни слова в ответ. Он слушал и не улыбался, но и не омрачался. Он просто слушал, потому что ему надо было её выслушать. Это всё, что он мог для неё сделать. И сегодня она не сказала ни слова. Он и так всё знал, до тех пор, пока был способен что-то знать. А когда он выстрелил себе в голову он перестал знать что-либо, потому что смерть была пиком незнания. Или знания, которое открывалось в миг её пришествия. Но по эту сторону грани никто не мог сказать наверняка.

Я смотрел на Диану, и она посмотрела на меня. Ничто на её лице не изменилось, ничто не изменилось в её взгляде, но было там то, что заставило меня отвести глаза. И больше я на неё не смотрел, пока говорились речи, пока читались проповеди.

А когда всё закончилось, гроб опустили в землю. Трисс Уикман, человек, которого на закате своей жизни Лэндон мог единственным назвать своим другом, кинул горсть земли. И замелькали лопаты, полетела земля, и вскоре лишь свежий грунт, утрамбованный и влажный, был на месте ямы. Люди в чёрных костюмах сотрясали друг другу руки, говорили какие-то слова, кивали, пожимали плечами и уходили. Диана стояла на том же месте. Люди говорили ей что-то, но она не носила маску, потому она не отвечала взаимными формальными любезностями. Они лишь окидывала людей взглядом и на этом всё.

Я поднял голову вверх, надо мной было ясное небо, светило солнце, и не шёл никакой дождь, даже он не хотел оплакивать Лэндона. А ему это было и не нужно. Однажды сидя на верхнем этаже высокого здания из стекла и бетона, в пентхаусе, которой был вершиной не только лишь небоскреба, но и нашей конторы, нашего совместного с Лэндоном успеха, он сказал мне одну фразу. Я не помню предпосылки и как наш разговор зашёл в ту степь, но Лэндон усмехнулся и сказал:

— Я не хочу, чтобы люди плакали после моей смерти. Пускай они делают это при моей жизни.

Я что-то ответил ему, а он ответил мне:

— И конечно я бы не хотел, чтобы после моей смерти мои враги просили у меня прощения. Пускай делают это пока я жив.

И мы с ним смеялись, ослеплённые собственной славой, увлечённые своим величием и одержимые желанием познать границы своего успеха. Границы оказались эластичными. Они могли как расширяться, так и сужаться, как показало время. И незадолго до сегодняшнего дня мы оказались не теми, кем хотели быть. Лэндон проводил время в своей конторе, успех которой был переменным, в сторону уменьшения с каждым месяцем, да там он и закончил свой путь, в конторе. А я сидел в кабинете здания Ассоциации и так же откусывал кусок за куском и наблюдал как хлеб мой уменьшается, а новый испечь мы не могли, потому что на смену пекарням пришли другие приспособления и изготавливали они пищу не для людей, а для роботов.

Я посмотрел вокруг, и ко мне пришла мысль, что Лэндон теперь ничем не отличался от своих соседей, новых, не шумных, которые не должны были доставлять беспокойства. Отличался только надписью на камне.

Я медленно пошёл в сторону Дианы. Она не подала виду, словно я и не приближался к ней, словно меня и не существовало. Я поравнялся с ней, посмотрел ей в лицо, но она не повернула свою голову. Тогда я встал рядом и смотрел туда же, куда смотрела она. По крайней мере в ту же сторону.

— Томас, — тихо проговорила она, и я не смог разобрать её тон.

Я не ответил. Мы молча стояли рядом.

— Я не люблю тебя, — сказав это, она повернула голову ко мне.

Я был выше её, и она смотрела снизу-вверх. Я заглянул в её глаза и увидел тень жалости. Жалости к себе? Жалости ко мне? Жалости к Лэндону? Или жалости к тому, что её слова были правдой?

— Я знаю, — ответил я.

— Ты всегда это знал, — края её губ сложились в едва отдалённом подобии, тени от

улыбки, разочарованной и скорбной.

— Да, — я не кивнул, просто смотрел ей в глаза и не видел там ничего, как и всегда. Цвет её глаз я тоже не видел.

— Лэндон не был хорошим человеком, — сказала она, отвернувшись, и вновь смотря прямо, я не ответил, и она продолжила, — но он и не старался им быть.

— Ты всё равно любила его, — проговорил я, а затем, спустя несколько мгновений добавил, — и любишь.

Она повернулась ко мне, на этот раз всем своим телом, сделала шаг навстречу и пространство между нами стало очень мало. Она протянула свою руку, прикоснулась к моей щеке, улыбнулась тёплой улыбкой и сказала:

— Береги себя, Томас. Всего тебе самого хорошего.

На секунду задержав свой взгляд, она развернулась и пошла прочь, а я остался стоять. Я посмотрел на камень, на котором была свежeweсеченная надпись: Лэндон Донован. И мой костюм был чёрным как смола.

Но ещё до того дня, после того, как Диана развелась с Донованом, мы встречались с ней несколько раз. Это всегда были спонтанные, незапланированные встречи. По крайней мере для неё незапланированные. Я строил планы о них задолго до того, как они происходили. Я приезжал к ней, и мы вместе занимались кое-какими делами, вместе проводили время, а затем вместе проводили ночи. Но я всегда уезжал наутро, и во взгляде её я видел, что возвращаться мне не следует. Я возвращался. Не сразу, а после длительного ожидания. Для меня оно было длительным, для неё — не думаю. И мы опять проводили время.

Однажды она сказала мне утром:

— Я не могу выносить то, как ты на меня смотришь.

— Как я на тебя смотрю?

— Так, как я не могу смотреть на тебя. И я знаю каково это, и не хочу, чтобы ты испытывал это.

— Я испытываю это сам, и испытываю это с тобой, так если в любом случае я испытываю это, пускай это будет с тобой.

— Нет, Томас, я не могу так.

— Диана, разве можно отвергать человека, который так любит тебя?

— Нельзя, Томас, я знаю, что нельзя, потому лучше уходи. Уходи сам.

Когда я ушёл, мы встретились в следующий раз только в день, когда мой костюм был чёрным, как смола. Когда Лэндон пустил себе пулю в голову, Диане не нужно было утешение, и я прекрасно знал это. Больше мы с ней не виделись до сегодняшнего дня.

Я всегда добивался того, что мне нужно. Ключевое слово «нужно». Не просто желал, хотел, мечтал, а лишь то, что было жизненно необходимо, без чего я обходился сейчас, но прекрасно понимал, что не смогу обойтись в будущем, и я добивался этого. Такое непреодолимое намерение шло из глубин моей души и было обязательным условием успеха. Минус состоял лишь в том, что себя нельзя было обмануть, и вызвать такое состояние умышленно ради вещей, целей или людей без которых я мог обойтись. Самообман придумали люди, которые не могли превратить свою руку в плавящий горную породу кулак, чтобы достать из неё сердце этой горы. Они придумали самообман, чтобы убеждать себя в том, что недоступное им и не нужно. Человеку трудно признать, нечто недоступным, а раз оно таковое, лучше пускай оно будет ненужным, тогда и не будет бессмысленного желания получить к нему доступ. Люди придумали самообман, чем и обманули сами себя. Тот же,

кто знает истинную силу своей воли, способной становиться законом для всего окружающего, и своего намерения, которое волной цунами сметает всё на своём пути, такой человек не способен провести себя вокруг пальца.

Я добился её и знал, что смогу сделать это снова. Я мог продумать сотни различных комбинаций, которые бы изменили обстановку вокруг Дианы, пласт её мира и наклонили его под таким углом, что она бы скатилась ко мне в руки. Но это была бы не она. Человек может потерять своё Я в кузнице жизни, когда молот обстоятельств бьёт по наковальне окружения, а между ними и лежит форма, которой является человек, личность. И вы можете управлять молотом, вы можете переключать форму из одной наковальни в другую, можете разжигать всё больше и больше огонь в печи, но что тогда вы получите? Форма изменит свой вид, и человек перестанет быть тем человеком, которого вы знали. И можно снять с себя ответственность за это, но, если вы достаточно умны, вы поймёте, что к чему. Форма обретёт другой вид и станет другой Я. Которого выковали вы.

Мне было под силу выбирать кузницы, я был умелым манипулятором, я мог бы разыграть всё так, как мне нужно, включая часть своего мозга, отвечающую за самые изощрённые хитросплетения сотканной паутины череды обстоятельств и событий, в которых человек запутывается, становится пленён и скован в той мере, в которой вы затягиваете путы окружающего его мира. Так я всегда и поступал. И если уже говорить о женщинах, я поступал так со всеми женщинами, которые у меня были, и мне не приходилось прилагать усилий, которые прилагают другие мужчины. Мои усилия были другими, сложнее и запутаннее, чем принято, но от того более интересные и увлекательные. Но я хотел, чтобы всё, что сделала или будет делать Диана было добровольно. И не чтобы лишь она считала, что поступки руководятся её волей, а на деле они уже были предрешены. Нет. Я не хотел вести с ней свою игру. Мне нужна была она, каковой она есть. Другого мне было не нужно. Но нужна ли она мне была теперь, сегодня, по-настоящему? Я не мог ответить на этот вопрос уже много лет.

Если вы думаете о чём-то одном много лет, не забываете ли вы со временем почему вы начали об этом думать? Мысль входит в привычку, из скромного гостя превращаясь в хозяина, и вы не замечаете этот вялотекущий момент, когда одно становится другим. Не думаете ли вы теперь эту мысль лишь потому, что она уже живёт у вас в голове, а не потому что вы хотите её думать? Можете ли вы не думать об этом? И если не можете, то потому, что это вам, изменившемуся с тех пор, как впервые эта мысль занырнула в ваши раздумья, до сих пор нужно её думать, или потому что эта мысль стала как вредной привычкой, и пройдя с вами сквозь годы плечом о плечо, так же изменилась, вместе с вами? И теперь она не похожа на себя первоначальную, хотя вы скорее всего этого никогда не поймёте.

После каждого события в жизни, а жизнь это и есть непрерывное движение живого существа, по материи, которую мозг этого существа именуется событиями, мелкими и значительными, человек меняется. Человек — это мешок, в который он сам расфасовывает свои решения после каждого события. Каждое решение придает мешку форму, вес, объем, внешний вид. Что-то уходит на его дно, что-то не способное пролезть, остается на самом верху, мешая засунуть внутрь другие вещи, что-то выпирает справа посередине, а что-то острое, по ошибке запихнутое внутрь может и разорвать ткань этого мешка. Вот так мешки, именуемые людьми, и копошатся по жизни, как муравьи в муравейнике, а некоторые как личинки в навозе. Время от времени мешки показывают содержимое друг другу, и бывает, обмениваются им, по своей воле, против неё или и вовсе случайно. Но к сожалению, чаще

всего, вам встречаются мешки с дерьмом, и хорошо, если они движутся к земле, которую удобряют, принеся единственную возможную пользу этому миру, на которую способны. Даже от дерьма есть польза, и мне весьма жаль, что мы об этом в курсе. Что нам приходится об этом узнавать, каждому в своё время. Но с другой стороны, это доказывает, что из всего можно извлечь выгоду.

Я извлекал пользу из всего, что было в моей жизни. Но никак не мог её извлечь для себя из той части жизни, где существовала Диана. С ней единственной я не был Томасом Томпсоном, которым был всегда. С ней я был кем-то другим, слабее, беспомощнее. Я казался себе слизнякам, потому что у слизняков нет хребта, и был себе противен. Я панически боялся снова становится тем Томпсоном, которого видела она. Годы, что она была рядом, хоть и далеко, я жил двумя жизнями. В одной я был Томасом Томпсоном, которым был и сейчас, а в другой, жизни, которая приключалась со мной иногда раз в неделю, иногда раз в несколько месяцев, я становился мальчиком. Вспоминая то время, я помнил, что уверенность в себе легко потерять, так же легко, как заглянуть в глаза, цвет которых ты всё никак не можешь рассмотреть. И потому я был рад, что уже давно её не встречал. Мальчиком мне становится не хотелось.

Мои мать и отец были простыми людьми. Отец немного проще. Однажды, когда я был мал, отец взял меня за руку, и мы поехали на рыбалку. Мы рыбачили весь день с переменным успехом, а поскольку я ребёнком, впрочем, как и взрослым, не был заядлым любителем рыбалки, то день тот тянулся для меня изрядно долго.

И вот настал момент, когда отец посмотрел на меня долгим взглядом, и взгляд этот был подобен всем тем взглядам отцов, когда несколько мгновений спустя они говорят «Запомни, сын» и далее следует череда непостижимых детскому уму мудростей, прожжённых опытом целой Вселенной, которые навсегда врезаются в детскую память, на разгадку и осознание которых уходят затем долгие годы жизни для сына, а когда они наконец разгаданы, и их правдивость подкреплена собственным опытом, как правило — не самым приятным, они становятся кредо по жизни. И затем в очень подходящие и уместные моменты, выросший сын, затягиваясь сигаретой, выпуская густой дым, прищурившись и сделав серьезное выражение лица, говорит своему собеседнику:

«Знаешь, мой старик однажды сказал мне...».

И собеседник слушает завороченно, внимает эти слова, как первые люди внимали, что говорил им Моисей, открывая заповеди Господни. Собеседник так слушает, потому что ничей «старик» глупости сказать не может, если её повторяет сын спустя годы, да ещё при таком подходящем для этого моменте.

Но в тот день, на рыбалке, отец посмотрел на меня тем взглядом, задумчивым, колеблющимся, и спросил:

«Хочешь пива? Пора стать мужчиной, но маме ни слова...».

Да, отец мой был пьяницей, и мать ушла от него, но не только по этой причине. Причин она насобираала целый чемодан, который я тащил за ней вслед, а он ударялся об каждую ступеньку, когда мы спускались по лестнице, а отец, стоя в дверях, в алкогольном угаре что-то кричал в наши спины, и напоследок, кинул в нас пустую бутылку из-под бренди, которая очертив дугу кульминации всего на свете, с громким визгом разбилась о стену, одним пролётом лестницы выше. И вместе с той бутылкой разбились мои представления о семье. Но я упрям, и захотел их собрать снова, неся те осколки с детских лет, ожидая подходящего момента, чтобы склеить их.

В этих попытках меня угораздило скоропостижно жениться, когда я ещё был никем. Давно, до учебы в университете. Я влюбился, да и она вроде в меня, и мы поженились, ни имея почти ни цента в кармане. Можно сказать, что у меня даже карманов не было, чтобы там мелочь звенела. Но я начал стараться. Процесс этого старания, не сказать, что был медленным, но и быстрым не назовёшь. Всё шло своим чередом, а ей нужно было ускорение. В нашем браке оказался брак, заводской. Тот, который был изначально, но вы не обратили на него внимания, а когда заметили, то срок обмена бракованной вещи, к сожалению, уже истёк. И вам надо решать — жить с такой-вот вещью, при создании которой произошла роковая ошибка у производителя, и вещь не получилась какой её задумывали, или попытаться исправить самостоятельно, или же и вовсе избавиться от неё.

Она считала себя королевой. Такой считал её и я. Но как оказалось немного позже, мы оба заблуждались. Королевы уходят гордо и настолько красиво, что ты даже получаешь удовольствие, наблюдая за этим, и хочешь её вернуть хотя бы уже потому, что мечтаешь увидеть снова эту красоту при её уходе. А она ушла некрасиво. Не грациозной походкой, а переваливаясь из стороны в сторону. Как мышь, убегая, и по пути хватая своими маленькими лапками всё подряд, что лежит на её пути, как заядлый курильщик, который вознамерился пробежать полный марафон наравне с профессиональными спортсменами, спотыкаясь и задыхаясь на каждом шагу, но упрямо, как бык на красную тряпку, двигаясь вперёд. Она уходила как уходят дезертиры с поля боя, одновременно становясь мародерами и пытаясь хоть что-то достать из дымящихся развалин домов, хоть что-то ценное, переступая через трупы бывших обитателей, жизни которых унесла война.

Душа королевы слишком широка для мелких пакостей, её подбородок поднят высоко, чтобы даже увидеть возможность творить низкие вещи. А она оказалась мелочной, хотя метила очень по-крупному. Но можно метить по-разному: как орёл метит в цель, заметив её своим зорким взглядом вдалеке, или как дворняга метит каждое дерево, считая таким образом, что оно теперь её. Она так уходила, а я ничего не делал. Спокойно наблюдал. И это её злило. Ведь она уходила к хирургу, руки которого, как руки Святого Пантелеймона, могли исцелить любого, только не святым эфиром, а с помощью скальпеля, а кошелек которого расходился по швам, ведь когда его шили, то не предусмотрели, что у обладателя будет столько купюр. И она думала, что так унижит меня, ведь королева ушла от простолюдина к принцу. Хотя хрен его, что она там себе думала. Я спокойно стоял и ничего не сказал. Я был ещё мальчиком, и уста мои не умели тогда так плевать ядом, как сейчас. Немного позже в те моменты, когда я вёл в голове воображаемые разговоры с ней, упрекая, язвя и так далее, в те моменты я искал идеальных прощальных слов для неё, идеального напутствия. И вот однажды я нашёл его, и больше с тех пор не вёл с ней бесед у себя в голове. Давно кстати прошли времена, когда я вёл с кем-либо подобные беседы, давно уже я говорю то, что нужно вовремя, а не задним числом. Так вот, тот последний диалог (монолог у меня в голове, если быть точным) был такой:

«Когда будешь одна сидеть на своей кровати, свесив ноги вниз, разложи вокруг себя купюры, чтобы не чувствовать себя одинокой, поговори с ними, улыбнись им, чтобы подтвердить сама себе, что не впустую потратила свою жизнь, чтобы не назвать её никчёмной». Правда тогда я всё ещё был мальчиком.

Потом я поступил в Гарвард. А затем и вовсе забыл о ней. Потом была моя жизнь, которая привела меня к той точке, где я сегодня стоял в испачканном костюме, прожжённой рубашке, и жалел, что встретил Диану, что вновь всколыхнулось мутное дно во мне, весь ил

поднялся наружу, вместе с грязью и ошмётками от того, что я зарыл в песчаном дне. Оно поднялось назло тому, что я всё время всеми усилиями пытался сохранить воду чистой, выбирая по песчинке и успокаивая гладь. Я был зол, что встретил её. И я был рад, что встретил её. Но больше, конечно же, зол. Долгое время ты все свои силы, которые у тебя только есть, тратишь на то, чтобы заглушить в себе любые мысли, связанные с ней, чтобы перестать возвращаться своим внутренним взором к чертам её лица и её мимике, жестике, и у тебя это выходит, с кровопролитными боями, с огромными потерями, но с горем-пополам, у тебя это выходит, а потом ты случайно встречаешь её. И все твои усилия насмарку, все рубежи, которые ты внутри себя отвоёвывал, вновь сданы врагу, и ты покидаешь назад каждый метр фронта, который ты сдвигал с усилиями Сизифа, и вновь территории внутри тебя не подвластны тебе, и вновь поселяется на них твой враг, который своими пальцами будет перебирать каждый нерв твоего тела, проверяя насколько высок твой болевой порог. И ты остаёшься один наедине со своим противником, и он, вновь обретя могущество, почувствовав, что ты дал слабину, сковывает тебя по рукам и ногам, привязывает ко стулу, включает яркую лампу над твоей головой и начинает свой зловещий процесс пытки. И методы его дьявольские и действует он изопрённо, и ты не знаешь, как положить этому конец, потому что не знаешь, чего он хочет добиться своей пыткой. А ему ничего и не нужно, и пытка эта ради пытки, и боль ради боли. Но затем ты вспоминаешь, как справиться, потому что это уже с тобой было. И ты вновь начинаешь скрепя зубами пытаться вынести всё это, терпишь до того момента, пока пытка и боль перестают быть инородными телами, вторгшимися в тебя, а становятся тобою. Ждёшь момента, когда они перестают быть твоими незваными гостями, теряют бдительность и поселяются в твоём теле как хозяева. Но хозяин твоего всего — это ты. И когда они становятся тобой, ты можешь наконец взять над ними контроль, ты можешь их заглушить, ты можешь разорвать скованные путы на руках и ногах и вырваться из плена твоего врага, а затем вновь начать продвижение вперёд, отвоёвывая у него свои территории, чтобы принести на них мир и спокойствие. Но до этого момента, нужно вытерпеть тот поединок, что начинается внутри тебя.

Я посмотрел на газету с лицом Шермана. Бумага сморщилась от кофе, пролитого на неё, краска изменила цвет и в этот момент мне было всё равно, что же случилось со Скоттом Шерманом, зачем он расшиб голову об стену, и почему это произошло. Мне было всё равно, что тоже самое могло в перспективе произойти и со мной.

10 февраля 2017 года

Лэндон Донован проводил до выхода своего клиента, австралийского учёного, чью новаторскую идею пытались присвоить мошенники, и чьи деньги намеревался присвоить Донован, за то, чтобы мошенники не присвоили себе его новаторскую идею. Он пожал клиенту руку, уверенным тоном сказал прощальные слова, которые поселили в душе австралийского учёного спокойствие и уверенность в завтрашнем дне, и закрыл за ним дверь. Уже был поздний час, на улице давно стемнело, и в конторе не осталось работников. И не осталось их не потому что рабочий день окончился — они уходили с работы тогда, когда им это позволял Донован, словно зажиточный плантатор, распоряжаясь временем и трудом своих батраков. Но сегодня их не было потому, что Лэндону нужно было остаться

наедине. Он прошёл к кофе машине, заварил себе чашку крепкого напитка и уселся в кресло. Правой рукой он подвинул к себе телефон и набрал номер по памяти. Пошли гудки. На том конце трубки ответили. Это был Тим Кэнвуд. Серийный убийца, маньяк и просто ненормальный, у которого было не в порядке с головой, с психикой и вообще со всем тем, что делает людей людьми.

— Алло.

— Тим, здравствуй.

— Ооо! Мистер адвокат! — голос Кэнвуда моментально преобразился и теперь был радостным, как у ребёнка, которому позвонил отец, служащий в армии и два года не видящий ни дома, ни семьи, — рад вас слышать снова.

— Рад? — усмехнулся Донован.

— Конечно, потому что каждый ваш звонок передует нашему совместному веселью. Вы бы знали, как я жду, когда же наконец зазвонит телефон, что вы дали мне, и я услышу голос мистера адвоката. Можно сказать, я живу этим ожиданием.

— Разумеется, Тим.

— Мы выходим на охоту?

— Да.

— А кто цель? Надеюсь не хуже предыдущих?

— Конечно нет. Ещё лучше. Блондинка. Рост метр семьдесят один. Третий размер груди. Скромная, хороша собой, кожа нежная, молочная и ароматная.

— Студентка?

— Само собой.

— Я очень рад, мистер адвокат. Честно.

— Не сомневаюсь.

— Вы всё уже продумали?

— Иначе мы бы не разговаривали, Тим. Будь готов завтра к семи.

— Я возьму фургон.

— Да, и проверь, чтобы в нём завтра ничего не сломалось.

— Он у меня постоянно наготове! Это самый исправный фургон в стране, — он засмеялся дурным смехом.

— Отлично, Тим, до скорого, — Лэндон повесил трубку, откинулся на спинку кресла, закинул ноги на стол и отхлебнул кофе из чашки.

07 октября 2013 года

Стефан Серафим стоял у окна и наблюдал, как дождь посылал свои иглы, под острым углом врезающиеся в стекло, бомбардировавшие его, пытаясь разбить, пробить и ворваться внутрь, чтобы сокрушить всё вокруг, но безуспешно. Расшибаясь об окно, они превращались в капли, которые и здесь сливались вместе в единое целое, и стремительными потоками бежали по стеклу вниз, преобразуясь в бурные высокогорные реки на карнизе, спадающие с высоты к земле. На улице бушевала буря, какой не было уже давно, словно вновь наступал Великий Потоп, и глупцам, которые не поверили в него, не построили Ковчег, теперь оставалось лишь стоять и наблюдать, как небо низвергается водой, заполняющей улицы и дороги, поднимаясь выше и выше. Вспышки грозы выхватывали высокую фигуру Стефана

Серафима из темноты. И во время этих вспышек тень от бесчисленного количества дождевых капель за окном, устилала его лицо. В комнате не горел свет, и в редких промежутках между молниями, внутри царил темнота. И темнота эта была заполнена шумом дождя, потому что ни окна, ни стены, сдерживая сам дождь, не могли сдержать его звуков, словно тысячи телевизоров включили одновременно, но все они сломаны, и неполадка выражается в эфирном шуме, который они издают в унисон. В окна ударялись листья, ветки и мусор, поднятый вверх, словно ветер презирал людей, бросая им вызов, спрашивая: «Кто вы такие, без своих бетонных коробок, за которыми прячетесь?». И Серафим стоял у окна и смотрел в него с таким видом, будто всё происходящее снаружи было его великим замыслом, согласно его воле, результатом его желаний.

Серафим стоял спиной к своему собеседнику, который терпеливо ждал, не смея нарушать царившее положение вещей в котором была буря в тишине, темнота во вспышках грозы и раздумья Стефана Серафима в его взгляде вдаль, и казалось, что так должно было быть с самого начала, со времён, когда в книгу мировых событий записывалось всё, что должно было произойти и случиться. И когда время пришло, ножницы голоса разрезали плотную материю тишины и шума, и голос показался громким:

— Овца отбилась от стада, и возвращаться не намерена, — проговорил Стефан, не поворачиваясь.

Собеседник молчал.

— Мальчик, — продолжил Стефан, — знаешь, что раньше делали с такими овцами?

— Нет.

— Использовали их дальше. Ведь они — это был хлеб людей, которые их пасли. А наша овца тем более, особенная, она смотрит в будущее и видит, как его можно изменить. Считает, что оно в её власти.

— А как на самом деле? — собеседник стоял неподвижно, голос его был заинтересованным.

— А будущее в нашей власти, мальчик, мы пастухи этого стада. Дастин Купер бежал. Дастин Купер осознал свои грехи и теперь пытается замолить их.

— Это он считает, что поступал неправильно, — заметил собеседник.

— Да, но понимание двигает его вперёд. Дастин сейчас создаёт нечто потрясающее. Используя все знания, полученные у нас, он пытается направить их во благо, он так убеждён. Ты знаешь, чем отличается убеждение от заблуждения?

— Скажи мне.

— Убеждение основывается на чём-то оправданном, на определённой истине, имеет опору, на которой и держится. Без основы — это заблуждение. Что то, что другое — крайности. Нельзя быть убеждённым частично, или заблуждаться отчасти.

— И к какой из этих двух крайностей ты причислишь Дастина?

— Сам решай. Он делает работа.

— В этом есть что-то особенное?

— Не таких роботов. Его робот сможет войти в зал суда и заменить судью, заменить адвоката, заменить прокурора. Я вижу, что Куперу под силу создать идеального работающего юриста. Он думает, что польза, которую этот робот принесёт, способна уменьшить его грехи. Он хочет, чтобы робот его служил обществу, тем самым искупив вину самого Купера.

— А что ты скажешь на это? — собеседник скрестил руки на груди.

— Я скажу, — протянул Стефан Серафим, поворачиваясь, и в этот момент зарево

молнии выхватило его лицо, злое и ужасное, из темноты, как само воплощение этой темноты, или тьмы, если быть вернее, какой её описывают в самых жутких романах и показывают в наиболее пугающих фильмах, когда у зрителя идут мурашки по коже, а женщины прижимаются поближе к мужчинам в залах кинотеатров, — я скажу, что через такого робота, через роботов, к созданию которых близок Купер, мы сможем заставить всё общество служить нам, не принуждая к этому силой.

— И как ты хочешь это сделать?

— Мы хотим сделать, мальчик, — поправил собеседника Стефан Серафим, — есть один подходящий человек, хотя он и сам ещё не знает, насколько он подходящий, но и знать это он не должен. Нельзя давать людям понимать, что они подходящие для чего-либо, если это что-либо должно служить твоим интересам, запомни, мальчик. Человека зовут Стиннер. Я передам тебе папку. Ты познакомишься со Стиннером, войдёшь к нему в доверие, и когда будет верный момент, а ты всегда чувствуешь такие моменты, ты передашь папку Стиннеру. И Стиннер с этой папкой сможет завладеть всем тем, над чем трудится день и ночь Купер.

— Купер думал, что сможет уйти от нас и работать на себя.

— Да, он так думал, но он всегда будет работать на нас, даже сам того не понимая. От нас нельзя уйти, мальчик. Даже путь на тот свет не является верным способом. У Купера не будет выбора, как передать всю свою работу Стиннеру. Тот станет новатором в глазах всего мира. Создаст организацию, которая со временем будет обречена стать мировой корпорацией. А взамен нам нужна его лояльность. Не мне, обо мне он знать не должен. Тебе.

— Я выполню.

— Да, мой мальчик, сделай это.

Стефан Серафим вновь повернулся к окну, а его собеседник вышел, цокая каблуками своих туфель по деревянному полу. Стефан Серафим остался наедине с бурей. Она всё разрасталась и становилась сильнее, рокотала, намереваясь порвать весь мир в клочья. Стефан Серафим улыбнулся. Вновь сверкнула молния, но она не осветила его улыбку. Потому что ничто не могло осветить такую улыбку.

21 сентября 2028 года

Дастин Купер открыл дверь, и прежде чем выйти, надел солнцезащитные очки. Под ботинками захрустели мелкие камни и куски засохшей земли. Почва вся была в глубоких трещинах от беспощадно палящего солнца. Кое-где пробивались сухие кусты. Горизонт устилала дымка.

Купер расставил ноги, скрестил руки на груди и принялся всматриваться вдаль. Вскоре на лбу выступила испарина, а футболка стала мокрой от пота и прилипла к спине.

Вдалеке что-то показалось. Вначале как маленькая точка, она постепенно увеличивалась, и стало возможным разглядеть силуэт. Это был человек. Он бежал со всех сил, быстро приближаясь.

Купер удовлетворённо кивнул сам себе, развернулся и направился обратно к двери, с которой вышел. Дом представлял собой небольших размеров кирпичную коробку. Пройдя по коридору, Дастин проследовал в дальнюю комнату, открыл дверь в ванную, за которой

оказалась не душевая, а винтовая лестница вниз. Купер принялся спускаться. Длительный спуск вывел его в обширные помещения, разглядеть которые не представлялось возможным, из-за отсутствия в них достаточного количества света. Но посреди помещения горели лампы, встроенные в потолок, освещая вход в комнату со стеклянными стенами. Купер зашёл внутрь. Здесь было несколько столов, шкафы, полки, компьютеры и прочее, что представляло ценность для рабочего места.

За одним из столов сидел мужчина лет тридцати. Его кожа была болезненно бледной. Лицо правильной овальной формы. Без волос на голове. На нём была чистая и выглаженная светло-голубая рубашка с длинным рукавом и брюки того же цвета. На ногах — белые туфли.

— Пророк вернулся, — с порога сказал Купер.

Сидевший не ответил, лишь повёл голову в сторону Дастина, но по выражению его лица или взгляду было трудно судить о его мыслях. Послышался топот со стороны винтовой лестницы. По ней быстро, насколько позволяли ноги и устройство лестницы, сбегал мужчина. Оказавшись внизу, он, не сбавляя темп, в прямом смысле забежал в стеклянную комнату и резко остановился возле Купера, который предусмотрительно отошёл от входа. Несмотря на то, что человек бежал всё это время, на нём не было ни капли пота, он не хватал ртом воздух, а стоял неподвижно, как вкопанный.

— Пророк, — вместо приветствия сказал сидящий за столом.

Купер медленно прошёл вглубь комнаты, уселся на стул на колёсиках, и скрестив руки на груди обратился к прибывшему:

— Можешь начинать.

— Я не выходил на связь: была возможность угрозы, — ответил тот, кого называли Пророком, — вместо ожидаемого к точке сбора прибыли роботы и Фрэнк Солдберг. Мне удалось уйти от Капитана Дигнана и Аменда.

— Какова вероятность, что они разоблачили тебя? — спросил Купер.

— Вероятность девяносто семь процентов. Но операцию нельзя назвать абсолютно провальной. Я был наедине с Фрэнком Солдбергом небольшой промежуток времени.

— Кем ты представился ему? — продолжал задавать вопросы Купер.

— Сенатором Коршем. Исходя из моих реплик и его ответов, я вычислил, что сенатор жив, и незадолго до этого он тайно встречался с Фрэнком.

— Хорошо. Составь для меня детальный отчёт.

Пророк, не сказав ни слова, развернулся и уже спокойным размеренным шагом ушёл, скрывшись во тьме, царившей в пространстве помещений вокруг стеклянной комнаты.

— Сенатор Корш жив, — сказал мужчина, сидевший за столом.

Дастин Купер крутанулся вокруг своей оси на колёсиках стула, и, оттолкнувшись от пола ногами, проехал несколько метров, оказавшись напротив собеседника. Лицо Купера оставалось серьёзным, но было в нём что-то торжественное, как и в его голосе, когда он сказал:

— Да, Симон, он жив. Значит, он действительно инсценировал свою смерть. Организация перешла к активным действиям. Теперь необходимо понять знает ли об этом Justice-Tech. Пора начинать и нам.

— Я ждал этого долгие годы, отец, с тех пор как оказался отключён.

— Четыре года, Симон, четыре года. Вскоре мы вновь подключим тебя к «Нор». Пришло время вновь заявить о себе.

25 мая 2023 года.

За две минуты до смерти Лэндона Донована.

Лэндон Донован сидел в своём кресле, закинув ноги на рабочий стол. Столько проблем навалилось на него, что легче всего было не думать о них, не думать о будущем, а просто посидеть молча, ни о чём не беспокоясь, ничего не делая. Слишком много всего произошло за последние дни, и ему нужна была небольшая передышка. Он заварил себе кофе. Вкусный, ароматный напиток. Наслаждение его вкусом позволяло на мгновения забыть обо всём вокруг. Он неспешно пил кофе, а как закончит — заварит ещё один.

Ручка входной двери его конторы повернулась. Он забыл закрыть дверь, когда входил сегодня утром. Лэндон не ждал посетителей в это время. Даже если у него были назначены какие-то встречи, он никого всё равно не хотел видеть сейчас. Кто бы это ни был: будь то даже новый клиент-миллионер, готовый выложить всё своё состояние за пять минут беседы с ним, он был готов отказаться и послать его в другую контору. К своему приятелю, например. В данный момент единственное, чего он хотел — это тишины и спокойствия. Донован уже было открыл рот, чтобы сказать, что пока что и в обозримом будущем он никого не принимает, как опешил.

На пороге стоял Лэндон Донован. На секунду сидящему в кресле Лэндону показалось, что он сошёл с ума. Вслед за Стивом Макмареном, вслед за Эдгаром Льюисом, вслед за Директором Стиннером и всеми, кого он знал. Ему показалось, что весь мир сошёл с ума и, чтобы Донован не выбивался из общей картины, ему тоже пришлось сойти с ума. И вошедший Лэндон Донован тоже сошёл с ума.

Это ведь невозможно! Уму непостижимо. Может, это он и зашёл в свою контору только сейчас, а вовсе не сидел в своём кресле? Хотя нет, он до сих пор в нём сидит и смотрит на самого себя, как в отражении.

— Паршивый у тебя видок, — сказал вошедший Лэндон.

Паршивый? У тебя? У кого из них? Лэндон осознал, что до сих пор не сменил свою одежду, в которой он перекапывал двор Стива Макмарена утром, его брюки были порваны и от него разлило потом. Одежда — это такая мелочь, он даже не подумал о ней.

— Ты робот, — выдохнул сидевший Лэндон, после чего подскочил, схватив со стола револьвер.

— Нет, дружок, я не робот, — спокойным тоном проговорил вошедший Лэндон, и, не смотря на наставленное на него оружие, сделал несколько шагов вперёд.

— Я тебя застрелю, ублюдок! Ты пришёл по мою душу?

— У тебя её нет, — невозмутимо и так же спокойно сказал второй Донован и продолжил неторопливо надвигаться на первого.

Тот сжал губы. Выдохнул. Нажал на курок. Раздался хлопок выстрела. Но пуля словно не попала в надвигающегося на него двойника.

— Ты помнишь, когда в последний раз брал в руки это оружие? Ты помнишь, как тебе его подарили? Помнишь, как выстрелил из него впервые? — говорил двойник, замедлив шаг, оставив между ними расстояние в десять метров.

Донован непонимающе смотрел на свою точную копию, и выстрелил ещё три раза подряд. Три хлопка, но только дым от стрельбы поднялся к потолку, а двойник стоял там же, где стоял. В нём не было ни одной дырки, ни одной царапины. Куда девались пули?

— Ты вообще помнишь, как звучит выстрел из этого оружия?

С пистолетом было что-то не так. В нём были холостые патроны, понял Донован.

— Я тебе напомню, — сказав, двойник невозмутимо достал такой же самый револьвер, точную копию, какой был и сам, медленно поднял оружие в руке, наведя на Донована и спустил курок.

Раздался оглушительный грохот выстрела, каким обладали лишь револьверы марки Кольт. Пуля вышибла Доновану мозги, которые вылетели из его черепной коробки и забрызгали собой стол и стену позади. Тело с грохотом повалилось навзничь. Донован-двойник подошёл к мёртвому Доновану и достал у него из рук револьвер с холостыми патронами, вложив обратно в руку свой, которым и убил его.

— Всё кончено, дорогой мой, эксперимент завершён. Пришло время воплощать задумки в жизнь.

Он осмотрел контору словно место, которое принадлежало ему, но в котором он очень давно не был. Подошёл к кофейной машине, заварил чашку кофе, на скорую руку опустошил её и вышел, захлопнув за собой дверь.

Больше книг на сайте — Knigoed.net